

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

ЛЮДИ И ТЕКСТЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ.

Исторические источники
в социальном измерении

Москва
2011

УДК-937

ББК 63.3
И 937

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент РГГУ О.В. Ауоров;
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ
РАН О.И. Тогоева

Люди и тексты. Исторический альманах. Исторический источник в социальном измерении.

Редколлегия:

д.и.н. М.П. Айзенштат, д.и.н. М.С.Бобкова (отв. ред.), к.и.н. И.М.
Никольский, к.и.н. С.Г. Мереминский, к.и.н. А.И. Сидоров

Сборник является своеобразным итогом работы научного семинара «Люди и тексты», который уже на протяжении пяти лет проводится Центром истории исторического знания ИВИ РАН. В центре внимания представленных исследований находится сложный комплекс проблем, связанных со взаимоотношениями автора, текста и аудитории (как той, на которую ориентировался сам автор, так и позднейшей). В контексте подобного восприятия текст (историческое сочинение, житие, памятник права и др.) предстает как сложное коммуникативное явление, не только отражающее, но и преобразующее окружающую реальность. Издание предназначено для специалистов-историков, студентов и всех, кто интересуется историей.

The book is a unique result of the work of the scholar seminar “People and texts”, held for the last five years by the Center for the History of historical knowledge of the Institute of World History, RAS. Presented contributions focus on a complicated set of problems related to the relationship of the author, the text and the audience (both expected by by the author, and later). In the context of this perception different a text (piece of historical writing, saint’s life, legal monument, ets) appear as a complex communicative phenomenon that not only reflects, but also transforms the surrounding reality. The publication may be of interest for specialists, academic historians, students and anyone interested in history.

ISBN 5–94067–342–2

© М.С. Бобкова

© Институт всеобщей истории РАН, 2011

Содержание

<i>М.С. Бобкова.</i> История исторической мысли: люди и тексты...9	
<i>Ю.Я. Вин.</i> Диалог социального и культурного в информационном исследовании византийских источников: понятийно-терминологический аспект как проблема исторического познания.....54	
<i>А.И. Сидоров.</i> Каролингские библиотеки: к вопросу о книжной культуре у франков.....110	
<i>И.С. Филиппов.</i> Анналы Сен-Виктор-де-Марсель.....140	
<i>З.Ю. Метлицкая.</i> Смерть героя или убийство святого: архиепископ Эльфхеах в историографии и агиографии.....159	
<i>Т.В. Гимон.</i> Пометы в рукописях Новгородской I летописи...179	
<i>С.Г. Мереминский.</i> Арки и колонны в пространстве средневековой рукописи: возможные контексты и функции.. 205	
<i>П.Ш. Габдрахманов.</i> «Открытая книга» или «Книга за семью печатями»? Загадки кодекса К 2556 (регистр алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII века)..... 228	
<i>Н.И. Девятайкина.</i> Два лика одного трактата: диалоги ренессансного гуманиста Петрарки и эпиграфы к ним реформационного автора.....287	
<i>М.Г. Логутова.</i> Реалии книжной культуры средневековой Германии (по записям в рукописях Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург)..... 305	
<i>А.П. Черных.</i> Гербовник как исторический текст.....331	
<i>Айзенштат М.П.</i> Переписка как источник изучения Новой истории Британии.....348	

Contents

Marina S. Bobkova. The History of Historical Thought : People and Texts

Yury Y. Vin. The Dialogue of Social and Cultural Issues in Information Studies of Byzantine Sources : Conceptual and Terminological Aspect as a Problem of the Historical Knowledge

Alexander I. Sidorov. Carolingian Library: On the Book Culture of Franks

Zoya Yu. Metlitskaya. Death of a Hero, or a Triumph of Saint: Archbishop Elfheah in historiography and hagiography

Igor S. Filippov
Annals of St. Victor De Marseille: History of a Text

Timofey V. Gimon. Notes and marks in the manuscripts of the First Novgorodian Chronicle

Stanislav G. Mereminsky. Arches and columns in layout of medieval manuscripts: some possible contexts and functions

Pavel Sh. Gabdrakhmanov. “Open Book” or “Sealed book”?
Mysteries of Codex No. 2556 (Register of Altat Tributaries of the Abbey of St . Peter in Ghent of the Thirteenth Century)

Nina I. Devyataykina. Two Faces of One Treatise: Dialogues by Renaissance Humanist Petrarch, and Their Epigraphs by a Reformation Author

Margarita G. Logutova. The Realities of the Book Culture of Medieval Germany (on material of readers’ notes in manuscripts of the Russian National Library, St. Petersburg)

Alexander P. Chernyh. Roll of Arms as a Historical Text

Marina P. Aizenshtat. Correspondence as a Source of Study of Modern British History

М.С. Бобкова

История исторической мысли: люди и тексты

Аннотация: Автор обосновывает историю исторического знания как самостоятельное направление исторической науки. Анализирует отечественную традицию становления этого направления. Определяет ключевые проблемы изучения этого направления, его методологию и научный инструментарий.

Ключевые слова: история исторического знания, историческое сознание, историческое познание, история исторической науки.

Об авторе: Бобкова Марина Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. bobkova_marina@list.ru.

Marina S. Bobkova

The History of Historical Thought: People and Texts

Abstract: The author postulates the history of historical knowledge as a self-standing branch of academic history. She analyzes the domestic tradition and formation of this trend, as well as provides key problems of the study of this trend, its methodology, and scholar apparatus.

Keywords: history of historical knowledge, historical thought, historical knowledge, historical consciousness, history of academic history.

About the author: Bobkova Marina Stanislavovna, Doctor of History, Chief Researcher, Head of the Center for the History of Historical Knowledge, Institute of World History, Russian Academy of Science. 119334, Moscow, Leninskiy prospect, 32-A. bobkova_marina@list.ru.

В связи с целым рядом новейших тенденций в современном гуманитарном знании и на фоне продолжающегося кризиса мировой исторической науки, связанного с лингвистическим поворотом, постмодернистским и неопозитивистским вызовом, сейчас

уделяется большее внимание дисциплинарной истории и шире – изучению исторического сознания разных эпох и стран. В восприятии отечественного исторического сообщества зарубежная историческая мысль довольно долго занимала далеко не лидирующее положение в сравнении с изучением наследия отечественных историков¹. Это вполне

---

¹ Изучение наследия отечественных историков имеет довольно давнюю и большую традицию как в деятельности РАН, так и в российских университетах, многие из которых сегодня стали своеобразными научными центрами историографических исследований. В развитии этого направления значительную роль сыграл Научный совет «История исторической науки» при Отделении исторических наук АН СССР, который был создан 1958 г. по инициативе В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова и М.В. Нечкиной. Совет вел большую работу по организации и координации историографической деятельности. Главными направлениями деятельности Совета являлись разработка методологических и теоретических основ историографических исследований, анализ трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, истории советской исторической науки, историографии истории СССР, историографии дореволюционной России, а также таких проблем, как историография и современность, преподавание истории исторической науки в высшей школе. В 1959 г. в Институте истории АН СССР (Институт российской истории РАН) был создан Сектор истории исторической науки, который объединял как старые профессиональные кадры историографов, так и молодых исследователей. В Секторе осуществлялось издание «Очерков истории исторической науки в СССР» (Т. 1-5. М., 1955-1985) – первого обобщающего труда по отечественной историографии. В советской историографии впервые было предпринято издание, в котором развитие исторических знаний с древнейших времен до современности давалось на материалах русской и всеобщей истории, археологии, этнографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин. Хронологический принцип изложения материала обеспечивал возможность представить картину исторических знаний в их эволюции. Историографический ежегодник «История и историки», основанный М.В. Нечкиной в 1965 г., является в своем роде уникальным изданием, в котором разрабатываются проблемы историографии как отечественной, так и всеобщей истории. Его статьи охватывают период от Древней Руси до начала XXI в. Ежегодник содержит документальные публикации, рецензии на работы современных исследователей. Издание дает историкам новые материалы для углубленного изучения развития отечественной исторической науки XX века, для всестороннего освещения

объяснимо общей идеологизированностью исторической науки, которая если и обращалась к зарубежной историографии, то чаще делала это с позиций «критики буржуазных историков».

В современной российской исторической науке изучение истории исторической мысли зарубежных стран в сравнении с изучением их политической, социально-экономической истории или истории культуры, по-прежнему находится на обочине исследовательских практик. Это вполне объяснимо предметом ее исследований, разумеется, не являющимся базисным в структуре социума, но, тем не менее, имеющим существенное влияние на его развитие, поскольку так или иначе отношение личности, общества к прошлому определяет «картину мира». Большинство категорий, которые используются при изучении истории исторического знания (историческое сознание, время, развитие и пр.), носят междисциплинарный характер. Может быть поэтому изучение исторического сознания чаще является занятием философов, размышляющих о его проблемах, а не собственно историков, делающих свои выводы на основе исторических источников. Тем не менее, мы постараемся кратко представить историографическую ситуацию по изучению этого направления истории для того, чтобы хотя бы в общем виде обозначить те исследовательские традиции, на которых основывается идеология семинара «Люди и тексты».

Прежде всего, отметим, что в западной и отечественной исследовательских традициях эта тема возникла довольно рано, является постоянно востребованной и рассматривается в самых различных аспектах². В во второй

творческого пути видных русских и советских ученых (Электронный ресурс. Режим доступа <http://iriran.ru/?q=historyand> свободный).

² English Historical Writing and Thought, 1580–1640. London, 1962; *Certeau M., de*. The Writing of History. New York, 1988; *Chartier R.* Cultural History. Between Practices and Representations. Oxford, 1988; *Burke P.* The Renaissance Sense of the Past. New York, 1969; *Breysig K.* Kulturgeschichte der Neuzeit. Berlin, 1900; *Barber B.* Science and the Social Order. New York, 1952; *Barnes B.* Scientific Knowledge and Sociological Theory. London; Boston, 1974; Approaches to History / Ed.

половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. в России было издано несколько книг по истории исторического знания зарубежных стран, которые свидетельствовали о формировании нового системного подхода в изучении этого направления. Прежде всего, назовем работу М.А. Барга «Эпохи и идеи. Становление историзма». Уникальность этого труда в мировой научной практике определяется двумя факторами. Первый из них состоит в особенностях проведенного анализа исторического сознания как единого феномена в рамках географического пространства Западной

H.P.R. Finberg. Toronto, 1962; *Kelly W.* Philosophy and Historical Understanding. Cambridge, 1964; *Gilbert N.W.* Renaissance Concepts of Method. New York, 1960; *Simiand F.* Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement general des prix du XVI a XIX siecle. Paris, 1932; *White M.* Foundations of Historical Knowledge. New York; London, 1965; *Woolf D.* A High Road to the Archives? Rewriting the History of Early Modern English Historical Culture // *Storia della Storiografia.* 1997. № 32; *Woolf D.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003; *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2000; *Артог Ф.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология.* М., 2002. С. 147–168; *Цель истории – история / отв. ред. Н.И. Басовская.* М., 2002; *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / *Идеалы и практика культуры.* М., 2002; *Визгин В.П.* Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени // *Философско-религиозные истоки науки.* М., 1997. С. 88–141; *Гулыга А. В.* Гердер. М., 1975; *Девятайкина Н.И.* Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «я» // *Петрарка Фр.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (Трактат «О средствах против превратностей судьбы». Кн. 1). Саратов, 2008; *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории / отв. ред. И.С. Кон.* М., 1977. С. 37–71; *Намазова А.С.* Новые подходы в изучении истории XIX в // *История: электронный научно-образовательный журнал.* 2010. Вып.1: Историческая наука в современной России [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей: URL:

http://mes.igh.ru/magazine/content/new_approaches_in_studing_history_xix_century.html (дата обращения 06.10.2010); *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996; *Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004; *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989; *Хобсбаум Э.* От социальной истории к истории общества // *Философия и методология истории: Сб. переводов / отв. ред. И.С. Кон.* М., 1977 и др.

Европы с V по XVIII вв. Второй фактор свидетельствует о том, что М.А. Барг рассмотрел развитие исторической мысли Античности, Средних веков и Нового времени с позиций философии истории и в контексте культуры этих эпох³. В данной монографии была поставлена проблема изучения историзма самого исторического знания и способов, с помощью которых оно формировало и истолковывало содержание истории, – способов идеологических, логических, риторических. Книга «Эпохи и идеи» была превосходным новаторским трудом для своего времени, причем подходы, которые применял М.А. Барг, отличались такой новизной и неординарностью, что он, по-видимому, всерьез волновался за судьбу этого исследования. В качестве рецензентов обычно выступают один-два ученых, книгу М.А. Барга рецензировали трое ведущих историков того времени, имевших беспорный авторитет и большое влияние в научных и политических кругах – академик АН СССР М.В. Нечкина (умерла в 1985 г. и не увидела уже опубликованный труд), член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, доктор исторических наук В.А. Дунаевский.

В первой трети XX в. появилось несколько исследований, рассматривающих различные аспекты историописания от Возрождения до эпохи Просвещения. Большинство из их авторов сосредоточивали свое внимание на национальных историографических традициях и школах⁴. Наиболее важными работами этого времени являются сочинения Анри Озе, в которых определяется понятие *l'age moderne* по отношению к периоду XV – XVII вв. и дается характеристика общей интеллектуальной ситуации, в которой и происходит рождение новой познавательной парадигмы в оценке прошлого.

Начиная с середины XX в. интерес к проблемам исторического познания приводит к появлению целого ряда монографических исследований, которые позволяют говорить о формировании отдельного направления в

---

³ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

⁴ [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.royalhistoricalsociety.org/moderncataloguec20.pdf> свободный. (дата обращения 06.10.2010).

исторической науке – изучения исторического сознания стран Западной Европы. Классические работы, появившиеся в этот период, принадлежат английским исследователям – известному специалисту по истории и культуре Ренессанса Уильяму К. Фергюсону и одному из крупнейших английских историков XX в. сэру Герберту Баттерфилду⁵. У.-К. Фергюсон, изучая культуру Ренессанса в контексте исторической мысли XIII – XVIII вв., первым среди историков своего времени поставил вопрос о причинах мощного взрыва интереса к прошлому в Западной Европе XV – XVI вв. Наряду с этим он отметил, что Франция была первой страной, где появилась собственно история в лице французских хронистов от Виллардуэна до Филиппа де Коммина, написавшего историю на французском языке. По мнению Фергюсона, в XIII – XV вв. Англия не имела светских национальных историков, в Италии они появились не раньше XV в. Во Франции же была сформулирована ранняя прочная традиция историописания, значительный вклад в развитие которой внесли Ж. Фруассар, показавший отличия истории от хроник, и Ф. де Коммин, открывший политическую историю и придавший ей оценочный характер⁶. Отметим, что эти положения Фергюсона уже неоднократно и небезосновательно оспаривались. В его работе дана развернутая характеристика влияния античной культуры на оценку истории в XV – XVI вв., а также развития искусства истории в системе *studia humanitatis*. В 1979 г. выходит работа Поля Оскара Кристеллера, которая продолжает исследование исторических источников в гуманистической мысли. Отметим, что эти две работы, безусловно, входят в длинный историографический список общих работ по истории Возрождения, который для нас не имеет первостепенного

---

⁵ *Butterfield H.* The Present State of Historical Scholarship, Inaugural Lecture, University of Cambridge. Cambridge, 1965; *Idem.* The Origins of History. London, 1981; *Idem.* Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge, 1955; *Idem.* The Englishman and his History. Cambridge, 1944 (2nd ed. – 1970).

⁶ *Ferguson W.K.* The Renaissance in Historical Thought. Boston, 1948. P. 142, 150.

значения. Тем не менее, мы отметили их в связи с рассмотрением отношения человека и общества переходной эпохи к своему прошлому в контексте ренессансной культуры.

Основным направлением интересов Герберта Баттерфилда были не только историография и история науки, но и конституционная история XVIII века; христианство и история; теория международной политики. В книге, посвященной истокам современной науки (1300–1800 гг.)⁷, он рассматривает развитие истории в этот период на основе «теории толчка», объясняющей возникновение и реализацию исторической необходимости. Будучи протестантом, Баттерфилд не верил, что историк может обнаружить десницу Божию в истории.

Известность Баттерфилду как историку принесла книга «Вигская интерпретация истории»⁸. Баттерфилд в своей критике имел в виду не только историков-современников. Его критика построения линии прогресса от варварского прошлого к прекрасному настоящему может быть применена к более общим примерам. «Вигской интерпретацией истории», или историей, написанной победителями, Баттерфилд называет также и исторические труды эпохи Просвещения, для которых в полной мере характерен исторический позитивизм.

Позитивистские историки рассматривали мыслителей прошлого, исходя из критериев современного знания. Все, что соответствовало новой концепции, восхвалялось, а все, что ей хоть сколько-нибудь противоречило, отвергалось как суеверие и слепая догма. Идеи, которые совпадали с их рационалистическими взглядами, они описывали как храбрые, смелые и творческие, независимо от того, было ли оправданным придерживаться такой позиции в данный исторический период. И напротив, идеи, которые современная наука не одобряла, рассматривались как опасные, конформистские и неистинные, не учитывая того, была ли разумна такая

---

⁷ *Butterfield H. The Origins of Modern Science 1300 – 1800. London, 1957.*

⁸ *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1951.*

позиция в свете тогдашнего знания. Научная революция, по мнению Баттерфилда, «... опрокинула авторитет в науке не только Средних веков, но и Древнего мира, ... так как она имела своей целью не только устранение схоластической философии, но и разрушение аристотелевской физики, она затмила все, что связано с возникновением христианства и свела Возрождение и Реформацию к рангу простых эпизодов, простых внутренних сдвигов внутри системы средневекового христианства».

По мнению Баттерфилда, «вигская» история искажает прошлое и должна быть пересмотрена. Оценка знания прошлого в контексте знания современности является искаженным восприятием действительности. Историк должен погрузиться в контекст истории, постараться оценить прошлое через призму интеллектуального климата той эпохи, которую он изучает. Только при этом условии, по мнению Баттерфилда, возможна объективная оценка исторических событий прошлого.

Работы одного из ведущих современных американских историков Дональда Р. Келли⁹, посвящены рассмотрению основ современного исторического знания на основе исторических источников итальянского и французского Возрождения. Келли проанализировал историзм итальянских гуманистов, их вклад в работу над историческим источником на основе филологической критики и в развитие практик перевода античных авторов. Особенное внимание исследователь уделил рассмотрению развития правовых теорий и их взаимосвязям с историей, исторической школе французских правоведов, а также деятельности Жака дю Тилле по привлечению архивных документов при создании исторических текстов. Особенно важным, на наш взгляд, является высказанное Д. Келли предположение о том, что чувство истории в основном было продуктом итальянского гуманизма, а вот специфические формы и толкование историческое знание приобрело только

---

⁹ Kelley D. R. *Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance*. New York; London, 1970; *Idem*. *Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder*. New Haven, 1998.

благодаря тем потрясениям, которые принесли Реформация и гражданские войны в странах Западной Европы в XVI – XVII вв. Справедливости ради, нужно отметить, что первым это предположение высказал и обосновал в ряде своих работ профессор Чикагского университета Джордж Хапперт. Выход в свет его книги, посвященной формированию метода истории, стал значительным событием в изучении истории исторического сознания ренессансной Франции¹⁰. Вообще, научные интересы этих двух выдающихся историков довольно часто пересекались, и научный диалог (не всегда в буквальном смысле) на страницах *Journal of the History of Ideas* неоднократно давал блестящие результаты.

Хапперт в своей книге проанализировал основные интеллектуальные течения во Франции XVI века и, исходя из этого, выявил причины столь мощного прорыва, произошедшего в это время в осмыслении истории. Он показал, что возникновению «совершенной истории» предшествовал период расширения границ знания, активного введения в оборот античного наследия благодаря большой работе переводчиков и комментаторов. Здесь, предостерегает Хапперт, нельзя забывать о том, что античное наследие включало в себя такую важнейшую составляющую, как естественнонаучное знание. В то время в обществе еще не были сформированы условия для рождения гениев в какой-то одной области знания. Развитие познавательной сферы шло в горизонтальной плоскости – приобретение и накопление знаний и гуманитарной, и естественнонаучной направленности. Поэтому энциклопедизм был присущ практически каждому человеку, получившему университетское образование. Правовед, к примеру, безусловно, имел хорошую филологическую подготовку, владел философией, логикой, риторикой, математикой.

Также следует упомянуть о работе Ф. Мейнеке, посвященной истории возникновения историзма. Здесь автор уделяет некоторое внимание «Истории» Гиббона, вписывая этот материал в контекст понимания истории в английском

---

¹⁰ *Huppert J. The Idea of Perfect History (Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France). Urbana; L., 1970.*

Просвещении. По мнению Ф. Мейнеке, английская историография середины и второй половины XVIII в. по большей части опиралась на Локка, «обосновывавшего сенсуалистское и эмпирическое Просвещение»¹¹.

Отдельную историографическую линию представляют собой работы, посвященные изучению метода познания новоевропейского общества. Среди них наиболее важными для изучения западноевропейского исторического знания являются монографии Нила Джильберта¹² и Филиппа Десана¹³.

По отдельным хронологическим периодам обобщающих трудов по изучению истории исторического сознания немногим больше. Относительно истории исторического знания Древнего мира можно отметить, что базовой исследовательской проблемой является зарождение исторической мысли.

Поискам ответа на вопрос – где родилась история, и рассмотрению античной традиции историописания была посвящена не одна дискуссия, начиная с работ патриарха немецкой классической филологии У. фон Виламовиц-Меллендорфа. Среди многочисленных трудов, посвященных этому сюжету, мы обратим внимание, прежде всего, на труды Ф. Якоби, А. Момильяно, А.Дж. Вудмана, И.С. Моксона, Дж.Д. Смарта¹⁴. На протяжении почти всего XX в. господствовала модель Ф. Якоби. Он выделил пять субжанров античной историографии на основе хронологического принципа: 1) генеалогия / мифография; 2) этнография; 3) история времени; 4) хронография; 5) хорография (местная история). Главное отличие схемы

---

¹¹ Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. М., 2004. С. 153.

¹² *Jilbert N.W. Renaissance Concepts of the Method.* N. Y., 1960.

¹³ *Desan Ph. Naissance de la méthode (Machiavel, La Ramée, Bodin, Montaigne, Descartes).* P., 1987.

¹⁴ *Jacoby F. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und den Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente // Klio.* 1909. Bd 9. S. 80–123. *Momigliano A. The Classical Foundation of Modern Historiography.* Berkeley, 1990; *Woodman A.J., Moxon I.S., Smart J.D. Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing.* Cambridge, 1986. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco.* Leiden, 2003.

Якоби: местная история появляется последней, как реакция на сочинения Геродота. Для Якоби и его последователей, т.е. для большинства антиковедов XX в., развитие греческой историографии в значительной мере было связано с личным развитием Геродота от этнографа к историку. Эта модель была недавно подвергнута существенной критике (К. Джойс)¹⁵. Действительно, годы жизни и деятельности многих греческих историков сомнительны; к тому же путь к «совершенной» историографии, предложенный Якоби, столь же сомнителен, сколь и античная схема Дионисия Галикарнасского. За 800 лет от Геродота до Евнапия более тысячи античных авторов, о которых мы знаем, написали исторические труды. Якоби считал, что никакие жанры или авторы не должны быть в привилегированном положении; нужно рассматривать всю совокупность исторических сочинений.

В последние десятилетия оформились два подхода к зарождению античной историографии. Странники первого, традиционного, «исторического» подхода продолжают рассматривать античных историков как предшественников современных ученых-историков, заложивших основы метода исследования прошлого. Однако адепты другого, «риторического» подхода считают античных авторов прежде всего писателями, озабоченными литературными («риторическими») достоинствами своих сочинений в гораздо большей степени, нежели поиском исторической истины. Момильяно, признавая новизну и обоснованность некоторых выводов ученых – сторонников «риторического» подхода к античной историографии, все же склоняется к более традиционному, состоящему в том, что современная историческая наука не возникла «из ничего», и некоторые методы и подходы античных авторов мало отличаются от методов и подходов современных историков. Есть еще один очень важный момент, который свойственен как древним, так и современным историкам: субъективное (личное) побуждение к исследованию. Античная модель развития

---

¹⁵ См., например: *Joyce C. Was Hellanikos the First Chronicler in Athens?* // *History*. 1999. № 3.

древнегреческой историографии была отвергнута по многим причинам, но не в последнюю очередь из-за очевидного телеологического подхода¹⁶.

В отечественной историографии следует отметить книгу А.И. Немировского «Рождение Клио: у истоков исторической мысли»¹⁷, которая хотя и носит довольно популярный характер, тем не менее, до сих пор остается единственным примером целостного рассмотрения античной традиции историописания. В книге исследованы проблемы возникновения античной историографии и процесс ее развития в закономерных связях с другими литературными и научными формами, в ее обусловленности социальными отношениями и политической борьбой. На основе анализа трудов Гекатея Милетского, Геродота, Фукидида, Аристотеля, Полибия, Саллюстия, Ливия, Тацита, Аммиана Марцеллина делается попытка выявления особенностей и теоретических аспектов античной исторической мысли. А. И. Немировский считал, что родиной исторической науки является именно Древняя Греция. Поводом для написания его монографии являлась довольно напряженная дискуссия о месте зарождения исторической науки. В западной историографии в сер. XX в. было распространено утверждение о том, что историческая наука возникла на Древнем Востоке, чему в немалой степени способствовали популярные в нач. XX в. идеи О. Шпенглера, одного из основоположников философии циклизма. Отказавшись от идеи эволюционного развития, Шпенглер рассматривал историю как ряд автономных циклов, культур. Каждая культура, по его мнению, развивается самостоятельно, но, благодаря морфологии культур, можно вскрыть некоторые аналогии и сходства между ними. Характеризуя античную цивилизацию, Шпенглер утверждал, что греки были самым аисторичным народом, и их мысль была геометрической, визуальной. Эту идею подхватили и развили те исследователи, которые, сравнивая греческую историческую

---

¹⁶ *Toye D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // *The American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116. P. 279–302.

¹⁷ *Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. 2-е изд. Воронеж, 1986.

мысль с ближневосточной и, в частности, с ветхозаветной, отдавали предпочтение последней.

Так, нидерландский философ и историк Г. Боман в своей книге «Еврейское мышление в связи с греческим»¹⁸ считал, что грекам не присущ историзм, и даже Фукидид, по его мнению, был далек от него, ибо история понималась им как вечное повторение одних и тех же событий и явлений. Статичности и цикличности греческой мысли Боман противопоставлял поступательный библейский динамизм. Поэтому он считал, что большинство ветхозаветных книг исторично, так как история понимается Библией как движение. Там, где в античности Боман встречал элементы динамики, он приписывал это заимствованию с Востока. Так он объясняет появление у греков гераклидовой диалектики. Об отсутствии в античной историографии историзма говорит и немецкий историк Хр. Мейер¹⁹. Согласно английскому историку Р. Дж. Коллингвуду²⁰, «греки были совершенно уверены в том, что объектом подлинного знания может быть только неизменное, ибо оно должно иметь определенный только ему присущий характер и не носить в себе семена своего разрушения. История же – наука о человеческих действиях: историк изучает поступки, совершенные людьми в прошлом. Но они принадлежат к меняющемуся миру, где вещи возникают и прекращают свое существование. Такие вещи с точки зрения греческой философской мысли должны быть непознаваемы, но тем самым история становилась невозможной». Поэтому автор заключает, что «у греков история не была объектом научного познания. Она была лишь предметом восприятия».

К завершающему этапу развития древневосточной литературы принадлежит Библия. В силу своего сравнительно позднего происхождения Библия объединила все, что дали народы Древнего Востока в области

---

¹⁸ *Boman G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen. Göttingen, 1959.*

¹⁹ *Meier Chr. Geschichte // Geschichtliche Greindbegriffe. Stuttgart, 1975. Bd. 2. S. 603.*

²⁰ *Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 22—23.*

осмысления истории, и уже в силу этого продвинула историописание на более высокую ступень. Кроме того, разрушение самостоятельности древнееврейских царств, ассирийское и вавилонское пленения были восприняты древнееврейскими писателями и жрецами как драма всего человечества, требующая не простого пересказа в духе старинных хроник, но религиозно-философского и исторического осмысления²¹.

А.И. Немировский отмечает, что к VI в. до н. э. возникли два противоположных понимания истории: одно – ветхозаветное, библейское, основанное на сугубо религиозном мышлении, на религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени, другое – древнегреческое, основанное на светском характере мышления, рационалистически философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании исторического времени.

Вместе с тем, было бы неправильно считать, что Древний Восток не оказал влияния на формирование древнегреческой историографии. Свидетельства Геродота, Платона, Страбона, Диодора указывают на непосредственное влияние древневосточной культуры на греческую. Однако не влияние и заимствование обусловили возникновение исторической науки в древней Греции. Она явилась результатом сложных процессов этнокультурного и исторического развития греческого народа, самих греческих полисов. Ко времени появления ветхозаветных исторических книг у эллинов имело место этико-художественное восприятие мира у Гомера и рационалистически-религиозное и философское его понимание у Гесиода; сложилась традиция индивидуализированного творческого отношения к прошлой и современной действительности, что нашло свое

---

²¹ Интересная характеристика историзма ветхозаветных книг Библии в контексте ближневосточного историописания дана в монографии советского историка И.П. Вейнберга (с 1993 г. проживает в Израиле): *Вейнберг И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э. М., 1993. – 352 С.

отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса (т. е. природы и общества) ионийскими философами. Результатом этого и явилось у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинейное понимание исторического времени.

В труде И.П. Вейнберга²², ставшим уже классикой, на материалах позднеегипетских, новоассирийских, нововавилонских, среднеперсидских и ветхозаветных источников раскрываются особенности древневосточной исторической мысли, показаны ее становление и ранний период развития. Не будем подробно останавливаться на анализе прекрасно выполненного конкретно-исторического исследования Вейнберга, потому что мы склонны рассматривать этот труд как крупнейшее теоретическое сочинение, определяющее суть изучения истории исторической мысли вообще. Автором была создана своеобразная матрица исследования исторических текстов, крайне актуальная сегодня, в связи с тем, что она определяет проблемный подход в этом направлении исторической науки, абсолютно не имеющем никаких перспектив в развитии, если по-прежнему центром его внимания будут оставаться отдельные ученые и историографические школы. Примером тому служат скучные безликие учебники, выхолащивающие хоть какой-то интерес к живой материи истории, представляющие собой бессмысленный набор очень объемной информации, который студент должен выучить к экзамену. Такая трактовка изучения истории исторической науки у всякого нормального человека ничего не может вызвать, кроме страха и отторжения.

В чем состоит значимость работы, выполненной крупнейшим историком-востоковедом? Принципиально важным, по мнению Вейнберга, является уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и четкость. Историописание, здесь И.П. Вейнберг солидарен с М.А. Баргом, – «это процесс наделения значением (или,

---

²² Вейнберг И.П. Указ. соч.

наоборот, отрицания значения) явлений действительности»²³. Развивая этот посыл, автор монографии определяет источники, на которых сосредотачивается интерес в изучении историописания. «Это тексты, общим признаком для которых является то, что их основная коммуникативная функция – фиксация, осмысление и оценка событий и явлений прошлого»²⁴. Главным критерием отбора «текста» для изучения исторической мысли служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном «тексте». Изучение исторических текстов должно охватывать их форму и содержание, создание, функционирование, их комплексное рассмотрение с учетом особенностей локальных историописаний в диахронно-синхронистической взаимосвязанности. Важнейшим исследовательским приемом в изучении истории исторического знания, по мнению автора, является системный подход, признающий восприятие прошлого человеком как структуру или подсистему той многосложной системы, какую являет собой общество²⁵.

Историческая мысль разных эпох, исторические сочинения и их авторы отличаются друг от друга, по мнению И.П. Вейнберга, не только набором описываемых явлений и событий прошлого, которые привлекают их внимание, но и спецификой восприятия и осмысления этих событий и явлений. Очевидны и различия в выборе источников для описания этого прошлого и в методике их использования. Другой важной проблемой, которая должна находиться в поле зрения современного исследователя, является историческая традиция. При этом, по мнению Вейнберга, следует учитывать, что само возникновение отношения к исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку²⁶ (селективно-критическое отношение к источникам: умолчание и модификация).

---

²³ Там же, С. 11.

²⁴ Там же, С. 15.

²⁵ Там же, С. 9.

²⁶ Там же, С. 56.

Интерес к истории средневекового историописания стал совершенно очевиден в странах Западной Европы уже на рубеже XIX – XX вв. Его важность и назначение уже в 1872 г. хорошо понимал Г. Моно: «...критик вынужден жить с историками, труды которых анализирует; он пытается постичь их повседневную жизнь, их стиль работы, скрытые пружины, руководящие их помыслами, причины, порождающие их слова. Он присутствует при сочинении их трудов, видит рукописи, разложенные на их столе, источники, к которым они обращаются, иногда ему удается обнаружить, какие куски текста они читали, какие фрагменты прочитанного плохо поняли. И когда критик охватывает таким исследованием целую эпоху, когда он отмечает связи, соединяющие разные исторические источники, когда он обнаруживает, как они копируют друг друга или подражают один другому, как одни и те же идеи, одни и те же чувства повторяются или преобразуются от века к веку, разве он не работает над историей самого человеческого разума?»²⁷. Новейшими работами, посвященными средневековому историописанию и определившими современные исследовательские направления развития этой области исторической науки стали монографии известного французского историка Бернара Гене «История и историческая культура средневекового Запада»²⁸, а также близкие по тематике и подходам исследования профессора университета Дармштадта Франца-Йозефа Шмале²⁹ и профессора

---

²⁷ *Monod G.* Etudes critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne. Paris, 1872. P. 19. О своеобразном «прорыве», произошедшем во французской исторической науке XIX в. и связанном с изучением средневекового историописания см. *Charbonnel Ch.-O.* Histoire et historiens: Une mutation idéologique des historiens français, 1865 – 1885. Toulouse, 1976.

²⁸ *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'occident Médiéval. P., 1980. Пер. на рус. яз.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.:, 2002.

²⁹ *Schmale F.-J.* Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtschreibung. Darmstadt, 1985.

Института средневековых исследований Монреальского университета Бенуа Лакруа³⁰.

Книга Бернара Гене посвящена становлению истории как науки в средневековой Западной Европе. Автор прослеживает из века в век, кем были люди, писавшие историю, и кто читал (или слушал) их труды; выявляет цели и потребности, которыми они руководствовались, рассматривает темы, в разное время вызывавшие преимущественный интерес публики и историков. Особенно важным является анализ характерной для средневекового историописания системы ценностей и авторитетов, а также изучение проблем социального заказа и ангажированности сочинителя. Гене изучает источники, которыми пользовались средневековые авторы, и методы их использования; жанры исторических сочинений; «технические» приемы написания исторических трудов; критерии их успеха; пути распространения рукописей; значимость истории для общества (историческая пропаганда, официальная история, использование примеров и прецедентов, соотношение истории и правды). Книга Гене стала своеобразным прорывом в изучении историописания. От описательно-информационной формы исследования он перешел к структурированному и системному анализу историописания. Французский ученый предложил комплекс вопросов, которые и определили совершенно новую исследовательскую парадигму: каково место истории в Средние века? Кем был историк? Как историки работали? Какие усилия они прилагали, чтобы реконструировать близкое и далекое прошлое? Кто их читал? Кто их слушал? Какую систему знаний, какую картину прошлого они смогли оставить в наследство своим современникам и потомкам? Какое влияние имели эти знания и картина прошлого на менталитет и образ действий людей? Ответы на эти вопросы открыли и еще один, впервые заявленный Гене ракурс рассмотрения историописания – его социальную основу, выявляющую сложную взаимосвязь внутри структуры «человек – текст – общество». Впервые в научной практике

---

³⁰ *Lacroix B. L'historien au Moyen Âge. Montréal; P., 1971.*

Б. Гене поставил и изучил вопросы успеха исторического сочинения и определил его критерии. Но анализ каждого отдельного произведения он рассматривает как лишь один из этапов работы. Он ясно заявляет свою цель: «...подняться над анализом частных случаев, сгруппировать результаты этого анализа и в качестве синтеза предложить как можно более точную картину исторической культуры»³¹. И проблема, как подчеркивает Гене, состоит не в том, чтобы нарисовать одну единственно возможную картину средневековой исторической культуры, а в том, чтобы уточнить, в каком виде, в какое время и в каком месте могла проявляться историческая культура историков и историческая культура всех остальных людей. И французский историк показал, что, только выявив эти различия, мы сможем оценить, насколько важна была история для данного конкретного общества. Заслуживает внимания и мнение Б. Гене о рождении истории как науки. Многие задавались вопросом, когда родилась новая история. Одни считают, что у ее колыбели стояли немецкие профессора XIX в., другие – что это были философы и эрудиты XVIII в., третьи – что это были юристы второй половины XVI в. Многие считают, что ее создателями были гуманисты Возрождения. Гене считает, что если смотреть на новую историю как на дискурс, то в ее развитие большой вклад внесли гуманисты Возрождения. Но если рассматривать ее как науку, то родилась она, по мнению Гене, в монастырях около 1100 г. (!). При этом французский историк считает, что такая постановка вопроса в основе своей выглядит не совсем корректной, потому что подразумевает разрыв между старой и новой историей. Между тем, книга Гене демонстрирует нам преемственность исторических трудов на протяжении веков, «солидарность всех историков, стремившихся обрести прошлое или хотя бы спасти его от забвения и рассказать о нем»³². Важность исследования Гене в осмыслении представлений об истории была настолько велика, что и сегодня оно определяет

---

³¹ Гене Б. Цит. соч. С. 343.

³² Там же, С. 415-416.

развитие новейших мировых тенденций в изучении исторической мысли.

У истоков формирования исследовательского направления, связанного с изучением исторического знания и исторической мысли западноевропейского Средневековья в России стояли Е.А. Косминский и О.Л. Вайнштейн, работы которых были опубликованы в 60-х годы прошлого века³³. Их исследования носили информационно-обзорный характер и внесли свой важный вклад в систематизацию практик историописания в Средние века.

В начале XXI в. это направление, обогащенное новыми подходами в изучении и осмыслении исторических источников, получило новый импульс к развитию³⁴. Хотя в России книг, посвященных собственно историописанию, по-прежнему выходит мало.

В целом же следует отметить, что исследования, связанные с проблемами исторического знания, в отечественной исторической науке чаще всего или включены в историографические компендиумы³⁵, или представляют собой работы, связанные с изучением жизни и творчества конкретных историков³⁶. Безусловно, они играют свою важную роль в процессе накопления и осмысления знаний об

---

³³ Косминский Е.А. Историография средних веков V в. – сер. XIX в. М., 1963, Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М., 1964.

³⁴ В качестве примеров мы хотим привести очень интересные исследования наших коллег Ю.Е. Арнаутовой, Н.И. Басовской, Л.М. Брагиной, Т.В. Гимона, Н.И. Девятайкиной, Ю.В. Ивановой, О.Ф. Кудрявцева, Ю.П. Малинина, З.Ю. Метлицкой, Н.В. Ревакиной, А.Ю. Серегинной, В.И. Уколовой и др. Высказав при этом некоторое сожаление, что активно идущая сегодня публикация переводов сочинений исторического жанра Средневековья (например, Фруассар Ж. Хроники 1325 – 1340. СПб, 2008; Жан де Жуанвиль, Жоффруа де Виллардуэн. История Крестовых походов. М., 2008 и др.) не сопровождаются монографическими исследованиями.

³⁵ Например, Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997; Они же. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1–2. М., 2003.

³⁶ См. например: Доронин А.В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477 – 1534). М., 2007. Зверева В.В. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. М., 2008 и др.

исторических представлениях разных эпох, но ограничивают возможности целостного осмысления истории исторической мысли.

Взаимный интерес историков к работам друг друга по истории исторического знания, опубликованным в конце XX – начале XXI в., предопределил нашу встречу в конце 2005 г., на которой и родилась идея создания своеобразной творческой лаборатории, где бы «обкатывались» исследовательские темы, развивающие это направление исторической науки. Историк, конечно, профессия «кабинетная», но ни один из нас не мыслит своей работы вне коммуникативного профессионального пространства. Более того, уже многое поняв об отношении к прошлому «своих» эпох, персонажей, накопив исследовательский потенциал, хотелось узнать более основательно, что отвечают на вопросы, которые ты задаешь «своим» источникам, исторические тексты других периодов, и как с этим вопросником работают твои коллеги по ремеслу.

При этом для нас было совершенно очевидно, что каждый источник представляется уникальным и даже самодостаточным явлением, и именно с этих позиций следует подходить к их изучению. Каждый из нас, следуя интенсивному изучению небольшого числа сочинений, имея в виду их сложный опосредованный характер, стремится рассмотреть каждый из источников во всем комплексе возможных детерминант, повлиявших на формирование текста. Таким образом, максимально персонифицируя предмет исследования и наполняя его конкретным содержанием, нам представляется возможным найти то общее, что характеризует феномен исторического сознания и исторической культуры той или иной эпохи в целом. При таком подходе, на наш взгляд, удастся также выявить то уникальное, что отличало историческое сознание и историческую культуру различных социальных групп, потому что каждый из рассматриваемых нами текстов воспринимается как продукт, максимально ориентированный на конкретные микрогруппы, и интерпретирующий материал в формах, моделях и образах, максимально понятных, прежде всего, людям и составлявшим эти группы.

Использование качественного анализа источника, на наш взгляд, один из немногих верных и продуктивных способов «разговорить» источник, провести его убедительное «логическое описание». Именно этот исследовательский метод позволяет дать свои ответы, на те многочисленные вопросы, которые вообще встают перед любым историком, и на главный среди них – понимаем ли мы текст? И какими аргументами убеждаем себя в этом понимании?

Вместе с тем, перед нами стоит целый ряд интереснейших вопросов: кто и зачем писал исторические сочинения, откуда эти авторы черпали сведения, кому они адресовали свои повествования, в каких формах сохранялись и трансформировались знания о прошлом?

С 2006 г. – за пять лет работы – прошло около 60 заседаний междисциплинарного научного семинара «Люди и тексты», организатором которого сейчас является Центр истории исторического знания ИВИ РАН. Уже в первый год наших встреч стало очевидно, что работа с текстом делает для нас интересными собеседниками лингвистов, социологов и психологов. В ходе наших встреч в первый год родился целый ряд идей перспективных проектов, которые и сегодня в значительной степени определяют наши исследования.

Сейчас уже можно говорить о наметившейся структуре работы семинара «Люди и тексты», которая выглядит следующим образом:

- «нетематические годы» работы семинара (2006, 2008, 2009 гг.), когда обсуждались доклады, посвященные различным, абсолютно произвольно заявлявшимся темам (это в большей степени доклады, связанные с презентацией начинающих исследователей сюжетов, когда обсуждаются отдельные мысли, наблюдения, которые находятся в процессе обработки и доведения. Это обуславливает некоторую, может быть, рваность повествования выступающих, но, что более важно,

предполагает совершенную открытость их текста к вопросам и замечаниям.);

- «тематические» годы (2007, 2010, 2011 гг.), посвящены одной теме, одному вопросу, ответы на который участники семинара искали в различных периодах и источниках;
- Круглые столы – это довольно широкая «конференция идей», аудитория которой несколько больше обычного семинарского кружка. В них активно участвуют наши коллеги не только из академических институтов, но и из многих российских университетов (2009, 2010 гг.).

С самого начала наших встреч определилось несколько «полюсов интересов» участников семинара. Прежде всего, нам представляется очевидным, что обращение к изучению истории исторической мысли связано с работой с историческим источником, который создается человеком или людьми, живущими в конкретном времени и пространстве, являющимися носителями конкретной социальной реальности. По мнению И.Н. Данилевского (одного из руководителей семинара), анализ имманентного развития смысловых структур и потенциалов каждого сюжета или сообщения – наряду с контекстуальным анализом цитат, которые использует автор в своих описаниях, – позволяет добраться до общего смысла, понимания текста источника. В случае использования такого подхода «изложение невольно переходит из плоскости описаний того, «как это было на самом деле», в плоскость реконструкций, которые будут рассказывать о том, кем себя считали авторы (редакторы) и читатели изучаемых источников, как они представляли свои сообщества, из-за чего и почему они вступали в конфликты, как они оценивали результаты происходящего, и т.п. вопросы. В то же время, такой подход не исключает традиционных взглядов на изучение исторических источников и создание исторических реконструкций. Он лишь дополняет их, открывая те стороны источника (и самой жизни его автора и читателей), которые прежде были недоступны. Необходимо лишь достаточно

строго различать наши представления о том, что и как происходило в прошлом, и то, как все это представлялось современникам. Неосознанная подмена того, «что было на самом деле», образами, которые были порождены этим самым «что было», а также отождествление современных образов с образами людей прошлого – источник химер общественного сознания, основа для пропагандистских трюков самых разных свойств и качеств»³⁷.

Историк – продукт своего общества, но в историческом тексте общество – продукт творчества историка. Заметим при этом, что в традиционной (классической) историографии текст воспринимается как репрезентация реальности, а не сама реальность. За текстом достаточно четко просматривается автономность, субъективность автора во всей сложной диалектике его эмпирической личности и творческого «Я». Предполагается, что автор знает, чего он хочет от своего текста, ведает, что творит... С другой стороны, всем известна мысль, бесспорно близкая постмодернизму, о некоторой самостоятельности, своего рода новой объективности текста, который не подчиняется ничему, в том числе и авторскому, произволу, живет по своим собственным законам. Тогда не важно, что хотел сказать автор, важно то, что на самом деле «сказалось», получилось, прозвучало. Если автор не властен над текстом, то текст говорит сам за себя. Автор – лишь орудие, «посредник», действующий во всех трех временных модусах (прошлое-настоящее-будущее), «посредник», говорящий текстом. А способность текста «говорить от имени бытия» превращает его из явления репрезентативного в реальность первого порядка, а затем и в единственную реальность. В рамках постмодернистской парадигмы был сформулирован целый ряд «проклятых» вопросов: как читать исторические тексты? возможно ли выйти за пределы внетекстовой реальности или мы обречены вечно блуждать в «ловушках языка»? является ли читатель таким же «автором» текста, как и его непосредственный создатель? что такое

---

³⁷ Данилевский И.Н. Какая текстология нужна историкам? // Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/5886/> свободный.

вообще «текст»? Этот вызов постмодернизма не раз становился предметом обсуждения в семинаре в рамках проблемы «Автор и текст»³⁸.

Дисциплина, базирующаяся на текстах и называемая историей, не является некоей вечной сущностью³⁹. Она тоже реальность историческая, т.е. реальность, помещенная в пространство и время, представленная людьми, которые называют себя историками и таковыми признаются обществом. Есть разнообразная продукция, которую люди, живущие в данную эпоху, договариваются считать историей. Значит, история конституируется не только как научная дисциплина, но, прежде всего, как социальная практика. Такой подход ориентирует нас на изучение некоторой профессиональной группы, ее занятий, ее эволюции. Есть историки, которые считают себя носителями и продолжателями традиции, образуют направления и школы, признают неотъемлемые правила своего общего ремесла, соблюдают нормы профессиональной этики. Без сомнения, этими людьми движет интеллектуальное любопытство, любовь к истине, культ науки, но их общественное признание, как и их доходы, зависят от общества. Историк как таковой может состояться лишь при условии признания со стороны публики и себе подобных. Поэтому в историографических сюжетах социальное и культурное неразделимы.

Историк обречен определять свое место как по отношению к своим собственным предшественникам и современникам, так и по отношению к другим гуманитарным дисциплинам, с которыми история неизбежно взаимодействует на научном и социальном поле. Более того, историк должен учитывать общество в целом и тех, в частности, к кому он обращается и для кого создаваемая им

---

³⁸ *Тогоева О.И.* «Псевдо-Барбаро vs. Кристина Пизанская: свидетельство неизвестного итальянского гуманиста об эпосе Жанны д'Арк»; *Гимон Т.В.* «Летописец как редактор: разночтения между списками Новгородской I летописи»; *Красова А.А.* «Самоидентификация автора: по анналам Новоассирийского Царства».

³⁹ *Про, Антуан.* Двенадцать уроков по истории / Антуан Про; [Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко]. М. 2000, С. 46.

история имеет или не имеет смысла. Таким образом, научные цели истории являются в тоже время для историка способом выражения своего мнения и своего смысла в данном обществе. Кроме того, посредством познания прошлого историк продолжает поиски самого себя⁴⁰. Он вполне может в какой-то период своей жизни счесть ту или иную историческую ситуацию, сюжет не представляющими интереса. Но заняться ею в другой период, понять спустя время то, чего прежде не воспринимал. Поэтому, несмотря на весь свой интерес, специальные публикации по эгоистории сообщают нам об историках меньше, нежели чтение их книг. Потому что, по словам Мишле, историк является порождением своих трудов⁴¹. И что бы не делал историк, он никогда не выходит за рамки самого себя⁴².

Таким образом отметим, что смысл семинара «Люди и тексты», на наш взгляд, состоит в некоторой рефлексии современного цеха историков по отношению к своим предшественникам. При этом для нас первостепенными являются вопросы кто, как, когда и почему фиксирует и транслирует историческое знание; почему именно эти люди, как происходит их социальный отбор в разные эпохи в разных странах, какие детерминанты определяют профессиональный и, если хотите, гражданский выбор

---

⁴⁰ Этому был посвящен доклад *З.Ю. Метлицкой* «Эдвард Фриман, Джон Ронд, Чарльз Пламмер: прошлое как средство самоидентификации?» *А.Л. Касаткина*, завершая свой доклад «Башня непорочности и дорога преображения: спор Жака Лефевра и Джона Фишера о Марии Магдалине», сделала довольно смелый вывод о том, что «бессознательное содержание, которое оба теолога проецировали на евангельские образы, было для них настолько важно потому, что совпадало с проявлениями анимы каждого из них, женского alter ego, присутствующего в психике любого мужчины. Неудивительно, что полемисты убежденно отстаивали честь своих героинь, ведь вместо образа той или другой Марии из Евангелия каждый рисовал портрет собственной души». // Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/5895/> свободный.

⁴¹ Michelet, Jules. Introduction à l'histoire universelle. P., 1831, P. 81.

⁴² Доклады *Ю.Л. Троицкого* «Методики анализа эгодокументов: эпистола, дневник и мемуары на столе историка» и *М.П. Айзенштат* «Переписка Нового времени. Документ и исследователь».

историка? Бесспорно, важным представляется и вопрос о формировании личности историка (в чем причина обращения к прошлому каждого конкретного автора? Какова динамика развития интересов историка?).

Едва ли нужно специально доказывать тот факт, что люди, создающие тексты, исходят из определённых образов и представлений своего времени. Они проявляются как в языке и стилистике, так и в содержании, выступающих в качестве исходных моделей для авторской интерпретации. В случае правового текста эти модели представляются особенно важными уже в силу консервативности права как сферы культуры и, одновременно, общественной жизни. Здесь наиболее последовательно и осознанно проявляется стремление вписать новое содержание в старые контексты: ведь следование правовым нормам в немалой степени является следствием определённой инерции, априори присущей общественному сознанию⁴³. Многие из правовых источников по своей структуре «многослойны» и могут объединять в себе несколько различных текстов, а зачастую – это следствие многочисленных переработок сообщения о некотором казусе, восстановить обстоятельства которого в точности уже невозможно. Вопрос об объективном или субъективном характере информации некоторых правовых источников представляется также весьма непростым, поскольку каждое описанное в их тексте событие в несколько этапов проходило через призму индивидуальной оценки авторов текстов.

---

⁴³ Рассмотрению различных аспектов появления и бытования правовых текстов были посвящены доклады *О.В. Аурова* «*Artifex legum: идеал короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. (Об одном испанском правовом тексте)*»; *И.М. Калитеевской* «*„Este nombre de greg de buen gregig desciente“: восприятие королевской власти в Кастилии XIV в. (по сочинениям Хуана Мануэля, Лопеса де Айялы и Сем Тоба)*»; *Н.В. Корякина* «*Еврейские респонсы XIII – XIV вв. (Испания – Прованс): авторы и читатели)*»; *А.В. Марья* «*Альфонсо X и “Первая Всеобщая Хроника Испании”*»; некоторые правовые институты в зеркале „истории“»; *О.Г. Ульянова* «[Рим-Константинополь-Москва: концепция Translatio Frigii в “Donatio Constantini Magni” и „Повести о белом клобуке“](#)» // Запись: Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/5906/> свободный.

«...Как обозначить те смысловые рамки, которые задаются конкретному тексту условиями, определившими его написание, и формами, обеспечивающими его передачу читателю? Постановка подобного вопроса требует создания единой истории всех, кто так или иначе участвует в производстве, распространении и интерпретации дискурсов, – авторов, издателей-печатников, читателей, зрителей; каждый из них занимает в ней свое особое место и играет особую роль⁴⁴». Так сформулировал исследовательскую позицию Р. Шартье, приступая к историческому анализу функционирования текста в культурной и коммуникативной среде; тема коммуникации, которая сейчас привлекает все большее внимание историков и неоднократно обсуждалась участниками семинара в самых разных ракурсах: мифы и верования о влиянии текста на читателя; исследования факторов восприятия, понимания и запоминания текстовой информации; текст как источник информации об авторе: контент-анализ в психиатрии, психологии, социологии и изучении средств массовой информации; выбор и предпочтение текста (выбор читателя или влияние текста); миф о «массовой коммуникации»; известные, контролируемые и неконтролируемые параметры массовой коммуникации и др. Прежде всего, на материале конкретных источников наше внимание привлекали «три сосны» проблемы: что хотел сказать автор? что сказал автор? какой эффект произвел текст на читателя и почему?⁴⁵.

---

⁴⁴ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 11.

⁴⁵ В.И. Шалак «Что такое контент-анализ? Сферы его применимости»; М. Шартье «Обучение чтению как пример коммуникативной практики»; Г.В. Бакус «Текст и традиция: особенности бытования сочинения Ульриха Молитора в учёной культуре раннего Нового времени»; А.И. Сидоров «Маргиналии на полях манускрипта, или Как в средневековом Меце читали хронику Регинона»; А. А. Котомина «От серьезного до смешного – один шаг. Две редакции «Евангелий от Прях»: народные верования, придворная культура и становление французской беллетристики в конце XV в.»; А.В. Вдовиченко «Иосиф Флавий и Ев. Лука в языковой и литературной ситуации эпохи эллинизма»; М.Ю. Дорошенко «Ветхозаветная топонимика в статье 6604 г. "Повести временных лет"»; В.В. Зверева «[Историческое событие в сообществах сети "В Контакте"](#)»; Ю.А. Никифоров «[План](#)

2007 г. стал первым «тематическим» годом в работе нашего семинара и был посвящен историческому комментарию. К нашим заседаниям в режиме интернет-конференций присоединилось коллеги из Уральского и Саратовского государственных университетов. По итогам семинара был издан сборник научных статей⁴⁶, объединивший работы историков, филологов и юристов. Такой подбор мнений представителей гуманитарных специальностей весьма плодотворен, поскольку позволяет продемонстрировать и сравнить разные подходы и требования к феномену комментария. Главная проблема, обсуждавшаяся в ходе работы семинара «Люди и тексты» в 2007 г., заключалась в оценке качества комментариев в современной научной литературе, степени научной разработанности подходов к созданию пояснительных моделей, а также (а может быть, прежде всего) в попытке уяснить роль и направленность комментария в современном историческом исследовании.

Превращение текста в реальность происходит в русле ликвидации «бинарной оппозиции» означаемого и означающего. Действительно, текст, существующий как некоторое отражение, есть в то же время знак, а означаемое – это жизнь. Но если исследователь на основе работы, например, с Большими французскими хрониками, бесспорно, основанными на более ранней традиции средневекового историописания, написал статью, потом монографию. Его исследовательские результаты стали фактом профессионального сознания, материал его монографии используют в учебной и справочной литературе, выходят

[Жукова” от 15.05.1941 года: проблемы интерпретации»; И.М. Никольский «Трансляция политической идеологии Константина Великого в сочинении Луция Фирминана Лактаниция ‘De mortibus persecutorum’»; В.Н. Рудаков «Восприятие татаро-монголов в древнерусской литературе»; Ю.Я. Вин \[Информационный подход к изучению византийского права: лексика и тексты.\]\(#\)](#)

⁴⁶ Комментарий исторического источника: исследование и опыты / Отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2008. 295 С. (с приложением CD-ROM'a «Комментарий исторического источника: доклады и дискуссии»).

рецензии, формируется научная школа и т. д. В результате, появляются иные смыслы, воплощенные в ином тексте как в ином знаке. И это знак знака. Это бесконечная ситуация реплики по поводу реплики. Коротко говоря, пишется текст... про текст (в какой бы проблематике не работал ученый). Подавляющее большинство эпох и культур, известных человечеству, были комментаторскими. В конечном счете, перестает быть важным различие между реальностью и ее обозначением. Реальность исчезает, ее заменяет становящийся реальностью текст (поэтому Эко и Борхес называют библиотеку символом мира).

На мой взгляд, условием новых интерпретаций текста, комментирования является его безграничная смысловая ткань. Смысл интерпретации текста источника состоит в приспособлении данного текста к новым контекстуальным условиям. Одним словом, прошлый или «пришлый» текст (а других в нашем распоряжении нет!) должен стать понятным, внятными здесь и теперь, не меняясь.

Авторский комментарий к тексту может быть таким же объектом исследовательского комментирования, как и любой иной текст. Западноевропейское средневековье богато такими текстами, особенно в области истории церкви или истории права. В современной практике, однако, комментарии к комментарию исторического источника встречаются крайне редко, хотя комментарий к источнику может рассматриваться как один из необходимых факторов ретрансляции прошлого.

Для историка текст зачастую чуть ли не единственный источник знаний о прошлом, которое и является предметом истории. Этим и обусловлено наше активное внимание к теме «Автор и текст». Тем не менее, обращаясь к комментарию, мы должны учитывать не только ценнейший опыт филологов в осмыслении феномена комментария, его типологизации, в выработке требований к академическому комментарию; «установку на понимание и разъяснение текста», но и то, что предметы наших наук все-таки различны. Поэтому, мы и обращаемся к проблеме соотношения комментария и исторической культуры, исторического сознания сегодняшних исследователей и

людей прошлых эпох, который и составляет суть диалога, который призван вести историк.

В истории исторического знания комментарии появляются едва ли не вместе с самими текстами. Пояснение текста, его толкование, разъяснение становились важной интеллектуальной деятельностью в самые разные времена и в самых разных регионах мира. Огромную традицию комментаторской работы имеют сочинения античных авторов, Библия, большинство средневековых рукописей. В Средние века огромное распространение имели компиляций, многочисленные заимствования, и их комментарии зачастую и составляли собственно существо текста, они становились самим текстом, конструируя и формируя его. С появлением и распространением гуманистической историографии актуализируется комментирование античных источников.

Образно комментарий представляется нам в виде тени, сопровождающий любой физический объект. Тень в зависимости от освещения все время меняется: утром, когда впереди насыщенная жизнь дня, – тени короткие и малозаметные; в полдень – практически исчезают, а вечером, на закате, они становятся длинными и размытыми. Может быть, это и не совсем убедительная аналогия, но в молодых, самогенерирующих социумах комментарий, как правило, не сформирован в виде самостоятельного вида творчества. Юные цивилизации утверждают себя в *оригинальных текстах*, их память не отличается большой длительностью и существует в непосредственно данном времени.

Эпохи Средневековья, Возрождения в процессе самоидентификации обращаются к осмыслению разных традиций – античной, варварской, формируя свой интеллектуальный потенциал. Они изобилуют многочисленными толкованиями текстов, «унаследованных» от прошлых цивилизаций, они самоутверждаются через осмысление традиций, заложенных в «пришлых» текстах. С рубежа Нового времени, когда формируется научная дисциплина, предметом которой является прошлое социальной реальности, комментарий также обретает научный характер, и со временем укрепляется в нем.

Собственно, судьбам комментария в истории исторического знания был посвящен целый ряд докладов. На заседаниях семинара обсуждалось изучение издательской практики одного средневекового текста (Англосаксонской хроники) в Новое время как своеобразной формы историографического комментирования (З.Ю. Метлицкая – ИНИОН). Рассматривалось, как на протяжении нескольких столетий изменялась логика издания, развивался его справочный аппарат и другие сопроводительные материалы. Докладчик приходит к выводу, что каждое новое издание отражало актуальные потребности постоянно меняющейся аудитории и стремилось удовлетворить ее интеллектуальные запросы.

На примере сочинения Гальфрида Монмутского (С.Г. Мереминский – ИВИ РАН) показал, как современная автору реальность (Англия, XII в.) осмысливается с помощью придуманных исторических событий и персонажей, а также, почему эта выдуманная история обретает популярность и каким образом впоследствии комментируется современниками и потомками. Особое внимание при обсуждении было обращено на проблему аудитории сочинения Гальфрида, а также на состояние рукописной традиции, изучение которой позволяет увидеть логику прочтения и, следовательно, восприятия данного текста.

С.А. Степанцов (ИВИ РАН) рассмотрел комментирование как сущностную характеристику средневекового богословия и картины мира средневековых интеллектуалов. На примере комментария Августина на 119 псалом были выявлены основные приемы и методы филологического, исторического и культурологического (в данном случае церковно-религиозного) комментария. Обстоятельный анализ позволил сделать обоснованные выводы о способах интеллектуальной работы одного из Отцов Церкви. Кроме того, были показаны эвристические возможности филологического комментирования для развития современного гуманитарного знания.

Очень длительную и чрезвычайно разнообразную историю комментирования одного из важнейших древнеримских правовых текстов – Законов XII таблиц –

представил Л.Л. Кафанов (ИВИ РАН). Он выделил основные этапы комментирования этого источника, выявил их существенные характеристики, подробно остановился на отдельных наиболее значимых комментариях римских юристов. Итогом заседания стала попытка сформулировать хотя бы в общем виде важнейшие составляющие правового комментирования и определить отличие последнего от исторического и филологического комментирования.

Проблемы комментирования античных источников рассматривались и А.В. Масолкиным (Саратовский ГУ), который подчеркнул ряд проблем понимания смысла и трактовки сюжетов произведений античности, необходимость учета филологических и лингвистических особенностей античных текстов. Автор отдельно остановился на анализе традиций комментирования античных источников, существующих в отечественной и зарубежной научной практике.

О.В Ауров (РГГУ) счел перспективным взглянуть на комментарий как на средство источниковедческого исследования. Было показано, что даже текст с вполне стандартной фабулой и, казалось бы, не содержащий никаких конкретных исторических сведений в их «традиционном» понимании, может оказаться достаточно насыщенным информационно, если предварительно станет объектом комментирования.

Но у проблемы «Текст и комментарий» есть и другая, как бы современная сторона. Побудительным мотивом, подтолкнувшим участников семинара к этой теме, стали качество комментариев к ныне издаваемым историческим источникам и отношение современных историков к этому виду работы. Перед участниками семинара возникли вопросы следующего порядка: как нынешние историки работают с комментированием? Как определяют эту процедуру, как оценивают качество того или иного комментария исторического источника? Вопросы не праздные, во-первых, потому что практически каждый историк хотя бы раз в своей жизни готовил комментарий источника, а значит, использовал определенную пояснительную модель, либо работал с комментариями и,

разумеется, их оценивал, а значит, такую модель в голове имел. А во-вторых, суть комментирования, на наш взгляд состоит в разъяснении реалий текста людям, ныне живущим в России. Читатель (а комментарии готовятся, как правило, к публикациями, адресованным любому заинтересованному человеку), встречая непонятное выражение, «глухие» ассоциативные ряды, даты, имена, и пр. как минимум раздражается, а как максимум – теряет интерес к книге, иногда, очень даже заслуживающей самого пристального внимания.

Занявшись проблемой комментирования более основательно, мы познакомились с богатейшим опытом, который накоплен в этом направлении нашими коллегами-филологами. Это давняя тема Института мировой культуры МГУ. Последним, известным нам, и, бесспорно, заслуживающим внимания результатом этой работы стала публикация материалов Круглого стола «Текст и комментарий» (М., 2006), который был посвящен 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. К сожалению, хочется признаться – наши историки не осуществляют такого глубокого подхода к комментарию – ни на уровне практики, ни на уровне теории. Вероятно, это связано с тем, что предметом истории является не текст как некоторая завершенность, но прошлая социальная реальность, которая транслируется в основном через нарратив.

Почему историки, как нам представляется, недооценивают комментарий? Первая причина, на наш взгляд, состоит в том, что они этому нигде не учатся. Нет на исторических факультетах курса «Комментарий источника». Хотя очевидно, что комментарий – это особый род научной работы. Работы трудной и занимающей много времени. Вторая причина – это то, что историки не пишут рецензий на комментарии опубликованных исторических источников, не оценивают их публично, не размышляют над ними. Нет у историков такой традиции. Комментарий выполняет до сих пор в публикациях источников узко вспомогательную роль – некий краткий справочник географических названий, персоналий, дат.

Размышлениям вокруг проблем комментария в современном гуманитарном знании были посвящены три заседания семинара. Н.А. Селунская (ИВИ РАН) отметила, что исследование и комментирование, естественно, взаимосвязаны, но не тождественны. И, коль скоро в развитии истории и филологии как дисциплин наблюдается то кризис жанра, то новый революционный поворот, логично предположить, что это отражается и на характере комментирования, что меняется и комментарий. В период, когда критерии «научности» в гуманитарных дисциплинах размыты и подвергнуты сомнению, непонятно, какие же требования должны предъявляться к комментарию. Более того, поскольку и в истории, и в филологии, возник тезис о самоценности и самодостаточности фрагмента, нельзя избежать вопроса о принципиальной необходимости комментария.

Значимость комментирования подразумевалась и сама собой вытекала из признания особого значения контекста. В ходе доклада и обсуждения ставился вопрос о том, что же такое комментарий в самом общем смысле и что такое исторический комментарий.

Определению академического комментария, его типологизации и классификации была посвящена встреча с И.А. Пильшиковым. Общие теоретические положения были проиллюстрированы на конкретных примерах комментирования сочинений русских поэтов XIX века (Батюшков и Баратынский). Особенно важной является общегуманитарная модель комментария, обсуждению которой была посвящена дискуссия по докладу.

Проблема понимания текста имеет непосредственное отношение к его переводу. Это очень конкретная вещь, и сейчас печатается масса переводов, но критерии их оценки применительно к истории теоретически вообще не обсуждаются. Ю.В. Иванова (ИМЛИ РАН) подчеркивала, что перевод является, прежде всего, вариантом толкования текста и поставила вопрос о его соотношении с комментарием. Автор проанализировала современные концептуальные парадигмы комментария и указала на необходимость комплексного подхода к переводу, основанному на синтезе различных парадигм. В ходе

заседаний обсуждалась проблема аудитории переводных текстов: для кого делаются эти переводы? Понятно, что любой человек, изучающий источник или данный исторический период более или менее глубоко, будет (и должен) читать оригинал. Тогда на какую аудиторию рассчитаны переводы? Студенты-первокурсники, которые еще не выбрали специализацию? Коллеги-историки из других областей, которым стало любопытно узнать что-нибудь, например, про Францию XVI в.? «Широкий круг читателей», т.е. интеллигентные люди, которые читают книги ради удовольствия? Или перевод предназначен для того, чтобы студент или начинающий исследователь, не поняв какой-то пассаж в оригинале, мог с ним свериться (такова, например, английская традиция перевода источников)? Я думаю, что не ответив, хотя бы для себя, на этот вопрос, нельзя понять, как переводить текст и как его комментировать.

Годовая работа семинара, сборник «Комментарий исторического источника: исследования и опыты», стал своеобразной попыткой привлечь внимание исторического сообщества к вопросам комментирования источников. Составление комментария к тексту является самостоятельной научно-исследовательской задачей, направленной на максимально полную интерпретацию исторического источника в контексте соответствующей исследовательской парадигмы. В современном профессиональном сообществе историков назрела насущная потребность в решении указанной исследовательской проблемы. Это связано с целым рядом причин, а именно: 1. В связи с публикацией в последние пять лет целого ряда исторических источников по всеобщей истории, в контексте динамично меняющихся научных парадигм очевидна необходимость выработки единых объективных общих принципов и подходов к составлению и оценке исторического комментария. Выработка общих правил комментирования при подготовке публикаций источников приобретает особую важность для серийных академических публикаций. Это значительно повысит научную значимость публикуемых в будущем исторических источников. 2. При

подготовке профессиональных историков в высшей школе в курсе источниковедения до сих пор не акцентируется проблема составления исторического комментария и его отличий от источниковедческого анализа, т.к. они не выявлены на уровне теоретической научной разработки. Соответственно не формулируется и не реализуется в полной мере одна из важнейших для профессии историка задач, а именно – обучение студента-историка комментированию текста исторического источника.

Перспективы развития этой темы очевидны. Мне представляется важным продолжить работу по анализу целей и задач, которые выполняет комментарий к тексту в системе гуманитарных наук; провести типологизацию комментариев; выявить специфику исторического, филологического, философского, культурологического комментария. В контексте результатов компаративного исследования функций комментария к тексту в гуманитаристике в целом, можно было бы выработать и систематизировать базовые принципы составления профессионального исторического комментария к различным по типу и времени происхождения историческим источникам. На мой взгляд, это бы могло расширить и предмет исследования исторической культуры за счет включения в него комментария как собственно объекта исследований, который сам является носителем информации об исторической культуре, историческом знании, формах ее фиксации и трансляции.

Исходной точкой любого обращения к прошлому является отбор информации о нем. В «тематическом» 2010 г. обсуждению участников семинара была предложена проблема «Традиция и текст», которая обращала нас к выявлению источников знаний о прошлом, которые так или иначе использовались в трудах о прошлом. В поисках ответа на вопрос о том, к каким источникам информации обращались авторы исторических сочинений, можно понять, в рамках каких культурных и интеллектуальных традиций прошлого они чувствовали себя естественно, каким образом «осваивали» их, актуализируя и встраивая их в свою систему мировидения. Отношение к источнику знаний о прошлом, осознанность специфики различных исторических

свидетельств определяет уровень и значимость вновь создаваемого сочинения. При описании более или менее отдаленного прошлого составитель исторического сочинения вынужден был прибегать к исторической традиции, что включает не только содержание традиции, но также и сам процесс, способ передачи традиции⁴⁷. Отношение к традиции определялось личностью и мировоззрением самого автора, его социально-политической и идеологической средой, свойственным ему и его аудитории типом мышления и др. детерминантами.

Данная проблема представляется нам крайне важной еще и потому, что в актуализации источников знаний о прошлом, в их подборе и трактовке четко фиксируются многообразные социальные и политические запросы общества. Само возникновение отношения исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку. «Осознание источника» автором сочинения с неизбежностью влечет за собой растущее внимание к оценке исторической традиции. Отбор исторической традиции есть необходимая и главная задача историков всех времен и народов⁴⁸. Поскольку отбор предполагает критическое отношение к исторической традиции, а любое критическое отношение к ней влечет за собой отбор, то селективно-критическое отношение к традиции может быть индикатором уровня зрелости исторической мысли и описания истории.

В ходе работы семинара в 2010 г. для большинства его участников стала очевидной необходимость рассмотрения античной традиции историописания в истории исторической мысли. В современной историографии до сих пор нет обобщающей работы, содержащей сплошной анализ бытования античного историописания в эпохи Средневековья и Нового времени в Европе. В имеющихся исследованиях, посвященных этой тематике, как правило,

---

⁴⁷ *Вейнберг И.П.* Указ. соч. С. 57.

⁴⁸ *Strasburger H.* Die Wesenbestimmung der Geschichte durch die antike Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1975.

берется отдельная проблема, изложенная одним античным автором, и прослеживается формирование и развитие историографической традиции. Более того, в обобщающих трудах⁴⁹, посвященных историописанию, общим местом стала не совсем полная и точная оценка значимости античных историков в формировании историзма переходной эпохи. Например, «...круг источников всей этой мудрости крайне узок и повторяется из трактата в трактат: «Поэтика» Аристотеля; суждения о пользе истории, почерпнутые у Цицерона и Квинтилиана, Дионисия Галикарнасского; наставления как писать историю, принадлежащие Лукиану из Самосаты»⁵⁰.

Специально этой теме мы посвятили отдельную встречу, которая вызвала интерес и у наших коллег⁵¹. Краткий и не окончательный ее итог состоит в следующем. Общий фонд исторических источников на протяжении всего Средневековья менялся довольно медленно и к эпохе Возрождения не претерпел какой-то грандиозной трансформации. Из античных авторов-историков фавориты одни и те же: поэты Вергилий и Лукан (их к историкам причисляли очень часто, хотя и с оговорками), Саллюстий, Светоний, Юстин, Евтропий (в том числе в составе позднейших компиляций Павла Диакона и Ландольфа Мудрого). Бесспорно, в позднее Средневековье интерес к античной литературе существенно вырос, классиков стали читать больше, однако такие (с нашей современной точки зрения) корифеи римского историописания как Цезарь, Ливий, Тацит, Аммиан Марцеллин остаются вовсе или почти

---

⁴⁹ Grundmann H. *Geschichtsschreibung im Mittelalter*. Göttingen, 1965. S. 54.

⁵⁰ Koselleck R. *Historia Magistra Vitae // Natur und Geschichte*. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1967, S. 93.

⁵¹ Т.В. Гимон «Памятники античной историографии в англо-саксонской Англии», С.Г. Мереминский «Памятники античной историографии в англо-нормандской Англии», И.Н. Данилевский «Античная история в домонгольской Руси», А.И. Сидоров «Памятники античной историографии в каролингской Европе», М.С. Бобкова «Античные историки в историописании XVI века».

не известны⁵². Говоря о причинах таких предпочтений, не стоит полностью сбрасывать со счетов фактор случайности, но общий вектор довольно хорошо виден: предпочтение отдавалось сравнительно коротким текстам («монографии» Саллюстия или отдельные жизнеописания у Светония, не говоря уже о лапидарных Юстине и Евтропии), желательно, с выпукло обозначенной моральной составляющей, но вместе с тем достаточно занимательным. Труды Ливия или Тацита, возможно, казались слишком многословными, переполненными малознакомыми, а потому и не слишком интересными именами, названиями, событиями. Ну, и не стоит лишний раз говорить, что все грекоязычные авторы оставались полностью неизвестны (за редчайшими исключениями и то сомнительными: так, есть версия, что Лиутпранд, неоднократно посещавший Константинополь, мог заглядывать в каких-то греческих авторов).

Впрочем, две новые тенденции в отношении к античному наследию в позднем Средневековье все же проявились. Во-первых, большой популярностью стали пользоваться сочинения псевдоисторического (как мы сейчас знаем) содержания из циклов о Троянской войне (истории, приписываемые неким Дарету и Диктису, а также оригинальные средневековые версии – Бенуа де Сен-Мора, Гвидо делле Колонна) и Александре Македонском (сравнительно достоверный Квинт Курций Руф и полностью фантастические «Деяния Александра» Юлия Валерия, др. тексты). Интерес к Троянскому циклу – троянские корни многих европейских народов и, одновременно, переосмысление в контексте рыцарских подвигов – величайшая война в истории. Цикл об Александре – интерес к Востоку в эпоху Крестовых походов (характерно, что многие детали оттуда будут позднее использованы в знаменитом сочинении «Письма пресвитера Иоанна»)⁵³.

---

⁵² *Schmidt-Biggemann W.* Topica universalis: eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft. Hamburg: Meiner. 1983, S. 211-243.

⁵³ *Paul Oskar Kristeller, F. Edward Krantz* eds. *Catalogus translationum et commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries.* Washington: Catholic University of America Press, 1971.

Второй новый аспект – фантастический взлет популярности небольшого трактата «О речах и деяниях знаменитых людей» Валерия Максима: то же стремление к кратким выжимкам, но в виде не схемы (как у Евтропия), а собрания исторических анекдотов, которые легко можно вставить к месту или не к месту. Это можно сравнить со стремительным взлетом популярности жанра *exemplar* в XIII в. Неожиданно и очевидно влияние античного наследия и на формирование летописных источников домонгольской Руси⁵⁴.

Переворот в отношениях к античным авторам, произведший настоящее потрясение всех историографических основ Средневековья, был произведен, конечно, итальянскими гуманистами – собирателями рукописей, переводчиками, издателями, университетскими профессорами, правоведами.

Оценивая значимость всех воспринятых предшествующих традиций историописания, можно сказать, что самая высокая доля цитирования и отсылок приходится на античную традицию историописания. Поэтому мы и уделяем большее внимание европейскому восприятию переходной эпохи античной традиции историописания.

Между тем, с момента изобретения книгопечатания и по 1700 г. в Западной Европе находилось в обращении более 2 500 000 экземпляров печатных изданий сочинений античных историков⁵⁵. И среди них были – Саллюстий (553 000 экземпляров), Валерий Максим (198 000 экз.), Цезарь (189 000 экз.), Курций Руф (179 000 экз.), Тацит (316 000 экз.), Ливий (160 000 экз.), Светоний (155 000 экз.), Флор (152 000 экз.), Юстин (73 000 экз.), Иосиф Флавий (141 000 экз.), Плутарх (62 000), Ксенофонт (84 000 экз.), Геродот (44 000 экз.), Фукидид (41 000 экз.), Диодор и Дион (по 25 000 экз. каждый). В 1527 г. Дж. Бадий перевел на французский язык Фукидида, и это издание разошлось тиражом 1225 экз. Издания на латинском языке издавались

---

⁵⁴ Доклад И.Н. Данилевского.

⁵⁵ Schweiger F.L.A. Handbuch der classischen Bibliographie. 3 V. Leipzig, 1830 – 1834.

тиражами поменьше, на греческом языке – совсем небольшими. Какова была динамика популярности античных историков, оцененная по интенсивности издания⁵⁶:

1450 – 1599 гг. Саллюстий, Валерий Максим, Ливий

1500 – 1549 гг. Саллюстий, Валерий Максим, Цезарь

1550 – 1599 гг. Цезарь, Саллюстий, Ливий

1600 – 1650 гг. Тацит, Саллюстий, Флор

1650 – 1699 гг. Курций Руф, Флор, Саллюстий

Освоение античного историописания было теснейшим образом связано с подготовкой переводов и комментариев к ним. Первое место среди переведенных на европейские языки книг в XIV в. имеют античные авторы – Вергилий, Овидий, Саллюстий, Тит Ливий. XVI столетие с новой силой возбудило интерес к переводам на европейские языки. К концу века на французский язык были переведены практически все тексты древнегреческих авторов. В значительной мере в раннее Новое время политику в освоении исторического пространства античности определяли не только переводчики, но и издатели. По существу, издания античных авторов XVI века оказались превзойденными только в XIX веке, когда с большей полнотой были собраны рукописи и выработаны приемы научной критики. В 2012 г. мы планируем провести еще один Круглый стол и вынести эту тему на более широкое обсуждение.

Традиционно в центре внимания ученых, занимающихся историей исторического знания, находятся письменные тексты, однако в последние десятилетия все больше внимания уделяется и другим типам источников. В то же время, до сих пор не предпринималось попыток суммировать и обобщить работу в этом направлении. Наиболее перспективными с точки зрения сферы дальнейшей работы семинара «Люди и тексты» представляются произведения изобразительного искусства: живопись, скульптура, архитектура, книжные миниатюры и оформление книг в целом (здесь вполне уместно обратиться к популярному сейчас направлению, изучающему

---

⁵⁶ Geschichtsschreibung: Epochen-Methoden-Gestalten. Hrsg. J. Sigmaringen, 1987. S 17/

визуальную репрезентацию текста в рукописях), применительно к новому и новейшему времени круг источников может включать и документалистику, фотографию, музыку и многое другое.

Общие размышления над этими сюжетами и их обсуждение сделали для нас очевидным, что проблема стоит шире. Ведь круг визуальных источников – это только часть того колоссального айсберга, которым представляется ненарративная история, которая и стала темой семинара в 2011 г.⁵⁷ Под термином «ненарративная история» мы понимаем обращение к источникам, которые не имеют форму повествования или несут отпечаток смысловой незавершенности. Говорить о результатах наших штудий в этом направлении пока рано, но приблизительно треть статей, представленных в этом сборнике, подготовлены на основе докладов и их обсуждений в этом году.

Непосредственно из обсуждений в семинаре «Люди и тексты» в 2008 и 2009 гг. родилась идея проведения двух Круглых столов – «Понятие историописание и его границы» (2009 г.)⁵⁸ и «Локальные исторические культуры и традиции историописания» (2010 г.)⁵⁹. Заседания тематических Круглых столов, по моему мнению, являются одной из наиболее эффективных форм «поиска истины» в рамках ответа на один-единственный вопрос. Вопрос, определяющий исследовательскую проблему. Проблему –

---

⁵⁷ Предварительный план работы семинара по теме «Ненарративная история» представлен – электронный ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/6638/> свободный.

⁵⁸ Его подготовкой и проведением руководил кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН Станислав Григорьевич Мереминский. По итогам работы издан сборник научных статей «Терминология исторической науки. Историописание» / Отв. ред. *М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский*. М.: ИВИ РАН, 2010, – 338 С.

⁵⁹ Этот Круглый стол подготовил и провел кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН Александр Иванович Сидоров. По итогам работы издан сборник научных статей «[Локальные исторические культуры и традиции историописания](#)» / Отв. ред. *А.И. Сидоров*. М.: ИВИ РАН, 2011. – 273 С.

общую для всего цеха историков, независимо от их тематической, хронологической, географической специализации. Проблему, которая по разным причинам является базовой для понимания сущностей исторического познания, судеб исторических сообществ, собственно логики развития исторической науки.

Я уже отмечала, что важное место в сфере научных интересов семинара занимает изучение различных текстов исторического содержания (письменных и не только), т.е. текстов, призванных более или менее адекватно отразить различные аспекты прошлого. Необходимой предпосылкой такого изучения должна быть выработка единого и корректного терминологического инструментария. Между тем, представляется, что в современной отечественной исторической науке не существует даже общепринятого термина для обозначения процесса создания текстов исторического содержания, подобного английскому «historical writing» или немецкому «Geschichtsschreibung». Наиболее близким по значению к ним является русское понятие «историописание», которое, однако, еще не получило достаточного концептуального осмысления. Поэтому, с одной стороны, необходимо было уточнить и прояснить соотношение понятия «историописание» с такими смежными и родственными терминами как «история», «хронография», «историография», «историческое знание», «историческая память» и т.д. С другой стороны, не менее важно изучение понятия «историописания» в его пространственно-временном модусе, на материале самых разных эпох и обществ. Осознавались ли в той или иной культуре тексты, призванные зафиксировать информацию о прошлом, как особая разновидность сочинений, и если да, то где проходила граница между ними и другими письменными произведениями? В то же время, понятие «историописание» нередко ставится в оппозицию и к понятиям «историческая наука» и «историческое исследование». Таким образом, его изучение напрямую связано и с проблемой становления истории как науки в Новое время. Адекватная постановка и решение столь широкого круга вопросов возможны лишь при участии историков, изучающих самые разные эпохи и

страны: от Античности до Новейшего времени, специалистов как по всеобщей, так и по отечественной истории. На первом этапе оптимальной формой такого сотрудничества нам представлялся круглый стол, посвященный темам:

- понятие «историописание» и его аналоги в других национальных историографических традициях;
- «историописание» и родственные понятия (история, историография, хронография);
- временные границы «историописания»:
между мифом и исторической наукой?

Вынося на обсуждение проблему терминологического инструментария историка, мы отдавали себе отчет в том, что тот или иной термин может стать работающим, актуальным лишь при условии достижения консенсуса значительной частью сообщества профессиональных историков. Причем такой консенсус, как правило, не определяется формально-административными методами, а вытекает из самой «культурной практики» исторических исследований.

Проблема формирования и использования терминологического инструментария исторической науки, в основе которого лежит понятие, самым тесным образом связана с ее становлением как дисциплины и осмыслением предмета ее исследований. «Одной из особенностей общества как предмета научных исследований является целостность взаимодействий и противодействий факторов различной природы... неясности теоретического мышления об обществе и его истории, так и неясности суждений, выражающих общественное мнение, в значительной мере зависят от того, что в этих сферах мы имеем мышление, выраженное с помощью идей, а не понятий»⁶⁰.

Специфические свойства понятия, зафиксированного в термине, определяются и тем, что оно должно выступать в качестве медиатора в процессе профессионально-научной коммуникации. Даже в рамках собственно исторического профессионального сообщества неупорядоченность

---

⁶⁰ Финн В.К. Интеллектуальные системы и общества. М., 2001, С.273-274.

терминологии, разноречивой вызывают ненужные споры между представителями разных школ и направлений, а также недоразумения – от досадных до комичных – между историками и обществом, являющимся непосредственным «потребителем» производимого учеными продукта: научных монографий, статей, учебников, исторической публицистики, справочной литературы, исторической медийной продукции и пр.

Кроме того, отметим, что сегодня особенно актуальным представляется изучение понятия в роли «носителя информации» о той деятельности, которая непосредственно связана с формированием, хранением и передачей специальных знаний. Научный язык является такой же частью реальности, как и объекты действительности, изучаемые наукой⁶¹.

В истории исторического знания многие виднейшие ученые уделяли проблемам понятий, исторической терминологии самое пристальное внимание, поскольку только наличие ясной терминологии, выражающей те или иные сущности, конституирует научную дисциплину, науку. Мы будем недалеко от истины, утверждая, что осмысление языка историка существует столько же, сколько и сама историческая дисциплина.

«Делом и правом нашей науки, как и любой другой, должно быть исследование и определение понятий, с которыми она имеет дело. Если она позаимствовала бы их из результатов других наук, то ей пришлось бы покориться и подчиниться тем научным подходам, над которыми у нее нет контроля, возможно даже таким, которые, как ей очевидно, ставят под сомнение ее собственную самостоятельность и право; она, возможно, получила бы от них дефиницию понятия «наука», которая бы ей была не по нутру. Нашей науке придется подыскать для себя соответствующий ряд понятий по-своему, т.е. эмпирическим путем. Она имеет право на это, поскольку ее метод есть, прежде всего, метод

---

⁶¹ *Ankersmit F.R. The Use of Language in the Writing of History // Working with Language: A Multidisciplinary Consideration of Language Use in Work Contexts / ed. by Nywel Coleman. Berlin, 1989, 57-83.*

понимания, понимания и того, что есть у языка и словоупотребления в повседневном обиходе и что он предлагает ее эмпиризму»⁶². Вопрос об исторических понятиях, об их определении в период с XVI по XIX век постоянно возникает практически во всех сочинениях об истории⁶³. Действительно, это период, когда история активно ищет и определяет средства выражения уже накопленных знаний о прошлом. С середины XIX до первой трети XX вв. языком истории были идеи, а с 30-х гг. XX в.⁶⁴ начинается их переосмысление и формализация на уровне понятий и категорий⁶⁵. Терминологический аппарат может быть лишь результатом реконструкции идей, преобразованных в понятия⁶⁶. Рубеж XX и XXI вв. очевидно демонстрирует нам единство научного знания, что соответствующим образом влияет и на язык гуманитарной науки, и на формирование взаимоприемлемого общенаучного понимания структуры смысла.

Мы исходим из того, что смысловая перегруженность понятия «историография» очевидна, и наиболее экономным решением этой проблемы могло бы стать введение термина (или терминов), призванных взять на себя часть этой нагрузки. Целью нашего Круглого стола было определить, возможно и целесообразно ли использовать в качестве одного из таких «разгрузочных» терминов понятие «историописание». Чаще всего слово «историописание» употребляется в чисто стилистических целях, обычно – как синоним слова «историография» (в самых разных ее значениях), и не несет самостоятельной смысловой нагрузки. В прочих случаях можно с большой долей условности выделить три группы значений:

---

⁶² Дройзен И.Г. Историка. М., 2004, С. 549-550.

⁶³ Goodman N. Ways of Worldmaking. Hassocks, 1978.

⁶⁴ Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art. Cambridge, 1983, P. 189; Hutton P. H. History as an Art of Memory. Hanover; L., 1993.

⁶⁵ Smith P. The Place of History among the Sciences // Essays in Intellectual History: Dedicated to James Harvey Robinson by His Former Students. N. Y., 1929. P. 213–227.

⁶⁶ Финн В.К. Цит. соч. С.274.

1. Историописание как процесс «писания истории» вообще (в любой форме), т. е. создания исторических текстов. Но из этого немедленно следует вопрос – что такое исторические тексты?

2. Историописание как совокупность исторических текстов, созданных в определенную эпоху и/или на определенной территории. Здесь возникает тот же уточняющий вопрос, что и в предыдущем пункте.

3. Историописание как «писание» истории в противовес историческому исследованию, основанному на научном анализе. Тем самым историописание явно или неявно противопоставляется исторической науке (или, как предпочитают говорить некоторые исследователи, историологии⁶⁷). В довершение путаницы, в некоторых работах эта более «научная» альтернатива историописанию обозначается как историография. Так, А.Г. Тартаковский в свое время предложил называть историописанием «промежуточный, смешанный тип исторического повествования», сочетающий «качества традиционного исторического сочинения с мемуарно-личностным»⁶⁸.

Такой разброс точек зрения едва ли можно считать нормальным. По справедливому замечанию И.П. Вейнберга, «если одно и то же явление именуется «историей» и «историографией», «историческим интересом» и «идеей истории», «историописанием» и т.д., то такое терминологическое многоголосие порождает дополнительные «шумы» в без того перегруженных коммуникационных каналах современного человека. Кроме того, терминологическая пестрота, вероятно, свидетельствует о нечеткости, неопределенности в понимании самого обозначаемого явления. Поэтому уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и точность являются важными предпосылками не только для определения предмета разговора, но также для того, чтобы разговор состоялся»⁶⁹. Соответственно, если мы

---

⁶⁷ См. например *Семенов Ю.И.* Философия истории. М., 2003. С. 3.

⁶⁸ *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – 1-й половины XIX вв. М., 1991. С. 40.

⁶⁹ *Вейнберг И.П.* Указ. соч., С. 9.

хотим использовать в своей «творческой лаборатории» понятие «историописание» (а тенденции последних лет достаточно явно указывают на наличие такого желания в сообществе историков), имеет смысл попробовать точнее определить его и отграничить от других родственных терминов⁷⁰.

С моей точки зрения, целесообразнее и уместнее всего рассматривать историописание: во-первых, как наделение значением событий и явлений действительности, во-вторых, как процесс создания исторических текстов, а в-третьих – как результат этого процесса, то есть совокупность текстов о прошлом, написанных в определенное время и в определенном регионе.

Но это определение ставит перед нами целый ряд новых вопросов. Что такое исторические тексты? Когда возникает историописание: рождается ли оно в классической Греции, как это нередко утверждают, или оно существовало уже в цивилизациях Древнего Востока? С другой стороны, оправдано ли противопоставление историописания исторической науке, историческому исследованию? Если да – где граница между ними? Тождественны ли понятия «историописание» и «исторический нарратив»: иными словами, возможно ли не-нарративное историописание? Наконец, где проходит граница между историческими и неисторическими жанрами? И по каким критериям ее нужно проводить?

Все эти вопросы представляются нам важными и заслуживающими исследовательского внимания в дальнейшей работе и семинара «Люди и тексты», и Центра истории исторического знания в целом.

Проблематика Круглого стола «Локальные исторические культуры и традиции историописания» была напрямую связана и в некоторой степени определена «заглавной темой» работы семинара в 2010 г. – «Традиция и текст». Актуальность этой темы, на наш взгляд,

---

⁷⁰ Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. С. 14-28.

продиктована устойчивым интересом к изучению исторической культуры различных сообществ, к тому, как формировалось, видоизменялось и транслировалось их знание о прошлом. Наиболее полно эти процессы отразились, собственно, в историописании. Исторические сочинения, созданные в конкретное время и в конкретном месте, не только фиксировали определенную сумму знаний о прошлом, но и сами, в свою очередь, служили основанием для новых историографических построений. Следовательно, нам представлялось, важно понять, как именно историки осваивали труды своих предшественников, каковы была внутренняя логика и конкретные механизмы формирования традиции историописания в рамках локальных культур.

Можно говорить по крайней мере о двух основных способах работы историков с трудами своих предшественников. В одном случае оригинальный текст сохранял доминирующее значение и с течением времени лишь до известной степени совершенствовался. В другом, напротив, бесцеремонно разбирался на части и служил своего рода строительным материалом для нового произведения.

Именно поэтому мы предложили к обсуждению следующие проблемы:

- Историческое произведение в ином культурном контексте. Появление любого исторического труда обусловлено его актуальностью для конкретной аудитории. Смена аудитории приводит либо к его забвению, либо к открытию в нем новой актуальности. Второе, как правило, получает наглядное воплощение в виде дополнений, исправлений или продолжений оригинального текста. Как именно и в чем конкретно они выражаются?

- Историческое произведение как элемент нового текста. Традиция историописания предполагает не только знание, но прежде всего использование накопленного ресурса, в частности, его включение в последующие труды по истории. В числе возможных вариантов такой работы – упоминание автора и/или названия произведения; прямое и косвенное цитирование; заимствование фактов, сюжета, понятий или авторской оценки событий для описания иной

исторической реальности.

Хранителем исторического знания выступает, прежде всего, исторический нарратив, воплощенный в конкретной форме – хроника, анналы, история, биография и т.д. Чтобы иметь возможность его читать (= использовать в качестве исторического источника), надо понять, какова логика его создания. В разных культурах и в различные периоды времени она не была той же самой. Организуя Круглый стол, мы имели в виду именно эту – локальную, - ретроспективу.

Для традиционных обществ, в целом, характерно слабое развитие внутренних коммуникаций и, как следствие, слабая степень интегрированности отдельных элементов в единый социальный организм. Убедительным примером тому служит длительное сосуществование на одном и том же цивилизационном пространстве локальных традиций в самых разных социо-культурных сферах, будь то право, политика, хозяйственная деятельность, или, например, архитектура, одежда, палеография. Историописание также не являлось исключением. Более того, именно исторические сочинения предельно наглядно фиксировали эту локальность и культурную обособленность.

На Круглом столе мы говорили, прежде всего, о Западной Европе эпохи Средневековья. Насколько единой была историческая культура Западной Европы на протяжении тысячи лет? Можно ли и нужно ли вообще говорить об этом единстве? Если – да, то с какого момента и в чем конкретно оно выражалось?

В средневековой Европе существовало несколько факторов, стимулировавших интеграционные процессы. К их числу относились христианство как форма религии и христианская церковь как институциональная форма этой религии; фактор империи и тесно связанная с ней идея *translatio*; фактор латинского языка, хотя и в значительно меньшей степени. В разные моменты времени актуальность обретали другие факторы – развитие торговли, становление национальных государств, крестовые походы, массовые паломничества, университеты и др. К началу Нового времени Европа выглядела значительно более однородной, чем за

тысячу лет до того. Справедливо ли это наблюдение в отношении историописания? Как убедительно показывают исследования, собранные в этой книге, на данный вопрос следует дать положительный ответ.

С другой стороны – и это не менее важно, – участники Круглого стола стремились показать, в каких формах существовало историописание в конкретное время и в конкретном месте. Очевидно, что историю писали по-разному. Что может нам дать знание этих различий для понимания более общей картины развития исторической мысли в Европе?

Наконец, нам хотелось понять, в чем заключаются существенные отличия исторической культуры западноевропейского Средневековья от других культур, которые с ней соседствуют в территориальном и хронологическом отношении. Речь идет, с одной стороны, о средиземноморской Античности, с другой – о средневековой Руси. Вряд ли имеет смысл доказывать, что эти три соседствующие культуры были вполне самостоятельными по отношению друг к другу. Сравнительное изучение их особенностей в перспективе поможет лучше понять каждую из них.

Историки прошлого, как и их современные коллеги, работали с текстами своих предшественников – всегда, когда такого рода возможность им предоставлялась. Следы этой работы наиболее полно зафиксированы в их собственных сочинениях. Важно понять, как именно она строилась: что историкам было важно в других исторических произведениях, как они использовали это знание, в какой нарративный контекст его помещали, а что, напротив, оставляли без внимания. Изучая эту «техническую» сторону историописания, можно увидеть, как элементы одной исторической культуры становились частью другой, почему это происходило, а также по каким каналам шло это взаимопроникновение. В отношении нашей темы наиболее репрезентативным оказалось освоение европейскими историками античного наследия.

В ходе Круглого стола был обозначен ряд вопросов, заслуживающих дальнейшего изучения. В целом, участники

сошлись на том, что локальные исторические культуры представляют собой круг исторических знаний, определенным образом структурированных и распространенных в определенных хронологических и территориальных границах. Они находятся друг с другом в сложном взаимодействии – от полного отрицания до последовательного и целенаправленного освоения. Однако далеко не всегда понятно, как и почему это происходит.

В развитии европейских исторических культур огромную роль сыграло античное наследие. На протяжении многих столетий оно являлось своего рода зеркалом, в котором каждый раз видели новое отражение. Но конкретные механизмы осмысления современности через сравнение с минувшим исследованы лишь в первом приближении. Развитие и взаимодействие исторических культур в рамках европейской цивилизации не шло поступательно-эволюционным путем. Правильнее говорить о сложной динамике данного процесса с яркими взлетами, на смену которым приходили длительные периоды рецессии и даже регресса. Важно понять, почему отдельные части исторической традиции обретали актуальность в разные моменты времени в различных точках пространства, а также какую роль в историографическом дискурсе играет то или иное событие, человек или место.

Участники Круглого стола не раз обращали внимание на цитирование как на один из возможных вариантов локализации исторической традиции. Способ цитирования и содержание конкретной цитаты, зафиксированные в историческом произведении, в ряде случаев ясно указывают на определенные текстуальные сообщества, которые, собственно, являются носителями локальных традиций. Здесь мы выходим на более широкую и до настоящего времени лишь в общих чертах исследованную проблему коммуникации – людей и текстов, авторов и читателей. В дополнение к этому сюжету следуют два других, еще менее изученных: бытование исторического знания во внеисторических текстах и значение устной традиции в формировании локальных культур.

Круглый стол оказался замечательной площадкой, где мнениями по ряду актуальных вопросов обменялись представители очень разных групп нашего профессионального сообщества. Не секрет, что сегодня оно становится все более разобщенным. Мы перестаем слышать друг друга, а потому нам все сложнее вырабатывать некую единую платформу, на которой в дальнейшем можно было бы строить позитивный научный диалог⁷¹.

Завершая свой довольно краткий рассказ о пятилетней истории семинара «Люди и тексты» с абсолютной откровенностью и честностью признаюсь – он живет такой творческой и динамичной жизнью, ему удается удерживать высокую профессиональную планку, только благодаря честной и заинтересованной работе, прежде всего, сотрудников Центра истории исторического знания ИВИ РАН – М.П. Айзенштат, М.Н. Машкина, С.Г. Мереминского, А.И. Сидорова; благодаря усилиям ученого секретаря семинара Т.В. Гимона и нашего «агента» в сети Интернет, системного администратора социальной сети историков «Всемирная история. Единое научно-образовательное пространство» К.И. Тасица, наших молодых коллег – И.М. Никольского и А.В. Шишова; благодаря активным постоянным участникам заседаний – З.Ю. Метлицкой, Г.В. Глазыриной, П.Ш. Габдрахманову. Мы всегда рады новым темам, которые выносят на обсуждения наши коллеги, работающие в самых разных местах (не берусь их даже все перечислить). И, по-видимому, мы будем приходить на эти семинарские встречи до тех пор, пока не пропадет редкое, замечу по нынешним временам, качество – любопытство к исследованиям друг друга.

Литература

Ankersmit F.R. The Use of Language in the Writing of History // Working with Language: A Multidisciplinary Consideration of Language Use in Work Contexts / ed. by Nywel Coleman. Berlin, 1989.
Approaches to History / Ed. H.P.R. Finberg. Toronto, 1962;

---

⁷¹ Сидоров А.И. Вместо предисловия // Локальные исторические культуры и традиции историописания. С. 5-10.

- Barber B.* Science and the Social Order. New York, 1952;
- Barnes B.* Scientific Knowledge and Sociological Theory. London; Boston, 1974;
- Boman G.* Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen. Göttingen, 1959.
- Breysig K.* Kulturgeschichte der Neuzeit. Berlin, 1900;
- Burke P.* The Renaissance Sense of the Past. New York, 1969;
- Butterfield H.* The Origins of Modern Science 1300 – 1800. London, 1957.
- Butterfield H.* The Whig Interpretation of History. London, 1951.
- Certeau M., de.* The Writing of History. New York, 1988
- Charbonnel Ch.-O.* Histoire et historiens: Une mutation idéologique des historiens français, 1865 – 1885. Toulouse, 1976.
- Chartier R.* Cultural History. Between Practices and Representations. Oxford, 1988;
- Danto A.C.* The Transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art. Cambridge, 1983;
- Desan Ph.* Naissance de la méthode (Machiavel, La Ramée, Bodin, Montaigne, Descartes). P., 1987.
- English Historical Writing and Thought, 1580–1640. L., 1962
- Ferguson W.K.* The Renaissance in Historical Thought. Boston, 1948.
- Geschichtsschreibung: Epochen-Methoden-Gestalten. Hrsg. J. Sigmaringen, 1987.
- Gilbert N.W.* Renaissance Concepts of Method. New York, 1960;
- Goodman N.* Ways of Worldmaking. Hassocks, 1978.
- Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco. Leiden, 2003.
- Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965.
- Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'occident Médiéval. P., 1980.
- Huppert J.* The Idea of Perfect History (Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France). Urbana; L., 1970.
- Hutton P. H.* History as an Art of Memory. Hanover; L., 1993.
- Jacoby F.* Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und den Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente // Klio. 1909. Bd 9.
- Jilbert N.W.* Renaissance Concepts of the Method. N. Y., 1960.
- Joyce C.* Was Hellanikos the First Chronicler in Athens? // History. 1999. № 3.
- Kelley D. R.* Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance. New York; London, 1970;
- Kelley D. R.* Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. New Haven, 1998.
- Kelly W.* Philosophy and Historical Understanding. Cambridge, 1964;
- Koselleck R.* Historia Magistra Vitae // Natur und Geschichte. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1967.
- Lacroix B.* L'historien au Moyen Âge. Montréal; P., 1971.

- Meier Chr.* Geschichte // Geschichtliche Greindbegriffe. Stuttgart, 1975. Bd. 2.
- Michelet, Jules.* Introduction à l'histoire universelle. P., 1831
- Momigliano A.* The Classical Foundation of Modern Historiography. Berkeley, 1990;
- Monod G.* Etudes critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne. P., 1872.
- Paul Oskar Kristeller, F. Edward Kranz* eds. Catalogus translationum et commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries. Washington: Catholic University of America Press, 1971.
- Schmale F.-J.* Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985.
- Schmidt-Biggemann W.* Topica universalis: eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft. Hamburg: Meiner. 1983.
- Schweiger F.L.A.* Handbuch der classischen Bibliographie. 3 V. Leipzig, 1830 – 1834.
- Simiand F.* Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement general des prix du XVI a XIX siecle. Paris, 1932;
- Smith P.* The Place of History among the Sciences // Essays in Intellectual History: Dedicated to James Harvey Robinson by His Former Students. N. Y., 1929.
- Strasburger H.* Die Wesenbestimmung der Geschichte durch die antike Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1975.
- Toye D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // The American Journal of Philology. 1995. Vol. 116. P. 279–302.
- White M.* Foundations of Historical Knowledge. New York; London, 1965;
- Woolf D.* A High Road to the Archives? Rewriting the History of Early Modern English Historical Culture // Storia della Storiografia. 1997. № 32;
- Woodman A.J., Moxon I.S., Smart J.D.* Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing. Cambridge, 1986.
- Woolf D.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. *Butterfield H.* The Present State of Historical Scholarship, Inaugural Lecture, University of Cambridge. Cambridge, 1965; *Idem.* The Origins of History. London, 1981; *Idem.* Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge, 1955; *Idem.* The Englishman and his History. Cambridge, 1944 (2nd ed. – 1970).
- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2000;
- Артог Ф.* Время и история // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 147–168;
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / Идеалы и практика культуры. М., 2002;
- Вейнберг И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э. М., 1993. – 352 С.

- Визгин В.П.* Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени // *Философско-религиозные истоки науки.* М., 1997. С. 88–141;
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Гулыга А. В.* Гердер. М., 1975;
- Девятайкина Н.И.* Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «я» // *Петрарка Фр.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (Трактат «О средствах против превратностей судьбы». Кн. 1). Саратов, 2008;
- Дорони А.В.* Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477 – 1534). М., 2007. *Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. М., 2008
- Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории / отв. ред. И.С. Кон.* М., 1977. С. 37–71;
- Дройзен И.Г.* Историка. М., 2004.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Комментарий исторического источника: исследования и опыты / Отв. ред. *М.С. Бобкова.* М.: ИВИ РАН, 2008. 295 С. (с приложением CD-ROM'a «Комментарий исторического источника: доклады и дискуссии»).
- Косминский Е.А.* Историография средних веков V в. – сер. XIX в. М., 1963, *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М., 1964.
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996;
- Мейнке Ф.* Возникновение историзма / Пер. с нем. М., 2004. С. 153.
- Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // *Терминология исторической науки. Историописание.* С. 14–28.
- Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. 2-е изд. Воронеж, 1986.
- Про, Антуан.* Двенадцать уроков по истории / Антуан Про; [Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко]. М. 2000
- Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004;
- Семенов Ю.И.* Философия истории. М., 2003.
- Сидоров А.И.* Вместо предисловия // *Локальные исторические культуры и традиции историописания.* С. 5–10.
- Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – 1-й половины XIX вв. М., 1991.
- Терминология исторической науки. Историописание / Сб. науч. статей. Отв. ред. *М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский.* М.: ИВИ РАН, 2010, 338 С.
- Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989;
- Финн В.К.* Интеллектуальные системы и общества. М., 2001.

Хобсбаум Э. От социальной истории к истории общества // *Философия и методология истории: Сб. переводов / отв. ред. И.С. Кон.* М., 1977 и др.

Цель истории – история / отв. ред. Н.И. Басовская. М., 2002;

Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.

Ю.Я. Вин

**Диалог социального и культурного в
информационном исследовании византийских
источников: понятийно-терминологический аспект
как проблема исторического познания***

Аннотация: Статья посвящена понятийно-терминологическому аспекту информационного исследования византийских источников (в основном, правового характера). Изучается ряд специальных понятий и терминов исторических источников с позиций исторического познания и информатики на основе теоретической оценки возможностей, предоставляемых указанными научными отраслями исследователю.

Ключевые слова: понятия и терминология исторической науки, теория исторического познания, Византийская империя, византийское право, компаративистика.

Об авторе: Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32-а.

Yury Y. Vin

**The Dialogue of Social and Cultural Issues in
Information Studies of Byzantine Sources :
Conceptual and Terminological Aspect as a Problem
of the Historical Knowledge**

Abstract: The article is devoted to the conceptual and terminological aspects of information studies of Byzantine sources (mostly of a legal nature). We study a number of special terms and concepts of historical sources from the standpoint of historical knowledge and theoretical computer-science based evaluation of the opportunities provided by the mentioned scholar fields.

Keywords: concepts and terminology of historical science, theory of historical knowledge, Byzantine Empire, Byzantine law, comparative studies.

---

*Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 09-01-00048а).

About the author: Yuriy Vin, Senior Researcher of the Institute of World History, RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A.

Слово – это единство значения и звучания. ...
Значение – семантика слов проявляется в контексте, в отношениях с другими словами...

P.A. Будагов

So tut sich alsbald ein schwieriges, für die Rechtsgeschichte wichtiges, für den Rechtshistoriker zentrales Problem auf: die Frage nach dem Verhältnis von Wort und Begriff.

(Таким образом сразу возникает трудная, для истории права – важная, для историка права – главная проблема: вопрос о соотношении слова и значения.)

K.S. Bader

Изучение специальных понятий и терминов исторических источников с позиций исторического познания и информатики в целом настоятельно требует взвешенной теоретической оценки возможностей, предоставляемых указанными научными отраслями исследователю. Равным образом это касается и решения конкретных задач с целью создания универсальной информационной технологии. Она предусматривает построение банка данных и других программных средств систематизации и анализа аутентичных понятий и терминов византийских источников. Исследование предполагает обращение к исконным формам понятий и терминологии исторического источника. Современная историческая наука изобилует почерпнутыми там специальными понятиями и терминами, к примеру: «феод», «домен», «поместье», «барщина», «испольщина» и тысячами других, без которых ныне специалисты вряд ли сумеют соткать полотно своего исследования. На этом пути, однако, прежде всего возникает проблема соотношения в объекте изучения – оригинальных понятиях и терминах – их социального и культурного значения. Сама по себе эта проблема принадлежит к сфере не столько информатики или ее исторического, то есть междисциплинарного, направления, сколько исторического познания. Именно оно призвано дать ответ на вопрос о допустимых пределах

научной интерпретации семантики, выраженной в самобытных понятиях и терминах исторического источника. Правда в сфере истории информационный подход к решению указанных проблем затрудняет, как подчеркивают современные антропологисты, необычная и несвойственная для названной научной отрасли ориентация на изучение уровня умственного развития и психологии человека прошлого¹.

Приступая к теоретическому обоснованию информационного исследования специальных понятий и терминов, в первую очередь необходимо указать на его прямую обусловленность кардинальными направлениями семиотики языка. Она, как известно, раскрывается, по выражению Ю.С. Степанова, в трех измерениях – семантики, синтактики и прагматики. Семантика занимается отношениями знаков к тому, что они обозначают; синтактика – отношениями знаков друг к другу; прагматика (или дектика) анализирует отношения к знакам использующего их субъекта². Главные аспекты семиотики языка, говоря другими словами, демонстрируют, соответственно, разного рода приемы познания логического и лексического значения слов, их синтаксической и лексической сочетаемости, равно и отношения к знакам человека. Особого внимания требует установленная в свое время С.Н. Булгаковым неразрывная связь гносеологии и грамматики естественных языков. Это явление воплощает, по выражению философа, «и дух языка, и гений народа». Утверждая функциональный характер зависимости между грамматикой и гносеологией, мыслитель усматривал «недосягаемую вершину прозрачности гносеологизма» в грамматике древних языков³. В них С.Н. Булгаков усматривал наибольшее совершенство и

---

¹ См.: Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека. М., 2005. С. 14-15.

² Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998; Новиков Л.А. Избранные труды. М., 2001. Т. 1: Проблемы языкового значения. Там же указана основная литература.

³ Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1999. С. 169-171 и далее.

насыщенность грамматики логикой⁴. Эти утверждения, очевидно, вполне согласуются с мнением Ю.С. Степанова, который различает в грамматике, скажем, древнегреческого языка различные по уровню «слои» или «пласты» языковой системы⁵. Значимое соотношение познания и языка – общепринятое положение современной гносеологии. Философия познания предполагает рассмотрение функций языка, обеспечивающих получение и выражение знаний, включая передачу информации и раскрытие смысла эмпирических понятий⁶.

В свете научных достижений наших дней нельзя не признать справедливость тех утверждений, которые в свое время огласил Г.Г. Шпет в своем главном труде «История как проблема логики». В заключении к нему прежде, чем углублять свои прозорливые наблюдения о сопряженности общих понятий с характером восприятия, интуицией и творческими озарениями человеческого интеллекта, известный философ напоминает читателям о роли человека, человеческого поведения и всего «человеческого» — всего того, что обозначено в исследовании феноменологии как объект научного изучения. Поэтому заявление Г.Г. Шпета о том, что для логики важно знать, как человек приходит к значению понятия, не станет для последующих поколений ученых иносказанием⁷. Этот тезис вполне сочетается с подходом к изучению понятий, который в свое время продемонстрировал видный специалист по логическим методам научного познания В.А. Смирнов. Принципиальной, выдвинутой на передний план стороной философских суждений ученого является утверждение о том, что субъектом познавательного процесса выступает не абстрактный индивид, а конкретный человек. Он, согласно

---

⁴ Там же. С. 175-176 и далее.

⁵ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 431.

⁶ Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М., 2002. С. 477 и далее.

⁷ Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования; Материалы. М., 2002. С. 1017. Также см.: Он же. Явление и смысл. Томск, 1996. С. 22 и далее, 79 и далее, 156-157 и далее.

излагаемой концепции, является членом определенного коллектива и обладает определенными культурными навыками, языком и прочими семиотическими системами. Он познает мир на основе моделей, которые воспринимает по мере усвоения родного языка. Присущие человеку категориальные структуры мышления не есть нечто данное или, наоборот, произвольное. Они результат развития процессов познания в окружающем человека обществе. Само по себе их развитие предполагает смену картин и моделей мира⁸, систем мышления и способов его выражения. Поэтому не может быть и речи о безраздельном принятии гипотезы Сепира-Уорфа, декларировавших полную зависимость мышления и форм познания мира от естественного языка, которым наделила человека природа. Язык подвержен длительной эволюции, которая нарушает однозначное соответствие между грамматическим строем естественного языка и определенной через его посредство «картиной мира». Роль языка в изучении окружающего человека мира и построении его модели заключается в том, что самая его структура предполагает некоторые допущения о познаваемом. Анализ языка становится надежным средством выявления онтологических допущений, к которым обязывает данный язык⁹.

Впрочем, хотелось бы избежать односторонней оценки концепции лингвистической относительности названных ученых. Она нашла как своих приверженцев, так и ярых противников не только в отечественной

---

⁸ Всесторонний анализ и конструктивную критику получившего широкое распространение к научному обиходу понятия «картина мира» подробнее см.: Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 237-254, 264 и далее. Там же указана основная литература.

⁹ Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 2002. С. 138-139 и далее. О современной интерпретации в гуманитарных науках понятия «картина мира» и его соотносительности с «языковой картиной мира», ментальностью и культурой подробнее см.: Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2001. С. 24 и далее; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 104 и далее, 267-268.

историографии¹⁰. За последние десятилетия и за рубежом проявили себя откровенные оппоненты концепции лингвистической относительности. Они опровергают возможность социального познания с помощью лингвистики на том основании, что язык не адекватен мышлению. Но их аргументы встречают резкий отпор сторонников обсуждаемой концепции. К примеру, А. Вежбицкая заявляет о том, что «язык – и, в частности, его словарный состав – представляют собою лучшее доказательство реальности ‘культуры’, в смысле исторически передаваемой системы ‘представлений’ и ‘установок’». Культура, по утверждению названной исследовательницы, «в принципе является неоднородной и изменчивой, но таков и язык»¹¹. С точки зрения современной феноменологии, каждый язык представляет собой определенное миропонимание¹². Правда, дискуссия о дедуктивно-номологических объяснениях языка показывает, что для языка как социокультурного механизма значимы не столько законы, сколько правила и нормы функционирования. В этих условиях действие собственно лингвистических изменений тормозится ввиду тех социальных сил, которые противоположны языковому развитию¹³. К этому доводу тяготеет мнение Р.А. Будагова о том, что социальные импульсы языка обнаруживают себя

---

¹⁰ Выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом теория лингвистической относительности в отечественной литературе на разных этапах ее развития стяжала отнюдь не однозначные оценки. Например ср.: Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 21 и далее, 96; Хроленко А.Т. Общее языкознание. Курск, 1999. С. 64-65 и далее; Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1999. С. 123-124; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 71 и далее. О взглядах и научных позициях Э. Сепира и Б. Уорфа подробнее см.: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 61 и далее; Карасик В.И. Языковой круг... С. 118-119 и далее.

¹¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 289-290. Характеристику позиции оппонентов (Пинкер, Нидхэм и других) концепции Сепира-Уорфа в современной западной лингвистике см.: Там же. С. 270-271 и далее, 292-293.

¹² Подробнее см.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 39 и далее.

¹³ Казарян В.П. Философия науки. М., 2005. Часть 2. С. 94.

даже тогда, когда сами они дают о себе знать как бы в обратном отношении к импульсам собственно языковым. Под влиянием социальных событий в языке наблюдается не только возникновение новых слов. Одновременно появляется огромное число новых значений у старых слов, происходит формирование новых словосочетаний, меняются соотношения между разговорной и письменной речью, из чего проистекают и многие другие языковые новации¹⁴. С этой точки зрения понятие предстает как общечеловеческая категория, тогда как значение слова выступает категорией данного естественного языка¹⁵. Значение признается органической частью самого слова¹⁶.

Именно в этом плане, видимо, оправдано предложение Р. Якобсона переосмыслить принципы организации языка на том основании, что он является единственной в своем роде системой, элементы которой, будучи означающими, – подразумеваются фонемы – полностью лишены значения¹⁷. В то же время выдающийся филолог в развитие учения о значении предлагает различать «слово» и «словосочетание». Если слово в языке представляет собою функциональное единство, которое коренным образом отличается от словосочетания, то следует, настаивает ученый, различие между общими значениями категорий слова и словосочетания¹⁸.

Ответ на поставленную задачу, в полном соответствии с главным онтологическим допущением о познаваемом, опирается на уяснение соотношения между лингвистической и логической структурой естественного языка. Решением служит признание того, что он призван передавать информацию о мире адекватным образом. Когнитивный взгляд на природу естественного языка побуждает выделять среди содержательных структур сознания привнесенные извне результаты обработки

---

¹⁴ Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М., 2000. С. 22-23.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 65-66.

¹⁸ Якобсон Р.О. Указ. соч. С. 137.

информации¹⁹. Примером того, скажем, является так называемое когнитивное пространство – будь то коллективное или индивидуальное, и «когнитивная база», то есть совокупности знаний и представлений, определяющие принадлежность субъектов к соответствующим социальным образованиям и институтам²⁰. Все это безусловно нацелено на соотнесение языковых категорий с явлениями внеязыковой действительности. Посредством того достигается описание мира во всем его многообразии. Выступая в известном смысле результатом противопоставления лингвистических и экстралингвистических факторов формирования человеческого сознания, языковые категории составляют когнитивные основания для общей категоризации и концептуализации мира. Поэтому специалисты, отводя указанным процедурам должное место в научном познании, в рамках исследования обыденного сознания в первую очередь обращаются именно к языковым категориям²¹.

К числу важнейших факторов формирования категорий обыденного сознания человека прошлого несомненно относятся культурные и социальные аспекты его существования, включая религиозные и правовые воззрения. Для их изучения оправдано, разумеется, использовать подход к проблеме культуры, разрабатываемый в настоящее время ведущими отечественными этнологами в рамках информационной концепции этноса. Согласно тому, бытие этнических общностей подлежит описанию на основе анализа связей, которые выявляются средствами исторической информатики. С указанных позиций роль этноса предстает как некий «информационный фильтр», обуславливающий психологическую устойчивость составляющих этнос общественных групп, их приверженность выработанным столетиями жизненным ценностям. Главная функция этноса – стабилизировать поток

---

¹⁹ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 164.

²⁰ Подробнее см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 10.

²¹ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 315.

соционормативной информации в виду ограниченности информационных возможностей личностного восприятия каждого отдельного индивида²². Весь поток поступающей человеку информации структурируется свойственной ему «картиной мира», которая помогает фиксировать внимание на важном с общественной точки зрения и отодвигает на задний план второстепенное. Вследствие этого социальная информация, доступная человеку, была веками относительно однородна, циклична, упорядочена и, как правило, требовала однозначной реакции. К этому информационная концепция этноса делает немаловажное дополнение о том, что вся информация из внешнего мира проходит через «картину мира», представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко фиксированных в сознании человека. Оно пропускает только ту информацию, которая предусмотрена созданной им «картиной мира». Ту информацию, о которой человек не располагает надлежащими представлениями, которая не находит отображения в соответствующей терминологии, его сознание, не замечая, отбрасывает²³.

Современная наука демонстрирует различные подходы к так называемой картине мира человека. Исследования прошлого опосредуются этой широкоупотребимой метафорой и целым арсеналом научных терминов, таких, как «культурный концепт», «менталитет», и столь же метафоричное «языковое сознание». Эти и ряд других понятий позволяют раскрывать информационные и когнитивные аспекты явлений действительности²⁴. Так, «языковая картина мира» рассматривается как особое образование, рожденное в ходе познания и интерпретации

---

²² Об информационной теории этноса, основы которой заложены в трудах Н.Н.Чебоксарова и С.А.Арутюнова, подробнее см.: Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С. 106-107.

²³ См.: Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология... С. 107.

²⁴ О содержании указанных и близких к ним понятий подробнее см.: Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск, 1998. С. 21, 61-62; Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 39-54.

окружающей человека действительности²⁵. Это складывающееся веками отображение и обобщение материального и духовного опыта народа, в котором объединены когнитивные и аксиологические компоненты²⁶. Воплощением любой системы категорий сознания бесспорно служат понятия и термины, анализ которых должен начинаться с их систематизации и установления степени преемственности в канве исторического развития. Придерживаясь главных принципов историзма, не допускающих транспонирования современных представлений в историческое прошлое, необходимо признать, что средневековый человек обладал совершенно иной степенью обобщения. Ей была свойственна большая, нежели ныне, конкретизированность общественных категорий²⁷.

Здесь надо подчеркнуть, что в отечественной науке задача восстановления общепринятых значений отдельных слов и фразеологических оборотов речи эпохи Средневековья, доселе оставаясь сугубой прерогативой лингвистов, опирается преимущественно на сопоставление старославянских и древнерусских переводов памятников церковно-канонической и полемической литературы²⁸. Между тем, проблема соответствий значений слов в родственных языках не получила достаточного теоретического обоснования²⁹. В основном речь ограничивается указаниями на конкретные межъязыковые соответствия. Главным способом преодоления возникающих при их установлении трудностей служит анализ функциональных и понятийных признаков лексики³⁰. Все остальное пока остается белой страницей, ждущей своего

---

²⁵ О конструктивной критике и особенностях применения этого и других аналогичных понятий, включая «языковое сознание» подробнее см.: Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 264-277.

²⁶ Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 21.

²⁷ Будагов Р.А. Язык и речь... С. 163.

²⁸ См.: Юрганов А.Л. Категории... С. 41-42.

²⁹ Подробнее см.: Будагов Р.А. Язык и речь... С. 229-239 и далее.

³⁰ Там же. С. 250-253.

исследователя. В то же время расхождение между языками обнаруживаются не только в общей их структуре, лексике и фонетике, но и способах выражения в каждом языке тех или иных понятий и категорий³¹.

На этом фоне актуальным представляется привлечение материалов византийских права и актов. Они, в свою очередь, настоятельно требуют выяснения значения почерпнутых там аутентичных понятий и терминов с учетом способов их выражения как в латинском, так и греческом языках, которые издревле составляли основу европейского культурно-языкового союза³², а также проверки семантических нюансов благодаря сопоставлению прототипов оригинальных понятий и терминов с их аналогами и эквивалентами на славянском языке. Собственно говоря, данный подход продиктован этнокультурными установками византийского общества, которые предопределили переход права с латинского языка на греческий, а также его контаминацию со славянскими рецепциями. Интерпретация стилистических особенностей греческого и латинского языков, как писал в свое время А. С. Лаппо-Данилевский, по существу своему требует внимания к истории и культуре греков и римлян³³.

В этой связи нельзя пройти мимо признания очевидной приоритетной роли древнегреческого языка, по выражению М.К. Петрова, «антично-христианского» периода вместе с присущим тому «категориальным потенциалом» в становлении европейского социокода, основанного на использовании универсальных языковых культур³⁴. Недаром уже отцы церкви выказывали убежденность в единой природе человеческого мышления, допуская всеобщую сущность языка. В то же время они признавали вторичность

---

³¹ Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. М., 1985. С. 26.

³² Подробнее см.: Вендина Т.И. Введение в языковедение. М., 2002. С. 46.

³³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 378-379.

³⁴ Подробнее см.: Петров М.К. Язык, знак культура. М., 1991. С. 93 и далее.

языка по отношению к реальному миру, которая, согласно воззрениям отцов церкви, налагала ограничения на возможности его познания. Их утверждения о том, что языковые знаки обладают значением не «по природе», а «по установлению», и разница наименований подразумевает различия представлений, по нашему мнению, свидетельствуют не только об универсалистских тенденциях христианской идеологии³⁵. Со времен средневековых грамматик положение о том, что форма языкового выражения обозначает «вещь» посредством «понятия», ассоциируется в умах говорящих с определенной формой³⁶. Берущие свое начало в универсалиях понятия образуются, согласно средневековой схоластике, в ходе процесса «концептирования». Одной из его граней являлось «понимание», то есть завершение движения ума, результатом чего служило возникновение понятий³⁷. Тем самым делалась очевидной, хотя далеко не всегда ясно осознаваемой, социальная и культурная подоплека идейной сущности понятий и терминов, которая заключалась в их значении. Его гносеологические корни раскрываются в современном языкознании на основе концепции языка как семиотической системы.

Итак, значение – основная категория семантики, ее центральное понятие³⁸. Наряду с ним «духовной», как называет Р. Якобсон, стороной содержания слова выступает его смысл³⁹. В этой связи нельзя также не вспомнить о намеченном в свое время С.Н. Булгаковым подходе к анализу существа слова, которое мыслитель видел в смысле и значении. Согласно тому, слова разных языков, разные оболочки, нанизываются на один и тот же смысл, и именно этот смысл делает их словами⁴⁰. Однако слово никогда не существует в обособленности, оно живо и актуально «всегда связною речью». Поэтому названный философ предлагал

---

³⁵ См.: Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М., 2002. С. 51-52.

³⁶ См.: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 44.

³⁷ Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. С. 255.

³⁸ Новиков Л.А. Избранные труды... Т. 1. С. 346.

³⁹ Якобсон Р.О. Избранные работы... С. 31.

⁴⁰ Булгаков С.Н. Философия имени... С. 30.

устанавливать общую схему функционального строения речи, в которой слова обретают свой особый смысл, воплощаемый в целом определенном контексте. Основой выражения связной мысли, иначе говоря, «законченного» или «живущего» смысла, признано грамматическое предложение⁴¹. Продолжая эту мысль, С.Н. Булгаков заявлял, что слово всегда существует во фразе, в предложении, суждении, где оно приведено «в соотношение с другими словами-смыслами»⁴².

Приводимые положения воплощают одну из основополагающих проблем философии в целом, которая склонна отождествлять язык и мышление путем признания их идентичности, реализуемой в слове, понятии и предложении⁴³. Те же самые аспекты встают и в гносеологии языка. Выраженную в нем систему понятий, согласно теории языкознания, фиксируют и эксплицируют не только такие языковые единицы, как отдельные слова. Наравне с ними систему понятий формируют свободные словосочетания и предложения, содержание которых по своему объему значительно превосходит совокупность лексических десигнагов⁴⁴. Современная лингвистика особо рассматривает семантическую сочетаемость. Ее, как известно, отличает тесная взаимообусловленность со значением многозначных слов. Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда вследствие семантических переносов наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, слово начинает использоваться для обозначения другого явления, сходного с первым по некоторым признакам и свойствам. Любое многозначное слово состоит из совокупности взаимосвязанных элементарных лексических единиц или лексикосемантических вариантов. При этом система

---

⁴¹ Там же. С. 67-69.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 112.

⁴⁴ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты... С. 95 и далее. Общую характеристику, классификацию и соотношение предложения и словосочетания см.: Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 241 и далее.

значений многозначного слова организована иерархически с выделением основных и производных значений. Основные значения наименее контекстно обусловлены, тогда как производные или переносные значения реализуются только в контексте⁴⁵. В этом плане многозначность слова, типичная для любого естественного языка, обнаруживает себя во всей своей функциональной подвижности и во взаимодействии, которое понимают как отношение, с другими словами⁴⁶. Благодаря тому даже изолированная фраза позволяет решать вопрос не только о том, в каком из своих значений выступает данное слово⁴⁷. Этот подход акцентирует обусловленность значения слова контекстом его употребления, а также через так называемые свободные, основные значения – соотношенность слова с обозначаемым им явлением, предметом или его свойствами⁴⁸.

Следующий шаг в указанном направлении делает когнитивная наука наших дней. Центральное место в анализе текста как когнитивного образования занимает вопрос об его информативности⁴⁹. Говоря о категориальных характеристиках слова, распознаваемых по его местоположению или сочетаемости, Е.С. Кубрякова отсылает к предложению, иначе – высказыванию. Оно наделено функцией выражать информацию, заключаемую в тексте. Знание слов при этом оказывается частью процесса понимания, которое предполагает охват содержания всего текста в целом⁵⁰. Решение задач концептуально-категориальной принадлежности слова диктует интерпретацию предложения как распределения потока информации. С этой точки зрения предложение, благодаря заключенным в нем языковым возможностям, призвано обеспечить переход от известной информации к новой⁵¹. Именно на фоне осознанной информационной связи

---

⁴⁵ Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 136-137.

⁴⁶ Будагов Р.А. Язык и речь... С. 96-97.

⁴⁷ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 163.

⁴⁸ Там же. С. 164.

⁴⁹ Кубрякова Е.С. Язык и знание... С. 513, 518.

⁵⁰ Кубрякова Е.С. Язык и знание... С. 182-183.

⁵¹ Там же. С. 217.

сообщаемых фактов между источником знания и его реципиентом возникает «значение». Им собственно оказывается мысль, во исполнении своей информационной функции передающая новое знание между двумя фактами. Само «значение» является фактом сознания того же порядка, что и память, воображение и вообще умственные способности, определяющие характер поведения человека. В самом общем смысле «значение» служит в качестве информации в живых системах, обладающих сознанием⁵². Возникая всякий раз, когда одно информирует о другом и настраивает сознание на это второе как информационно важное, «значение» оказывается явлением духовного плана – это информационная зависимость концептов двух вещей в сознании. «Значение» существует в концептуальных связях определенного вида, где концепты как дискретные содержательные сущности сознания, говоря словами М.В. Никитина, объединяются концептуальными связями⁵³. «Значение» языковых форм есть «концепт», связанный знаком. Оно связывает «концепт» во всех его ипостасях со знаком и посредством знака объективирует актуальные модусы концепта в знаковой деятельности⁵⁴.

Современная лингвистика, различая языковое значение и концепт, предлагает выводить значение языкового знака из наблюдаемых фактов его употребления. При этом исходным пунктом когнитивного анализа является посылка в том, что концепт и слово или сочетания слов, представляющие концепт, образуют единство. В нем компоненты лексического значения слова выражают значимые концептуальные признаки, несмотря на то, что сам концепт объемнее лексического значения слова. Концептуальные признаки, объективированные в тех или иных лексико-семантических вариантах и их отдельных компонентах, входят в структуру концепта. Она на самом деле гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова. Структура концепта – это совокупность

---

⁵² Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 85-86.

⁵³ Там же. С. 151.

⁵⁴ Там же. С. 174, 269.

обобщенных признаков предмета или явления, необходимых и достаточных для его идентификации как фрагмента картины мира. В этом свете познание рассматривается как выявление признаков объектов мира и процесс построения информации и упорядочивания знаний о мире. В этом смысле концепты выступают единицами концептуальной системы в ее отношении к языковым выражениям, заключающим информацию о мире. Анализ концептов, воплощаемых в том или ином языке, позволяет путем установления инвариантных признаков в структуре концептов раскрывать более глубокие и существенные свойства изучаемого предмета или явления⁵⁵.

Выдвигая положение о концептах как оперативных единицах сознания, когнитивная лингвистика обосновывает необходимость изучать «значение» посредством концептуальных структур, которые отображают сведения о системе знаний. Наметившийся в когнитивной семантике новый подход к интерпретации «значения» напрямую связывает его со знанием⁵⁶. С указанных позиций отношение знака к вещи всегда опосредовано «концептом», то есть понятием или представлением, которое разворачивается согласно схеме: знак – «значение» (концепт вещи, признака, события) – вещь (признак, событие). При этом «концепт вещи» (признака, события) как компонент структуры знака получает название «значение». Это наиболее общий и широкий, по словам М.В. Никитина, термин для этой стороны знака. Наряду с тем используются также термины «означаемое», «смысл» и другие, опосредующие другие части и виды «значения» и связанные с иными концепциями «значения» и его структуры⁵⁷.

Одновременно со «значением» слова характеризуется и его «значимость». Ее отечественное языкознание рассматривает как «результат действия фактора

---

⁵⁵ См.: Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 8-9 и далее.

⁵⁶ Кубрякова Е.С. Язык и знание... С. 490.

⁵⁷ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 115-116. Также см.: Там же. С. 171 и далее, 174, 175.

системности»⁵⁸. «Значимость» определяет отношение знака к другим знакам в образованной ими системе, получив наименование «структурное значение». Наиболее полно оно раскрывается в синтагматических и парадигматических отношениях. Без них невозможно описать лексическое значение слова⁵⁹. В то же время нельзя отвергнуть тезис, который выдвигает Р. Якобсон: любой компонент языка и, в частности, любая фонема и любой различительный признак является социальным достоянием (= значимостью)⁶⁰. Соответственно современная когнитивная семантика предлагает судить прежде всего о когнитивно-прагматических аспектах концептуальных значений, понимая их отношение друг к другу широко как некий «удельный вес» того или иного концепта в духовной деятельности и культуре народа⁶¹. В свою очередь, философия указывает на тесную взаимосвязь «значения» слов со «значимостью» предложений. Как отмечает Б. Рассел, «значимость» простейших предложений, обусловленная состоянием носителя мнения, позволяет определять «значение» слов⁶². «Значение» слова, как и «значимости» предложения, проистекает из ситуации, служащей причиной его использования, равно и действиями, вызванными данным словом в результате его «прослушивания»⁶³. В этой связи английский философ также затрагивает и тот аспект логических проблем языка, который касается употребления слова в предложении. Когда оно – слово – туда входит, говорит мыслитель, речь идет не о слове, а о том, что оно означает. Тогда же, когда в центр внимания помещается самое «слово», оно заключается в кавычки. И в то время, как единичные слова, подчеркивает Б. Рассел, по крайней мере объектные слова, обладают

---

⁵⁸ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты... С. 89-90.

⁵⁹ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 95 и далее.

⁶⁰ Якобсон Р.О. Избранные работы... С. 75.

⁶¹ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 215.

⁶² Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 184. О значимости предложений подробнее см.: Там же. С. 187 и далее, особенно – С. 202.

⁶³ Там же. С. 210 и далее.

значением, внешним по отношению к языку, суждения, постольку, поскольку они могут быть ложными, вовсе необязательно обладают непосредственной связью с внешними объектами⁶⁴.

Отдавая должное «значению», семантика констатирует, что в языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере четыре типа сущностей: 1) категории действительного мира; 2) категории мышления, отображающие логику и психологию человеческого познания; 3) прагматические факторы целенаправленного использования языка в человеческой деятельности; 4) отношения между знаками – единицами языковой системы. Соответственно знак сочетает в себе четыре разных типа информации: об определенном фрагменте картины мира; о его отражении в сознании человека; о характере использования знака; о его связи с другими знаками⁶⁵. Разумеется, следует различать языковое значение слова и присущее ему мыслительное содержание – понятие. И то, и другое являются категориями мышления, суть отражениями действительности в человеческом сознании. Они, однако, представляют разные виды отражения. Если языковое отражение фиксирует его различительные черты, то понятие – это полное отражение в сознании признаков и свойств некоторой категории объектов и явлений действительности⁶⁶. Понятие, говоря словами современной антрополингвистики, – форма мысли, отображающей наиболее существенные черты и признаки объектов и явлений окружающего мира⁶⁷.

В конечном счете современная когнитивистика, соотнося между собой значение, понятия и концепты, опирается на интерпретацию «понятия» как ментального образования, то есть относящегося к сфере мышления,

---

⁶⁴ Там же. С. 302-303.

⁶⁵ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 43.

⁶⁶ Там же. С. 47. О соотношении между лексическим значением слова и понятием также см.: Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 121 и далее.

⁶⁷ Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антрополингвистики... С. 19.

степень обобщения которого поставлена в зависимость от выраженной в нем культурной специфики. В свою очередь принадлежащий к сфере сознания «концепт», ассоциативно связанный с представлениями и понятиями, рассматривается как фрагмент жизненного опыта человека. Он пользуется своим опытом для расчленения действительности с целью ее познания. При этом лексически в процессе общения концепты бывают выражены словами, словосочетаниями, фразеологизмами, предложениями и так далее⁶⁸.

Задачи информационного анализа лексики настоятельно требуют систематизации выявляемых в тексте понятий и терминов прежде всего путем построения их иерархически образуемых семантических рядов. Это вполне отвечает особенностям изучения византийской и древнерусской культур, ориентированных на риторическую их организацию. Каждая ступень в возрастающей иерархии семиотической организации названных культур дает увеличение пространства смысловой структуры. Составляя цепь непрерывного усложнения иерархии от незнакового мира вещей к системе знаков и социальных языков, а затем – к соединению знаков различных языков, их знаковая природа перерастает в непереваемое ни на один из них соединение с трансцендентальной божественной Истиной⁶⁹. Отдавая должное идейной обусловленности иерархических построений, их текстуальное воплощение надлежит выстраивать с учетом правил синтагматики и парадигматики. Синтагматику в названном плане представляет иерархия развертывания текста, а парадигматику – иерархия классов, образуемых в ходе обобщения выделенных на разных этапах синтагматического анализа образов и фигур⁷⁰. Особое значение обретает фиксация валентностей, то есть естественной словосочетаемости аутентичных понятий и терминов как одного из главных способов определения их идейной сущности.

---

⁶⁸ Карасик В.И. Языковой круг... С. 45 и далее.

⁶⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999. С. 64.

⁷⁰ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 64 и далее, 72.

Примерами изучения особенностей средневековой ментальности могут служить системы обозначения отношений родства и собственности. Будучи достаточно хорошо изученными с фактической точки зрения, отношения родства вполне закономерно делаются объектом комбинаторной логики⁷¹. Точно так же выраженные в византийских источниках отношения собственности ввиду разграничения отдельных признаков прав собственности, владения и пользования представляют собой широкое поле для умозаключений относительно идеологического смысла применяемых для обозначения того понятий и терминов. И прежде всего речь идет о влиянии конфессиональных установок на процессы формирования понятий и терминологии византийских источников⁷². Показательно, в частности, непосредственное соотнесение политико-правового содержания понятия «прония» (буквально: «забота», «попечение») с богословскими идеями о божественном провидении⁷³. В качестве излюбленных примеров прямого опосредования богословскими идеями социально-технических терминов также названы понятия «парикия» и «парик»⁷⁴. К тому же разряду с последовательным постоянством причислен и термин «ипостась»⁷⁵. Этот перечень, конечно, мог бы быть беспредельно умножен. Но так ли безупречны приводимые на этот счет доводы?

Безусловно, нельзя оспорить влияния религиозной доктрины на общественную жизнь и сознание византийцев. Вопрос заключается в объяснении конкретных форм и

---

⁷¹ Там же. С. 360-364.

⁷² Например, см.: Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV – XV вв.). М., 1992; Она же. Социальная информация в общественных отношениях в Византии // Вестник истории. 2003. № 11. С. 52-61.

⁷³ Например, см.: Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 37 и далее, особенно С. 49-50, 92-93 и далее.

⁷⁴ Например, см.: Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 51 и далее, 92-93, 146 и далее.

⁷⁵ Например, см.: Там же. С. 86-87 и далее, 92-93, 146 и далее; Она же. Социальная информация в общественных отношениях в Византии... С. 59.

способов этого влияния. Историки, как правило, не затрудняют себя неуязвимой аргументацией, в качестве которой хотелось бы видеть исчерпывающий контекстуальный анализ и наблюдения над лексико-семантической системой привлекаемых к изучению источников. Поднимая названную проблему влияния философско-богословской доктрины на формирование понятийно-терминологического аппарата права и делопроизводства в Византии, очевидно, необходимо признать ее воздействие на умы современников. Правда, по формам и способам такое влияние, вероятно, претворялось в жизнь не столь однозначно, чтобы отождествлять этот процесс с характером религиозной идеологии в Средневековье. Недостаточно сослаться на довольно хорошо подкрепленное прямыми цитатами источников исследование пронии, которое проделал М.А. Морозов⁷⁶. Ведь терминологические изыскания М.А. Морозова исходят из признания факта полисемантической термина «прония»⁷⁷. Постоянно апеллируя к широте социально-экономического содержания названного термина, автор приходит к неутешительному во всех отношениях выводу: рассмотренные источники дескать «не позволяют утверждать, что слово “прония” ... приобретает свое конкретное значение»⁷⁸.

Действительно, обращаясь непосредственно к примерам византийского права и актов, нельзя не отметить вполне очевидной неоднозначности толкований понятия «прония». Сейчас нет нужды рассуждать о «произволении Божиим» при разделе воинской добычи, что предписывает «Эклога» Льва и Константина (Е.16.2.2). Понятие «прония» сравнительно часто появлялось на листах законодательных установлений византийских императоров и их кодификаций как форма обозначения способа «управления» земельной

---

⁷⁶ Морозов М.А. «Прония» в византийских монастырских уставах Григория Пакуриана и Михаила Атталиата // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового времени. СПб., 2003. Вып. 4. С. 117-133.

⁷⁷ Там же. С. 116.

⁷⁸ Там же. С. 127.

собственностью. Войдя в обиход в данном смысле слова на рубеже X – XI вв., изначально «прония» подразумевала делегирование государством привилегированному собственнику на условии несения им воинской, а впоследствии и гражданской службы доходов с пожалованной территории, равно – позже, с XII – XIII вв., когда прония делается наследственной – и передачи самих земельных владений в распоряжение их получателей. Правда, до настоящего времени ведущие специалисты, изучающие «пронию», выказывают сомнения относительно содержания этого термина, считая его весьма неясным⁷⁹.

Обретая в средневековой Византии специфические терминологические очертания, слово «прония» отнюдь не утрачивает своих всевозможных обиходных значений. В частности, их можно усмотреть в предписаниях византийского законодательства регулировать те или иные аспекты административного управления посредством «заботы» местного архонта)⁸⁰ и, тем более, в необходимости срубить соседское дерево, выращенное между дворами⁸¹. Точно так же не становится поводом для конфессионально мотивированных объяснений смысл «пронии» в качестве проявления «заботы» со стороны местного епископа или архонта в минуты крайней опасности для находящихся под их юрисдикцией населенных пунктов⁸². Равным образом должно расценивать ситуацию, когда «пронии» — в смысле «заботы» – требовали к себе родные дети и хлопоты об их благополучии⁸³.

Довольно ясно показывают неоднозначность терминологического толкования понятия «прония» и

---

⁷⁹ К примеру, см.: Karayannopoulos I. Ein Beitrag zur Militarpronoia der Palaiologenzeit // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit / Hrsg. v. W. Seibt. Wien, 1996. S. 75 u. a.

⁸⁰ Например, см.: B.A. XXVIII.7.17; XXXVIII.9.41; XLI.1.88; LX.3.58.

⁸¹ Например, см.: Proch. 38.20; Proch. auct. 38.22; Armen. Hexabibl. II. 4, 90.

⁸² Например, см.: B.A. LX.55.2 — Proch. auct. XXXIX. 222 — Armen. Hexabibl. VI. 14, 8.

⁸³ Ср.: Proch. 33.14; Proch. auct. 33.15; Armen. Hexabibl. V. 10, 1.I. Также см.: Ibid. IV.10.41.

документальные материалы. Так, завещание конца XI в. монахини Марии, вдовы Симбатия Пакуриана, дважды взывает от ее имени к «пронии моей души». Это понятие, будучи приведено в прямой связи с упоминанием Бога, несомненно надделено неким «непредусмотренным» для институционального варианта значением⁸⁴. Оно само по себе не препятствовало владельцам недвижимости прибегать в первые десятилетия XII в. к понятию «прония», используя его отнюдь не в фискально-терминологическом употреблении и тем более не в богословском смысле слова, а для непосредственного выражения заботы о себе или своих детях⁸⁵. Причем данную семантику понятия «прония» подкреплял его синоним – слово, надделенное тем же самым лексическим значением «забота»⁸⁶.

Даже в тех случаях, когда понятие «прония» в документах приобретало отчетливое терминологическое звучание, оно не было отделено непреодолимым барьером «высокого штиля» богословской риторики от обиходного значения слова. Это подтверждает, скажем, акт афонского прота Феофана, составленный в 1312 г. по поводу погашения задолженности катигумена Дохиарского монастыря перед настоятелем другой монашеской обители путем передачи заимодавцу принадлежавшего названному монастырю земельного участка⁸⁷. Поскольку описанный в этом документе факт мог стать для монахов прецедентом постыдного «соблазна», вынесенное тогда постановление с первых же строк не просто взывает к «пронии», которая сопоставляется с «заботой»⁸⁸. Наравне с тем глава афонского Совета для пресечения возможного «скандала» настоятельно требовал и «пронии», и, в первую очередь, «содействия»⁸⁹. Однако вряд ли будет удачна попытка объяснить смысл

---

⁸⁴ См.: Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1990. Vol. II: Texte (Далее – Ivir. II). № 47.58, 66.

⁸⁵ Например, см.: Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. Paris, 1984. Texte (далее – Doch.). № 3.20.

⁸⁶ См.: Doch. № 4.14-15.

⁸⁷ См.: Doch. № 12.

⁸⁸ Doch. № 12.1.

⁸⁹ Doch. № 12.10.

приведенного примера, опираясь на богословские учения о синергетике и божественном провидении. Ведь общественная активность монашества в данной ситуации проистекала из вполне «земных страстей» и складывалась на основе отнюдь не догматических поступков.

Столь же прагматична, согласно фрагментам актов 1313-1314 годов, передача некими безвестными землевладельцами Дохиарскому монастырю их выморочных участков и виноградников, которые принадлежали дарителям по праву «пронии»⁹⁰. Статус этой сделки определяла, однако, вовсе не изысканная риторика, характерная для преамбул императорских жалованных грамот, а вполне отвечавшие духу и букве византийской юриспруденции распоряжения держателей земли ограничить сроки действия достигнутого соглашения с помощью довольно безыскусной метафорической интерпретации продолжительности пронии: «покуда именно ... прония владеет»⁹¹. Иначе говоря, фискально-терминологический аспект «заботы» раскрывало скорее всего общее лексическое значение, положенное в основу слова, нежели специфическая значимость богословских или конфессиональных установок.

Равным образом условия пожертвования монастырю Пантократора сановным Иоанном и его супругой Анной Асаниной Контостефаной, которые в третьей четверти XIV в. утвердил патриарх Филофей, вряд ли отвечают терминологическому толкованию упоминаемой в акте «пронии»⁹². Значение этого понятия определяют вовсе не ясно выраженные в клаузуле документа гарантии собственности или предписание монахам отдавать ктиторам их обители половину доходов, получаемых от пожертвованных имений⁹³. Ведь патриаршая грамота сочетает требование проявлять «сильную пронию» и «всяческую заботу» или «попечение» о том, чтобы

---

⁹⁰ См.: Doch. № 13.

⁹¹ Doch. № 13.6-7; № 14.6.

⁹² См.: Actes du Pantocrator / Ed. dipl. par V. Kravari. Paris, 1991. Texte (далее — Pant.). № 8.

⁹³ Pant. № 8.19-20, 21-23.

«улучшать» и «приумножать» пожертвованные имущества⁹⁴. Само по себе отсутствие равнозначных стилистических шаблонов в акте дарения той же супружеской пары, которая в 1374 г. передала монастырю Пантократора один из своих виноградников на абсолютно идентичных условиях раздела между дарителями и монахами получаемых доходов, лишь подчеркивает, что эта процедура никоим образом не служит основанием придавать упомянутой в патриаршем акте «пронии» институциональный характер⁹⁵.

Столь же показательна ссылка на «пронию» в соглашении с тем же монастырем Мануила Деблицина, на которое его подвигла примерно в 1381 г. не только забота о духовном благополучии своей семье, но и желание получить для нее средства жизни. Собственник принял решение передать свое наследственное имение в обитель на помин души своих родителей. Поэтому «прония» здесь рассматривается как нечто «хорошее и подобающее предварительно». Она поставлена в один ряд с изъявлением «заботы» вообще. Также и последующий призыв к «скромной предусмотрительности» на фоне конфессионально окрашенной риторики не наделяет «пронию» фискально-техническим значением⁹⁶.

Изучая природу «пронии», разумеется, нельзя обойти умолчанием и другой используемый для ее обозначения термин, находивший приложение в поздней Византии, который подразумевал «управление» условной земельной собственностью — «экономия»⁹⁷. И это хорошо известное всем специалистам понятие, прежде, чем оно было в конечном итоге воспринято в лоне христианской церкви и стало неотъемлемой частью ее идеологии, рождено в недрах

---

⁹⁴ Pant. № 8.17-18.

⁹⁵ Pant. № 9.

⁹⁶ Doch. № 48.10-12, 28-30.

⁹⁷ О взаимосвязи византийских социально-политических институтов «экономии» и «пронии» подробнее см.: The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1516-1517. Также см.: Baloglou Ch.P. Economic Thought in the Last Byzantine Period // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden; New York, Köln, 1998. P. 408 etc.

древнегреческой философии, и потому вопрос об «экономии» постоянно встает при обращении ученых к античным истокам и методам общественного управления⁹⁸. А главное – далеко отнюдь не каждое упоминание «экономии» в текстах средневековых византийских источников служило обозначением «пронии» в узкотерминологическом ее понимании. В особенности это справедливо в тех случаях, когда слово «экономия», выражаясь фигурально, звучит в устах церковных деятелей, поскольку они наделяли указанное понятие самым широким значением. Скажем, патриарх Нил в акте 1384 г. дважды прибегает к понятию «экономия»: один раз имея в виду форму «управления» «душами в монастыре», другой – рисуя образ сановника Иоанна, обремененного трудами, работами, потом, заботами об управлении («экономией») и телесным мужеством⁹⁹. Впрочем, ссылки на «пронию» в византийском праве и актах неисчислимы, и всякий раз это явление предстает там во всей своей многоликости.

Обращаясь к обозначениям «парикии», аналогичным образом нужно сказать, в частности, что ее толкования византийцами опирались отнюдь не на известную и принятую многими поколениями ученых библейскую традицию, возводившую понятие «парик» к обозначению «присельника», а его правовую природу. Конечно, оправданно отметить наделение понятий «парикия» и «парик» неким библейским смыслом этого слова, означавшим, собственно говоря, «присельничество» и соответственно – «присельника». На первый взгляд таковым был смысл, который вкладывал в понятия «парикия» и

---

⁹⁸ Относительно идейных истоков и социальной сущности учения об «экономии» подробнее см.: Lowry S.T. The Economic and Jurisprudential Ideas of the Ancient Greeks: Our Heritage from Hellenic Thought // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice... P. 17-18 etc., 31 etc.; Baloglou Ch.P. Hellenistic Economic Thought // Ibid. P. 107-106 etc., 112-113 etc., 126 etc., 131-132, 133 etc., 139-140; Karayiannis A.D., Drakopoulou-Dodd S. The Greek Christian Fathers // Ibid. P. 170 etc.; Vivenza G. Roman Thought on Economics and Justice // Ibid. P. 326-327.

⁹⁹ См.: Pant. № 11.32-33, 39-40 etc.

производные от него словоупотребления, к примеру, в своих сочинениях Димитрий Хоматиан¹⁰⁰. Тем более, что указанные понятия архиепископ проецировал на объекты, подпадавшие под юрисдикцию церкви¹⁰¹. Однако именитый византиец обосновывал упоминаемые им «парикию» и «паричское право» ссылкой на Юстинианово законодательство¹⁰². Здесь надо отметить, что уже ранневизантийские правоведы сопоставляли понятие «парик» с латинским «пeregрином» («*peregrinus*», или, в средневековой форме, «*peregrino*» – соответственно ср.: итал. «странствующий»), то есть обозначением «пришельца» и «чужака»¹⁰³. В то же самое время устойчивая система правовых воззрений с недопускающей сомнений последовательностью побуждала раннесредневековых юристов отождествлять «парика» с переселенцем из одного населенного пункта в другой – «*incola*», как называли его римляне, или, согласно греческой транскрипции этого латинского слова, которую приводит византийский правовед (*sic!*)¹⁰⁴. Недаром «Василики» и их компиляции дают определение понятия «парик» в полном соответствии с позднеантичным и ранневизантийским законодательством, которое рассматривало «парика» как поселенца независимо от того, избирал ли он местожительством город или село¹⁰⁵. Кстати говоря, с этих позиций требует внимания и суждение

---

¹⁰⁰ См.: Demetrius Chomatianus, *arhiep. Bulgariae. Varia tractata // Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata / Ed. J. Pitra Baptista. Parisiis; Romae, 1891. Vol. VI (далее — Chom). № 80.344, 345; № 149.692. Также ср.: Ibid. № 50.228; № 52.236; № 72.317; № 100.425.*

¹⁰¹ См.: Chom. № 80.344, 345.

¹⁰² О трактовании «парики» в традиции юстинианова законодательства подробнее см.: Zachariä von Lingenthal K.E. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1955. S. 260-261.*

¹⁰³ См.: Burgmann L. *Das Lexikon... // Fontes Minores (Далее — FM. Frankfurt a/M.). 1984. Bd. VI. S. 54 (P.15)*

¹⁰⁴ См.: Burgmann L. *Das Lexikon ... S. 271 (I.36).*

¹⁰⁵ См.: В.А. II. 2. 230. 2. – D. L. 16. 239. 2. О понятии *incola* в позднеантичном и ранневизантийском законодательстве подробнее см.: Ермолова И.Е. *Incolae в Дигестах и Кодексе Юстиниана // Древнее право. М., 1998. Вып. 1 (3). С. 102-106. Там же указана основная библиография.*

А.П. Каждана, возводившего содержание понятия «парик» к римскому «колону»¹⁰⁶. Правда, это объяснение вряд ли отвечает не только строго конфессиональному пониманию сути «парикии», но и ее правовой природе. Ведь составитель одной из версий «Шестикнижия», следуя традиции юстиниановых Новелл и «Василик», в качестве прототипа обозначения «парика»-«присельника», владевшего жилищем «повсюду в полисе или в хорионе», воспроизводит транслитерированную рецепцию¹⁰⁷.

Еще большие возражения вызывает прямолинейное толкование содержания понятия «ипостась», природа которого отнюдь неоднозначна. Оно становилось объектом историко-филологического анализа неоднократно¹⁰⁸. Ощутимо своеобразие передачи смысла понятия греческого языка «ипостась» и его латинских эквивалентов. Их эволюция протекала под воздействием не только глубинных конфессиональных, но и философских мотиваций¹⁰⁹. Собственно говоря, богословско-христианская коннотация понятия «ипостась» своими корнями контаминирует с философскими воззрениями Античности и Раннего Средневековья, воплощенными в учениях о человеке и личности, душе и сущности¹¹⁰. В условиях латино-греческого двуязычия перед богословами вставали философско-онтологические проблемы, проистекавшие из особенностей передачи в греческом и латинском языках различных значений слов. Если последнему в латыни соответствовало понятие *substantia*, то для первого, как полагает Х. Мальтезу, следовало бы ожидать в качестве

---

¹⁰⁶ См.: Kazhdan A. P. *Contadino // L' Uomo bizantino / A cura di G. Cavallo*. Roma; Bari, 1992. P. 47-48.

¹⁰⁷ См.: Fögen M.T. *Das Lexikon zur Hexabiblos aucta // FM. Bd. VIII*. S. 181 (Ж.55).

¹⁰⁸ Подробнее см.: Dörrie H. *Wort- und Bedeutungsgeschichte // Nachrichten d. Akad. d. Wissensch. in Göttingen. Jh. 1955. Phililog.-Hist. Kl. Göttingen, 1955. S. 35-92; Diversitas Linguae; Степанов Ю.С. Константы... С. 230 и далее, 720 и далее. Там же указана основная библиография.*

¹⁰⁹ Степанов Ю.С. *Язык и метод... С. 198-199.*

¹¹⁰ Степанов Ю.С. *Константы... С. 722 и далее, 728-729; Он же. Протей: Очерки хаотической эволюции. М., 2004. С. 251.*

эквивалента — *essentia*. На самом же деле в латинском языке для перевода слова использовалось также понятие *substantia*, а с целью различения трех ипостасей Бога прибегали к слову *persona*, к примеру: *una substantia tres personae*. Разумеется, подобные трактовки греческих прототипов в латинских текстах явно не могли быть приняты православной традицией¹¹¹.

Выказанная в ученых доктринах исторического прошлого богословская аура понятия «ипостась» никоим образом не снимает вопроса о заключаемых в этом слове альтернативах его значения в бытовом языке. Оно обнаруживало сугубую социальную мотивацию этого словоупотребления¹¹². Вероятно именно данный аспект языкового значения служил основанием для превращения понятия «ипостась» в термин, ассоциирующийся, согласно мнению К.В. Хвостовой, с представлениями византийцев о собственности¹¹³. Это суждение по существу принято составителем «Культуролого-экономического словаря», где «ипостась» отождествляется с крестьянской собственностью в Византии¹¹⁴.

Тем не менее, понятие «ипостась» в его социально-экономическом значении всегда сохраняло емкое содержание, указывавшее на имущества как таковые. Наверное, наиболее показательным в этом смысле завещание 1090 г. куропалата Симбатия Пакуриана¹¹⁵. Сначала он говорит о принадлежавшей ему «движимой ипостаси», которой определенным образом противопоставлена семантика обозначения «свершенной и неотъемлемой собственности»¹¹⁶. В то же время завещание Пакуриана, благодаря тому, что понятие «ипостась» воспоследует понятию «имущество»-«перусия», демонстрирует их

---

¹¹¹ *Diversitas Linguae...*

¹¹² Степанов Ю.С. Константы... С. 231.

¹¹³ Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 29, 84 и далее, 146.

¹¹⁴ Трофимова Р.П. Культуролого-экономический словарь. М.; Екатеринбург, 2003. С. 497.

¹¹⁵ См.: *Ivir*. II. № 44.

¹¹⁶ *Ivir*. II. № 44.6-7.

несомненную синонимичность¹¹⁷. Ту же самую черту восемью годами позже оттеняет и завещание вдовы куропалата – монахини Марии. Она подразделяет перешедшую к ней от покойного супруга «ипостась» на три разряда – движимую, недвижимую и «самодвижимую»¹¹⁸. К сожалению, отмеченные особенности духовных грамот Симбатия Пакуриана и его вдовы монахини Марии частично утрированы в их переводах на русский язык, которые прилагает к своей книге М.А. Морозов. Правда, перевод первого из завещаний сохраняет реминисценции термина «ипостась», который наделен значением «имущество»¹¹⁹. Весьма сходным образом позволяет характеризовать понятие «ипостась» и составленная почти в то же самое время запродажная собственников проаствия (усадьбы) Исон (Врион) на морском побережье к юго-западу от Фессалоники. Продавцы проаствия, супружеская чета, несомненно происходившая из рядов местной знати, неоднократно используют понятие «ипостась» для описания принадлежавших им имуществ. Наряду со стереотипными указаниями на листах документа проскальзывает уточнение о «всей иной и всяческого вида ... ипостаси». В конечном счете она ассоциируется с «имуществом»-«перусией»¹²⁰. Твердое подтверждение тому дает также грамота 1117 г., зафиксировавшая подробности обмена между Дохиарским монастырем и владельцем проаствия Русеу, который уступал обители находившую в его руках долю недвижимости¹²¹. В этом документе аналогичная вышеприведенному уточнению формула обо «всей иной и всяческого вида...» соотнесена на этот раз не с понятием «ипостась», а служит прямым обозначением приписанной к проастию земли, которое сопровождает скрупулезный перечень ее различных категорий и других имуществ¹²². Что же касается собственно

---

¹¹⁷ Ivir. II. № 44.16, 22.

¹¹⁸ Ivir. II. № 47.67.

¹¹⁹ См.: Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005. С. 164-173.

¹²⁰ См.: Doch. № 3.4, 58, 63-64, 68.

¹²¹ См.: Doch. № 4.36, 51, 57.

¹²² См.: Doch. № 4.12-13, 19-21.

«ипостаси», то этот документ, как и завещание монахини Марии, говорит об ипостаси «движимой, недвижимой и самодвижимой», а кроме того, приведены дополнительные сведения об ее передаче в ипотеку и иных формах хозяйственного использования, то есть подразумевается – земли и имущества¹²³.

Спустя столетия столь же богатое социально-экономическое содержание понятия «ипостась» обнаруживает поздневизантийский исторический нарратив. В «Истории» Дуки оно выступает отнюдь не в качестве обозначения земельной недвижимости или «хозяйства» в специальном понимании этого слова, а для обобщающего указания на объекты личного владения трапезундского василевса, то есть его «движимое имущество». Историк наряду с различными атрибутами царственного обихода упомянул буквально о «всей иной движимой ипостаси»¹²⁴. Сходное осмысление понятия «ипостась» отнюдь нельзя назвать чем-то исключительным, поскольку оно вполне согласуется с его содержанием в предохранительных клаузулах ряда частных актов соглашений об отчуждении имуществ. Здесь, как и в хронологически предшествующих примерах, понятие «ипостась» используется в некоем синонимном ряду с понятием «перусия», то есть «имущество», образуя с ним устойчивое словосочетание¹²⁵. Иначе говоря, понятие «ипостась» в рассматриваемую эпоху, являясь термином, обладало, тем не менее, самым широким семантическим полем и внутренним социально-экономическим содержанием. Его необходимо иметь в виду в ходе обсуждения проблемы хозяйственных укладов Византии.

Итак, в поздневизантийскую эпоху рассматриваемое понятие меняет свое социально-экономическое содержание, обретая вполне очевидные терминологические свойства. Документы XIII – XIV вв. доказывают, что представители

---

¹²³ См.: Doch. № 4.30 etc., propr. 36-38.

¹²⁴ Ducae Istoria turco-bizantină (1341 – 1462) / Ed. crit. De V. Grecu. București, 1958. P. 429.25-28.

¹²⁵ Например, см.: Actes de Chilandar / Ed. dipl. par M. Živojinović et. al. Paris, 1998. Vol. I: Texte (Далее – Chil. I). № 22.63; № 31.53; № 32.48; Doch. № 42.81.

господствующего класса поздней Византии начинают рассматривать ипостаси зависимых крестьян как одну из форм зависимого держания. В официальных актах указанного периода появляются красноречивые упоминания о «парических ипостасях»¹²⁶. Аргументация, раскрывающая социально-экономическое значение рассматриваемого термина, безусловно может быть многократно умножена. В то же время прямое воплощение богословско-конфессиональных идей в византийской терминологии остается под большим вопросом.

В свою очередь оценка идейных посылок формирования категориального аппарата византийцев с указанных позиций без сомнения должна придавать намного большее значение структурной переработке античного наследия в средневековой теологии. Благодаря тому в недрах церковной доктрины была по-новому, как показывает М.К. Петров, переосмыслена концепция природы. От ее античного восприятия с признанием свойственного природе движения, изменения и перемен как противопоставления неподвижному и вечному бытию свершился переход к догматически упорядоченным представлениям, рисовавшим природу в виде сохраняющего определенность вещей бытийного континуума¹²⁷. На пути становления научного знания, именно в таком ракурсе ставит вопрос М.К. Петров, теология исполняла роль средостения между греческой философией и современной наукой. Выражением этого служила абсолютизация Библии с ее канонизированным текстом¹²⁸. Средневековая схоластика в лице Фомы Аквинского и Оккама блестяще использовала сформулированную Аристотелем оппозицию субъект-объектных отношений, которая благодаря эволюции их лингвистической природы демонстрирует роль языка в

---

¹²⁶ Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vindobonae (Далее – ММ.), 1871. Vol. 4, T. 1. P. 40; *Actes de Xénophon* / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Texte. № 3.17-18; *Doch.* № 15.4-5; *Actes de Lavra* / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1979. Vol. 3: Texte. № 139.98.

¹²⁷ Подробнее см.: Петров М.К. *Язык...* С. 252-258, 260.

¹²⁸ Подробнее см.: Там же. С. 224-239, 240.

становлении философской проблематики и ее категориального аппарата¹²⁹.

Как и в европейской социокультурной традиции в целом, в Византии одним из главных способов воплощения религиозной догматики являлось включение в тексты источников – начиная с хроник и исторических сочинений и кончая фискальными документами и трактатами – контекстов, содержащих подобающие описываемой ситуации церковные постулаты и суждения. Рассматривая в этом свете термин «прония», который бывал употребим в контекстах документов сугубо фискального характера, нельзя безальтернативно приравнивать к упоминаниям этого понятия в религиозно окрашенных преамбулах актов или их христологических клаузулах. Неоднозначность подобных словоупотреблений может прояснить системно-структурный анализ понятий в изучаемых контекстах. Впрочем, раскрыть систему общих имен в процессе эмпирических изысканий – задача, в значительной степени невыполнимая даже для самых искушенных исследователей¹³⁰. А ведь этот подход обеспечивает любого ученого надежными критериями правомерности производимых им обобщений относительно ментальных представлений человека прошлого.

Современное историческое социально-экономическое исследование неотъемлемо предполагает выявление как словесно выраженных в текстах изучаемых источников социокультурных концептов, так и опирающихся на них теоретических построений. Недаром И. Берлин, неоднократно касаясь в своих историософских эссе о природе исторического знания проблемы общих категорий и концептов, с одной стороны, утверждает, что «историк, конечно, не станет историком, если он не способен мыслить общими категориями; однако он нуждается в дополнительных, специальных способностях: он должен соединять, видеть качественные сходства и различия, чувствовать уникальность самых разных комбинаций,

---

¹²⁹ Подробнее см.: Петров М.К. Историко-философские исследования... С. 169 и далее, 181. Так же см.: Там же. С. 306-307 и далее, 342-344, 371 и далее.

¹³⁰ См.: Степанов Ю.С. Имена... С. 102.

которые, однако, не должны так отличаться друг от друга, чтобы пришлось предполагать разрыв в потоке человеческого опыта, и в то же время не быть настолько условными, чтобы казаться порождением теории, а не действительности»¹³¹. С другой стороны, мыслитель настаивает на том, что восстанавливать события прошлого надо не в «наших» терминах и категориях, а в терминах тех, кто жил тогда, когда происходили описываемые события, кто непосредственно воспринимал события прошлого и на кого они влияли. Для выполнения поставленной задачи в продолжение своих рассуждений И. Берлин рекомендует проецировать себя в прошлое, пытаясь понять концепты и категории, отличающиеся от тех, каковые использует сам исследователь¹³².

Этот подход нашел всемерное применение, например, в анализе экономических и юридических концептов, которое предлагают к рассмотрению авторы исследований древних и средневековых экономических идей и концептов социальной справедливости¹³³. Так, в качестве системообразующих факторов формирования общественных представлений специалисты выделяют лексические концепты, начиная с обозначений добра и зла, богатства и бедности, труда и собственности, в особенности указаний на коллективные ее формы с сопряженными с ними проблемами ренты, аренды, включая «издольщину», а также морально-этические идеи «общей пользы», «социальной справедливости» и «справедливой цены», противопоставленные «алчности» и другим морально-этическим нормам. Названные проблемы неоднократно поднимаются, скажем, в связи с анализом традиций Ветхого

---

¹³¹ Берлин И. Естественная ли наука история? // Он же. Философия свободы. М., 2001. С. 118-119 и далее; Он же. Понятие научной истории // Подлинная цель познания. М., 2002. С. 77-78.

¹³² Берлин И. Естественная ли наука история... С. 112; Он же. Понятие научной истории... С. 70-71.

¹³³ Здесь прежде всего имеются в виду авторы коллективного труда под редакцией С.Т. Лоури и Б. Гордон. См.: Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden, New York, Köln, 1998.

и Нового заветов, равно и других направлений, независимо от характера — религиозного и светского, общественной мысли исторического прошлого¹³⁴. К ее ведущим проблемам неизбежно относится также вопрос об общих принципах так называемой экономии. Он постоянно вставал при обращении ученых к античным истокам и методам общественного управления, которые в конечном итоге были восприняты в лоне христианской церкви и стали неотъемлемой частью ее идеологии¹³⁵.

Безусловно, идейная подоплека концептуальных представлений средневекового человека непосредственным образом отображалась на их содержании, даже кажущихся незыблемыми концептов свободы и рабства, которые в античности напрямую сопрягаются с характером труда и общественных обязанностей. При этом денежная форма возмещения трудовых затрат сама по себе не отменяла общественного восприятия труда как признака зависимости¹³⁶. И это обстоятельство усугубляется с переходом от античности к Средневековью, как показывает анализ греческих обозначений «рабства» и «рабов». Нужно признать — обоснованное объяснение значения подобного рода понятий невозможно без широкого их понимания, хотя изначально понятие выступает не чем иным, как именно

---

¹³⁴ Например, см.: Paris D. *An Economic look at the Old Testament // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice...* P. 49 etc., 72-73, 85 etc., 96-98; Nitsch T.O. *Social Justice: The New-Testament Perspective // Ibid.* P. 148-150 etc.; Karayiannis A.D., Drakopoulou-Dodd S. *The Greek Christian Fathers // Ibid.* P. 183 etc., 195 etc., 199 etc.; Vivenza G. *Roman Thought on Economics and Justice // Ibid.* P. 276 etc., 289 etc., 294 etc., 307 etc., 316-317, 322-323 etc.; Firey A. «For I was hungry and You fed Me»: *Social Justice ad Economic Thought in the Latin Patristic and Medieval Christian Traditions // Ibid.* P. 333-370.

¹³⁵ Относительно идейных истоков и социальной сущности учения об «экономии» подробнее см.: Lowry S.T. *The Economic and Jurisprudential Ideas of the Ancient Greeks: Our Heritage from Hellenic Thought // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice...* P. 17-18 etc., 31 etc.; Baloglou Ch.P. *Hellenistic Economic Thought // Ibid.* P. 107-106 etc., 112-113 etc., 126 etc., 131-132, 133 etc., 139-140; Karayiannis A.D., Drakopoulou-Dodd S. *The Greek Christian Fathers...* 170 etc.; Vivenza G. *Roman Thought on Economics and Justice...* P. 326-327.

¹³⁶ Vivenza G. *Roman Thought on Economics and Justice...* P. 296-297 etc.

обозначением «рабства», каковое действительно обнаруживается у Аристотеля¹³⁷. Этого значения не изменила и последовавшая универсализация концепта пифагорейцами¹³⁸. В свою очередь, как показал в свое время А.П. Каждан, в византийском обществе это понятие зачастую бывало наделено конфессионально окрашенной мотивацией. Она подразумевала, что христиане, заимствовав понятие «раб» из далеко ушедшего прошлого, признают себя «рабами божьими». Подобные словесные шаблоны стали выражением верности императору, признаком принадлежности к его ближайшему окружению и личной службы, которая идейно вызывала ассоциацию с представлениями о «добровольном рабстве»¹³⁹.

Здесь также было бы совершенно опрометчиво обойти молчанием и иные аспекты содержания понятия и его производных форм, связанные с несением государственной службы¹⁴⁰. При этом на памяти тотчас всплывают свидетельства жалованных грамот правителей Мореи в пользу Георгия Гемиста Плифона и его сыновей. Взамен делегированных доходов от дарованных сел («хорионов») потомкам знаменитого государственного деятеля и ученого предписано несение так называемой «службы»¹⁴¹. Аналогичным образом поводом для пожалования в середине XIV в. наследственных прав на находившуюся в распоряжении Георгия Кацара «пронию» стала успешная императорская «служба», которую, как предусматривалось,

---

¹³⁷ Подробнее см.: Baloglou Ch.P. *Hellenistic Economic Thought...* P. 114-115.

¹³⁸ Baloglou Ch.P. *Hellenistic Economic Thought...* P. 135-136, 140.

¹³⁹ Kazhdan A. P. *The Concepts of Freedom (eleutheria) and Slavery (duleia) in Byzantium // La notion de liberté au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident.* Paris, 1985. P. 219 etc.

¹⁴⁰ См.: Svoronos N. *Storia del Diritto e delle Istituzioni // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi.* Roma, 1982. P. 215-216, 219; Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453.* Philadelphia, 1992. P. 240.

¹⁴¹ См.: MM. 1887. Vol. V, T. 2. P. 173-174, 175-176, 226-227. Также см.: Ostrogorskij G. *Pour histoire de la féodalité byzantine.* Bruxelles, 1954. P. 183-186; Mavromatis L. *Storia del Pensiero politico // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi.* Roma, 1982. P. 105.

будут отправлять дети и другие наследники проиарара¹⁴². В подобном же ключе П. Шрайнер объясняет сведения о «службе» в опубликованной им счетной книге Кассандрина, чьи владения в середине XIV в., когда она была предположительно составлена, находились на Халкидике. Дважды счетная книга касается осуществляемой «обща» или «общей службы» неких архонтов, а наряду с ними безвестного Манкафа¹⁴³. Надо сказать – эти единственные известные нам указания на коллективно выполняемую «службу» сочетаются также с отсылкой в названной счетной книге на «службу десятины» и другими документальными свидетельствами о выполнении работниками их «служб» – имеются в виду формы глагола¹⁴⁴.

В то же время должно принимать во внимание, что само по себе значение большинства словоупотреблений отмеченной группы понятий превращает их в фискальную терминологию, опосредующую сведения о тягловых повинностях поздневизантийских крестьян¹⁴⁵. Именно этот аспект значения указанного понятия делает возможным преодоление трудностей в постижении смысла византийских источников¹⁴⁶. Так, несомненный пример тому являет договор XIII – XIV вв. южноитальянского происхождения, написанный на странице рукописи литургического содержания. Согласно документу, Николай Мазалис в присутствии свидетелей подражается провести на протяжении августа месяца посевные работы на земле монастыря. Обязательство работника выражено посредством понятия (*sic!*) и соответствующих глагольных словоформ, которые побудили одну из современных византинисток

---

¹⁴² См.: Doch. № 27.1-3 etc., 19-23, 29-33.

¹⁴³ Schreiner P. Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Bibliotheca Vaticana. Città del Vaticano, 1991 (далее — TSFW). № 3. 133, 134. См.: Ibid. S. 96, 105-106.

¹⁴⁴ TSFW. № 3. 54.

¹⁴⁵ Cp.: Kazhdan A. P. The Concepts... P. 218.

¹⁴⁶ См.: Weiss G. Formen von Unfreiheit in Byzanz im 14. Jahrhundert // Actes du XIV Congrès International des Etudes byzantines. Bucarest, 6-12 Septembre 1971. Bucuresti, 1975. Vol. II. S. 294-295.

предполагать, что речь идет о «любом виде работы»¹⁴⁷. Конечно же, подобные договоры заключались отнюдь не на основе «свободного» найма, а предполагали эксплуатацию фактически бесправного крестьянина. Словом, без всякого сомнения, подлинный характер описываемых в том или ином документе «служб» раскрывается только с учетом всех условий и обстоятельств использования анализируемых понятий.

В свою очередь столь же чревато грубым искажением действительности однозначное восприятие «свободы». И суть дела кроется не в многообразных философских или историософских толкованиях этого понятия, которые даже немислимо «соединить воедино». Разумеется, при этом приходится иметь в виду концепции «негативной» и «позитивной» свободы, сначала столь ярко выраженные в творчестве И. Берлина, а потом подхваченные, как известно, в трудах медиевистов и историков других направлений¹⁴⁸. Это, тем не менее, не воспрепятствовало тому, чтобы в последние десятилетия среди специалистов явно возобладала точка зрения, в соответствии с которой в византийском обществе, якобы из-за развитой системы налогообложения, «свобода» ассоциировалась исключительно с освобождением от взимания податей¹⁴⁹. Наверное, наиболее наглядным, хотя и не вполне адекватным доводом в пользу изложенной концепции можно было бы считать указ Алексея I Комнина, согласно которому он, якобы провозглашая Афон «свободным», одновременно указал на отмену налогообложения и взыскания с монахов

---

¹⁴⁷ TSFW. Append. VIII. 1. S. 466. См.: Saradi-Guelph H. Evidence of Barter Economy in the Documents of Private Transactions // BZ. 1995. Bd. 88, Hft. 2. S. 415.

¹⁴⁸ Подробнее см.: Берлин И. Два понимания свободы // *Философия свободы...* С. 122-185; Он же. «Не ведайте ни страха, ни надежды» // *Подлинная цель познания...* С. 124-161.

¹⁴⁹ См.: Kazhdan A.P., Epstein A.W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985. P. 59; Kazhdan A.P. The Concepts... P. 215-218 etc.; Kaplan M. Les hommes et terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992. P. 265.

поборов¹⁵⁰. Тем же путем следовали и южнославянские преемники византийских государей, о чем напрямую свидетельствует составленный, возможно, в 1348 г. на греческом языке указ Стефана Душана. Он, принимая во внимание копию его распоряжения, провозгласил «свободу и недокучаемость» афонских монастырей, для которых отныне побор хлебом «ради мытной пошлины» был полностью отменен, дословно говоря — упразднилось «всякое обложение»¹⁵¹. Практически полная аналогия пониманию «свободы» византийцами может быть проведена и в содержании понятия «swoboda» славянских жалованных грамот и других актов. Это подтверждает, к примеру, акт Стефана Дечанского по иску Хиландарского монастыря о посягательствах его сербских соседей на монастырские владения в селе Косоричи. Вынося решение в пользу афонского монастыря, сербский правитель, явно подражая византийским хрисулам, оглашает «слово моего королевства во все утверждение и свободу» Хиландаря¹⁵². Сочетание в этом высказывании понятий «утверждение», то есть «установление» и «основание» в смысле «укрепления» монастыря в его правах собственности, и «свобода», которая не исключала, конечно, указания на податные привилегии, в данном контексте одновременно предполагало, судя по всему, средства реализации властных полномочий собственника. В пользу такого понимания «свободы» косвенно говорят и дальнейшие слова этого судебного постановления, которые выражают идею господства «в земле Отечества» верховной власти¹⁵³.

Безусловно, тема «свободы» в византийском праве и актах, как и их славянских рецепциях могла бы быть

---

¹⁵⁰ См.: Actes de Prôtaton. Texte / Éd. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Append. I.a).1-2.

¹⁵¹ См.: Actes de Kutlumus / Nouv. ed. par P. Lemerle. Texte. Paris, 1988. Append. II. A.3-5 etc. О «пориаतिकоне» см.: Соловьев А., Мошин В. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936. С. 483.

¹⁵² См.: Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, B. Korablev. Deuxième Partie: Actes Slaves / Publ. par B. Korablev // Византийский временник. СПб., 1915. Т. XIX. Приложение I (далее — Хил.) № 23.53-54 и далее.

¹⁵³ См.: Хил. № 23.56-57 и далее.

продолжена рассмотрением десятков и даже сотен других примеров. Но прежде, ставя во главу угла, таким образом, неразрывную взаимосвязь понятийно-терминологического аппарата исторических источников с языковым субстратом и лексико-семантической системой, хотелось бы обратить внимание на наблюдения известной медиевистики С. Рейнолдс. Она полагает, что правовые концепты существуют только внутри соответствующих правовых систем. Со ссылкой на примеры концептов «правовой корпорации» и «правовой личности» специалистка выражает уверенность в том, что они могут существовать только в пределах той правовой системы, в каковой индивид или корпоративная группа действовали, а некорпоративная группа заданному правовому казусу отвечать не могла¹⁵⁴. В то же время отмечена одержимость некоторых историков, представлявших различные школы по изучению римского права, в определении юридических значений его лексики, тогда как вне права соответствующие «значения» и «концепты» обладают большей широтой и разнообразием, нежели могут предложить юридические тексты и документы¹⁵⁵. В их же отношении, по словам С. Рейнолдс, поиск «точного вокабуляра» ведет к неудаче, поскольку лексика права и делопроизводства в зависимости от ее контекстного употребления бывала наделена различным смыслом, а связь между словами, «концептами» и социальными представлениями слишком сложна и разнообразна, чтобы ее отображала «твердая терминология»¹⁵⁶.

С этой точки зрения крайне важно уделить особое внимание задаче уяснения соотношения «значения» и «смысла», обретаемых историками в изучаемых ими памятниках. Этот вопрос постоянно возникает перед самыми видными философами и представителями историософии. Как

---

¹⁵⁴ Reynolds S. *Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300*. Oxford, 1984. P. 60 etc.

¹⁵⁵ Reynolds S. *Kingdoms and Communities...* P. 65.

¹⁵⁶ См.: Reynolds S. *Kingdoms and Communities...* P. 104.

поясняет Л.А. Микешина, имея в виду взгляды Р. Арона¹⁵⁷, с помощью «значения» жизнь можно понимать только в последовательности ее состояний, поскольку между различными формами реальности – физической и психической – существует «мир смысла». Категория значения, что Л.А. Микешина подчеркивает в своем комментарии, позволяет достигать синтеза цели и ценностей, столь необходимого историку для целостного видения общественных процессов прошлого¹⁵⁸. В свою очередь, наш язык, разъясняет И. Берлин, освещая особенности понимания, передает сравнительно стабильные данные и свойства, которые составляют нашу жизнь и помогают нам общаться. В то же время затруднения возникают в описании как слишком неизменного, неотделимого от человеческой сущности, так и слишком быстротечных и эфемерных свойств, которые образуют «уникальный смысл каждой ситуации, каждого мгновения истории, сообщают этому мгновению его неповторимость...». И наши науки, подчеркивает мыслитель, обращены к раскрытию уникальных отличий, которые историки описывают в стремлении к воссозданию яркой и подробной картины жизни на обыденном уровне «здорового смысла», исполненного человеческих отношений¹⁵⁹. Историософский подход без всякого сомнения должен быть дополнен концептуальными построениями современного языкознания и смежных отраслей знаний¹⁶⁰. Одно из них отсылает к

---

¹⁵⁷ См.: Арон Р. Критическая философия истории: Эссе о немецкой теории истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000.

¹⁵⁸ Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М., 2002. С. 214. О понимании специалистами-гуманитариями «ценностей» как значимости предметов и явлений действительности подробнее см.: Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 13 и далее. Также см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 166-167 и далее.

¹⁵⁹ Берлин И. Чувство реальности // Философия свободы... С. 51-52 и далее.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Бондарко А.В. Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

представлениям «наивной семиотики»¹⁶¹. В целом же, с более широких позиций, языкознание исходит из того, что «значение» и «смысл» представляют собой две стороны содержания языковых выражений¹⁶². В «значении» усматривается устойчиво закрепленное «за знаком» содержание. В свою очередь «смысл» воспринимается как нечто изменчивое и нерегламентированное при полном отсутствии «заданности» связи между знаком и некоторой информацией¹⁶³.

Впрочем, современная грамматика наделяет «смысл» внутренней дифференциацией. А.В. Бондарко различает в указанном понятии два аспекта: системно-категориальный и «речевой». Первый из них ориентирован на семантические категории, второй – предполагает имплицированный субъективизм высказывания¹⁶⁴. Более того, коллега названного ученого делает вывод о том, что значение слова должно представляться в виде структуры, состоящей из элементов смысла и связывающих их синтаксических отношений¹⁶⁵. При этом значение составляет содержательную сторону определенных лексических единиц, тогда как смысл может быть передан не только различными языковыми единицами, но и неязыковыми средствами. Для специалистов несомненна прямая соотнесенность значения с лексической единицей в рамках включающей ее языковой системы. Из этого проистекает отсутствие универсальности языкового значения. Значения схожих лексических единиц разных языковых систем могут не совпадать как по своей содержательной характеристике, так и по своему объему и месту в системе. Что же касается смысла, то он, обладая ситуативной обусловленностью, не зависит от различий

С. 120 и далее. Здесь же обобщаются типичные теоретические суждения о соотношении «значения» и «смысла»: Там же. С. 138-139.

¹⁶¹ Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Дружинина. М., 1991. С. 183-186.

¹⁶² Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 8-9 и далее.

¹⁶³ Там же. С. 13.

¹⁶⁴ Бондарко А.В. Теория значений... С. 103.

¹⁶⁵ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 119.

между языками. По своей природе смысл выступает универсальным выражением инвариантного содержания человеческой деятельности. Он не тождественен содержанию значений сочетания или совокупности лексических единиц, используемых для передачи данного смысла¹⁶⁶.

Из нескончаемого ряда аргументов, которые могут быть приведены для обоснования изложенной мысли, наверное, достаточно сослаться на яркий образчик так называемых «Книг законных». Оставляя в стороне вопрос о происхождении названной рецепции, хотелось выделить одну из ее статей, содержащую предписание истцу составлять свое «оправдание». Эта статья, будучи вместе с другими заимствована из традиции византийского «Прохирона», наделяет смыслом «оправдания» юридическую процедуру, обозначенную славянским компилятором как (PN.27.31 – Кн. Зак. IV.24). И если в старославянском языке это понятие, то есть изъявление мотива, оправдывающего иск, не обладало, пожалуй, столь широкой семантикой, как греческий прототип, то «Прохирон», подразумевая под «оправданием» форму судебной защиты истцом собственных интересов, отображал всю глубину византийской юридической мысли, которая тем самым указывала на «судебное красноречие».

Оценивая научные основания проблемы соотношения «значения» и «смысла» со всех сторон, нельзя обойти молчанием также ее ключевой роли в становлении современной психологии. Ведь «в психологическом аспекте», как говорит А. А. Беляев, «значение» выступает как система констант речевой деятельности, обуславливающих ее постоянство в отношении к тому или иному классу предметов и явлений действительности¹⁶⁷. Поэтому у психологов и тяготеющих к ним лингвистов, согласно разъяснениям М.В. Никитина, «значение» толкуется как стабильная, постоянная часть содержания знаков, общая у говорящих в однородном языковом

---

¹⁶⁶ Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 34-35.

¹⁶⁷ Леонтьев А. А. Психология общения... С. 105.

коллективе. Благодаря тому не просто обеспечивается понимание в актах речевой коммуникации. «Значение» становится категорией языка, общим достоянием всех на нем говорящих. Напротив, «смысл» объявляется категорией личностной, достоянием индивида. «Смысл» языковых единиц подвижен и изменчив в их передаче от человека к человеку, из текста в текст. Именно на «смысл» возлагается ответственность за различия в понимании одних и тех же языковых единиц языка и их сочетаний в тексте разными людьми, за различия возникающих у людей представлений, ассоциаций и оценок. «Смысл» тем самым образуют напластования на «значение», обусловленные особенностями индивидуального опыта и психики¹⁶⁸. К подобному решению рассматриваемой проблемы склонны и наиболее видные представители этнической психологии¹⁶⁹. Высказанные ими идеи о дифференциации «значения» и «смысла» как объектов человеческого сознания позволяют усматривать в том аккумуляцию опыта коллективной деятельности. «Значение» объекта психической деятельности является выражением его объективных свойств и связей, а «смысл» – субъективного эмоционально-оценочного отношения к ним¹⁷⁰. С этой точки зрения присущий этническому самосознанию принцип культурно-семиотического опосредования предстает в виде системы осознанных представлений, то есть «значений», и оценок, иначе говоря – «смыслов», реально существующих объектов этнокультурного мира во взаимодействии составляющих их явлений и событий¹⁷¹.

С изложенных научных позиций следует, видимо, воспринимать и выдвинутую Б.М. Гаспаровым концепцию языкового существования. Оправдывая свои ученые построения, он выказал убеждение в том, что языковое значение является функцией языковой памяти, а смысл – или, по объяснению этого лингвиста, значение – любого

---

¹⁶⁸ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 109-110.

¹⁶⁹ Подробнее см.: Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. М., 2000. С. 48 и далее.

¹⁷⁰ Там же. С. 52.

¹⁷¹ Там же. С. 54-55.

языкового выражения заключается в той мысли и понимании, которое с ним связано, как продукта духовной деятельности¹⁷². Развивая свою концепцию, в конечном итоге языковед приходит к выводу о непосредственной обусловленности понимания и осмысления текста с процессом мышления¹⁷³. Сделанный вывод, однако, не исчерпывает проблемы соотношения «значения» и «смысла» во всей ее глубине, требуя дополнительных разъяснений.

Прежде всего требуется принять во внимание один из основных принципов иерархической организации языка, в соответствии с которым значение его единицы высшего уровня не является простой суммой значений языковых единиц низшего уровня¹⁷⁴. Иначе говоря, значение языковой единицы более высокого уровня не сводится к простой сумме значений составляющих ее единиц более низкого уровня. Так, содержание текста нельзя отождествить с совокупностью значений входящих в него высказываний-предложений. Его значение, в свою очередь, отнюдь не равно совокупности значений составляющих предложение слов и синтаксических отношений между ними¹⁷⁵. При этом различают синтаксический и прагматический слои значения языкового выражения или его синтаксическое и прагматическое значение. Первое из них содержит информацию об отношениях между данным выражением и другими языковыми выражениями в составе текста¹⁷⁶. Прагматическое значение языкового выражения содержит информацию об условиях его употребления и многообразных аспектах коммуникативной ситуации¹⁷⁷.

Аналогичные суждения могут быть выдвинуты и в отношении «смысла» высказывания. Прежде всего имеются в виду существенные для него элементы информации, заключенной в более широком тексте. Они представляют

---

¹⁷² Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 260.

¹⁷³ Гаспаров Б.М. Язык... С. 343.

¹⁷⁴ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты... С. 94.

¹⁷⁵ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 52.

¹⁷⁶ Там же. С. 62.

¹⁷⁷ Там же. С. 60 и далее.

собой по отношению к данному высказыванию контекстуальную информацию, на которой основывается смысл контекста. В свою очередь, существенная для речевого смысла информация, проистекающая из ситуации речи, образует «ситуативную», как ее называет А.В. Бондарко, информацию. Разграничение названных видов информации, однако, не исключает их взаимных преобразований, важных для передачи смысла высказывания¹⁷⁸.

В то же время смысл предстает не как нечто единое, а как достаточно разные явления в зависимости от уровня языковых единиц, применительно к которым он рассматривается. Так, смысл слова – отнюдь не то же самое, что смысл предложения, где понятие «смысл» лингвистика связывает преимущественно с предикацией. Здесь смысл выдвигается в качестве оппозиции к языковым и коммуникативным аспектам высказываний. И эта тенденция усиливается при переходе к тексту. Его «смысл» отличен от «смысла» составляющих предложений. Для лингвистики, сосредотачивающей свое основное внимание на формальных средствах связи предложений в тексте и выделении целостных фрагментов, «смысл» приобретает вспомогательную роль. Он отождествляется с той информацией, которая сообщается в таких целостных образованиях, и с содержащимся в них знанием¹⁷⁹. При этом современная наука в своем стремлении избежать неоднозначности термина «предложение» считает необходимым дифференцировать его содержание и собственно «предложением» называть единицу языка, тогда как соответствующую ей единицу речи — «высказыванием». В таком случае содержание «предложения» опосредует «значение», а содержание «высказывания» — «смысл». Первое из них характеризуется информацией, которую носитель языка извлекает благодаря своим лингвистическим познаниям, то есть значениями слов и синтаксических конструкций. Содержание же «высказывания» раскрывает

---

¹⁷⁸ Бондарко А.В. Теория значений... С. 104 и далее.

¹⁷⁹ Новиков А.И. Смысл... С. 35.

информация, переданная не только языковыми средствами, но и знаниями о мире, ситуацией общения и прочими не собственно лингвистическими знаниями¹⁸⁰. В целом, любая попытка выразить смысл эксплицитно наталкивается на необходимость дифференцированного его представления. Смысл слова оказывается его актуальным значением, смысл предложения усматривается в знании, ситуации или концепте, тогда как смысл целого текста – в целостном восприятии действительности. Говоря иначе, «смысл» существует как некая ментальная форма, отражающая информационную структуру слова, предложения или текста в виде концептуальной системы или модели. Но ее знание – не является самим «смыслом». Поэтому в когнитивистике проблема «смысла» отступает на задний план, будучи ассоциирована не со знанием, а когнитивной деятельностью. Все это побуждает предполагать, что природа смысла, по всей вероятности, кроется в явлениях сугубо отличных от существа значения, понятия, концепта, знания и других репрезентаций действительности. Это два параллельных ряда, которые в отдельных своих звеньях могут пересекаться, но никогда не сливаются полностью. И если концептуальная или понятийная система отображает действительность опосредованно, то «смысл», отображая конкретные объекты и ситуации, имеет к ней непосредственное отношение¹⁸¹.

Сказанное в большой мере объясняет, почему в гуманитарных науках и, прежде всего истории, фундаментальным методом работы с текстом служит интерпретация. Прежде всего следует иметь ввиду вклад в решение проблем языкового понимания и значения философской герменевтической традиции¹⁸². Впрочем, Г.Г. Шпет утверждал, что между «философской», с одной

---

¹⁸⁰ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 199-200.

¹⁸¹ Новиков А.И. Смысл... С. 36-37.

¹⁸² Неоднократно обращается к освещению роли философской герменевтики в теории познания Л.А. Микешина, в труде которой одна из наиболее ярких глав рассказывает о соотношении философии познания и языка. Подробнее см.: Микешина Л.А. Философия познания... С. 477-526.

стороны, и, с другой, – «филологической и исторической герменевтикой» нет существенного различия. Это позволяло ученому подчеркивать принципиальную роль герменевтики для исторической науки и одновременно ставить вопрос о герменевтике как проблеме логики и методологии гуманитарного исследования¹⁸³. Почти одновременно А. С. Лаппо-Данилевский, разрабатывая во многом самобытное учение об исторической интерпретации источников, ее «основным правилом» называет «правило контекста», согласно которому никоим образом недопустимо вырывать отдельные положения из текста изучаемого источника. Если речь шла о какой-либо клаузуле частного акта, оценивать ее ученый предлагает «через посредство остальных», то есть путем сопоставления различных документов¹⁸⁴. Историческая наука, надо сказать, издавна обратилась к герменевтике, рассматривая толкование текста как ключевой элемент системы культуры¹⁸⁵. Здесь необходимо принять во внимание, что современная методология социально-гуманитарного и исторического знания все в большей степени опирается на герменевтику с присущими ей принципами объяснения и понимания¹⁸⁶. Возникающая таким образом герменевтическая традиция делается в особенности актуальной, обуславливая создание теоретических оснований подъема когнитивных наук и создания искусственного интеллекта¹⁸⁷. В своих подходах к тому философская герменевтика исходит из необходимости выбора методов исследования естественного языка, соединяющих достижения как естественных, так и социальных наук¹⁸⁸. Главным позитивным результатом использования когнитивных аспектов герменевтики в данном

---

¹⁸³ Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 742-743, 1080 и далее.

¹⁸⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории... С. 388-389.

¹⁸⁵ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1. С. 287-288; Они же. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 230-231.

¹⁸⁶ Микешина Л.А. Философия познания... С. 416-417.

¹⁸⁷ Там же. С. 323-324 и далее.

¹⁸⁸ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002. С. 211-213 и далее.

плана становятся методы, способы и критерии, которые открывают возможность понимания естественных языков с учетом представления знаний социального мира¹⁸⁹. В частности, к востребованным со стороны специалистов приемам анализа естественного языка герменевтика относит признание роли контекста как обязательного критерия значения высказываний¹⁹⁰.

В этой связи необходимо пояснить, что разным культурам свойственны заметные различия в использовании средств коммуникации, закрепляющей в межличностном общении нормы социокода¹⁹¹. Так называемые низкоконтекстные культуры уделяют большое внимание содержанию речевых сообщений. Для них характерен когнитивный стиль обмена информацией, точность использования понятий и логичность высказываний. В высококонтекстных культурах передача информации происходит с учетом контекста сообщений, предполагающего особое внимание к форме и способу изложения мысли. Высококонтекстным культурам присущи расплывчатость и неконкретность речи, обилие некатегоричных форм высказываний и высокая дифференциация эмоциональных категорий¹⁹². Очевидно именно в высококонтекстной культуре текст, будь то в форме дискурса или целостной функциональной структуры, открыт для множества смыслов, раскрываемых в системе социальных коммуникаций. Для историка текст предстает в единстве явных и неявных значений, которые наполняют изучаемый текст буквальным или, напротив, скрытым смыслом¹⁹³. С позиций исторической семасиологии построение модели «смысл – текст» опирается на представление о возможности выявления некоторого смысла, который остается инвариантным при всех трансформациях

---

¹⁸⁹ Там же. С. 221.

¹⁹⁰ Там же. С. 215-216.

¹⁹¹ Петров М.К. Язык... С. 40-41.

¹⁹² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 167-169 и далее.

¹⁹³ См.: Микешина Л.А. Философия познания... С. 334 и далее. О современных определениях понятия «дискурс» и его проблематике подробнее см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 270 и далее.

текста. Этот смысл рассматривается как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте¹⁹⁴.

На описанной основе выстраиваются прежде всего лингвистические системы претендующие на статус интегральных моделей языка. Опуская их прикладное предназначение, хотелось выделить ту сторону лингвистической модели «смысл – текст», что предлагал И.А. Мельчук и его сподвижники, поскольку они предусматривали внедрение структурного аксиоматического подхода к языку¹⁹⁵. Вместе с тем ведущие лингвисты, которые подходят к этому вопросу совершенно с иной стороны, разграничивают природу «значения» и «смысла» как собственно языкового и внеязыкового явлений. Например Л.А. Новиков, по данному поводу в частности, ограничился краткой характеристикой соотношения лексической единицы с предметом объективной действительности, подчеркивая исключительно тот аспект, что последняя влияет на актуализацию значения лексической единицы¹⁹⁶. В то же время выдающийся ученый со всей убедительностью показал, что определить значение тех или иных единиц знаковой или семиотической системы, в том числе языка, — это установить регулярные соответствия между соотнесенными с данной единицей «сегментами» текста и смысла, сформулировать правила и раскрыть закономерности перехода от текста к его смыслу и от смысла к выражающему его тексту. При этом необходимо иметь в виду, что подобные связи не просто являются специфическими для каждого языка. Они отображают многовековую практику и особенности культурно-исторического развития народов¹⁹⁷.

---

¹⁹⁴ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 12-13 и далее.

¹⁹⁵ О вкладе И.А. Мельчука в развитие лингвистики и названной концепции подробнее см.: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 38-39 и далее; 75 и далее.

¹⁹⁶ Новиков Л.А. Избранные труды... Т. 1. С. 467.

¹⁹⁷ Там же. Т. 1. С. 346. Подробнее характеристику лексического значения в его связи с основными лексическими единицами языка см.: Там же. С. 441-471.

Само по себе наличие серьезных структурных различий в типологии языков теоретически обуславливает сопряженность этого явления не только с проблемой языковой относительности, но и межъязыкового перевода. Восходящее к гипотезе Аристотеля о соотношении предложений со смыслом допущение о его фрагментации не отменяет подобия и единства смысла, реального мира и форм деятельности, что делает возможным феномен перевода. Правда, ограничение возможностей человеческого восприятия вовсе не обязательно диктует однозначность способов и правил отмеченной смысловой фрагментации¹⁹⁸. Более того, асимметричное однозначно-многозначное отношение между смыслом и формами его выражения создает неустранимую альтернативность на уровне предложения, за которой стоит флективность древнегреческого языка. Для достижения его однозначности требуется осознанное вмешательство, опирающееся на структурные особенности этого языка¹⁹⁹. Именно потому должно быть отмечено особо отсутствие универсализма синтаксических отношений в разных языках, которые допускают различные способы организации эмпирических данных языковых явлений²⁰⁰. В этом плане греко-латинская грамматическая традиция особо выделяет те элементы синтаксиса членов предложения, которые составляют, скажем, абсолютные причастные обороты, обороты винительного и именительного падежей с инфинитивом и причастием, а также так называемые описательные спряжения. Подобные сложные синтаксические конструкции, отображая модальность высказываний, получили заметное развитие в древних языках²⁰¹. Обращаясь к ним, исследователь получает возможность улавливать в грамматическом строе фразы как сугубо «средневековое», узкое – определенное группой сказуемого, так и современное, то есть расширительное понимание

---

¹⁹⁸ Подробнее см.: Петров М.К. Язык... С. 62-63.

¹⁹⁹ Петров М.К. Язык... С. 219-220 и далее.

²⁰⁰ Подробнее см.: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка... С.114-115.

²⁰¹ Подробнее см.: Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 536 и далее.

модальности, распространяемой на семантику всего предложения, включая входящие в него синтагматические словосочетания²⁰². Как известно, в основе сложных инфинитивных и причастных конструкций лежат простейшие синтаксические «ядерные структуры», которые, встречаясь в различных языках, обладают отчетливо различимым «элементарным» значением²⁰³. Поэтому реконструкция сложных понятий настоятельно требует учитывать синтаксические правила построения предложения, позволяющие раскрыть присущие тому логических связи и выявить значение отдельных их компонентов.

В представленном свете одной из первых задач, которая встает в системе языка и обладает несомненной актуальностью для информационного анализа, является предваряющая его фиксация отношений эквивалентности равнозначных высказываний в различных языках. В этой связи уместно обратить внимание на пояснения Р.О. Якобсона по поводу утверждений Ч. Пирса об интерпретации понятий посредством эквивалентных выражений. Они являются как раз тем, что лингвисты называют «значением» и что соответствует семиотическому определению значения символа путем его «перевода в другие символы». Тем самым значение определяется в терминах собственно лингвистических разграничений и отождествлений, которые всегда осуществляются с учетом их семантической функции – так называемых уравнивающих пропозиций²⁰⁴. Они подразумевают употребление каждого языкового элемента в свойственной только ему позиции. Таким образом отличные друг от друга языковые формы оказываются эквивалентны, принадлежа на абстрактном уровне к одному инварианту²⁰⁵. В первую очередь это

---

²⁰² Язык и антропологические сущности / Под ред. Г.П.Немца. Краснодар, 1997. С. 224-225 и далее.

²⁰³ Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. С. 38-39.

²⁰⁴ Якобсон Р.О. Избранные работы... С. 236.

²⁰⁵ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 60. О содержании понятия «инвариант» как предмете лингвистического анализа подробнее см.:

касается грамматических изменений наиболее конкретной единицы языка, как в свое время определял «слово» А.А. Реформатский²⁰⁶. Само собой разумеется, речь должна идти об элементарных лексических единицах — «словоформах» и «лексемах». Языкознание предлагает различные подходы к их определению²⁰⁷. Так, А.А. Зализняк называет «словоформой» двустороннюю единицу текста, обладающую и выражением, и содержанием. А под «лексемой» ученый подразумевает двустороннюю внетекстовую единицу языка, которая рассматривается как результат отождествления всех абстрактных словоформ, имеющих одно и то же номинативное значение²⁰⁸. Достаточно распространенными примерами лексем служат случаи употребления существительных и прилагательных во множественном числе среднего рода, равно субстантивации прилагательных и других частей речи. Как известно, названные грамматические формы зачастую принципиально видоизменяют или придают слову совершенно новое значение. Допустим, множественное число слова среднего рода «*bonum*» (благо, добро) — «*bona*» обретает спецификацию понятия «имущество», «благосостояние» и так далее. В этом своем значении лексема «*bona*» совершенно отлична от формы единственного числа слова «*bonum*», хотя и занимает неотъемлемое место в составе его ключевого поля, сформированного на одном уровне с прочими словоформами. С этой точки зрения показательна интерпретация понятия «*bona*» средневековым византийским правоведом, составителем одного из юридических лексиконов. Приводя в нем коллиции и транслитерации правовой лексики, толкователь раскрывает содержание указанного понятия с помощью синонимичных греческих

Бондарко А.В. Теория значений... С. 159 и далее; Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 137-138.

²⁰⁶ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 2001. С.

²⁰⁷ Например, см.: Новиков А.Л. Избранные труды... Т. 1. С. 471 и далее.

²⁰⁸ Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 20-21, 27.

обозначений «добра» и «имущества»²⁰⁹. Аналогичным образом в ряду грамматических форм понятия («право») выделяется особо его множественное число в качестве лексемы. В византийском праве и актах она обладает сугубым юридическим значением, служа указанием на юридические права в отношении объектов владения²¹⁰. Это значение, восходящее к латинскому прототипу «iura», то есть «правá» вполне адекватно передает средневековый славянский эквивалент указанного греческого термина – «правины»²¹¹. Соответственно в поле зрения его исследователя попадают и все сочетания названной лексики с прилагательными, причастиями и зависимыми служебными словами. Данный пример показывает, что выделение лексем с инвариантными значениями облегчает концептуальное осмысление фактической социальной информации источника. При этом объектом анализа оказываются не только имена существительные, но практически все прочие части речи и, соответственно, члены предложения, выраженные именами существительными, прилагательными, причастиями, глаголами, наречиями и так далее.

Столь же разительны примеры инвариантов аутентичных понятий и терминов, возникающих вследствие заимствования из других языков ненормативной лексики. Подобная ситуация, скажем, наблюдается в византийском праве эпохи его формирования. Тогда главным фактором понятийно-терминологических рецепций являлась так называемая экзэллинизация, то есть установка на выражение латинских юридических понятий и терминов средствами греческого языка. По мере того, как выполненные на латинском языке законодательные кодификации

---

²⁰⁹ Burgmann L. Das Lexikon ... S. 300 (V.22).

²¹⁰ Вин Ю.Я. К вопросу о социально-экономическом содержании термина «ТА АКАТА» византийских документов: основные направления исследования // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. М., 1994. С. 34-36.

²¹¹ Подробнее см.: Зигель Ф. Ф. Законник Стефана Душана. СПб., 1872. Вып. 1. С. 197-198 и далее; Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911. С. 115-116.

ранневизантийского периода делались все менее доступными для понимания большинства не только населения, но и представителей судебной власти, средневековое византийское право облекалось в грекоязычную форму. Однако передача в греческом языке специальной терминологии вызывала затруднения даже у опытных правоведов. В ранней Византии с целью облегчения пользования громоздким и полным противоречий, а потому зачастую сверх меры сложным и путаным для греческого и эллинизированного в своей массе населения латинским законодательством, формально разрешались подстрочные переводы терминов с латинского языка на греческий, составление индексов – собственно говоря, переводов текстов на греческий язык – и составление так называемых паратитлов – сопоставлений титулов Дигест с другими законами, касающимися тех же вопросов²¹². Несмотря на многочисленные интерполяции, сокращения, дополнения и подновления, вновь составляемые юридические тексты на греческом языке – суть главные результаты аналитической юриспруденции в самом непосредственном их виде — изобиловали заимствованными в их латинских прототипах разного рода понятиями и терминами, которые получали замену, как правило, не всегда и не сразу. Отнюдь не для всех остатков латинской терминологии удавалось найти адекватные греческие эквиваленты. Трудные для перевода латинские термины при этом нередко оставляли на языке оригинала или давали в греческой транскрипции²¹³.

В этой связи хотелось бы отметить пристальное внимание ведущих специалистов, таких, как Л. Бургманн и его коллеги, к византийской правовой лексике. Их усилиями издан комплексный труд «Византийская юридическая лексика» («*Lexica Iuridica Byzantina*») и многие другие исследования и публикации уже цитированных ранее правовых лексиконов, вобравших в себя транслитерированную лексику и пояснения к ней²¹⁴. Здесь

---

²¹² Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV – VIII вв. Л., 1976. С. 95.

²¹³ Там же. С. 111.

²¹⁴ *Fontes Minores* (Далее – FM.) VIII / Ed. L. Burgmann, M.Th. Fögen, R. Meijering, B.H. Stolte. Frankfurt a/M., 1990. Например, см.:

получило отображение такое широкое понятие как «закон» («lex»), переименованное по-гречески в..., иначе говоря, «народное законоустановление» и получившее другие определения)²¹⁵. В то же время независимо от традиции Юстинианова законодательства в обозначении зависимого земледельца-«колона» («colonus») приводимое в одном из лексиконов разъяснение в духе византийского Средневековья сопоставляет носителя этого всем известного социального статуса («colonus» — sic!), в греческой транскрипции, с наймитом-«мистотом» (sic!)²¹⁶.

Нужно подчеркнуть, что задача изучения освещаемого явления признана не только чрезвычайно сложной, но и далекой от своего завершения²¹⁷. Из-за компилятивного характера византийского права вплоть до последнего этапа его развития не могло быть и речи о подлинной унификации юридической терминологии, не говоря уже о классификации более широких понятийно-категориальных отношений и связей, в которых лишь угадывался прообраз правовой системы будущего²¹⁸. Сами по себе различия написания и транскрипции в византийских правовых памятниках многих заимствованных из латинских прототипов понятий и терминов не просто заметно умножает в составе ключевого поля каждого из них число эквивалентных грамматических форм. Отклонения от норм правописания почерпнутых из другого языка заимствований, в особенности очевидные, если паронимы разделяет

Burgmann L. Das Lexikon ἄδεται – Ein Theophilosglossar // FM. VI. Frankfurt a/M., 1984. S. 19-61; Idem. Das Lexikon αὐσηθ // FM. VIII. S. 248-337; Fögen M.T. Das Lexikon zur Hexabiblos aucta // Ibid. S. 153-214; Stolte B.H. The Lexicon Μαγίπιου // Ibid. S. 339-380; Gastgeber Chr., Diethart Joh. Λέξεις Ρωμαϊκῆς διαλέκτου – Ein byzantinischen Fremdwörter lexikon // FM. X. Frankfurt a/M., 1998. S. 445-476.

²¹⁵ См.: Burgmann L. Das Lexikon ἄδεται... S. 50 (L.1); Idem. Das Lexikon αὐσηθ... S. 314 (L.19). Также см.: Fögen M.T. Das Lexikon... S. 195 (L.5).

²¹⁶ Burgmann L. Das Lexikon ἄδεται... S. 47 (K.18).

²¹⁷ Культура Византии: вторая половина VII – XII в. ... С. 228.

²¹⁸ См.: Культура Византии: XIII – первая половина XV в.М., 1991. С. 307-308.

значительный промежуток времени, то есть они относятся к разным хронологическим периодам, выступают наглядным признаком возможной трансформации значения терминов, соответственно, социокультурных сдвигов в развитии общества или цивилизации в целом. Распространение подобных инвариантов среди наиболее образованных и высоких по их уровню культурного развития представителей византийского общества, допустимо предполагать, оказывало влияние на широкий круг членов византийского социума.

В этом свете расхождения в правописании, череватые видоизменениями значения как нормативных, так и ненормативных словоформ, оказываются довольно убедительным подтверждением того положения современной лингвокультурологии, согласно которому внутренняя форма слова является наиболее ярким показателем этнокультурного своеобразия менталитета народа. Оно подкрепляется определенной системой наименований в принятой коммуникативной практике²¹⁹. Это, в свою очередь, делает настоятельной необходимостью предусмотреть для них обособленные способы фиксации в составе соответствующих ключевых полей. В то же время одной из сложнейших научных задач языкознания признано установление эквивалентности между прототипами, известными в одном языке, и их транскрипциями – в другом: ведь эквивалентность слов напрямую сопрягается с проблемой тождества и требует разграничения нюансов с точки зрения синтагматики и парадигматики²²⁰. Одним из них, наверное, следует считать соотношение значения и смысла, которое раскрывается в «эквивалентности при существовании различия». Р.О. Якобсон считал это кардинальной проблемой языка и центральной проблемой лингвистики²²¹. Существование этой парадигмы допускает проявление эквивалентности на уровне смысла в сочетании с различиями в плоскости

---

²¹⁹ Подробнее см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 127-128.

²²⁰ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 122-124.

²²¹ Якобсон Р.О. Избранные труды... С. 363.

языкового содержания сопоставляемых высказываний и значений отдельных его элементов²²².

Оправданно сослаться на опубликованную некогда Ф. Зигелем славянскую компиляцию «Законы царя Юстиниана». Одно из первых их положений, хотя и косвенным образом, обнаруживает знакомство ее составителя с греческими узаконениями²²³. Несмотря на следование византийским образчикам, очевидна исконная самобытность текстологии и лексики древнейших памятников славянского права, в которых, даже прямое заимствование, как в приводимом примере использования греческого термина в одном из его основных значений «распоряжение-приказание», вовсе не доказывало полной адекватности в понимании прототипа и его рецепции.

Сохраняя в поле зрения приведенное положение, нужно указать на сделанное некогда Л.А. Новиковым настоятельное предупреждение о том, что семантическую проблематику нельзя сводить к изучению только значимостей и системы «чистых отношений» в языке, свободных от «значения». Взаимодействие лексических единиц в тексте требует лингвистического анализа согласно модели «текст» — «система». Важнейшим источником установления сходства и различия лексических единиц служит само их употребление, учет общих и специфических свойств их сочетаемости, то есть их дистрибуции. По сути речь идет о соотносительности синтагматических и парадигматических характеристик разного вида единиц лексико-семантической системы, которая дает возможность проводить семантический анализ, отправляясь от непосредственно наблюдаемых фактов текста к выявлению упорядоченной системы, то есть описанию классов тех или иных единиц, связанных определенными отношениями²²⁴. Затрагивая в связи с приведенными заявлениями проблему факта как такового, нужно сказать, что его сущность раскрывается в суждении о действительности, релевантной

---

²²² Подробнее см.: Бондарко А.В. Теория значений... С. 101.

²²³ Зигель Ф.Ф. Законник Стефана Душана... Приложен. С. 3.

²²⁴ Новиков Л.А. Избранные труды... Т. 1. С. 456-457.

семантике текста²²⁵. В этом заключено убедительное подтверждение тому положению исторической семиотики, согласно которому в сфере культуры факт рождается в ходе реконструкции. По мысли Ю.М. Лотмана, факт, будучи описан языками, формирующими семиосферу данной культуры и представляющими условие существования ее семиотического пространства, является не исходной точкой, а результатом анализа. Историк интерпретирует факты. Но каждый из них – не концепт или идея. Факт относителен с точки зрения универсума культуры. Как и текст, факт не до конца детерминирован семиотическим пространством той культуры, которой он неразрывно принадлежит²²⁶.

В конечном итоге нельзя не признать, что любые попытки изображать формирование специальных понятий исторической науки как процесс одностороннего движения, который регулируется черно-белым жезлом строго определенных факторов и представляет собою якобы «механизм», очевидным образом несостоятельны. И вряд ли названная проблема разрешима только на общефилософских основаниях или с помощью доводов рациональной логики, хотя бы потому, что настоятельно требует тонкого лингвистического анализа. Объяснение тому – самое простое: ведь специальные понятия и термины рождены к жизни, как правило, текстом источника и потому главным критерием для принятия решений относительно их природы остается происхождение, иначе говоря, тот контекст источника, из которого по воле ученого извлечено то или иное понятие и термин. Более того – их формирование, хотя и протекает в русле общественного сознания, неотъемлемо связано с когнитивными способами обработки информации, категоризации и концептуализации окружающей каждого члена общества действительности, равно и построения им своей собственной «картины мира». Этот процесс многослоен, затрагивая как человека прошлого, так и современного ученого. В этом плане перед современным

---

²²⁵ См.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 494 и далее.

²²⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 304-306. Подробнее о понятиях «семиосферы» и семиотического пространства» в концепции Ю.М. Лотмана см.: Там же. С. 163 и далее.

исследователем прошлого должна встать задача воссоздания всего спектра потенциально возможных умонастроений представителей изучаемой эпохи. Вероятно, не последнюю роль в снятии возникающих при том вопросов приобретает информационный анализ семантического поля исторического источника. Его составляет категориально-понятийная система, фундамент которой образован аутентичными понятиями и терминами. В свете их соотношенности с социокультурной традицией византийского общества, выбранного автором этих строк как поприще для приложения концептуального анализа, формирование данной системы предстает в виде нескончаемого диалога социального и культурного, определяющего не только идейное существо, но и все ее содержание.

Литература

- Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1990. Vol. II
Actes de Chilandar / Ed. dipl. par M. Živojinović et. al. Paris, 1998. Vol. I
Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, B. Korabiev. Deuxième Partie: Actes Slaves / Publ. par B. Korabiev // Византийский временник. СПб., 1915.
Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. Paris, 1984.
Actes de Kutlumas / Nouv. ed. par P. Lemerle. Texte. Paris, 1988.
Actes de Prôtaton. Texte / Éd. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986.
Actes de Xénophon / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Texte. № 3.17-18; Doch. № 15.4-5; Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1979. Vol. 3.
Actes du Pantocrator / Ed. dipl. par V. Kravari. Paris, 1991.
Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden, New York, Köln, 1998.
Armen. Hexabibl. V. 10, 1.I.
B.A. LX.55.2 — Proch. auct. XXXIX. 222 — Armen. Hexabibl. VI. 14, 8.
B.A. XXVIII.7.17; XXXVIII.9.41; XLI.1.88; LX.3.58.
Baloglou Ch.P. Economic Thought in the Last Byzantine Period // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden; New York, Köln, 1998.
Bartusis M.C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453. Philadelphia, 1992.
Demetrius Chomatianus, arhiep. Bulgariae. Varia tractata // Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata / Ed. J. Pitra Baptista. Parisiis; Romae, 1891. Vol. VI
Ducae Istoria turco-bizantină (1341 – 1462) / Ed. crit. De V. Grecu. București, 1958.

- Fögen M.T.* Das Lexikon zur Hexabiblos aucta // FM. Bd. VIII.
- Kaplan M.* Les hommes et terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992.
- Karayannopoulos I.* Ein Beitrag zur Militarpronoia der Palaiologenzeit // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit / Hrsg. v. W. Seibt. Wien, 1996.
- Kazhdan A.* Il Contadino // L' Uomo bizantino / A cura di G. Cavallo. Roma; Bari, 1992.
- Kazhdan A. P.* The Concepts of Freedom (eleutheria) and Slavery (duleia) in Byzantium // La notion de liberté au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. Paris, 1985.
- Kazhdan A.P., Epstein A.W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985.
- Mavromatis L.* Storia del Pensiero politico // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti i problemi. Roma, 1982.
- Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1871. Vol. 4, T. 1.
- Proch. 33.14; Proch. auct. 33.15;
- Proch. 38.20; Proch. auct. 38.22; Armen. Hexabibl. II. 4, 90.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984. P. 60 etc.
- Schreiner P.* Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Bibliotheca Vaticana. Città del Vaticano, 1991
- Svoronos N.* Storia del Diritto e delle Istituzioni // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi. Roma, 1982.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. 3. \
- Weiss G.* Formen von Unfreiheit in Byzanz im 14. Jahrhundert // Actes du XIV Congrès International des Etudes byzantines. Bucarest, 6-12 Septembre 1971. Bucaresti, 1975. Vol. II.
- Zachariä von Lingenthal K.E.* Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1955.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М., 1995.
- Арон Р.* Критическая философия истории: Эссе о немецкой теории истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Берлин И.* Подлинная цель познания. М., 2002.
- Бондарко А.В.* Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Будагов Р.А.* Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. М., 1985.
- Будагов Р.А.* Язык и речь в кругозоре человека. М., 2000.
- Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб., 1999
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вендина Т.И.* Введение в языкознание. М., 2002. С. 46.

- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998..
- Вин Ю.Я.* К вопросу о социально-экономическом содержании термина «ТА АΙΚΑΤΑ» византийских документов: основные направления исследования // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. М., 1994. С. 34-36.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г.* Основы антропологистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека. М., 2005.
- Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 39-54.
- Зализняк А.А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- Зигель Ф. Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872. Вып. 1. С. 197-198
- Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911.
- Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии. М., 2002.
- Калентьева Т.Л.* Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск, 1998.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002
- Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003
- Кобозева И.М.* «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д.Дружинина. М., 1991.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Культура Византии: XIII – первая половина XV в.* М., 1991.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 2006.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. М., 1999.
- Литвиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV – VIII вв. Л., 1976.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999.
- Микешина Л.А.* Философия познания: Полемиические главы. М., 2002.
- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 13 и далее. Также см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 166-167 и далее.

- Микешина Л.А.* Философия познания: Полемиические главы. М., 2002.
- Шпет Г.Г.* История как проблема логики: Критические и методологические исследования; Материалы. М., 2002.
- Морозов М.А.* Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.
- Морозов М.А.* «Прония» в византийских монастырских уставах Григория Пакуриана и Михаила Атталиата // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового времени. СПб., 2003. Вып. 4. С. 117-133.
- Неретина С.С.* Тропы и концепты. М., 1999.
- Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. СПб., 2003
- Новиков А.И.* Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2000
- Новиков Л.А.* Избранные труды. М., 2001. Т. 1: Проблемы языкового значения.
- Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
- Петров М.К.* Историко-философские исследования. М., 1996.
- Петров М.К.* Язык, знак культура. М., 1991
- Пименова М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
- Рассел Б.* Исследование значения и истины. М., 1999.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 2001.
- Смирнов В.А.* Логические методы анализа научного знания. М., 2002.
- Хроленко А.Т.* Лингвокультуроведение. Курск, 2001.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998;
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2003.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2003.
- Трофимова Р.П.* Культуролого-экономический словарь. М.; Екатеринбург, 2003.
- Хвостова К.В.* Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV – XV вв.). М., 1992;
- Хвостова К.В.* Социальная информация в общественных отношениях в Византии // Вестник истории. 2003. № 11. С. 52-61.
- Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. М., 2000.
- Хроленко А.Т.* Общее языкознание. Курск, 1999.
- Шпет Г.Г.* Явление и смысл. Томск, 1996.
- Шульга Е.Н.* Когнитивная герменевтика. М., 2002.
- Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Казарян В.П.* Философия науки. М., 2005.
- Язык и антропологические сущности / Под ред. *Г.П.Немца*. Краснодар, 1997
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М., 1985

А.И. Сидоров

**Каролингские библиотеки:
к вопросу о книжной культуре у франков**

Аннотация: С конца VIII в каролингской империи сформировалась довольно обширная социальная группа осознававшая важность образования и стремившаяся к обладанию знанием в самых разных областях. Одним из самых убедительных проявлений этого процесса автор считает бурный рост числа библиотек, которые должны были удовлетворить спрос на книги. Каковы были общие принципы функционирования книжной культуры в этот период? Как формировались книжные фонды, из каких книг они состояли, в чем распоряжении находились, кто помимо владельцев имел к ним доступ, наконец, где и как ими можно было пользоваться?

Ключевые слова: Каролингская империя, культура, библиотеки, книги, Раннее Средневековье, рукописи.

Об авторе: Сидоров Александр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. 119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32 А. alexhist@mail.ru

Alexander I. Sidorov.

**Carolingian Libraries:
the Problem of Book Culture among Franks**

Abstract: Since the end of the 8th century there emerged in the Carolingian Empire rather large social group, whose members were quite aware of the importance of education and strove to acquire knowledge in various areas. One of the most convincing manifestation of that process the author considers the rapid growth of the number of libraries that were to meet the demand for books. Which general principles defined the book culture in that period? How book collections were created? What books they contained? Who was able to consult them, besides the owners? Finally, where and how those books might be used?

Keywords: Carolingian Empire, culture, libraries, books, Early Middle Ages, manuscript studies.

About the author: Alexander Ivanovich Sidorov, PhD in medieval history, senior researcher of Institute of World History of RAS. 119334, Moscow, Leninskiy prospect, 32-A. alexhist@mail.ru.

С конца VIII века во Франкском королевстве начинается культурный подъем, известный под именем «каролингского возрождения». Оживление культурной жизни было изначально связано с церковной реформой, целью которой являлись унификация богослужения, исправление церковных книг, подготовка квалифицированных кадров для работы с паствой и, в конечном счете, распространение христианского вероисповедания вширь и вглубь – на всем пространстве империи и за ее пределами среди язычников-варваров.

Огромное внимание при этом уделялось изучению латинского языка и навыкам владения им, необходимым для успешной проповеди и борьбы с ересями. Повсеместно открываются школы, где преподаются азы свободных искусств и изучаются труды римских авторов – поэтов, историков, риториков, философов, математиков, архитекторов и т.д. Однако интерес к знанию в широком смысле слова довольно быстро перерос свои первоначальные сугубо утилитарные границы. Уже в первой половине IX века для многих каролингских эрудитов широкая образованность и связанная с ней творческая активность становятся самостоятельной ценностью. Впрочем, дело не ограничивалось только учеными-эрудитами. В пределах каролингского мира сформировалась довольно обширная социальная группа – из числа монахов, священников и мирян, – осознававшая важность образования и стремившаяся к обладанию знанием в самых разных областях.

Одним из самых убедительных и наглядных проявлений этого процесса можно считать бурный рост числа библиотек практически на всем пространстве империи. Очевидно, что они были призваны удовлетворить устойчивый спрос на книги самого разного содержания. Каковы были общие принципы функционирования книжной культуры в этот период? Как формировались книжные фонды, из каких книг они состояли, в чем распоряжении

находились, кто помимо владельцев имел к ним доступ, наконец, где и как ими можно было пользоваться? Поиску ответов на эти вопросы, актуальные, смею надеяться, не только в рамках проблематики семинара «Люди и текст», посвящена данная работа.

Полная история каролингских библиотек еще не написана, да и вряд ли это вообще когда-либо удастся сделать, учитывая неизбежно ограниченный круг источников, которыми мы располагаем. С другой стороны, о книжных собраниях VIII – X вв. нам известно не так уж и мало. Прежде всего, благодаря тому, что каролингские монахи и священники время от времени составляли списки известных им книг, а иногда даже снабжали их более или менее пространственными пояснениями¹. Начиная с IX в. такая работа уже не считалась чем-то исключительным. Это стало прямым следствием стремительного увеличения книжных фондов.

Книжные фонды, их пополнение и описание

В каролингский период книжные списки создавались исключительно с целью инвентаризации фондов. Называли

---

¹ Довольно полную подборку описаний средневековых списков книг подготовили Г. Беккер и Т. Готтлиб: *Becker G. Catalogi bibliothecarum antiqui*. Bonnae, 1885; *Gottlieb Th. Über mittelalterliche Bibliotheken*. Leipzig, 1890 (Nachdruck: Wien, 1955). Одно из лучших изданий каталогов средневековых библиотек, с комментарием, а также обзором вставок и дополнений, выполнил П. Леманн: *Lehmann P. Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz*. Bd. 1. München, 1918 (Nachdruck 1969). Отдельно следует отметить издание списка книг из Мурбаха и критическое переиздание каролингских каталогов из Лорша: Bloch H. Ein karolingischer Bibliothekskatalog aus Kloster Murbach // *Strassburger Festschrift zur 46. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1901. S. 257-285; Milde W. *Der Bibliothekskatalog des Klosters Murbach aus dem 9. Jahrhundert. Ausgabe und Untersuchung von Beziehungen zu Cassiodors "Institutiones"*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968; Häse A. *Mittelalterliche Bücherverzeichnisse aus Kloster Lorsch. Einleitung, Edition und Kommentar*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. О средневековых книжных списках как особом типе источников подробнее см.: *Derolez A. Les catalogues de bibliothèques (Typologie des sources du moyen âge occidental. Fasc. 31)*. Brepols, 1979.

их по-разному: *brevis* или *breviarium librorum*, *inventarium librorum*, *adnotatio librorum*, *descriptio librorum*, *abbreviatio librorum* и даже *genealogia bibliothecae*. Иногда их записывали на отдельных листах, в свитках² или в тетрадах³. Но чаще, несомненно, в целях лучшей сохранности, непосредственно в книгах – там, где имелось свободное место. Кодексы выбирались не случайно. Предпочтение отдавалось манускриптам, в которых содержались авторитетные, а потому нередко читаемые сочинения. В Вайсенбурге для этих целей выбрали комментарии Илария на Матфея⁴, в Лорше – схолии св. Максима на труды св. Григория⁵, в Монте Кассино – «О Граде Божиим» Августина и «Моралии» Григория Великого, в Шартре – *De doctrina christiana*, еще одно сочинение Августина⁶. В Линдисфарне список книг поместили в начале второй части двухтомной Библии⁷, а в Аугсбурге – в конце комментариев Иеронима на Осию и младших пророков⁸. Иногда это делалось задним числом, по памяти, на которую не всегда можно было положиться⁹.

---

² Использование свитков все же оставалось исключением. Тем не менее, некоторые лучшие каролингские каталоги, например, из Райхенау или Мурбаха, имели именно такой вид.

³ Например, в Санкт-Галлене во второй половине IX – начале X вв. было составлено два довольно пространных *adnotatio librorum*, которые занимали по несколько десятков страниц. Поначалу они существовали в виде отдельных тетрадей и лишь позднее были подшиты в другие кодексы. Например, в кодекс с экзегетическими и дидактическими сочинениями Алкуина (St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 267. P. 3-32) или в кодекс с капитуляриями и варварскими правдами (St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 728. P. 4-21). Оба списка книг несут на себе следы правки и дополнений.

⁴ *Becker G. Op. cit. P. 37.*

⁵ *Becker G. Op. cit. P. 41.*

⁶ *Becker G. Op. cit. P. 144.*

⁷ *Becker G. Op. cit. P. 172.*

⁸ *Becker G. Op. cit. P. 137.*

⁹ Один из составителей хроники Фонтанельского монастыря называет лишь часть книг из собрания аббата Ансегиза (823-833 гг.), ссылаясь на то, что названия многих других попросту не помнит. См.: *Gesta Ansgisi abbatis: alios plurimos (libros), quorum nunc nomina non occurrunt memoriae (Gesta abbatum Fontanellensium // MGH. SS. T.2. P. 297).*

С IX в. книжные списки становятся полноправной частью монастырских хроник. Благодаря этому мы знаем о сочинениях, которые можно было найти в библиотеках Сен-Рикье, Санкт-Галлена и Сен-Вандрийя¹⁰. В ряде случаев удастся более или менее точно определить момент появления в собрании того или иного манускрипта, поскольку авторы хроник иногда упоминают о времени поступления в монастырские фонды частных коллекций аббатов и других дарителей.

Книги обладали не столько культурной, сколько материальной ценностью. Они начинают упоминаться в завещаниях королей и знати. Именно там сохранилась уникальная информация, например, о великопепном собрании графа Эверхарда Фриульского, разделенном между наследниками в 837 г.¹¹. Некоторое количество сведений по интересующей нас теме содержится в письмах каролингских эрудитов к своим ученикам, друзьям и коллегам.

В IX – X вв. быстрее всего росли монастырские библиотеки. Лучшие собрания нередко насчитывали сотни манускриптов. Судя по сохранившимся описаниям, в Райхенау в 822 году имелось 415 книг, в Сен-Рикье в 831 году было 243 книги. Во второй половине IX столетия в Санкт-Галлене насчитывалось не меньше 428 книг, в Лорше – 590, а в вюрцбургском монастыре св. Сальватора, по крайней мере, 209 книг. В X веке в Боббио и Санкт-Эммерамме хранилось, соответственно, 666 и 513 книг. К сожалению, мы знаем довольно мало, а иногда почти ничего о библиотеках таких важнейших каролингских аббатств, как Флэри, Ферьер, Сен-Дени, Сен-Мартен-де-Тур, Сен-Реми, Корби, Фульда и многие другие¹². Но их фонды вряд ли

---

¹⁰ *Becker G.* Op. cit. P. 1, 24, 54.

¹¹ *Becker G.* Op. cit. P. 29.

¹² За последние сто лет было предпринято несколько небезуспешные попытки реконструкции хотя бы части исчезнувших книжных фондов ведущих каролингских аббатств. Благодаря этой работе сегодня многие рукописи идентифицированы и описаны, установлено место и время их создания. См.: *Rand E.K.* A Survey of the Manuscripts of Tours. 2 Vol. Cambridge, 1929; *Lehmann P.* Die alte Klosterbibliothek Fulda und ihre Bedeutung // *Lehmann P.* Erforschungen des Mittelalters. Bd.1. Stuttgart, 1941/1959. S. 213-231; *Bischoff B.* Die Abtei Lorsch im Spiegel ihrer

сильно уступали собраниям других крупных монастырей и, скорее всего, не очень существенно отличались от них по составу.

В реальности, однако, рукописей было гораздо больше. На это косвенно указывают различные описания одних и тех же собраний, например, Лорша, Санкт-Галлена, Санкт-Эммерамма или Райхенау. С одной стороны, в них имеются разночтения. С другой, сам факт появления новых *descriptio* с небольшой разницей во времени указывал на то, что представление об истинных размерах библиотечных фондов было весьма приблизительным – чем больше они становились, тем хуже их знали. Кроме того, далеко не все манускрипты, происхождение которых сегодня точно установлено, упомянуты в каталогах их родных монастырей.

Епископские и церковные библиотеки начали формироваться позже монастырских и существенно уступали последним. В IX в. в Кельне насчитывалось 39 книг, в Вайсенбурге 71 книга, в Пассау 40, а в Овьедо 42 книги. В Реймсе, исключительно благодаря заслугам архиепископа Гинкмара, их было около сотни. В последующие два столетия ситуация мало изменилась. В Зальцбурге имелось всего 14 книг, в Аугсбурге – 50, в Линдисфарне – 52, в Кремоне – 95 книг.

Книгами владели не только представители духовенства или церковные корпорации. Довольно большие собрания, порой насчитывавшие несколько десятков

Handschriften. Lorsch, 1989; *Bischoff B.* Die süddeutschen Schreibschulen und Bibliotheken in der Karolingerzeit. Bd.1-2. Wiesbaden, 1974, 1980; *Bischoff B.* Hadoard und die Klassikerhandschriften aus Corbie // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Bd.1. Stuttgart, 1966. S. 277-285; *Butzmann H.* Die Weissenburger Handschriften. Frankfurt am Main, 1964; *Milde W.* Der Bibliothekskatalog des Klosters Murbach aus dem 9. Jahrhundert. Ausgabe und Beziehung zu Cassiodors Institutiones. Heidelberg, 1968; *Contreni J.J.* The Cathedral School of Laon from 850 to 930. Its Manuscripts and Masters. München, 1978; *Mostert M.* The Library of Fleury: A Provisional List of Manuscripts. *Middleleeuwse Studies en Bronnen* 3. Hilversum, 1989; *Nebbiai-Dalla G.D.* La bibliothèque de Saint-Denis en France du IX-e au XVIII-e siècle. Paris, 1985; *L'Ecole carolingienne d'Auxerre. De Murethach à Remi (830 – 908) / ed. D. Iogna-Prat, C. Jeudy et G. Lobrichon.* Paris, 1991.

манускриптов, имелись при королевских дворах¹³ и даже у отдельных светских аристократов¹⁴.

Чтобы пользоваться книгой, надо было знать, имеется ли она в собрании и где именно ее следует искать. Найти нужное сочинение среди двух-трех десятков рукописей, по-видимому, не составляло особого труда. Совсем другое дело, если их оказывалось несколько сотен, да еще разные сочинения переплетались вместе под одной обложкой. Чем больше манускриптов поступало в библиотеки, тем острее вставала проблема систематизации фондов. Первые и довольно успешные попытки такого рода были предприняты уже в первые десятилетия IX в. Раньше других эту работу провели в монастыре Райхенау. В его каталогах книги разделены по темам, а в тех случаях, когда это удастся сделать, по авторам. Здесь встречаются такие подразделы как *De libris canonum*, *De regulis*, *De libris homeliarum*, *De passionibus sanctorum*, *De libris glossarum*, *De opusculis Eusebii episcopi*, *De libris Iosephi*, *De opusculis Orosii presbyteri*, *De libris Bedae presbyteri* и другие. Составители различали также текст сочинения (*liber*) и количество томов, которым оно представлено (*volumen*, *codex*)¹⁵. Иногда давалось описание содержания компилятивных кодексов, хотя это и не являлось общим правилом¹⁶. Впрочем, не все

---

¹³ *Bischoff B.* Die Hofbibliothek Karls des Grossen // *Karl der Grosse ... Bd. 2.* S. 42-62; *McKitterick R.* Charles the Bald (823-877) and his library: the patronage of learning // *McKitterick R.* The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages. Adelshot, 1995. V (P. 28-47); *Bischoff B.* Bücher am Hofe Ludwigs des Deutschen und die Privatbibliothek des Kanzlers Grimalt // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Bd.3. Stuttgart, 1981. S. 187-212.

¹⁴ *Riché P.* Les bibliothèques de trois aristocrates laics carolingiens // *MA.* № 69. P. 87-104.

¹⁵ Например, *metra Vergilii Maronis* in vol. I; *Historiae antiquitatum Iosephi lib XI* in codice I; *Vita et gesta Karoli imperatoris Augusti volumen*. Подробнее см.: *Becker G.*, *Op. cit.* P. 4-13.

¹⁶ Например, Регинберт, монах из Райхенау, детально описал структуру кодексов, подаренных им монастырской библиотеке. Вот содержание одной из книг: *In tertio libro habentur chronica Eusebii Caesariensis episcopi et Hieronymi presbyteri et Prosperi. Et chronica Cassiodori Senatoris, et chronica Iordanis episcopi et chronica Melliti. Et chronica Bedae presb. et chronica excerpta Isidori episcopi et chronica brevis. Deinde notarum Plinii Secundi lib. I et notarum Isidori ep. lib. I et notarum de*

материалы систематизированы даже по заявленным параметрам. Например, пять книг «Иудейской войны» Иосифа Флавия стоят особняком, хотя в каталоге имеется самостоятельный список *De libris Iosephi*¹⁷.

Схожий порядок рубрик с более или менее подробными описаниями отдельных кодексов встречается в каталогах Сен-Рикье, Овьедо, Боббио, Лорша, Мурбаха и Санкт-Галлена. Однако большинство книжных списков IX-X вв., в том числе составленных при дворе, представляют собой простое перечисление названий отдельных произведений, расположенных вне всякого порядка. В лучшем случае они сгруппированы по именам прежних или нынешних владельцев.

Книжные собрания формировались разными путями. Поскольку книги являлись материальной ценностью, их завещали, дарили или передавали по наследству наряду с другими материальными ресурсами. Вручение книги (как правило, Библии) королю монахами той или иной обители стало в IX в. расхожим сюжетом каролингской книжной миниатюры¹⁸. В свою очередь, правители нередко жаловали аббатствам дорогие и роскошно украшенные кодексы, а также выделяли им материальную помощь для поддержания фондов в надлежащем состоянии. Например, Карл Великий подарил монастырю Сен-Дени лес, чтобы братья имели возможность сделать новые кожаные переплеты для своих манускриптов¹⁹.

---

naturis rerum Bedae presb. liber excerptus ex diversis lib. I et epistolae Victoris et Dionysii de ratione cycli paschalis. Et de cyclis decennialibus cycli XXVIII. Et versus diversi de septem diebus et mensibus et XII signis vocabulis. Et martyrologium per anni circulum. Et in autea de diversis numeris et figuris. Подробнее см.: *Becker G. Op. cit. P. 19-24.*

¹⁷ *Becker G. Op. cit. P. 1-2.*

¹⁸ Например, в так называемой Библии Вивьена граф-аббат монастыря св. Мартина в Туре Вивьен вручает роскошный кодекс Карлу Лысому: Paris, BN. lat. 1, fol. 423r.

¹⁹ DK 87 (Dec. 774) // MGH DD Karolinorum. T. 1. P. 126: Haec omnia superius dicta cum omni integritate et soliditate sua, sicut usque nunc a fisco nostro cognoscuntur esse possessa, cum utriusque sexus genera feraminum cervorum capreolorum, ex quorum coriis libros ipsius sacri loci

Аббаты Фонтанельского монастыря пожертвовали своей обители десятки книг, что соответствующим образом было зафиксировано в монастырской хронике²⁰. Аналогичным образом поступали аббаты и монахи Санкт-Галлена²¹, Боббио²² и Санкт-Эммерамма²³. Подобная практика была так же широко распространена в среде белого духовенства. Архиепископ Гинкмар передал Реймской церкви свое внушительное книжное собрание²⁴. Хорепископ Мадалввин завещал свои книги церкви в Пассау, диакон Ландо – монастырю св. Марии Альбанеты, а некий священник Вальгарий – монастырю в Сизуене²⁵. Персональная библиотека пресвитера Хейльрада, наглядно отражающая его профессиональные обязанности, после его смерти отошла Лоршскому монастырю²⁶.

Если в монастыре или при церковной кафедре имелся скрипторий, то по крайней мере часть его продукции оставалась на месте, причем аббат или епископ держали это на особом контроле, по мере необходимости иницируя создание новых копий²⁷. Различные скриптории находились

---

cooperiendos ordinamus, necnon etiam ex supradicta venatione infirmorum fratrum corpora ad tempus reficienda, reparanda et roboranda constituimus.

²⁰ *Gesta abbatum Fontanellensium.*, P. 287 (*Gesta Wandonis*), 292 (*Gesta Gervoldi*), 295-297 (*Gesta Ansgisi*).

²¹ St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 267. P. 25: *Hos libros patrivit Grimoldus*; P. 30: *Istos autem libros Grimaldus de suo dedit ad sanctum Gallum.*

²² *Becker G. Op. cit. P. 499.*

²³ *Becker G. Op. cit. P. 130-131.*

²⁴ *Devisse J. Hincmar, archeveque de Reims, 845-882. Geneve, 1976. P. 955.*

²⁵ *Becker G. Op. cit. P. 60-61, 132.*

²⁶ *Häse A. Op. cit. S. 347-357.*

²⁷ St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 267. P. 28: *Hos vero libros ... Hartmotus ... fecit conscribi.* Об этом сообщается и в монастырской хронике: *Ratperti casus S. Galli: Librorum etiam non parvam copiam sub eodem abbate [Grimaldo] Hartmotus composuit, quorum nomina haec esse scias (MGH. SS. T.2. P.70); "Isti libri qui subsequuntur scripti sunt in coenobio Sindleotes-Awa postquam Erlebaldo abbati fuit hoc monasterium commendatum"* (*Becker G. Op. cit. P.13*).

в постоянном контакте друг с другом, обмениваясь не только рукописями, но и писцами²⁸.

Нередко книги переписывались для собственного пользования. Именно таким путем Регинберт, монах и скриб из Райхенау, один из самых известных библиофилов каролингского времени, обзавелся собранием в несколько десятков томов, которые позднее пожаловал родному монастырю²⁹. Хорошо известна деятельность Лупа Ферьерского, который лично переписал десятки рукописей для себя и своих учеников³⁰.

Впрочем, создание личной библиотеки не являлось для монахов делом первой необходимости. Напротив, те представители каролингского клира, что плотно работали с паствой, непременно старались обзавестись соответствующей «рабочей» литературой – евангелиями, гомилиями, антифонариями, псалтырью, сборниками проповедей, житиями святых, пенитенциалиями, постановлениями церковных синодов и т.д., причем стремились иметь эти книги в нескольких экземплярах. Чаше всего их изготавливали на заказ в многочисленных монастырских или епископских скрипториях. К услугам переписчиков нередко прибегали не только люди церкви, но и миряне. По крайней мере часть книг из собрания Эверхарда Фриульского наверняка была изготовлена на заказ. Сохранившиеся свидетельства говорят о том, что это не было чем-то исключительным. Во второй половине IX в. в одном из луарских скрипториев некий копиист Хаимо переписал для графа Конрада «Историю Александра Македонского»

---

²⁸ Например, см.: *Veziñ J. Les relations entre Saint-Denis et d'autre scriptoria pendant le haut moyen âge // The role of the book in medieval culture. T. 1. Brepols-Turnhout, 1986. P. 17-39.*

²⁹ «Incipit brevis librorum quos ego Regimburtus indignus monachus atque scriba in insula coenobii vocabulo Sindleozechs Auua sub dominatu Waldonis, Heitonis, Erelebaldi et Ruadhelmi abbatum, eorum permissu de meo gratu scripsi aut scribere feci, vel donatione amicorum suscepi» (*Becker G. Op. cit. P. 19*).

³⁰ *Garièpy R.J. Lupus of Ferrière: Carolingian scribe and text critic // Medieval Studies 30 (1968) P. 90-105.*

Квинта Курция Руфа, о чем сам же упомянул в посвящении³¹.

Если приобретение рукописи оказывалось не по карману, ее можно было получить во временное пользование. Такая практика была характерна, прежде всего, для церковных библиотек и нашла свое отражение в разного рода книжных инвентарях. Например, один из кельнских епископов выдал своей сестре евангелие, брату первую часть комментариев Григория Великого на книгу Иова, а племяннику антифонарий. Другие люди из его окружения также не остались без внимания: некий Возон получил sacramентарий с лекционарием, Балдрик – Притчи Соломона, Осман – книгу Проспера о деяниях и созерцательности, Снебрат – миссал с лекционарием и житиями святых отцов, Ратхей – лекционарий с евангелиями, Фолкар – антифонарий, Энгильхельм – миссал. Любопытно, что в круг читателей, помимо сестры епископа, входили и другие женщины: некая Хильдсвинда получила от него миссал с лекционарием, а супруга Веринвальда – Книгу Царств. В распоряжении самого епископа (*ad suum ministerium*) находились евангелия, написанные серебряными чернилами и украшенные золотом и драгоценными камнями, sacramентарий Григория, написанный золотом, и гомилярый, доставшийся ему из книжного собрания некоего Ландольфа³².

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Вайсенбурге в конце IX в. Епископ Анно выдал аббату Гебехарду лекционарий, пресвитеру Эмихону – сочинение Рабана Мавра с мартирологом, а двум господам Лиутгардам – по псалтыри. Себе оставил миссал, книгу по грамматике, постановления римских понтификов, неуказанное сочинение Седулия и некоторые другие книги³³.

Монастырские собрания оставались в целом закрытыми для внешнего мира. К ним имели доступ, прежде

---

³¹ Paris, BN lat 5716, fol. 1r: *Haimus monachus hoc volumen historiarum Alexandri Magni in libris VIII domno Chuinrado illustrissimo comiti dedit.*

³² *Becker G. Op. cit. P. 35-36.*

³³ *Becker G. Op. cit. P. 37.*

всего, монахи конкретного аббатства. Впрочем, некоторые книги время от времени покидали пределы монастыря, поступая в пользование дружественного епископа, пресвитера или настоятеля другой обители, подобно тому, как манускрипты из церковной библиотеки оказывались в распоряжении монахов. Иногда книги на время выдавались и мирянам, тесно связанным с конкретным аббатством.

В VIII-X вв. сотни манускриптов активно циркулировали не только в рамках локальных монашеских или церковных общин, но также на значительно более широком пространстве – по территории всего королевства франков. Порой они преодолевали тысячи километров. С Апеннинского полуострова их привозили итальянские ученые-эрудиты, приглашенные к королевскому двору. Из Испании везли беженцы-готы, спасавшиеся от арабской агрессии. С Британских островов переправляли ирландские и англосаксонские миссионеры. В самой Франкии библиотеки крупных монастырей в случае опасности нередко укрывали в других обителях. Так, монахи Санкт-Галлена временно передали свои книги в Райхенау, а братья Сен-Вааста отдали их в Бове³⁴.

Впрочем, происходил и обратный процесс. Соседние обители общими усилиями восстанавливали библиотеку монастыря, разоренного пожаром или набегом. Так, трирское аббатство св. Максимиана было полностью разграблено норманнами в 882 г., а его немалое книжное собрание уничтожено. Однако уже спустя несколько десятилетий в монастырь стали поступать рукописи из различных центров Лотарингии и северной части Западно-Франкского королевства (Мец, Тур, Сент-Аманд, Лаон, Майнц), которые по счастливой случайности избежали разорения. К 1125 г. в библиотеке св. Максимиана насчитывалось уже полторы сотни манускриптов, причем в монастырском скриптории была создана лишь малая их часть³⁵.

---

³⁴ *Ekkehardi IV Casus s. Galli*, 5 // MGH SS. II. P. 105; *Ann. Vedast.*, 886.

³⁵ Подробнее см.: *Knoblich I. Die Bibliothek des Klosters St. Maximin bei Trier bis zum XII Jahrhundert*. Trier, 1996.

Хранение книг. Библиотекари

Библиотеки как массовое культурное явление возникли еще в Античности. Однако в первые столетия Средневековья они практически полностью исчезают с европейского культурного горизонта и возрождаются вновь только в IX в. Потребовалось не одно столетие, чтобы выработались удовлетворительные принципы их функционирования: где и как хранить фонды, которые стремительно увеличивались; как их систематизировать, чтобы быстро отыскать необходимое произведение; где и как работать с книгами; кому и на каких условиях выдавать требуемое сочинение и т.д. В каролингскую эпоху в этом направлении были сделаны только первые шаги. Выше уже говорилось о некоторых принципах систематизации рукописей. Условия хранения книжных собраний долгое время оставались не слишком комфортными. Стройные ряды полок, уставленных книгами в строгом соответствии с определенным рубрикатом, а также поддержание климат-контроля в хранилище и наличие исчерпывающего каталога в читальной зале – достижения относительно недавнего прошлого. В VIII-X вв. ни в монастырях, ни тем более при епископских кафедрах мы не обнаружим того, что хоть отдаленно можно было бы назвать библиотекой в нынешнем смысле этого слова.

Небольшие книжные собрания числом до нескольких десятков манускриптов, принадлежавшие частным лицам или корпорациям, занимали немного места. Они могли храниться в деревянных сундуках или шкафах-армариумах, а также в небольших каменных нишах где-нибудь в церкви или в зале капитула. Учитывая, что значительная часть книг из кафедральных библиотек выдавалась на сторону, места для оставшихся фондов требовалось еще меньше.

Некоторое представление о том, как могли выглядеть сундуки для хранения книг, дают каролингские миниатюры³⁶. Чаще всего это были невысокие деревянные

---

³⁶ Разного рода коробки для манускриптов встречаются на миниатюрах, изображающих евангелистов за работой. Как правило, ящики с книгами стоят в ногах у писца, а также под его стулом или попиром: Paris, BN lat. 1141, fol. 3 (Сакраментарий Карла Лысого (?),

ящики прямоугольной формы с массивной крышкой, запирающейся на ключ (на рисунках отчетливо видны замочные скважины). Кодексы располагались в них в один ряд корешками вверх. В одном сундуке помещалось примерно пять или шесть книг, так что при случае его можно было легко перевозить с места на место³⁷. На миниатюре Евангелия из Реймса (пер. пол. IX в.) сундук имеет круглую форму и чем-то напоминает современную шляпную коробку. В нем хранятся не кодексы, а свитки. Возможно, круглый сундук для этих целей представлялся более функциональным.

Изображение шкафа-армариума отсутствует в каролингских манускриптах, зато встречается в англо-саксонской рукописи VII-VIII вв.³⁸. Двустворчатый шкаф высотой немногим выше человеческого роста имеет пять полок, на которых расположены книги и принадлежности для письма. Любопытно, что манускрипты не стоят, а лежат по две штуки на каждой полке и обращены корешками к зрителю. В армариуме их девять, десятая – в руках у писца.

В шкафах (или больших сундуках) могли храниться десятки книг. Так в «сундуке» (*in arca*) Адсона, аббата монастыря Монтье-ан-Дер, было обнаружено двадцать три манускрипта (каталог 993 г.). Их владелец отправился в

придворная школа, около 869-870 гг.); Paris, BN lat. 9358, fol. 137v (так называемое Евангелие госпожи Du Fay, Тур, середина IX в.); Paris, BN lat. 17968, fol. 55v (так называемое Евангелие Луазеля, Реймс, первая половина IX в.); Paris, BN lat. 1, fol. 329v (так называемая Библия Вивьена, Тур, 845 г.). Миниатюры опубликованы в кн.: *Trésors carolingiens. Livres manuscrits de Charlemagne à Charles le Chauve*. P., 2007. P. 104, 116, 155, 174.

³⁷ Например, Рабан Мавр упоминает ящики для книг именно в таком контексте: *Scrinia sunt vasa, in quibus servantur libri vel thesauri – De universum* XXII, 8 // PL. T. CXI, col. 604.

³⁸ Так называемый *Codex Amiatinus* хранится сегодня во Флоренции: Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, *Amiatinus 1*. Миниатюра опубликована в кн.: *Bologna G. Die schönsten Bibeln des Mittelalters. Die kostbarsten abendländischen Kodizes und illuminierten Handschriften*. München, 2006. S. 17.

паломничество в Иерусалим и не взял их с собой³⁹. Для крупных монастырских коллекций в несколько сотен томов иногда отводились специальные помещения. Источники называют их *cellula*, что буквально означает «комнатенка» или «крохотная келья»⁴⁰. Но они появились далеко не сразу и были не везде. В IX в. книжные фонды росли стремительно. Очевидно, именно избыточное количество манускриптов в какой-то момент заставило монахов задуматься о том, где и как их хранить.

На знаменитом плане идеального каролингского монастыря эпохи Людовика Благочестивого, составленном в Райхенау ок. 820 г. и попавшем в Санкт-Галлен при аббате Гоцберте (816-837 гг.), предусмотрен не только скрипторий, но и библиотека. По мысли архитекторов, она должна была располагаться непосредственно над скрипторием. Оба помещения пристроены к алтарной части церкви – с северной стены восточного хора. С южной стороны в симметрично расположенной пристройке размещена двухэтажная ризница⁴¹. Непосредственная близость обоих сооружений к алтарю подчеркивает их важное значение для внутренней жизни обители. Однако такое архитектурное решение имело и другое, вполне прагматичное основание. С одной стороны, в окна скриптория, обращенные на северную сторону, никогда не проникали солнечные лучи, и таким образом в помещении, где работали переписчики, удавалось добиться равномерного и мягкого естественного освещения. С другой – библиотека располагалась напротив дома аббата и, следовательно, все время находилась под его непосредственным наблюдением.

В небольших монастырях рукописи хранились довольно небрежно и складировались как попало в самых

---

³⁹ “Hii sunt libri domni abbatis Adsonis quos in arca eius reperrimus postquam ipse Hierosolimam petiit” (*Becker G.* Op. cit. P. 126).

⁴⁰ Ср.: PL. T. CII, col. 886: *cellula ubi libri reconduntur, repositio librorum.*

⁴¹ О плане идеального каролингского монастыря подробнее см.: *Хорват Х.* Средневековая архитектура аббатства Санкт-Галлен // *Культура аббатства Санкт Гален...* С. 186-188, 196-197; *Hecht K.* *Der St. Gallen Klosterplan.* Sigmaringen, 1983.

неподходящих местах. Там они нередко страдали от сырости и нашествия грызунов. Многие источники IX в. говорят о крайней ветхости подавляющего большинства докаролингских кодексов. Причину их неудовлетворительного состояния, кажется, можно объяснить не столько возрастом, сколько ужасными условиями хранения в течение длительного времени.

Каким образом манускрипты располагались внутри «комнатенок», точно неизвестно. Каролингские *cellulae* до наших дней не дошли, но сохранились помещения более позднего времени. Например, в «библиотеке» цистерцианского аббатства Фларан (Гасконь, сер. XII в.) имелось несколько ниш, но с другой стороны оставалось немало места для шкафов и сундуков. Возможно, также имелись полки. Здесь отсутствуют окна, поэтому комната вряд ли использовалась как скрипторий. Само помещение одной стеной примыкает к монастырской церкви, второй к сокровищнице⁴², третьей к залу капитула. Четвертая стена обращена непосредственно к клуатру. Вероятно, такое расположение армариума представлялось оптимальным. А сама организация внутреннего пространства монастыря, возможно, апеллировала к каролингским традициям.

Впрочем, традиции имели региональную специфику. Выше уже говорилось о санктгалленском плане, который, скорее всего, отражал южно-немецкие реалии. Известно также, что в нейстрийском аббатстве Сен-Вандрий (Фонтанель) при аббате Ансегизе (822 – 833 гг.) для библиотеки и монастырского архива отвели два разных помещения в пространстве обходной галереи. Первое находилось рядом с рефекторием (просматривается явная параллель между представлениями о пище естественной и

---

⁴² Судя по расположению библиотеки, под нее отвели примерно третью часть сокровищницы, разделив два помещения стеной. Такая схема, в целом, характерна для цистерцианских монастырей. См.: *Clark J.W. The Care of Books. An Essay on the Development of Libraries and their Fittings, from the earliest times to the end of the Eighteenth Century.* Cambridge, 1901. P. 81.

духовной), второе – строго напротив, непосредственно возле dormitorio⁴³.

Не все манускрипты хранились в одном месте. Книги, предназначенные для богослужения, зачастую держали отдельно – непосредственно в церкви, вместе с одеждой и необходимой утварью⁴⁴. Также учебные книги, явно не являвшиеся раритетными, по всей видимости, не покидали стен монастырской или церковной школы.

К XII в. использование специальных помещений для хранения книг становится обычной практикой. Это нашло свое отражение в изменении владетельных надписей на рукописях и в названии списков книг. Если в IX-X вв. указывалось, что рукопись принадлежит такому-то монастырю, церкви или человеку, то теперь правилом становится использование формулы *liber de armario*.

За сохранность книг в каролингских монастырях отвечал один из братьев. Неизвестно, когда появилась должность «библиотекаря», насколько широко она была распространена, как точно называлась, да и считались ли вообще подобного рода обязанности какой-то особой должностью. В распоряжении этого человека находились ключи от «комнатки» и сундуков⁴⁵. Он же выдавал необходимые рукописи и составлял списки книг, а также описывал новые поступления от частных жертвователей. Вероятно, иногда обязанности «книжного стража» исполнял руководитель скриптория. Во всяком случае, непосредственное соседство библиотеки и скриптория,

---

⁴³ *Gesta abbatum Fontanellensium*, cap. XIII, 5: *Item ante dormitorium, refectorium et domum illam, quam maiorem nominavimus, porticus honestus cum diversis pogiis aedificari iussit, quibus trabes imposuit ac iuxta mensuram eorundem tectorum in longum extendit; in medio autem porticus, quae ante dormitorium sita videtur, domum cartarum constituit. Domum vero, qua librorum copia conservaretur, quae Graece pyrgiscos dicitur, ante refectorium collocavit, cuius tegulas ferries clavis configure iussit.*

⁴⁴ Ср. описание книжного собрания Кремонской церкви (984 г.): *“lectionares cum eo qui in capella erat veteris bibliothecae”* (*Becker G. Op. cit.* P. 80).

⁴⁵ Ср.: *Hrabani Mauri Carmina*, 23: *Diceie quid possum de magna laude librorum, Quos sub clave tenes, frater amate, tuo // MGH. Poet. Lat. T. II. P. 187.*

предусмотренное на санктгалленском плане, косвенно подтверждает такую возможность. Можно предположить, что первые шаги в плане систематизации книжных собраний делал именно библиотекарь, причем, без указаний со стороны – прежде всего, чтобы самому себе облегчить задачу поиска требуемого манускрипта. Хранитель расставлял книги по авторам или темам, а затем фиксировал это в соответствующих *descriptio* или *inventarium*. По крайней мере, так было в Райхенау, Лорше и Санкт-Галлене, где хранились сотни рукописей. Частные коллекции, пожертвованные монастырю, описывались и хранились отдельно, а не распределялись по уже имеющимся рубрикам⁴⁶.

Заботился ли библиотекарь о подготовке собственной смены или после его смерти аббат простым волевым решением назначал другого монаха ответственным за книжное собрание? Мы не знаем точного ответа – источники хранят молчание на сей счет. Но, скорее всего, в больших монастырях в квалифицированном хранителе имелась насущная потребность. Люди, допущенные к обширной коллекции манускриптов, должны были в ней хорошо ориентироваться, а значит, знакомились с ней заранее. Более того, сохраняли определенный порядок ранжирования книг, установленный предшественниками. Подтверждением этого могут служить записи о новых поступлениях, сделанные другими руками в рубриках старых каталогов, а также составление новых списков книг с учетом прежних описей, что видно, например, в упоминавшемся выше древнейшем каталоге из Санкт-Галлена.

---

⁴⁶ Например, в санктгалленском каталоге № 267 к списку книг, распределенных по рубрикам, добавлены манускрипты из коллекций аббатов Гримальда и Хартмута, причем, они выделены особо: P. 25, 28. В рукописи с четырьмя каталогами Лоршского монастыря (Vatican, Pal. Lat. 1877) аналогичным образом особняком стоит список книг монаха и королевского архикапеллана Герварда: fol. 33v-34r. Описание небольшой персональной библиотеки пресвитера Хейльрада, о которой говорилось выше и которую можно датировать концом VIII – началом IX века, сохранилось в лоршской рукописи конца того же столетия (Vatican, Pal. Lat. 175, fol. 66v). О датировке см.: *Häse A. Op. cit. S. 17.*

При церквях также имелись люди, которые вели учет книг и отвечали за их сохранность. В каталоге из Пассау (903 г.) упомянуты некие «адвокаты» епископа, в чье ведение были переданы книги из личного собрания хореепископа Мадалвина⁴⁷. Но это не было общим правилом и, самое главное, в церковных библиотеках, в отличие от монастырских, между такими людьми нередко отсутствовала преемственность. При посещении церкви св. Марии (984 г.) кремонский епископ Одельрик обнаружил в сокровищнице большое количество неизвестных ему хартий и книг, посчитал, что они были намеренно утаены «плохими людьми» и повелел составить список всех находок⁴⁸. Вряд ли такого рода истории были чем-то из ряда вон выходящим.

Порядок чтения книг

Книгохранилище, даже если оно представляло собой небольшую келью, предназначалось только для хранения, но не для чтения книг. Во всяком случае, мы не располагаем на сей счет ни одним свидетельством иного рода. В некоторых крупных монастырях для этих целей могли использовать скрипторий, разумеется, только в те часы, когда там не занимались переписыванием. Например, в Санкт-Галлене трое монахов в свободное время читали рукописи в скриптории под надзором одного из старших братьев⁴⁹.

С книгами из школьной библиотеки, вероятно, можно было ознакомиться на месте – во время или после завершения занятий. Чаще всего книги читали в пределах клуатра, расположившись непосредственно на каменных скамьях вдоль стены галереи. Иногда для этих целей могли

---

⁴⁷ “Ego Burchardus Patauiensis ecclesie presul et Madalwinus chori episcopus eiusdem sedis quandam conplationem inter nos fecimus et perpetualiter confirmauimus. Tradidit namque prefatus Madalwinus in manum nostram et in manum aduocatorum nostrorum Ratolfi et Alperici totum apparatusum suum” (*Becker G. Op. cit. P. 61*).

⁴⁸ “Ego Odelricus divino nutu Cremonensis episcopus, thesaurarium eiusdem ingressus ecclesiae, malorum manibus cartas et libros multos fraudatos inveni” (*Becker G. Op. cit. P. 79-80*).

⁴⁹ *Ekkehardi IV Casus s. Galli, 3 // MGH. SS. T. II. P. 95.*

переоборудовать часть помещения, примыкавшего к церкви⁵⁰.

Порядок чтения в каролингских монастырях в целом регламентировался Уставом св. Бенедикта. Между Пасхой и октябрьскими календами монаху дозволялось читать между четвертым и шестым часом. От октябрьских календ до Великого поста – до второго часа. Во время Великого поста читать можно с утра до конца третьего часа. Кроме того, в эти дни из библиотеки выдавалась книга для углубленного изучения. По прошествии года монах возвращал манускрипт и сдавал экзамен по прочитанному. Если его знания признавались удовлетворительными, он получал новое сочинение. Если нет – продолжал изучать предыдущее. Такой порядок нашел отражение в составлении погодных бревиариев⁵¹. Но, вероятно, этим дело не ограничивалось. Круг чтения монахов был явно шире и включал в себя не только предписанные, но и необязательные сочинения, к числу которых относились, например, труды по истории. Скорее всего, они выдавались в краткосрочное пользование и потому не попадали в бревиарии. Наконец, как было сказано выше, в распоряжении некоторых монахов и священников, а также светских аристократов имелись личные библиотеки. Вне всяких сомнений, ими пользовались значительно более свободно.

Циркулирование книг внутри монастырской или церковной общины, а также за пределами этих корпораций, разумеется, отслеживалось. Однако этот контроль, кажется, был не слишком эффективным. Книги часто терялись, а то и попросту разрывались. Чтобы хоть как-то уберечь рукописи от хищений, библиотекари снабжали их владельческими надписями весьма красноречивого содержания. По крайней мере, в пяти лоршских кодексах IX-X вв. встречаются обращения к бережливому читателю, с просьбой вернуть манускрипт обратно в монастырь⁵². А в

---

⁵⁰ Clark J.W. Op. cit. P. 91-99.

⁵¹ Lesne E. Op. cit. P. 795.

⁵² Reddere Nazario me, lector kare, memento, / Alterius domini ius quia nolo pati (MGH Poetae. T. V. Pt. 2. P. 391).

кодексе с текстом «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, переписанных в Лорше на рубеже VIII/IX вв., содержится указание на то, что он был временно выдан в Фульду и затем благополучно вернулся обратно⁵³. Однако, судя по восторженному комментарию библиотекаря, далеко не все читатели оказывались столь же порядочными.

Нередко манускрипты, однажды покинув стены библиотеки, уже никогда в нее не возвращались. В лоршском каталоге, составленном около 830 г., фигурирует *Vita Karoli imperatoris* Эйнхарда⁵⁴. Однако в трех более поздних списках, написанных между 830-ми и 860-ми гг., ее уже нет. Аналогичная участь постигла сборники стихотворений Теодульфа и Модуина, *Formulae Marculfi*, трактат Лактанция *Divinae Institutiones* и еще двенадцать других лоршских кодексов⁵⁵. В списке книг, предваряющем каролингскую рукопись с трудами бл. Августина, напротив некоторых названий стоят пометы (рука конца IX или X в.), которые говорят о том, что они были похищены неким монахом из Фульды⁵⁶. Любопытно, что прежний владелец или хранитель точно знал, кто это сделал и где нужно искать пропажу. Однако содержание надписи красноречиво указывает на тщетность попыток вернуть ее обратно.

Древнейший каталог из Санкт-Галлена: Правила выдачи и возвращения книг

Выше уже неоднократно упоминался древнейший каталог из Санкт-Галлена. Эта небольшая тетрадь несет на себе следы тщательной работы его составителей. Многочисленные вставки, дополнения, исправления, уточнения и комментарии, оставленные несколькими руками второй половины IX в., дают современному исследователю уникальную возможность получить более детальное

---

⁵³ Reddunt, ecce, boni me Salvatoris alumni; / Hinc illis grates, Nazarius, referes (Idibem).

⁵⁴ Häse A. Op. cit. S. 99: *Vita Karoli imperatoris* (Каталог А, № 112).

⁵⁵ Häse A. Op. cit. S. 361.

⁵⁶ München, Bayerische Staatsbibliothek, Clm 8107, fol. 1r: iste et iste et iste sublati sunt a Fuldensi latrone.

представление о внутренней жизни одной из лучших каролингских библиотек.

Breviarium librorum de coenobio sancti Galli помещен в кодекс № 728, который с момента создания и по сей день находится в монастырской библиотеке⁵⁷. Кодекс размером 25x15,9 см содержит 109 пергаментных листов, кроме того, в начале и в конце добавлено еще по одному чистому листу. Написан несколькими руками IX в. Он не задумывался изначально как единое целое, но был составлен позднее (вероятно, уже в конце IX в.) из трех отдельных манускриптов. Помимо списка книг (первая часть, Р. 3-22), в него входят королевские капитулярии из т.н. Собрания Ансегиза (вторая часть Р. 23-96), а также Салическая и Рипуарская правды (заключительная часть, Р. 97-220).

Каталог⁵⁸ представляет собой отдельную тетрадь в формате *Quinio*, первая и последняя страницы которого остались чистыми. Основной текст написан одной рукой, довольно аккуратным, хотя и не самым изящным каролингским минускулом середины — начала второй половины IX в. Слова разделены и хорошо читаются.

---

⁵⁷ St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 728. Оригинальная рукопись доступна в электронной библиотеке монастыря Санкт-Галлен (<http://www.e-codices.unifr.ch/de/csg/0728>). Каталог также опубликован в изданиях Г. Беккера и П. Леманна: *Becker G.* Op. cit. P. 43-53; *Lehmann P.* Op. cit. S. 66-82. Обстоятельный обзор санктгалленских каталогов подробнее см.: *Duft J.* Die Handschriften-Katalogisierung in der St Gallen vom 9. bis zum 19. Jahrhundert // Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen / Hg. *B.M. von Scarpatetti.* St. Gallen, 1983. S. 9-99, здесь S. 9-28.

⁵⁸ От второй половины IX или начала X в. сохранился еще один санктгалленский каталог: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 267, P. 3-32. Оригинальная рукопись доступна в электронной библиотеке монастыря Санкт-Галлен (<http://www.e-codices.unifr.ch/de/csg/0267>). Каталог представляет собой улучшенную и дополненную версию списка из рукописи № 728, однако полностью лишен маргиналий, вставок и пояснений и содержит только два дополнения внизу последней страницы (Р. 32). Для изучения внутренней жизни библиотеки он мало пригоден, зато дает некоторое представление о состоянии фондов к началу X в.

Первый составитель (рука А) выполнил свою работу очень тщательно. Он рассортировал все книги по рубрикам, несомненно, для более удобного поиска. С большой долей уверенности можно говорить о том, что этот порядок воспроизводил соответствующее расположение книг в армариуме, а также до определенной степени отражал систему приоритетов санктгалленских монахов. Было ли это также заслугой первого составителя или рукописи систематизировал кто-то из его предшественников — неизвестно. Тем не менее, в древнейшем каталоге Санкт-Галлена мы встречаем один из самых обстоятельных и детализированных рубрикаторов каролингского времени, что косвенно указывает на высокий уровень внутренней организации монастырской библиотеки.

Названия отдельных рубрик выведены капитальными буквами и почти всегда написаны красными чернилами. Красной, а также зеленой краской помечены многие заглавные буквы и отдельные слова в титулах книг.

Библиотекарь написал не сплошной текст, но предусмотрительно оставил место в разных рубриках для того, чтобы можно было фиксировать в списке новые поступления. Его последователи именно так и сделали: в течение второй половины IX в. не меньше пяти человек внесли порядка семидесяти дополнений⁵⁹. Количество впечатляет. Однако надо иметь в виду, что на 840 – 880-е годы (время правления аббатов Гримальда и Хартмута) приходится время наивысшего расцвета Санкт-Галлена в каролингский период.

Динамика расширения фондов выглядит следующим образом:

---

⁵⁹ Сегодня известны имена, по крайней мере, трех санктгалленских библиотекарей второй половины IX в. Ок. 860 года за книжное собрание монастыря отвечал Уто, между 867 и 872 годами – Лиутхарт, в начале 890-х – Ноткер Заика. См.: Berschin W. *St. Gallen und die Reichenau im Mittelalter – Modell einer lateinischen Literaturlandschaft*. Wiesbaden, 1987. S. 6. Первые два человека почти наверняка имели отношение к составлению каталога. Однако точно идентифицировать их среди шести составителей не представляется возможным.

De libris veteris testamenti – 4 (+1, который в момент очередной ревизии находился в школе)

De libris novi testamenti – 1

De libris Beati Gregorii papae – 2

De libris Hieronimi presbiteri – 2 (список трудов св. Иеронима самый обширный; может быть, именно по этой причине дополнений оказалось совсем немного)

De libris sancti Augustini – 10 (добавлены разными руками)

De libris sancti Ambrosii episcopi – 3

De libris Prosperi episcopi – 0

De libris Bedae presbiteri – 2

De libris Ysydori episcopi – 1

Tractatus Origeni – 1

De libris Cassiodori – 0

De libris Eusebii – 0

De libris diversorum auctorum – 0

De libris Alchuini – 0

De regulis sanctorum patrum – 1

De vita sanctorum patrum – 3

De virtutibus seu passionibus sanctorum apostolorum vel martirum – 1 (но это оказалась Historia Frecholfi in vol I grandi)

De legibus – 0

Libri glosarum – 1

Omeliae – 4

Ordo Romanus – 1

Liber astrologiae – 0

После Orthographia etc – 16

После De metris – 8

После De libris grammaticae artis – 5

Перед и после Marra mundi – 6

Если говорить о конкретных авторах, то лидерство с большим отрывом удерживает св. Августин с десятью трудами⁶⁰. На втором месте св. Амброзий с тремя

---

⁶⁰ Во второй половине IX века Августин оказался в числе наиболее востребованных писателей не только в Санкт-Галлене, но и в других

произведениями. А третье между собой поделили св. Иероним, Григорий Великий и Беда — каждый получил по два манускрипта. Кроме того, в рубрики книг Ветхого завета и гомилий было добавлено по четыре новых кодекса, а еще три дополнили список жизнеописаний святых отцов. В целом, это вполне соответствует консервативному характеру санктгалленской библиотеки с ее акцентом на книги Библии, сочинения Отцов церкви и различных христианских авторов, живших до Беды⁶¹.

Однако подавляющее большинство новых книг (около 35 манускриптов) не вписывалось в старый рубрикатор. Их вносили на свободные места и в заключительную часть каталога, лишь приблизительно ориентируясь на тематику соответствующих разделов.

Дополнения к основному списку дают представление об источниках формирования фондов армариума. Среди недавно поступивших книг имеются не только великолепно исполненные кодексы⁶², но также ветхие и совершенно бесполезные для чтения⁶³. Первые, скорее всего, поступали непосредственно из скриптория, вторые, которых было не так уж мало, раньше принадлежали отдельным монахам и попадали в библиотеку уже после их смерти⁶⁴.

каролингских монастырях, например, в Лорше: *Häse A. Op. cit. S. 137-151* (Каталог Ca), 363.

⁶¹ Ср.: *McKitterick R. The Carolingians and the written word. Cambridge, 1989. P. 183-184.*

⁶² P. 6: VI partes in Job, singulae in singulis voluminibus optimis; P. 11: Item tractatus Origenis super epistolam ad Romanos, volumen optimum; P. 15: Item vita sancti Galli et Otmari nobiliter scripta; Vita sancti Silvestri, Recens et bene est scripta; Vita sancti Martini optime scripta; P. 18: Duo volumina nova sermonum et omeliarum ab adventu Domini usque in pascha etc.

⁶³ P. 7: Item excerptio in Matheum de commentariis Hieronimi, volumina tria: *ad nihil utilia*; Epistola Hieronimi ad Eustochium in quaternionibus veterrimis et falsatis; P. 18: Vita sancti Silvestri et sermones in volumine valde vetusto; P. 19: Vitae partum in volumine vetustissimo; Sermones in volumine Scottico veteri etc.

⁶⁴ Впрочем, братья могли и при жизни дарить книги, которыми владели. Например, так поступил аббат Гримальд, что было отмечено в каталоге конца IX или начала X в.: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex №

В каролингскую эпоху аббатство обладало одним из самых больших на континенте собраний ирландских рукописей⁶⁵. Все они поступили в армариум со стороны. Во всяком случае, сегодня не известно ни одной рукописи, ни одной глоссы, выполненных в ирландском стиле, которые убедительно указывали бы на монастырский скрипторий⁶⁶. В IX в. подавляющее большинство монахов Санкт-Галлена выросли на континентальных стилях письма и, по всей видимости, с трудом разбирали ирландский провинциальный шрифт. К числу таких людей относился и первый составитель книжного списка. Вероятно, он попросил своего помощника и преемника (рука В), чтобы тот выписал названия кодексов на отдельной странице. Можно предположить, что этот человек и сам был ирландцем, либо учился читать у ирландских монахов⁶⁷.

Libri scottice scripti предворяют основной каталог (Р. 4) и включают в себя 30 титулов. Можно думать, что в армариуме они также занимали отдельное место. Но некоторые манускрипты все же попали в другие рубрики. Так в списке книг Нового завета упомянуто Евангелие от Иоанна scottice scripta (Р. 5)⁶⁸. Среди сочинений Проспера

267, Р. 30: Istos autem libros domnus Grimoldus de suo dedit ad sanctum Gallum.

⁶⁵ Об ирландской традиции в Санкт-Галлене подробнее см.: *Дуфт И.* Ирландские монахи и ирландские рукописи в Санкт-Галлене // *Культура аббатства Санкт-Галлен ...* С. 119-128.

⁶⁶ *Bischoff B.* *Irische Schreiber im Karolingerreich* // *Bischoff B.* *Mittelalterliche Studien.* Bd. III. Stuttgart, 1981. S. 39-54.

⁶⁷ Второе предположение кажется более верным. Во всяком случае, почерк библиотекаря В далек от островного типа письма. Это каролингский минускул, хотя и довольно небрежный. Характерной особенностью руки В является частое использование открытого «а».

⁶⁸ Несомненно, речь идет о замечательном кодексе VIII в., выполненном в традиционной кельтской симметричной орнаментальной стилистике: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 60. Оригинальная рукопись доступна в электронной библиотеке монастыря Санкт-Галлен (<http://www.e-codices.unifr.ch/de/csg/0060>). На сегодняшний день это – единственный манускрипт из ирландского списка, который можно идентифицировать. В библиотеке Санкт-Галлена сохранилось еще три рукописи, написанные до 850 г.

фигурируют два тома Epigrammata. Позднейшая маргиналия поясняет, что, по крайней мере, один из них был scotticum небольшого размера (Р. 9). Очевидно, первый составитель сумел разобрать названия и отделил эти кодексы от прочих ирландских рукописей, рассортировав их по соответствующим рубрикам. Возможно и другое объяснение: ирландский фонд сформировался довольно поздно – в первой половине IX в., а рукописи, упомянутые выше, оказались в монастыре задолго до этого времени и потому попали в иные разделы.

Автор Libri scottice scripti несомненно имел прямое отношение к библиотеке. На это указывает не только его осведомленность по поводу ирландских кодексов. Тот же человек внес ряд дополнений и уточнений в основной каталог⁶⁹. К списку книг Ветхого завета он добавил, по крайней мере, три кодекса⁷⁰. На полях списка книг Нового завета обозначил наличие еще одного тома «Деяний апостолов»⁷¹. Также вписал два титула в список трудов Григория Великого и один в список сочинений св. Иеронима, а содержание другого титула прокомментировал⁷².

Вероятно, этот человек занял место монастырского библиотекаря (предположительно около 860 г.) вскоре после смерти своего предшественника, составившего основной каталог. Косвенным аргументом в пользу такого предположения является другая вставка в список книг св. Иеронима. Один из библиотекарей (рука С) вписал хронику

ирландским маюскулом и минускулом (Codices № 48, 51 и 904). Однако в каталоге они не упомянуты и, судя по всему, оказались в монастыре уже после его составления.

⁶⁹ Ср.: *Lehmann P.* Op. cit. S. 67.

⁷⁰ P. 5: Item Job, Tobias, Judith, Hester, Ezras, Neemias in volumine I | Item Job, Tobias, Judith, Hester in volumine I | Item Job, Tobias, Judith, Hester in volumine I.

⁷¹ P. 5: Item actus apostolorum et apocalipsis in volumine I.

⁷² P. 6: Regula pastoralis Gregorii volumina III | VI partes in Job, singulae in singulis voluminibus optimis; P. 7: Item dialogues Jheronimi cum Crettobolo volumina II : *et in uno eorum sanctus Augustinus de vita Christiana et altercatio synagoga et ecclesiae.* | Epistola Hieronimi ad Eustochium in quaternionibus.

Евсевия-Иеронима в остаток строки, предшествующей помете составителя В о наличии в армариуме кодекса с письмами Иеронима к Евстохию⁷³.

Во второй половине IX в. в Санкт-Галлен продолжали прибывать выходцы из Ирландии, некоторые приезжали не с пустыми руками. Свидетельством тому служат *Sermones in volumine scottico veteri* (P. 19), добавленные в список позднее.

Рука С не комментировала содержания кодексов и не оставляла маргиналий на полях, но сделала ряд дополнений к основному списку. Помимо хроники Евсевия-Иеронима, ей, скорее всего, принадлежат указания на наличие *Tractatus Origenis super epistolam ad Romanos* (P. 11); *Volumen I Alexandri Magni*; *Expositio Servii in Virgilium, volumen I*; *Excerptum Iustini de Pompeio hystoriographo in volumine I lib. XLIII* (P. 21) и некоторые другие. Аналогичным образом поступили еще два человека (руки E и F), добавившие в каталог больше тридцати названий⁷⁴.

Однако самую большую активность и недюжинное усердие на своем посту проявил другой монах (рука D). На примере его деятельности можно очень хорошо проследить круг обязанностей монастырского библиотекаря.

Прежде всего, он обращает внимание на сохранность отдельных манускриптов. Одни слишком ветхие (*vetus*,

---

⁷³ P. 7 [строка 25]: *Item nescio cuius tractatoris eglogae in psalterium in* | [строка 26]: *quaternionibus* (рука A). *Chronica Eusebii et Hieronimi volumen I* (рука C) | [строка 27]: *Epistola Hieronimi ad Eustochium in quaternionibus* (рука B).

⁷⁴ Ср.: *Lehmann P.* Op. cit. S. 68. Руке E принадлежат многочисленные вставки на заключительных четырех страницах каталога. Например, P. 18: *Sermones Johannis Chrisostomi de diversis rebus in I volumine*; *Duo volumina nova sermonum et omeliarum ab adventu Domini usque in pascha*; *Glosa in Johannem evangelistam*; *De remediis peccatorum et alia collecticia in volumine I*; *Libri ethimologiarum Isidori in sceda I, tamen boni*; *Vita sancti Silvestri et sermons in volumine valde vetusto etc.*

Рука F сделала всего несколько добавлений: P. 9: *Item Augustinus de bono credulitatis et bono naturae et scolia Cyrilli in volumine I*; P. 10: *In cantica canticorum libri V et unus Gregorii in volumine uno*; P. 11: *Item Isidori volumen I hinc inde collectum, cuius principum de scriptoribus est ecclesiasticis*; P. 18: *Quartum usque de adventu Domini.*

vetissimus) и мало понятные (falsus, mendacium), а потому бесполезные (inutile, ad nihil utilia). У других рассыпался переплет, и потерялись отдельные части (defectus et disiectus). У третьих испорчены некоторые листы (corrupta) или их невозможно прочитать по какой-то иной причине (legi non potest). Кроме того, он ставит соответствующие пометы (pusillum) напротив кодексов, имеющих небольшие размеры. Вероятно, это могло быть связано с тем, что книги такого формата легче терялись или их чаще крали.

Во-вторых, он отмечает наличие или отсутствие отдельных томов, указанных в списке. Довольно много книг он не обнаружил вовсе (hoc non vidi; nunquam vidi) и решил заняться их поиском, пометив названия соответствующих манускриптов значком R (Require). Любопытно, что в подавляющем большинстве случаев не хватает книг, либо поступивших в библиотеку относительно недавно (т.е. после составления основного списка), либо помещенных в разделы De metris, De legibus и De libris grammatici artis. Это были труды по грамматике (Донат, Алкуин) и медицине, сочинения Алкуина, глоссы Валаффрида Страбона, комментарии Сервия на Вергилия, поэтические произведения Ювенка и Седулия Скотта, эпиграммы Проспера, капитулярии Людовика Благочестивого и т.д. Словом, все то, что могло пригодиться при изучении латыни, права и естественных наук. Отсутствие этих кодексов косвенно подтверждает потребности братьев в совершенно определенном круге знаний. Напротив, фонды с книгами Библии и трудами отцов церкви почти не потревожены. Отчасти это объясняется плохим состоянием многих рукописей – львиная доля указаний на ветхость, бесполезность и невозможность чтения приходится именно на первую половину списка. Особенно удручающие выглядят коллекция сочинений св. Иеронима (Р. 7): восемь кодексов inutiles, один veterrimus et falsatus и еще один mendacium. Также можно предположить, что этой частью книжного собрания пользовались значительно реже. Ирландский фонд и вовсе остается нетронутым.

Собирая необходимые сведения, библиотекарь D опрашивает братьев и убеждается, что о некоторых

рукописях в монастыре еще помнят, хотя их давно не держали в руках⁷⁵. Впрочем, с потерей части кодексов он, похоже, смирился. Названия одних он попросту вычеркнул, хотя сначала пометил значком R⁷⁶. Напротив других поставил nihil est. Иногда ему удавалось обнаружить искомую книгу, однако далеко не всегда получалось вернуть ее в армариум. Напротив рукописи «Экспозиций св. Колумбана на все псалмы» он написал: «Я видел ее у Руодина, но тот сказал, что это его книга»⁷⁷.

Эти примеры в высшей мере любопытны. Они позволяют понять, как именно книги из библиотеки циркулировали в стенах монастыря и за его пределами в середине – второй половине IX в. Вероятно, понимание того, что надо бы записывать, кому и какую книгу выдали, приходит далеко не сразу. Поначалу библиотекарь все это просто держал в памяти. Если он умирал, не успевая сообщить преемнику об истинной принадлежности книги, обратно ее могли и не вернуть.

Может быть, именно история с Руодином, а также факт растаскивания многих недавно поступивших книг убедили библиотекаря D впредь не полагаться на память. Во

---

⁷⁵ P. 11: Item de Deo libri III in volumine I : *hoc auditum est, non visum*.

⁷⁶ См., например: P. 9: Ambrosii et Augustini contra hereticos libri II in volumine I : *R(equire)*. Название, написанное рукой A, вычеркнуто, несмотря на соответствующую помету на полях, оставленную рукой D. В каталоге вычеркнуто еще несколько названий, хотя напротив них нет никаких маргиналий (P. 6: *Regula pastoralis Gregorii, volumina III*; P. 7: *Item in Matheum libri III in volumine I; Item excerptio de libris Hieronimi in Esaiaem libri XVIII in volumine uno etc.*). Можно предположить, что это сделал тот же человек.

⁷⁷ P. 12: *Expositi sancti Columbani super omnes psalmos volumen I : require. Ruodinus vidi habere, qui dixit suum esse*. Этот Ruodinus hospitarius фигурирует в качестве свидетеля в документах середины 860-х и начала 880-х годов. Вероятно, речь идет либо о представителе влиятельного клана, контролировавшего монастырское фогтство в Тургау и тесно связанного с семьей аббата Гоцберга (816-837 гг.), либо о члене родственной группы, державшей фогтство в Аргенгау и близлежащих областях. Подробнее см.: Dörhmann W. *Die Vögte des Klosters St. Gallen in der Karolingerzeit*. Bohum, 1985. S. 151-157, 212-214.

всяком случае, он первым начал педантично фиксировать в списке, где в настоящий момент находится та или иная книга. Две были переданы в монастырскую школу, одна в сакрарий⁷⁸. Еще некоторое количество манускриптов числилось за несколькими людьми, так или иначе связанными с монастырем. Среди читателей мы встречаем неких Рорбаха и Вольфкера⁷⁹, а также короля Карла Толстого⁸⁰, его супругу Рихарду⁸¹ и королевского канцлера Лиутварда⁸². С королевским двором именно в этот период установились особенно тесные отношения. В начале декабря 883 года Карл лично в первый и в последний раз посетил монастырь и щедро его одарил. С этим визитом исследователи обычно связывают всплеск литературной активности в Санкт-Галлене: Ноткер Заика написал для императора *Gesta Karoli Magni imperatoris* и посвятил епископу Лиутварду Верчелльскому сборник секвенций, а Ратперт составил первую часть *Casus Sancti Galli*, доведя ее до приезда Карла Толстого в монастырь⁸³. В таком контексте

---

⁷⁸ P. 5: *Item paralippomenon, Tobias, Judith, Hester in volumine I veteri : ad scolam*; P. 16: *Item excerptum de canonibus volumen I : ad scolam*; P. 10: *Eiusdem (Bedaе) martyr(o)logium in volumine I : ad sacrarium*.

⁷⁹ P. 5: Tobias, Judith, Hester in codice I : *ad Rorbach*; P. 6: *Item (Dialogorum Gregorii papae) vetus I : ad Rorbach*; P. 11: *Item Isidori volumen I hinc inde collectum, cuius principum de scriptoribus est ecclesiasticis, Vvolfkeri est*. Вольфкер фигурирует в качестве свидетеля в документах между 865 и 903 гг. См.: *Lehmann P. Op. cit. S. 69*. Речь может идти о представителе семьи монастырских фогтов из Аргенгау и, возможно, родственнике Руодина. См.: *Dorhmann W. Op.cit. S. 212-214*. О Рорбахе ничего неизвестно. Однако можно предполагать, что его статус, скорее всего, был аналогичен положению Руодина и Вольфкера.

⁸⁰ P. 6: *In lectiones evangelicas homeliarum XL, volumina III : unum ex his datum est domno Karolo regi*.

⁸¹ P. 6: *In Ezechielis primam partem homiliae XII in volumine I : habet domna Rickart*; P. 7: *In Jonam, Naum, Sophoniam et Aggeum libri III in volumine I : habet Rickart*.

⁸² P. 7: *Epistolarum Hieronimi ad diversos volumina III : duo Liutuuardus habet*. P. 14: *Vitae patrum minores volumina II : unum habet Liutuuart*.

⁸³ Cp.: *Berschin W. Op.cit. S. 41-42*.

выдача книг из библиотеки аббатства королю и людям из его ближайшего окружения выглядит вполне объяснимо.

Библиотекаря D не откажешь в прагматизме. Рорбаху и в школу он отдал ветхие книги, а в армариуме оставил новые экземпляры тех же произведений. Еще одна заметка, оставленная рукой этого человека, наводит на мысль, что за неподобающее обращение с манускриптом он мог заставить нерадивого читателя изготовить новую рукопись, причем, со стороны последнего возражений не возникало⁸⁴.

Сам факт фиксации имен временных обладателей манускриптов нужно признать значительным шагом вперед в плане организации работы библиотеки. Однако он же указывал и на ее слабые стороны. Не отлажен был не только механизм выдачи книг (вероятно, иногда это могло происходить публично, при свидетелях – именно поэтому библиотекарь D и опрашивал братьев), но и порядок их возвращения. В самом деле, на полях санктгалленского каталога мы не встретим никаких пометок, что выданные рукописи когда-либо вернулись обратно или что поиски других манускриптов (*require*) увенчались успехом.

Результаты инспекции библиотекаря D показали, что на момент проверки в армариуме не хватало больше трех десятков книг. Напротив 16-ти названий стоят пометы *require*, *non vidi* и *nihil est*, 4 титула вычеркнуты, 11 манускриптов выданы, о чем составлены соответствующие записи. Еще 11 кодексов не годятся для чтения (*inutilis; legi non potest*), а 7 повреждены или мало понятны (*vetus et falsatus; mendacium; corrupta; defectus et disiectus*). Если к ним добавить рукописи *scottice scripti*, то получится около 80 книг, пользоваться которыми было либо затруднительно, либо вовсе невозможно. Это немало, если учесть, что всего в каталоге перечислено 264 произведения в 395 кодексах.

Почти все, кто заведовал монастырским армариумом, проделывали еще одну работу – уточняли содержание отдельных кодексов, добавляя к их описанию недостающие

---

⁸⁴ P. 6: *Eaedem (Gregorii papae) homiliae XXII volumine uno : Redditae sunt ad Augiam et patrate sunt novae.*

фрагменты. Иными словами, они не ограничивались только внешним осмотром, но внимательно пролистывали каждый том, зная привычку современников собирать под одной обложкой разные тексты. Такого рода заметок к санктгалленском каталоге немало⁸⁵.

Литература

- Becker G.* Catalogi bibliothecarum antiqui. Bonnae, 1885;
Bischoff B. Bücher am Hofe Ludwigs des Deutschen und die Privatbibliothek des Kanzlers Grimalt // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Bd.3. Stuttgart, 1981. S. 187-212.
Bischoff B. Die Abtei Lorsch im Spiegel ihrer Handschriften. Lorsch, 1989;
Bischoff B. Die süddeutschen Schreibschulen und Bibliotheken in der Karolingerzeit. Bd.1-2. Wiesbaden, 1974, 1980;
Bischoff B. Hadoard und die Klassikerhandschriften aus Corbie // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Bd.1. Stuttgart, 1966. S. 277-285;
Bischoff B. Mittelalterliche Studien. Bd. III. Stuttgart, 1981. S. 39-54.
Bloch H. Ein karolingischer Bibliothekskatalog aus Kloster Murbach // Strassburger Festschrift zur 46. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1901. S. 257-285;
Milde W. Der Bibliothekskatalog des Klosters Murbach aus dem 9. Jahrhundert. Ausgabe und Untersuchung von Beziehungen zu Cassiodors "Institutiones". Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968;
Bologna G. Die schönsten Bibeln des Mittelalters. Die kostbarsten abendländischen Kodizes und illuminierten Handschriften. München, 2006.
Butzmann H. Die Weissenburger Handschriften. Frankfurt am Main, 1964;
Milde W. Der Bibliothekskatalog des Klosters Murbach aus dem 9. Jahrhundert. Ausgabe und Beziehung zu Cassiodors Institutiones. Heidelberg, 1968; *Contreni J.J.* The Cathedral School of Laon from 850 to 930. Its Manuscripts and Masters. München, 1978;
Clark J.W. The Care of Books. An Essay on the Development of Libraries and their Fittings, from the earliest times to the end of the Eighteenth Century. Cambridge, 1901.
Derolez A. Les catalogues de bibliothèques (Typologie des sources du moyen age occidental. Fasc. 31). Brepols, 1979.
Devise J. Hincmar, archeveque de Reims, 845-882. Geneve, 1976.

---

⁸⁵ См., например: P. 6: Item eiusdem (Gregorii papae) liber pastoralis, volumina III : et in uno eorum epistolae Hieronimi; Item eiusdem (Hieronimi) in Hieremiam a capite libri V in volumine I: et Rabani usque in finem; P. 7: Item dialogues Jheronimi cum Crettobolo volumina II: et in uno eorum sanctus Augustinus de vita Christiana et altercatio synagoge et ecclesiae etc.

- Dorhmann W. Die Vögte des Klosters St. Gallen in der Karolingerzeit. Bohum, 1985.
- Duft J. Die Handschriften-Katalogisierung in der St Gallen vom 9. bis zum 19. Jahrhundert // Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen / Hg. B.M. von Scarpatetti. St. Gallen, 1983.
- Ekkehardi IV Casus s. Galli, 5 // MGH SS. II. P. 105; *Ann. Vedast.*, 886.
- Garièpy R.J. Lupus of Ferrière: Carolingian scribe and text critic // *Medieval Studies* 30 (1968) P. 90-105.
- Gesta Ansgisi abbatis: alios plurimos (libros), quorum nunc nomina non occurrunt memoriae (Gesta abbatum Fontanellensium // MGH. SS. T.2. P. 297
- Gottlieb Th. Über mittelalterliche Bibliotheken. Leipzig, 1890 (Nachdruck: Wien, 1955
- Häse A. Mittelalterliche Bücherverzeichnisse aus Kloster Lorsch. Einleitung, Edition und Kommentar. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.
- Knoblich I. Die Bibliothek des Klosters St. Maximin bei Trier bis zum XII Jahrhundert. Trier, 1996.
- L'Ecole carolingienne d'Auxerre. De Murethach à Remi (830 – 908) / ed. D. Logna-Prat, C. Jeudy et G. Lobrichon. Paris, 1991.
- Lehmann P. Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz. Bd. 1. München, 1918 (Nachdruck 1969).
- McKitterick R. Charles the Bald (823-877) and his library: the patronage of learning // *McKitterick R. The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages*. Adelshot, 1995. V (P. 28-47);
- McKitterick R. *The Carolingians and the written word*. Cambridge, 1989.
- Mostert M. *The Library of Fleury: A Provisional List of Manuscripts*. *Middleleeuwse Studies en Bronnen* 3. Hilversum, 1989;
- Nebbiai-Dalla G.D. *La bibliothèque de Saint-Denis en France du IX-e au XVIII-e siècle*. Paris, 1985;
- Rand E.K. *A Survey of the Manuscripts of Tours*. 2 Vol. Cambridge, 1929;
- Lehmann P. *Die alte Klosterbibliothek Fulda und ihre Bedeutung* // *Lehmann P. Erforschungen des Mittelalters*. Bd.1. Stuttgart, 1941/1959. S. 213-231;
- Riché P. *Les bibliothèques de trois aristocrates laïcs carolingiens* // *MA*. № 69. P. 87-104.
- St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 267.
- St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 728.
- Trésors carolingiens. Livres manuscrits de Charlemagne à Charles le Chauve. P., 2007.
- Veziñ J. *Les relations entre Saint-Denis et d'autres scriptoria pendant le haut moyen âge* // *The role of the book in medieval culture*. T. 1. Brepols-Turnhout, 1986.
- Хоран Х. Средневековая архитектура аббатства Санкт-Галлен // *Культура аббатства Санкт-Гален...* С. 186-188, 196-197; *Hecht K. Der St. Gallen Klosterplan*. Sigmaringen, 1983.

И.С. Филиппов

**АННАЛЫ СЕН-ВИКТОР-ДЕ-МАРСЕЛЬ:
ИСТОРИЯ ТЕКСТА**

Аннотация: Статья посвящена истории создания, публикации, бытования и актуализации текста Анналов аббатства Сен-Виктор-де-Марсель. Автор показал, что при всех недостатках анализируемого источника, он содержит немало уникальных свидетельств, уточняющих наши представления о средневековой истории Прованса, Каталонии и всего западного Средиземноморья.

Ключевые слова: История Средних веков, история текста, историописание, западное Средиземноморье.

Об авторе: Филиппов Игорь Святославович, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. isfilippov@gmail.com.

Igor S. Filippov

**ANNALS OF ST. VICTOR DE MARSEILLE:
HISTORY OF A TEXT**

Abstract: The article deals with the history of creation, publication, circulation, and actualization of the Annals of the Abbey St. Victor de Marseille. The author demonstrates that, despite all shortcomings, this source contains some unique evidence that may help us to clear up our views on medieval history of Provence, Catalonia, and Western Mediterranean generally.

Keywords: medieval history, textual history, historical writing, Western Mediterranean, St. Victor de Marseille.

About the author: Igor Filippov, Doctor of History, professor of the Lomonossov Moscow State University. isfilippov@gmail.com

Анналы, иначе хроника, аббатства Сен-Виктор-де-Марсель представляют собой совсем небольшой текст, состоящий, как бывает в анналах, иногда из очень коротких записей; в изданиях in quarto он занимает всего несколько страниц. Историка Южной Франции, рассчитывающего найти в нем сведения по политической, социальной, церковной истории региона, он по большей части разочаровывает. В нем нет упоминаний о многих

важных событиях, относящихся к аббатству, Марселю или Провансу в целом, как и о многих людях, оставивших след в истории региона, а некоторые события датированы неверно. Тем не менее, этот текст содержит ряд уникальных свидетельств, относящихся по преимуществу к истории XII-XIII вв. Кроме того, как это ни странно ввиду скромных размеров источника и его информативных изъянов, это самый важный памятник средневековой южнофранцузской хронографии, что интересно и само по себе.

Анналы охватывают огромный отрезок времени с 397 г. до 1543 г. Записи касаются в первую очередь истории Прованса и Испании, в какой-то мере освещаются события, происходившие в других частях Европы и в Святой Земле, но они как раз не представляют большой ценности. Фиксируются по преимуществу факты политической истории, перемежаемые сообщениями о внутримонастырской жизни, также о солнечных затмениях и кометах. Все это вполне типично для средневековых анналов, но у Сен-Викторских анналов есть и удивительные особенности. Достаточно сказать, что первые сто лет они велись за сотни километров от марсельского монастыря, в каталонском аббатстве Риполь, что многие записи были сделаны сотни лет спустя после создания основной части анналов, и что находятся они на полях компендиума античных и раннесредневековых текстов по астрономии. Однако все это стало ясно относительно недавно. История этого текста, как и история его изучения, весьма поучительна. Случилось так, что Сен-Викторские анналы были введены в научный оборот задолго до того, как исследователи получили в свое распоряжение оригинальную рукопись, что весьма отрицательно сказалось как на точности воспроизведения текста, так и на понимании его природы. История самой рукописи также причудлива и даже не лишена детективных моментов.

Впервые анналы были опубликованы в 1657 г. известным антикваром и историком Филиппом Лаббе

(1607-1667), ученым иезуитом из Буржа, издавшим три огромных тома «Новой библиотеки манускриптов»¹. Это издание воспроизводит почти весь текст анналов и для своего времени выполнено неплохо. Однако оно содержит ряд ошибок в транскрипции (например, *monachus abbas* вместо *monachus albus*), в прочтении ряда дат, а также досадную неточность в атрибуции, которая осложнила дальнейшее изучение источника. В частности, Лаббе дал этому тексту крайне неудачное заглавие, назвав его «Выдержки (excerpta) из Анналов или Хроники Сен-Виктор де Марсель». Поэтому в дальнейшем исследователи, не обладавшие доступом к рукописи, которой пользовался Лаббе, ошибочно исходили из предположения, что где-то существуют полные Анналы или Хроника. Кроме того, он неправильно определил дату начала создания хроники, отнеся ее к 1056 г., решив, что на это указывает соответствующая запись на листе 118 («MLVI. Eodem anno factus est liber iste»), в то время как это была дата создания самого кодекса, на полях которого разные авторы, жившие много позднее, оставили хронографические записи.

Эти ошибки могут быть объяснены тем, что Лаббе основывался не на подлинной рукописи, а, как он сам пояснил («Ex apographo V.C. Nicolai Claudii Fabricii Peirescii, in Supremo Senatu Aquisextiano senatore»), на копии, сделанной одним из самых замечательных эрудитов XVII в. по имени Николая-Клод Фабри де Пейреск (1580-1637). Пейреск происходил из знатной и состоятельной семьи, занимал важную должность советника Парламента в Эксе. Это был блестящий человек, высокообразованный и одержимый науками, как гуманитарными, так и естественными, в т. ч. историей. В Провансе он стоял у истоков едва ли не любого исторического и краеведческого знания, был первопроходцем, способным проникнуть в любой архив

---

¹ *Novae bibliothecae manuscript. librorum tomus primus, opera et studio Philippi. Labbe. Biturici; Parisiis, 1657. T. 1. P. 339.*

или библиотеку. Задуманную им историю Прованса он так и не написал, но материалов для нее собрал великое множество, и уже в наши дни на основе его выписок и заметок был составлен достаточно связный текст, который он, по идее, мог бы написать².

Следует отметить, что в первой половине и середине XVII в. в церковные библиотеки пускали достаточно охотно, во всяком случае, людей с именем, но уже спустя несколько десятилетий эта практика, по ряду причин, нарушилась. Нередко после визита очередного любителя древностей клирики обнаруживали исчезновение рукописей. Иногда они сталкивались с тем, что радушно принятые ученые гости писали про монастырь и его обитателей нелицеприятные вещи. Параллельно шло общее разложение церковной культуры. Так, аббат Папон, провансальский автор конца XVIII в., жаловался, что в древлехранилище Сен-Виктор-де-Марсель его не пустили, так как «монахи, занятые фривольными развлечениями, не хотели себя обременять»³. Однако во времена Пейреска ситуация была еще иной.

Известно, что в библиотеке викторинского аббатства он работал с целым рядом рукописей. Обладая очень широкими интересами, он не пропускал ничего, что казалось ему любопытным. На полях одного из манускриптов астрономического содержания он нашел хронографические записи, которые назвал «малой марсельской хроникой» и решил для себя скопировать. Пейреск указывал, на каких листах этого кодекса находится та или иная запись и даже пытался распознать почерки и чернила, которыми они сделаны. Подлинник этих выписок не сохранился, хотя бумаги Пейреска дошли

---

² Peirersc N. Cl. Fabri de. Histoire abrégée de Provence et autres textes. Edités par J.Ferrier et M.Feuillas. Avignon, 1982. О жизни и трудах Пейреска довольно много известно, однако до сих пор ему не посвящено ни одно монографическое исследование.

³ Papon J.-P. Histoire générale de Provence. Paris, 1780, t. 2, p. VI.

до нас в отличном состоянии. Они содержатся в муниципальной библиотеке г. Карпентрас (Bibliothèque Inguimbertine), недалеко от Авиньона, также на территории Папского анклава. Издан их трехтомный каталог⁴.

Почему, отправляя свою рукопись Лаббе (или кому-то из его парижских коллег), Пейреск не оставил себе копию, непонятно. Однако обмениваться рукописями тогда было в порядке вещей. Среди эрудитов, образованных людей вообще, наблюдалось невиданное воодушевление от осознания того, что, благодаря старинным документам, другим текстам, обнаруживаемым в архивах и библиотеках, им открывается прошлое, и не в общих чертах, а в столь ценимых ими деталях. Как бы то ни было, именно эти выписки или копия с них оказались в руках у Лаббе, опубликовавшего их под названием Сен-Викторских анналов. Его версия стала основой для многочисленных частичных переизданий, в т. ч. Энрике Флореса (1702-1773), автора знаменитой *España Sagrada*, воспроизведшего записи за 715-1423 гг.⁵, и мавристов, почему-то опустивших в своем собрании записи старше 1061 г.⁶. Лишь в 1874 г. Георг Генрих Пертц (1795-1876) опубликовал в *Monumenta Germaniae Historica* принципиально иной текст⁷.

Вскоре после падения Второй империи, в Париже, в фондах бывшей Королевской библиотеки, каноник Жозеф-Гиацинт Альбанес (1822-1897), известный исследователь и издатель средневековых текстов, обнаружил рукопись, озаглавленную *Fragmenta Annalium*

---

⁴ Lambert C.G.A. *Catalogue descriptif et raisonné des manuscrits de la Bibliothèque de Carpentras*. T. I-III. Carpentras, 1862.

⁵ Flórez E. *España Sagrada*. Madrid, 1774. T. XXVIII. P. 345-347.

⁶ *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*. Paris, 1782. T. XII. P. 348-349. Переиздан: Paris, 1833. T. XIX. P. 238-239.

⁷ *Annales Sancti Victoris Massiliensis*. Edit. G.H.Pertz // *MGH, Scriptores*. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 1-7.

Massiliensis monasterii Sancti Victoris cum notis marginalibus cyclosum Dionisii Exigui, которую считают копией с выписок Пейреска; во всяком случае, она сделана не его рукой. Если рукопись, бывшая в распоряжении Лаббе, имела такой же заголовок, становится понятным, почему он решил, что Пейреск скопировал *Анналы Сен-Виктор* лишь частично, хотя слова *fragmenta* и *excerpta* не являются все же синонимами, и налицо недоразумение. Сейчас эта рукопись хранится во Французской Национальной Библиотеке и значится в Латинской серии под номером 12702.

Однако незадолго до этого в Ватиканской библиотеке, в составе библиотеки шведской королевы Кристины (1632-1654), был найден кодекс XI в. с теми самыми хронологическими маргинальными записями, которые привлекли внимание Пейреска. Известно, что, путешествуя по Европе вскоре после своего отречения, Кристина посетила в 1656 г. Сен-Виктор, где приобрела эту и несколько других рукописей. С точки зрения канонического права, эта сделка была сомнительной, но к этому времени монастырь уже дышал на ладан, древние рукописи там уже мало кого интересовали, а деньги были очень кстати. После смерти Кристины (1689 г.) ее коллекция была куплена в 1690 г. папой Александром VIII и оказалась в Ватиканской библиотеке⁸, где много позже, по-видимому, уже в XIX в., получила шифр Reg. Lat. 123.

К сожалению, коллекция королевы Кристины долгое время не была описана и потому была почти неизвестна исследователям. Полный печатный каталог ее все еще не создан, издание довели лишь до рукописи № 1000, причем интересующий нас кодекс не попал в их число. Существуют также рукописные каталоги второй половины XVII в., составленные еще при жизни

---

⁸ См.: Bignami-Odier J. *Le Fond de la Reine à la Bibliothèque Vaticane* // *Collectanea Vaticana in Honorem Anselmi M. Card. Albareda*. Vaticano, 1962. Vol. I. P. 159-89.

Кристины, а также каталог Эммануэля Шелстрате (Schelstrate), фламандского богослова и помощника хранителя Ватиканской библиотеки (1649-1692), но он, с точки зрения современной науки, слишком краток и несовершенен, не говоря уже о его малой доступности. Впрочем, мавристам удалось снять с него копию, с нею, в частности, работал Бернар де Монфокон, готовя к печати свою *Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum*. Следует, однако, оговорить, что вплоть до 1740 г. фонд королевы Кристины искусственно пополнялся за счет новых приобретений Ватиканской библиотеки, не имевших к нему отношения, так что каталог Шелстрате очень скоро перестал охватывать ту сумму рукописей, которую в Ватикане принято называть «фондом Королевы».

Не приходится удивляться, что до середины XIX в. мало кто догадывался, что интересующий нас кодекс находится в Ватиканской библиотеке, тем более что именно в нем и следует искать хронологические записи, скопированные Пейреском. Кто именно это установил, выяснить не удалось, но известно, что весной 1870 г. их изучал Герман Пабст (Pabst), штатный сотрудник МГН, готовивший текст Сен-Викторских анналов для новой публикации под редакцией Пертца. Работу он закончить не успел, так как вскоре началась франко-прусская война, он был призван на фронт и вскоре погиб. Пертц опирался на полученные от Пабста материалы, но ему явно не хватало информации, что повлекло за собой досадные ошибки. В частности, он предположил, что речь идет не об одном тексте, а о двух, и назвал их соответственно Барселонскими и Марсельскими анналами, для чего не было ни малейших оснований.

Публикация Пертца вызвала волну критики, в частности со стороны уже упоминавшегося Альбанеса, отметившего целый ряд допущенных им (или Пабстом) ошибок в транскрипции и датировке и даже одну интерполяцию. Он указал на искусственность деления текста на две части и достаточно произвольное отнесение записей к одной из них. Завершая вступительную часть

своей статьи, он язвительно заметил, что «каким бы посредственным ни было наше знание, оно есть часть французской эрудиции, приобретенной в школе у хороших и ученых мэтров, а французская эрудиция стоит других». Альбанес и подготовил в 1886 г. первое качественное издание анналов с опорой на Ватиканский кодекс⁹, впрочем, также не вполне совершенное; в частности, ряд записей в нем отсутствует, прежде всего, те, что находятся на листах 64-65 и относятся к концу IV – первой половине V в. Наконец в 1927 г. стараниями каталонского историка Ансельмо Альбареды (1892-1966), занимавшего с 1936 по 1962 г. высокую должность префекта Ватиканской библиотеки и возведенного затем в ранг кардинала, в рамках его большой статьи о Reg. Lat. 123, на свет появилась последняя по времени и лучшая на сегодняшний день публикация этого источника¹⁰. Ее главным недостатком является отсутствие сведений о том, какой рукой сделаны записи позднего времени; комментарий также излишне лаконичен. К сожалению, из-за того, что обе эти публикации, и Альбанеса, и Альбареды, вышли в малодоступных периодических изданиях, многие исследователи еще долго опирались на дефектные, вплоть до искажения структуры источника, издания, чаще всего на текст MGH, а то и на публикацию мавристов.

Reg. Lat. 123 представляет собой кодекс формата in quarto, состоящий из 223 листов размером 36x28 см и содержащий ряд миниатюр¹¹. Мне довелось с ним

---

⁹ Albanès J.H. La chronique de Saint-Victor de Marseille // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire, 1886. T. VI. P. 64-90, 287-326, 454-465.

¹⁰ Albareda A.M. Els manuscrits de la Biblioteca Vaticana Reg. Lat. 123, Vat. Lat. 5730 i el scriptorium de Santa Maria de Ripoll // Catalonia Monastica, 1927. Vol. I. P. 23-96.

¹¹ Самым полным описание на сегодняшний день остается: Wilmart A. Codices Reginenses Latini. T. I. Codices 1-250. Biblioteca Vaticana, 1937. P. 289-292.

работать, и я готов подтвердить, что кодекс в хорошем состоянии, пострадали только самое начало и конец, есть несколько незначительных повреждений в середине, в частности не читается одно из личных имен. В кодексе имеются и более поздние маргинальные записи, в т. ч. сделанные Пейреском¹². В содержательном плане это внушительный компендиум выдержек из различных сочинений, относящихся к астрономии и устройству мироздания вообще. За основу взяты «Этимологии» Исидора Севильского и «О порядке времен» Беда Достопочтенного, немало цитат также из Вергилия, Гигина, Плиния Старшего, Орозия, Макробия и Фульгенция¹³. Сегодня это один из самых запрашиваемых кодексов Библиотеки Ватикана (до пяти-шести запросов в год). Больше всего он интересен историкам науки, также палеографам и искусствоведам, в меньшей мере – «социальным» историкам.

Для истории науки этот кодекс действительно важен. Его составитель – на основе палеографических и стилистических данных некоторые ученые идентифицируют его с рипольским монахом по имени Олиба, занимавшимся расчетами Пасхи и связанными с этим вопросами астрономии, хронологии и математики, – целенаправленно и очень вдумчиво делал выписки, явно имея в виду создать новый труд. Книга разделена на четыре части, которые называются *De sole*, *De luna*, *De natura rerum*, *De astronomia*. Миниатюры по большей части иллюстрируют текст, но иногда являются плодом вполне

---

¹² Nebbiai Dalla Guarda D. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille (XI-XV siècles). Paris, 2005. P. 29.

¹³ Анализ источников Reg. Lat. 123: Puigvert G. El manuscrito Vat. Reg. Lat. 123 y su posible adscripcion al Scriptorium de Santa Maria de Ripoll // Roma magistra mundi. Itineraria culturae medievalis. Mélanges offerts au Père L.E. Boyle à l'occasion de son 75e anniversaire. Ed. par J. Hamesse. Louvain-La-Neuve, 1998. Vol. 3. P. 285-316.

свободного художественного творчества¹⁴. Одна из них представляет собой карту мира, созданную на основе текстов Исидора и, по всей видимости, также Теодульфа Орлеанского¹⁵. В трактате Беды рипольского автора заинтересовали прежде всего расчеты пасхальных таблиц, и именно в этой части книги, на листах 111r-125v, и содержится большинство исторических записей. Но подобные записи имеются также на листах 64r-65v, и можно лишь удивляться, что до начала XX в. исследователи их словно не замечали и не публиковали.

Как уже говорилось, кодекс датируется 1056 г. (согласно другой трактовке – 1055 г.), но место его создания долго было предметом споров, поскольку это не очевидно из содержания, а палеографические и кодикологические данные до недавнего времени должным образом изучить не удавалось. Предполагалось, конечно, что рукопись была изготовлена в Сен-Виктор-де-Марсель, но сегодня уже вряд ли кто из специалистов придерживается этого мнения. Считается доказанным, что она была создана в Каталонии, в монастыре Санта-Мария-де-Риполь, важнейшем очаге средневековой каталонской культуры. Этот вывод был сделан на основании ряда свидетельств, в т. ч. в результате анализа почерка писца и самого пергамента. Не менее важно, что и по содержанию рукопись хорошо вписывается в культурный контекст истории Риполя X-XI в., обладавшего мощным скрипторием и богатой библиотекой, где делали упор на

---

¹⁴ Классическое, но во многом уже устаревшее исследование: Pijoan J. *Miniaturas Españolas en Manuscritos de la Biblioteca Vaticana. I. El manuscrito 123 Reg. Lat.* // Cuadernos de Trabajo de la Escuela Española de Arqueología en Roma. Madrid, 1912. Vol. I. P. 1-10.

¹⁵ См.: Vidier A. *La mappemonde de Théodulfe et la mappemonde de Ripoll* // Bulletin de géographie historique et descriptive, 1911. Vol. 3. P. 285-313; Zimmermann M. *Le monde d'un catalan au X siècle: analyse d'une compilation Isidorienne* // Métier d'historien au Moyen Age. Etudes sur l'historiographie médiévale. Sous la dir. de B. Guenée. Paris, 1977. P. 45-73.

астрономии, географии, натурфилософии, математике, медицине, музыке...¹⁶. Напротив, в Сен-Виктор-де-Марсель практически не было других книг по астрономии или космографии; здесь преобладала богословская и литургическая литература, имелось также довольно много книг по праву – согласно описи 1374 г., они составляли около 22% всех имевшихся в наличии кодексов¹⁷.

О древней библиотеке Сен-Виктор уместно сказать несколько подробнее. Она не пережила Французскую революцию. Вскоре после 1789 г. ее фонды были рассредоточены (основная часть была, по-видимому, передана в муниципальную библиотеку Марселя), и многие книги канули в лету. Из нескольких сотен рукописей до нас дошло не более 40, точнее, столько выявлено на настоящий день. Они хранятся в основном в Марселе, также в Авиньоне, Карпентрасе, Монпелье, Тулузе, Париже, Оксфорде, Модене, Флоренции и Ватикане¹⁸. Наши представления о средневековой библиотеке Сен-Виктор основываются в первую очередь на пяти ее каталогах, составленных между концом XII в. и 1418 г., а также на перечнях книг, переданных монастырю некоторыми его аббатами и других вспомогательных материалах. Самый полный каталог, созданный в 1374 г. и насчитывающий 552 рукописи, непонятно каким образом оказался в США, в библиотеке университета Рочестера, что на севере штата Нью-Йорк, где и был обнаружен в 1920 г. Известно, впрочем, что не позднее 1841 г. (а скорее

---

¹⁶ См.: Beer R. Die Handschriften des Klosters Santa Maria de Ripoll. Wien, 1907. См. также Puigvert G. Astronomia i astrologia al monestir de Ripoll. Barcelona, 2000 (на с. 55-61 речь идет о Reg. Lat. 123).

¹⁷ Williman D. The Library of Saint-Victor de Marseille, 1374 // A Distinct Voice. Medieval Studies in honor of Leonard E. Boyle. Ed. by J. Brown and W.P.Stoneman. Bloomington, Indiana, 1998. P. 233.

¹⁸ Их перечень содержится в: Nebbiai Dalla Guarda D. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille... P. 281-293.

с первых лет Реставрации) в США оказались также каталоги 1410 и 1418 гг.; в 1966 г. они были переданы в Национальную библиотеку Франции. Все три имеют штамп муниципальной библиотеки Марселя¹⁹. Эти тексты недавно были тщательно изучены Донателлой Неббиаи Далла Гуарда, итальянкой, работающей во Франции, в рамках уже не раз цитированной монографии²⁰. Она, в частности, показала, что, хотя количество книг, зафиксированных в этих каталогах, различается не так уж сильно (максимум – 552 единицы – зафиксирован в описи 1374 г.), состав библиотеки был очень непостоянным. Неизменный костяк составляли не более нескольких десятков книг, среди них астрономический кодекс из Риполя. Это последнее по времени его специальное исследование.

Закономерен вопрос: как же кодекс оказался в Марселе? Дело обстояло так. В 1070 г. Бернат II, граф Безалу (княжества в северо-восточной Каталонии), устав от симонии и прочих нарушений устава в подвластных ему монастырях, в т. ч. Риполе, решил передать его, наряду с двумя другими, под контроль аббатов Сен-Виктор-де-Марсель, который был тогда в зените славы и являлся одним из важнейших центров григорианской реформы. В последней трети XI – начале XII вв. он считался вторым монастырем Западной Европы после Клюни; подобно Клюни, Сен-Виктор был напрямую, подчинен Ватикану, в обход местных церковных властей – епископа Марселя и архиепископа Арля. Ему не только принадлежало огромное количество земель на юге

---

¹⁹ Gunther P.A., D'Amico F.D. The Library of St. Victor of Marseille and the Rochester Catalogue of 1374 // The University of Rochester Library Bulletin, 1974. Vol. 28. P. 3-23; Williman D. The Library of Saint-Victor de Marseille, 1374... P. 231-249.

²⁰ Nebbiai Dalla Guarda D. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor... P. 145-221.

Франции²¹, но было подчинено множество монастырей, в т. ч. таких знаменитых и крупных, как Сен-Жиль, а это все же был центр паломничества общеевропейского значения, популярный даже в Венгрии и Польше. География переданных в то время в ведение Сен-Виктор обителей включала всю Южную Галлию, вплоть до Гаскони, а также Каталонию, Арагон, Кастилию и Сардинию²².

В это время марсельское аббатство возглавлял Бернар де Мийо (1045-1079), из семьи влиятельных графов Родеза, контролировавшей обширные территории на юге Франции и состоявшей в родстве с едва ли не всеми княжескими домами этого региона и Каталонии. Аббатом Сен-Виктор он стал в 1065 г. в возрасте 20 лет. Что бы там ни говорили о борьбе с симонией, умирая в 1079 г., он, с согласия Григория VII, фактически передал бразды правления монастырем своему брату Ришару де Мийо (ок. 1045 – 1121), к тому времени уже кардиналу; в 1106 г. тот стал еще и архиепископом Нарбоннским²³. Оба были абсолютно преданы Престолу св. Петра и пользовались доверием Александра II и Григория VII, оба были папскими легатами в Испании. Поэтому со стороны воодушевленного григорианской реформой графа Безалу было вполне логично передать Риполь именно в руки аббатов Сен-Виктор. Под их властью каталонский монастырь оставался целое столетие. Независимость он вновь обрел лишь в 1170-1172 гг., и оба эти факта отмечены в Анналах.

Нам неизвестны обстоятельства, при которых рукопись попала в Сен-Виктор-де-Марсель: видимо,

---

²¹ См.: Baratier E. La fondation et l'étendue du temporel de l'abbaye de Saint-Victor // *Provence historique*, 1966, t. XVI, p. 396-441

²² См.: Amargier P. Ordo Victorinus Massiliensis // *Revue Mabillon*, 1971, t. 58, p. 97-111.

²³ См.: Magnani Soares-Christen E. *Monasteres et aristocratie en Provence, milieu X – début XII siècle*. Münster, 1999; Mazel F. *La noblesse et l'Église en Provence, fin Xe – début XIVe siècle*. Paris, 2002.

покидая Риполь, марсельские монахи увезли с собой несколько особо ценных манускриптов в качестве своего рода трофея или утешительного приза²⁴. Следует пояснить, что их собственная обитель, хотя и обладала солидной библиотекой, в отличие от Риполя, не являлась особо важным центром по производству рукописей. Риполь в этом смысле, вообще, уникален. Ни в Каталонии, ни в Южной Франции того времени не было скриптория, равного ему по обилию производимых рукописей научного содержания; славилась и его библиотека. Туда ездил учиться сам Герберт Орильякский, будущий папа Сильвестр II.

Итак, можно считать доказанным, что этот кодекс был создан в Риполе и после 1170 г. перекочевал в Марсель, где и оставался до середины XVII в.

Исторические записи на полях этого кодекса, опрометчиво названные Лаббе Сен-Викторскими анналами, представляют собой несколько десятков разрозненных заметок разного размера, от двух-трех слов до нескольких предложений. Если выстроить их в хронологической последовательности, как это повелось со времен Лаббе, окажется, что они охватывают огромный период с конца IV по середину XVI в. Самое раннее из отмеченных событий – смерть Мартина Турского в 397 г. Далее упоминается кончина Иеронима, Августина и Иоанна Кассиана – достаточно известного церковного писателя и теоретика монашеской жизни (предписывавшего монахам явно летальную диету), которого по давней традиции считают основателем Сен-

---

²⁴ Альбаредда полагал, что, покидая Риполь, викторинцы не могли ни получить этот кодекс в подарок, ни присвоить его, поскольку и то, и другое было бы незаконным, и делал на этом чисто умозрительном основании вывод, что кодекс был изготовлен в Марселе и привезен ими с собою в Риполь, а сто лет спустя увезен обратно (Albareda A. *Els manuscrits...* P. 66-69). При всем уважении к автору, мне кажется очевидным, что этот довод не выдерживает критики.

Виктор-де-Марсель²⁵. В этих четырех случаях даты не названы, причем, судя по тому, что смерть Иоанна Кассиана, завершившего свой земной путь между 433 и 435 г., отнесена к правлению Феодосия Великого (395 г.), автор имел смутное представление о времени его жизни. Затем следуют краткие сообщения о приходе лангобардов в Италию в 568 г., о смерти Григория Великого в 603 г., о перенесении мощей св. Бенедикта в 661 г., о вторжении арабов в Испанию в 715 г. («Sema rex cum saracenis ingressus est Ispaniam»), о смерти Пипина Короткого и начале правления Карла Великого («767. Karolus imperator), о захвате франками Жероны в 785 г. и Барселоны в 801 г. («Introivit Ludovicus in Barchinona, filius prelibati Karoli, et tulit civitatem sairacenis»). Более поздние записи касаются преимущественно событий в Восточной Испании, в Арагоне, на Балеарах и на юге Франции. Немало сообщений о римских папах, что лишь естественно, тем более, что один из них, Урбан V (1370-1375), был прежде аббатом Сен-Виктор. Упоминаются также отдельные события общеевропейского значения, например, крестовые походы, в т. ч. захват крестоносцами Иерусалима и Константинополя, авиньонское пленение, схизма рубежа XIV-XV вв., пленение Иоанна Доброго в битве при Пуатье, завоевание Константинополя «Великим Турком»... Сколь-нибудь систематического изложения европейской истории, конечно, нет и в помине, отдельные события словно выхвачены из темноты веков, но кругозор авторов был, таким образом, достаточно широк.

Все же, как и следовало ожидать, фиксируются в основном события местной истории: утверждение в Провансе Анжуйской династии, приезд в Марсель римских пап, кончины аббатов Сен-Виктор, некоторых местных князей, осады города, природные катаклизмы... Основное внимание уделено Провансу, но не обделены вниманием и соседние области. Так, сообщается о

---

²⁵ Marrou H.-I. Le fondateur de Saint-Victor de Marseille: Jean Cassien // Provence historique, 1966. Т. XVI. P. 297-308.

разгроме крестоносцами Безье, причем лаконичный текст не оставляет сомнения в том, на чьей стороне симпатии автора («*Noscant presentes et futuri quod urbis Biterris fuit destructa a cruce signatis*») и о гибели Симона де Монфора. Самые поздние записи, сделанные уже не на латыни, а на французском, относятся к Итальянским войнам, в частности сообщается об осаде в 1524 г. Марселя испанцами и Перпиньяна французами. Последняя запись, под 1543 г., носит несколько философский характер: *Fransse bruye, Esprayne s'enfuie, Savoye se ran, Antoyne de Leve se pent*. Рядом стоит имя *Stephanus*, возможно, принадлежавшее автору этого сообщения.

Большинство записей касаются событий второй половины XI, XII и XIII века, больших временных лагун применительно к этому периоду нет, но после 1265 г., под который упоминается Манфред Сицилийский, следующая запись относится аж к 1334 г. Вторая серьезная лагуна – между 1453 и 1524 гг., после которой имеются лишь три записи. Язык с трудом поворачивается назвать эту сумму текстов анналами, это все же что-то другое. Можно себе представить, что какой-то викторинский монах, читавший рипольский астрономический кодекс, натолкнулся на старые маргинальные записи и также пожелал отметить какой-то важный в его глазах исторический факт, а заодно и самому оставить след в истории, хотя бы и анонимно, а спустя какое-то время сходная мысль пришла в голову другому монаху. Налицо внутримонастырская преемственность, своего рода эстафета поколений, но не более того. Отмечу, что тематически записи все же в известной мере сгруппированы. Налицо осмысленное желание сохранить память о прошлом и настоящем.

Изучая *Reg. Lat. 123*, следует помнить, что погодные записи в делались вовсе не обязательно в хронологической последовательности. Многие из них были вписаны в кодекс ретроспективно, иногда несколько столетий спустя после того, как имел место тот или иной исторический факт. С другой стороны, записи, относящиеся к одной и той же эпохе, особенно к раннему

средневековью, нередко оставлены разными авторами, жившими в разное время, и мы далеко не всегда в состоянии определить, когда именно.

Записи сделаны несколькими руками, что вполне естественно, ведь эти «анналы» создавались в течение 5 веков. Случается, что автор оставил всего несколько и даже одну единственную запись²⁶. Однако львиная доля принадлежит трем авторам. Первый работал в середине XII в. Ему мы обязаны записями, охватывающими отрезок времени с 1070 по 1168 г., когда марсельские монахи распоряжались в Риполе, что дважды отмечается очень четко: «1071. Abbas Bernardus Massiliae accepit Rivipollense cenobium», «Hi sunt abbates Rivipollenses ab ingressu Massiliensium usque nunc anni scilicet anni Domini MCLXVIII...». Любопытно, что этот автор практически ничего не говорит о событиях в самой марсельской обители, не упоминает других ее настоятелей, нежели Бернарда и Ришара, обойдя молчанием даже св. Изарна, умершего в 1047 г., да и Южной Галлии в целом также почти ничего не сообщает. При этом он считал нужным сохранить память о некоторых событиях общеевропейского значения, например о Клермонском соборе («1096. Concilium Urbani pape») и о взятии крестоносцами Иерусалима («1098. Civitas Jherusalem carta erat»). Но упор все же сделан на том, что происходило в Испании, в т. ч. в гораздо более ранние времена, начиная со вторжения сарацин. По большей части это сведения о смерти того или иного испанского правителя, по большей части каталонских князей, но иногда и королей Кастилии, а также о фактах военно-политической истории, прежде всего Реконкисты. Отмечены, например, даты освобождения Уэски в 1097 г., Сарагосы в 1118 г. и Альмерии в 1147 г. Все это служит серьезным доводом в пользу того, что автор делал свои

---

²⁶ См.: Wilmart A. La composition de la petite chronique de Marseille // Revue bénédictine, 1933. Vol. 33. P. 142-159.

записи, находясь в Риполе, при этом без особой оглядки на Сен-Виктор-де-Марсель.

Поскольку речь не всегда идет о погодных записях, сделанных современником, с особой остротой встает вопрос об источниках информации автора. Учитывая совпадение некоторых его известий (впрочем, всего лишь 10 из 118) с известиями т. н. Рипольской хроники (текста, датируемого 1191 г. и по-своему не менее загадочного, чем Сен-Викторские анналы)²⁷, высказывалось предположение, что создатели обоих текстов опирались на один и тот же более древний текст, до нас не дошедший. Чисто гипотетически его называют иногда Барселонскими анналами.

Второй автор приступил к работе сразу после возвращения викторинцев в Марсель; первая запись, сделанная его рукой, касается нападения арабов с Майорки на Тулон в 1178, последняя – к смерти марсельского аббата Асторгия в 1191 г. Из современных ему событий этот автор отметил Латеранский собор 1179 г., убийство графа Прованса Раймонда Беренгария в 1181 г., возвращение, видимо, в результате выкупа, пленных с Майорки в 1185 г., а также потерю христианами Иерусалима в 1187 г. и Третий Крестовый поход с участием королей Франции и Англии, но без упоминания о Фридрихе Барбароссе. Кроме того, он дополнил записи предшественника сообщениями о датах смерти некоторых аббатов Сен-Виктор XII в., но не более раннего времени – насколько я могу судить, основываясь как на рукописи, так и на публикациях Албанеса и Альбареды. Как бы там ни было, налицо достаточно необычное напластование, в результате которого события 1070-1168 гг. освещались сразу двумя анналистами.

Третий автор, оставивший много записей и благодаря этому хоть как-то нам известный, работал в Сен-Виктор в сер. XIV в. и зафиксировал события с 1334

---

²⁷ См.: Villanueva J. *Viage literario á las iglesias de España*. Madrid, 1806. Vol. V. P. 241-249.

по 1358 г. Его внимание привлекли как факты общеевропейской истории, такие, как Черная смерть, начало которой он датирует 1347 г. («Anno Domini MCCCXLVII incepit mortalitas universalis gentium, circa partes istas, quasi circa festum Ominium Sanctorum et vix remansit tertia pars gentium. Et generaliter circuivit totum mundum, et ante alibi inceperat quam hic et duravit per tres annos et plus. In hiis partibus, duravit per sexdecim menses»), так и сугубо местные дела, например, произошедшая в том же году доставка в Марсель мощей св. Лазаря («Eodem anno translatum est caput Sancti Lazari in incastraturam argenteam satis pulchram»). Но он упоминает и события, имевшие место в других странах, в частности убийство сицилийского короля Андрея («1345. Andreas rex Sicilie, filius regis Ungarie, fuit peremptus per suos in Aversa civitate»). В этом отношении он мало отличается от первых двух авторов, да и от большинства анналистов средневековья. Оригинальности ему придает то обстоятельство, что, наряду с современными ему событиями, он посчитал необходимым пополнить кодекс записями также за 1080-1191 гг., отрезок времени, уже освещенный его предшественниками.

Определить время работы создателей других авторов труднее ввиду малочисленности оставленных ими записей, а также потому, что они редко касаются современных им событий. Установлено, что записи, относящиеся к поздней античности, часть записей, относящихся к началу средневековья, в были сделаны существенно позже времени работы первого, а в отдельных случаях – и второго автора. В их числе сообщение о вторжении лангобардов в Италию («568. Longobardi Italiam invadunt») и об основании аббатства Сито («1098. Ibi facta fuit abbatia Cistercensis»). Но когда именно эти записи появились на полях Рипольского кодекса, еще предстоит выяснить. Не ясны и причины интереса поздних викторинских анналистов к золотому веку латинской патристики. Отмечу, тем не менее, что интерес к Испании, прежде всего к землям, находившимся

под властью короны Арагона, сохранялся в Сен-Виктор, по крайней мере, до конца XIII в. Помимо всего прочего, он, видимо, подогревался тем, что Провансом до 1246 г. управляли графы из Барселонской династии.

При всех недостатках анализируемого источника, он содержит немало уникальных свидетельств, уточняющих наши представления о средневековой истории Прованса, Каталонии, да и всего западного Средиземноморья. Например, они сообщают о нападении сарацин на Тулон в 1178 г. и Альфонса Арагонского – на Марсель в 1192 г., о реконструкции церкви Сен-Виктор в 1200 г., называют даты, с точностью до дня, пребывания в Марселе папы Иннокентия IV в 1251 г., бракосочетания Карла Анжуйского с Беатрис, наследницей графства Прованс, в 1246 г., как и подчинения им Марселя в 1257 г. Благодаря этому тексту, мы знаем имена всех аббатов Сен-Виктор с XI по середину XIV в. Изредка, как, например, в приведенном выше пассаже о разгроме крестоносцами Безье, мы можем угадать отношение анналиста к сообщаемому факту. Но, возможно, наибольший интерес, источник представляет собой для понимания того, как в средние века в Каталонии и на Юге Франции относились к историческому знанию и историописанию.

Прежде всего, постараемся понять, почему хронографические записи делались на кодексе астрономического содержания. Дело, безусловно, не в том, что в Риполе или в Сен-Виктор не хватало пергамента.

В первую очередь нужно отметить, что, с точки зрения средневекового человека, астрономия не очень удалена от истории. В то время полагали, что, например, экономика очень далеко отстоит от истории, а астрономия как раз очень близко. И то, что в Риполе, а затем в Марселе исторические записи оставляли на полях трактата о расчете Пасхи, является одним из многих возможных доказательств этого тезиса. По-своему показательно и то, что в библиотечной описи конца XII в., как и в описях 1374 и 1418 гг., кодекс значится как «Beda De

temporibus»²⁸. Иначе говоря, для викторинских монахов он был интересен в первую очередь как сборник авторитетных цитат и просто разъяснений о том, как следует делать расчет Пасхи. Показательна также многочисленность сообщений о солнечных затмениях и появлении комет. Под 1433 г. имеется запись о том, что астрологи обещали большое затмение, а произошло незначительное («... fuit parva eclipsis solis in civitate Massilie; licet secundum quosdam astrologos dicta eclipsis debuisset esse magna tamen non fuit verum»). Словом, противоречия в том, чтобы писать историю на полях компендиума по астрономии, ни в Риполе, ни в Сен-Виктор явно не ощущали.

Не менее важно, что астрономический кодекс, созданный в Риполе, был и там, и в Марселе одной из самых ценных и бережно хранимых книг. Оставляя записи в таком тексте, их авторы могли рассчитывать, что они не пропадут. Конечно, если бы в этих монастырях историописанию уделялось такое же внимание, как в сопоставимых с ними по значению аббатствах Северной Франции, Германии или Англии, картина была бы другой: анналы писали бы в отдельный, возможно, парадный кодекс, который бы берегли как что-то очень важное для данной обители. Но в интересующих нас сейчас аббатствах Южной Франции и Каталонии история была не в чести, по крайней мере, сильно уступала многим дисциплинам по популярности и престижности. Скорее всего, первый автор, работавший еще в Риполе, делал свои записи по собственному разумению, возможно, без благословения и даже ведома аббата-викторинца, и писал на том кодексе, который был ему доступен и притом казался в данном случае наиболее адекватным. Как в этом смысле обстояло дело после транспортировки кодекса в Марсель, мы также не знаем, хотя определенное ощущение несколько большей официальности

---

²⁸ Nebbiai Dalla Guarda D. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille... P. 146, 167, 212.

создававшихся начиная с 1178 г. исторических записей все же присутствует. Но к этому времени там уже стало традицией вносить их в астрономический кодекс из Риполя.

Второй вопрос, возникающий при работе с Сен-Викторскими анналами, касается причин прохладного отношения к историческому знанию и историописанию в Южной Франции и тесно связанной с нею в средние века Каталонии. Весь этот регион очень беден хронографическими памятниками, по сравнению с Северной Францией, Германией или Англией. В каролингское время – достаточно компилятивная Муассакская хроника, позднее Сен-Викторские анналы и Рипольская хроника – вот, пожалуй, и все... Это тем более странно, что речь идет о территориях, где грамотность была достаточно высокой для того времени. С особой очевидностью это касается Каталонии, чьи архивы до середины XII в. не имеют себе равных в Европе и содержат множество документов, составленных по инициативе и при участии весьма скромных, но при этом не чуждых грамоте землевладельцев²⁹. Это очень редкий случай, когда мы можем услышать голоса простых людей³⁰.

Города Каталонии и средиземноморских областей Франции были, начиная с XI в. достаточно богаты, здесь находилось немало важных центров княжеской власти и древних монастырей и епископских кафедр, объективно заинтересованных в развитии своего, местного историописания. Появление в этом регионе уже в XI в. яркой литературы на народном языке служит доказательством того, что этот край не был обделен талантливыми людьми. При этом почти полное отсутствие

---

²⁹ См. капитальное исследование Мишеля Зиммермана: Zimmermann M. *Ecrire et lire en Catalogne, IX-XII siècle*, Madrid, 2004,

³⁰ Bisson Th. N. *Tormented Voices: Power, Crisis and Humanity in Rural Catalonia 1140-1200*. Cambridge, Mass., 1998.

хронографических сочинений. Не слишком хорошо в этом регионе представлены и другие жанры латинской литературы, в частности, агиография и теология. Удивительный парадокс и интереснейшая исследовательская проблема. Но решение ее лежит все же за пределами этой статьи.

Литература

- Albanès J.H. La chronique de Saint-Victor de Marseille // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire, 1886. T. VI.
- Albareda A.M. Els manuscrits de la Biblioteca Vaticana Reg. Lat. 123, Vat. Lat. 5730 i el scriptorium de Santa Maria de Ripoll // Catalonia Monastica, 1927. Vol. I. P. 23-96.
- Amargier P. Ordo Victorinus Massiliensis // Revue Mabillon, 1971, t. 58, p. 97-111.
- Annales Sancti Victoris Massiliensis. Edit. G.H.Pertz // MGH, Scriptores. T. XXIII. Hannoverae, 1874.
- Baratier E. La fondation et l'étendue du temporel de l'abbaye de Saint-Victor // Provence historique, 1966, t. XVI, p. 396-441
- Beer R. Die Handschriften des Klosters Santa Maria de Ripoll. Wien, 1907
- Bignami-Odier J. Le Fond de la Reine à la Bibliothèque Vaticane // Collectanea Vaticana in Honorem Anselmi M. Card. Albareda. Vaticano, 1962. Vol. I.
- Bisson Th. N. Tormented Voices: Power, Crisis and Humanity in Rural Catalonia 1140-1200. Cambridge, Mass., 1998.
- Flórez E. España Sagrada. Madrid, 1774.
- Gunther P.A., D'Amico F.D. The Library of St. Victor of Marseille and the Rochester Catalogue of 1374 // The University of Rochester Library Bulletin, 1974. Vol. 28. P. 3-23;
- Lambert C.G.A. Catalogue descriptif et raisonné des manuscrits de la Bibliothèque de Carpentras. T. I-III. Carpentras, 1862.
- Magnani Soares-Christen E. Monasteres et aristocratie en Provence, milieu X – début XII siècle. Münster, 1999;
- Marrou H.-I. Le fondateur de Saint-Victor de Marseille: Jean Cassien // Provence historique, 1966. T. XVI. P. 297-308.
- Mazel F. La noblesse et l'Église en Provence, fin Xe – début XIVe siècle. Paris, 2002.
- Nebbiai Dalla Guarda D. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille (XI-XV siècles). Paris, 2005.

- Novae bibliothecae manuscript. librorum tomus primus, opera et studio Philippi. Labbe. Biturici; Parisiis, 1657.
- Papon J.-P. Histoire générale de Provence. Paris, 1780
- Peirersc N. Cl. Fabri de. Histoire abrégée de Provence et autres textes. Edités par J.Ferrier et M.Feuillas. Avignon, 1982
- Pi Joan J. Miniaturas Españolas en Manuscritos de la Biblioteca Vaticana. I. El manuscrito 123 Reg. Lat. // Cuadernos de Trabajo de la Escuela Española de Arquelogía en Roma. Madrid, 1912. Vol. I. P. 1-10.
- Puigvert G. Astronomia i astrologia al monestir de Ripoll. Barcelona, 2000.
- Puigvert G. El manuscrito Vat. Reg. Lat. 123 y su posible adscripcion al Scriptorium de Santa Maria de Ripoll // Roma magistra mundi. Itineraria culturae medievalis. Mélanges offerts au Père L.E. Boyle à l'occasion de son 75e anniversaire. Ed. par J. Hamesse. Louvain-La-Neuve, 1998. Vol. 3. P. 285-316.
- Recueil des Historiens des Gaules et de la France. Paris, 1782. Переиздан: Paris, 1833.
- Vidier A. La mappemonde de Théodulfe et la mappemonde de Ripoll // Bulletin de géographie historique et descriptive, 1911. Vol. 3. P. 285-313
- Villanueva J. Viage literario á las iglesias de España. Madrid, 1806. Vol. V. P. 241-249.
- Williman D. The Library of Saint-Victor de Marseille, 1374 // A Distinct Voice. Medieval Studies in honor of Leonard E. Boyle. Ed. by J. Brown and W.P.Stoneman. Bloomington, Indiana, 1998.
- Wilmart A. Codices Reginenses Latini. T. I. Codices 1-250. Biblioteca Vaticana, 1937. P. 289-292.
- Wilmart A. La composition de la petite chronique de Marseille // Revue bénédictine, 1933. Vol. 33. P. 142-159.
- Zimmermann M. Ecrire et lire en Catalogne, IX-XII siècle, Madrid, 2004.
- Zimmermann M. Le monde d'un catalan au X siècle: analyse d'une compilation Isidorienne // Métier d'historien au Moyen Age. Etdudes sur l'historiographie médiévale. Sous la dir. de B.Guenée. Paris, 1977. P. 45-73.

З.Ю. Метлицкая

Смерть героя или триумф святого: архиепископ Эльфхеах в агиографии и историографии

Аннотация: Данная статья посвящена анализу группы средневековых текстов, связанных с именем святого Эльфхеаха, архиепископа Кентерберийского.

Ключевые слова: история средневековой Англии, историописание, культы святых, агиография

Об авторе: Метлицкая Зоя Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, cerdic@yandex.ru

Z.Yu. Metlitskaya

Death of a Hero or a Triumph of Saint: Archbishop Elfheah in historiography and agiography

Abstract: This article analyzes the group of medieval texts associated with the name of St. Elfheaha, the Archbishop of Canterbury.

Keywords: history of medieval England, the writing of history, the cult of saints, hagiography.

About the author: Metlitskaya Zoya, Ph.D., senior researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, cerdic@yandex.ru

Современные тенденции в медиевистике привели к существенным переменам в подходах к историческим свидетельствам, касающимся почитания святых. В большинстве работ, вышедших в последние два десятилетия, основное внимание уделяется социально-политическим аспектам культов святых и их связям с интересами определенных общин или местных сообществ. Более традиционные представления о морально-назидательной функции культов святых, хотя и не были оспорены, в большой степени выпали из поля внимания исследователей.

Тем не менее, следует помнить, что культы святых возникали и сохранялись не только потому, что это отвечало устремлениям каких-либо религиозных или светских институтов, но и потому, что их опыт заключал в себе

определенное «послание», урок, актуальный для данного времени и места.

В истории искусств надгробные памятники Средневековья и Раннего Нового времени датируются с помощью т.н. «метода римского солдата». Он состоит в следующем. На надгробных памятниках часто изображалась сцена распятия Христа. Специалисты заметили, что, при том, что основные элементы изображения, разумеется, остаются неизменными, римские легионеры, стоящие у креста, как правило, одеты по моде того времени, в которое создавалось это надгробье. Соответственно, идентифицировав костюмы, можно примерно определить время создания надгробья. Нечто подобное, на мой взгляд, происходит и со святостью. Набор «качеств», характеризующих святого, остается в целом неизменным, но каждая эпоха дает им свою трактовку, «ображает» святого в свои «модные одежды». Анализ этих изменяющихся образов способен стать дополнительным инструментом для понимания духовного климата и культуры разных эпох.

Выраженный в такой общей форме мой тезис выглядит банальным, однако, как мне кажется, исследования конкретных агиографических традиций могут оказаться любопытными и познавательными.

Данная статья посвящена анализу группы текстов, связанных с именем святого Эльфхеаха, архиепископа Кентерберийского, который в 1012 г. оказался в плену у викингов и был убит, поскольку отказался выкупить себя. Современные Эльфхеаху источники¹ скупы на свидетельства о нем. Эльфхеах был рукоположен на кафедру Винчестера в 984 г. и перемещен на кафедру Кентербери в 1006 г. В период между 984 и 1011 г. он свидетельствовал королевские грамоты как один из главных советников, а в 994 г. представлял (вместе с Этельвердом, элдорменом западных провинций, автором Хроники Этельверда) короля Этельреда на мирных переговорах с предводителем викингов, будущим королем Норвегии Олафом, сыном Трюггви. Свидетельств, касающихся деятельности Эльфхеаха как епископа и

---

¹ К ним относятся Англосаксонская хроника и королевские грамоты.

архиепископа довольно мало, и, судя по всему, он не особенно усердствовал в церковной политике: сохранились записи лишь одного созванного им собора кентерберийской провинции. Нам ничего не известно ни о происхождении Эльфхеаха, ни о том, из какой местности он был родом, хотя среди сохранившихся грамот имеется грамота времен правления короля Этельреда с подписью «Эльфхеаха, настоятеля Бата», возможно, нашего героя. История гибели Эльфхеаха рассказана в погодных статьях 1011-1012 гг. Англосаксонской хроники². Согласно свидетельству хрониста, осенью 1011 г. викинги, несмотря на обещанную им огромную дань, напали на Кентербери. Во время этого нападения они захватили архиепископа и увели его в свой лагерь, чтобы потребовать за него дополнительный выкуп³. Однако Эльфхеах, как пишет анналист, «не хотел давать им никаких денег и запретил кому бы то ни было что-нибудь платить за него»⁴. Следующей весной все викинги, зимовавшие отдельными группами в Англии, собрались в

---

² Эти погодные статьи, сохранившиеся в рукописях C, D, E, входят в состав т.н. «этельредовского фрагмента», группы погодных статей за 991-1016 гг., описывающих правление короля Этельреда Нерешительного. В настоящее время большинство исследователей сходятся на том, что эти статьи созданы одним автором, одновременно, в период между 1017 и 1023 гг. Практически единственной их темой является рассказ о викингских нашествиях и безрезультатных попытках короля противостоять врагам или откупиться от них. Автор, наделенный несомненным литературным талантом, рисует мрачную картину отчаяния и страданий «народа англов» из-за трусости и предательства английских магнатов.

³ Анналист вставляет в свой рассказ своего рода «плач» по поводу пленения архиепископа, написанный ритмизованной прозой: «Стал пленником тот, кто прежде был главой Церкви и народа англов. Горе постигло город, где прежде царила радость, несчастный город, откуда впервые пришла к нам христианская вера, угодная Богу и миру». (Mid him wæs þa ræpling se þe ær wæs Angelcynnes heafod and Christendomes. Ðær man nihte ær geseah blisse on þære ærman byrig þanon us com ærest Cristendom and blisse for Gode and for worulde (The Anglo-Saxon Chronicle: a collaborative edition: MS E/ Ed. by S. Irvine. Cambridge, 2004. P. 69).

⁴ He nolde heom nan feoh behaten and forbead þet man nan þing wiþ him syllan ne moste (The Anglo-Saxon Chronicle: a collaborative edition: MS E/ Ed. by S. Irvine. Cambridge, 2004. P. 69).

Гринвиче в ожидании дани. В субботу после Пасхи, напившись, они привели Эльфхеаха и «стали бить его костями и бычьими головами, а один из воинов ударил его обухом топора по голове, так что он упал навзничь, и *святая* кровь его оросила землю, а *святая* душа его вознеслась в царствие Божие. Утром епископы Эаднот и Эльфхун, вместе с горожанами, забрали его *святое* тело, отвезли со всеми почестями в Лондон и похоронили в соборе святого Павла, где ныне Господь открывает всем могущество *святого* мученика»⁵.

Следует обратить внимание на то, что анналист, который ранее, оплакивая пленение Эльфхеаха, именовал его «главой Церкви и народа англов», впервые называет его «святым» только после описания его гибели. Создается впечатление, что в его представлении Эльфхеах *стал* святым благодаря тому мужеству, которое он проявил, оказавшись в руках врагов. Некоторые факты указывают на то, что неизвестный автор «этельредовского фрагмента» Англосаксонской хроники был не единственным человеком в Англии, кто думал так. Культ Эльфхеаха сформировался и развивался очень быстро. Его имя упоминается в 12 литаниях, сохранившихся в 10 рукописях, датированных 1020-1030 гг.⁶; день его памяти обозначен в 4 календарях этого же периода. Однако Житие Эльфхеаха не было составлено, и Осберн Кентерберийский в 1090-х гг. сетовал на то, что нашел мало сведений о жизни святого. Данный факт выглядит особенно странно, если учесть, что жития старших современников Эльфхеаха, святых епископов Дунстана (ум. 988) и Этельвольда (ум. 984), были созданы практически

---

⁵ hine þa þær oftorfodon mid banum and mid hrypera heafdum, and sloh hine þa an heora mid anre æxe yre on þet heafod þet he mid þam dynte niþer asah, and his halige blod on þa eorþan feoll, and his þa haligan sawle to Godes rice asende. And þa biscopas Eadnoþ and Aelfhum and seo burgwaru underfengon þone haligan lichaman on mergen and feredon hine to Lundene mid ealre arwurpnisse and hine bebyrigdon on Sanctus Paulus mynstre, and þær nu God swutelaf þæs halgan martires mihta (The Anglo-Saxon Chronicle: a collaborative edition: MS E/ Ed. by S. Irvine. Cambridge, 2004. P. 69).

⁶ Anglo-Saxon Litanies of the Saints/ Ed. M.Lapidge. L., 1991.

одновременно с формированием их культов⁷. Этому обстоятельству могут быть даны разные объяснения⁸, однако, по моему мнению, житие Эльфхеаха не было написано в англосаксонский период, потому, что единственный факт, делавший Эльфхеаха святым и заключающий в себе моральный «посыл», связанный с его святостью, был широко известен. Других историй просто не требовалось. Стойкость и самопожертвование пожилого, не слишком крепкого физически человека, его стремление защитить интересы своей церковной провинции и своей страны составляли разительный контраст трусости, эгоизму и неверности большинства английских магнатов. Мужество Эльфхеаха и почти символический жест, которым он отверг разрушительную политику короля, пытавшегося откупиться от викингов вместо того, чтобы сражаться с ними, сами по себе были достаточны для англичан начала XI в., чтобы признать погибшего архиепископа святым. Именно они несли тот урок, который нужно было усвоить⁹.

---

⁷ Первое житие Дунстана было составлено в начале 990-х гг., а спустя 10 лет Аделярд создал второе житие, адресовав его, собственно, Эльфхеаху. Житие Этельвольда было составлено Вульфстаном Вичестерским ок. 1000 г. Ситуация выглядит еще более парадоксальной в свете того, что оба эти сочинения были созданы в бурные и тяжелые (в том числе и для Церкви) годы викингских нашествий, а житие Эльфхеаха *не было* написано в относительно спокойные времена правления Кнута и Эдуарда Исповедника.

⁸ См., например: Thacker A. Cults at Canterbury // St. Dunstan: His life, times and cult. Woodbridge, 1992. P. 221-245. А. Такер, анализируя культы кентерберийских святых в перспективе их социо-политических функций, утверждает, что культ Эльфхеаха развивался и пропагандировался духовенством Собора Христа в Кентербери в рамках их долгого соперничества с монахами располагавшегося рядом монастыря Св. Августина, которое достигло своей кульминации в последней четверти XI в.

⁹ В связи с высказанным предположением представляет интерес статья Малькольма Годдена (Godden M. Apocalypse and Invasion in late Anglo-Saxon England // From Anglo-Saxon to Middle English. Oxford, 1994. P.130-162). Анализируя эволюцию взглядов Эльфрика и Вульфстана относительно викингских нашествий, исследователь указывает, что в 1010-х гг. оба проповедника приходят к мысли, что «нападения викингов не являются ни проявлением Божьего гнева, ни предвестьем апокалипсиса, а представляют собой новый этап древней войны между

Первое Житие архиепископа-мученика было создано после нормандского завоевания, в последней четверти XI в. кантором собора Христа (Кентербери) Осберном. Некоторое представление об обстоятельствах, в которых это было сделано, можно составить на основании истории, рассказанной другим монахом из той же общины, Эадмером Кентерберийским в написанном им житии св. Ансельма¹⁰. Сама история, по-видимому, обязана своим происхождением в большей мере литературным дарованиям Эадмера, нежели подлинным событиям, но проблема, лежащая в ее основе, безусловно, реальна. Эадмер пишет о том, что в конце 1070-х гг. Ансельм, в те времена настоятель нормандского монастыря Бек, посетил Англию, чтобы встретиться со своим предшественником в этой должности, наставником и другом Ланфранком, который стал первым нормандским архиепископом Кентербери. Ансельм прожил какое-то время в Кентербери, общаясь с монахами и проводя время в приятных беседах с архиепископом на разные темы. В одной из таких бесед Ланфранк высказал ему свои сомнения по поводу святости некоторых англосаксонских святых. В качестве примера «сомнительного» святого он привел Эльфхеаха, заявив, что тот был, безусловно, достойным человеком, но не святым, поскольку он погиб «не за исповедание имени Христова, но из-за того, что не захотел выкупить себя деньгами»¹¹. Ответ, который Эадмер вкладывает в уста Ансельма, скорее демонстрирует

силами дьявола и последователями Бога» (Р. 138). Таким образом, указывает Годден, «военное и политическое противостояние» викингам «отождествляется с праведностью» (Р. 139), а «неисполнение своего воинского долга» (Р. 142) расценивается как причина Божьего гнева. Взглянув на проблему в еще более широкой перспективе, можно вспомнить, что святость (или, по крайней мере, праведность) в древнеанглийской поэзии (от «Видения Креста» до «Битвы при Мэлдоне») часто раскрываются через описание героических деяний.

¹⁰ Эадмер (ок. 1060 – ок. 1126) стал приемником Осберна в должности кантора. Он также был учеником и близким другом Ансельма Кентерберийского.

¹¹ non pro confessione nominis Christi, sed quia pecunia se redimere noluit (Eadmer. Life of Anselm / Ed. and transl. by R. Southern. Oxford, 1972. P. 51).

блестящее владение риторикой и приемами схоластических диспутов¹², чем предлагает реальное решение проблемы, однако Ланфранка, как пишет Эадмер, убедили эти аргументы. Он восхвалил «тонкость и проницательность ума»¹³ Ансельма и пообещал отныне почитать Эльфхеаха всем сердцем. После этого, добавляет Эадмер, Ланфранк повелел монаху Осберну «составить со всем возможным старанием историю его (Эльфхеаха) жизни и страданий»¹⁴. Независимо от того, придумал ли Эадмер полностью эту историю, чтобы выразить свое отношение к англосаксонскому прошлому¹⁵, или такого рода дискуссия между Ланфранком и Ансельмом в самом деле имела место, можно не сомневаться, что культ Эльфхеаха (как и культы ряда других англосаксонских святых) в конце XI в. стал источником серьезных проблем. Эльфхеах был одним из самых почитаемых кентерберийских святых, но урок, который несла в себе его святость, утратил актуальность. Мужество перед лицом врагов уже не было достаточным поводом для того, чтобы считать человека святым. Соответственно, возникла необходимость переработать его историю, чтобы придать ей более традиционную и приемлемую форму.

Осберн, поистине, сделал все, чтобы исполнить стоявшую перед ним задачу. Он действительно работал «со всем возможным старанием», подбирая и нанизывая друг на друга агиографические топосы. Правда, временами его повествование о событиях, приведших к гибели Эльфхеаха, путано и нелогично, из-за его стремления сочетать подлинные исторические детали, переосмысленные в духе

---

¹² Если опустить все логические переходы и цитаты из Писания, суть ответа сводится к тому, что Эльфхеах погиб не из-за денег, а ради справедливости, а те, кто погибли ради справедливости, могут считаться мучениками.

¹³ *subtilem perspicaciam et perspicacem subtilitatem ingenui* (Eadmer. *Life of Anselm*. P. 53)

¹⁴ *historiam vitae ac passionis eius [Aelfheah] diligenti studio fieri* (Edmer. *Life of Anselm* /Ed. and transl. by R. Southern. Oxford. 1972. P. 53).

¹⁵ Об этом см. Rubenstein J. *Liturgy against history: the competing visions of Lanfranc and Eadmer of Canterbury* // *Speculum*. 1999. Vol. 74. P. 279-309.

современной ему эпохи, и элементы традиционных агиографических сюжетов¹⁶.

Нападение на Кентербери происходит в результате сговора жестокого и горделивого «префекта» Эадрика, пожелавшего отомстить за брата, и «пиратов» Свана и Туркила, ранее захвативших пол-Англии. Знатные люди Кентербери уговаривают архиепископа бежать, но он отказывается. Когда враги осаждают город, Эльфхеах, который и ранее часто выступал в переговоры с данами, пытаясь облегчить участь их пленников, а также, проповедуя «пиратам» христианскую веру, берет на себя роль миротворца и просит осаждающих пощадить мирных жителей Кентербери. Однако его усилия не дают результата. Враги врываются в город. Эльфхеах, будучи не в силах смотреть на гибель невинных людей, выбегает из собора, где он укрылся с группой монахов, и кричит викингам: «Пощадите, пощадите! И если вы считаете себя мужами, перестаньте преследовать юношей. Невелика победа – убивать невинных младенцев, и не принесет славы война против мирных простецов. Вот я, открыто бичевавший ваши бесчестья; вот я – тот, кто пленников и всех, пострадавших от вас, утешал, оберегал, защищал; обратите лучше на меня свой гнев»¹⁷. Епископа берут в плен и держат 7 месяцев в темнице. Даны рассчитывают, что он ограбит свою Церковь, чтобы заплатить выкуп, но он отказывается. Тем временем среди данов вспыхивает смертоносная болезнь, знак Божьего гнева. Они умоляют епископа помочь им, и он исцеляет их, накормив хлебом, который он благословил. После этого даны снова предлагают ему выкупить свою свободу, заплатив 6 талантов серебра, по 50 фунтов в каждом таланте. Кроме того, архиепископ должен убедить короля заплатить

---

¹⁶ См. также Приложение.

¹⁷ *Parcite, inquit, parcite, et si viros vos esse cognoscitis, innocentem aetatem persequi cessate. Non est ista victoria, qua lactentium perimitur innocentia: nec laudi ascribitur, quidquid in simplices et mites bellando admittitur. En me, qui vestrae impietatis criminali libero semper ore castigavi; en qui captivos et a vobis multatos pavi, vestivi, redemi; in me vestra potius ira desaevit* (*Anglia Sacra* / Ed. by H. Whatron. Pars secundum. L. 1691. P. 135).

200 талантов, после чего между данами и англами будет установлен прочный мир. Архиепископ отказывается, заявляя, что эти притязания несправедливы, и что он «не отдаст плоть христиан на съедение язычникам»¹⁸. Даны, более других расположенные к нему, просят его поставить печать под документом, который будет разослан по всем церквям, чтобы собрать необходимый выкуп. Эльфхеах снова отказывается, говоря, что он не собирается на старости лет становиться жестоким и совершать преступное деяние, обирая паству. Разгневанные даны снова бросают его в темницу и пытают. В одну из ночей к Эльфхеаху является искушитель в образе прекрасного ангела и предлагает освободить его из заточения. Архиепископ идет за ним, но дьявол заводит его в топи и покидает. Эльфхеах понимает, что это было искушение, раскаивается и молит Бога о прощении и помощи. Появляется истинный ангел и возвращает Эльфхеаха в темницу. Спустя недолгое время к архиепископу является св. Дунстан и открывает ему ту радость, которая ждет его на небесах, после того, как он примет корону мученичества. После этого видения цепи спадают с Эльфхеаха, и раны его заживают. Пораженные этим чудом стражники обращаются в христианскую веру. Однако другие даны, испугавшись силы епископа, срочно ведут его на суд и требуют от него золота. Эльфхеах предлагает им в ответ «золото божественной мудрости». Тогда разъяренные даны убивают его.

Причиной гибели архиепископа и в этом случае становится его нежелание обирать паству, чтобы спасти свою жизнь, но отнюдь не эта идея находится в центре внимания автора. Главным для Осберна является то, что Эльфхеах изначально *избран*, чтобы стать мучеником в соответствии с волей Бога, целью которого является дать Англии нового святого. Еще в детстве Эльфхеах «усердно просил Господа, чтобы тот указал ему, как исполнить Его волю»¹⁹. Назначение Эльфхеаха на епископскую кафедру

---

¹⁸ Non sit Christianorum carnes Paginis dentibus conterendes dare (Anglia Sacra. P. 138).

¹⁹orabat sedulo Dominum, ut voluntas ejus in se fieret (Anglia Sacra. P. 123).

происходит по повелению Господа, переданному Дунстану через апостола Андрея. Сам Осберн при этом поясняет, что спор между претендентами на епископскую кафедру Винчестера закончился «не по решению людей, а согласно божественному замыслу»²⁰. Божественная воля, по мнению Осберна, проявилась и в том, что Эльфхеах занял Кентерберийскую кафедру не сразу после Дунстана, как тот хотел, а в то время, которое «к славе мученика могло его подвести»²¹. Эльфхеах осознает свое призвание стать мучеником. Он говорит знатым людям, которые уговаривают его бежать из осажденного Кентербери: «Когда, взвешивая прежние труды, размышляю я о вечном божественном воздаянии, кажется мне, что лежит мой путь далеко по иной дороге... Блажен я, если мне выпадет случай умереть за дело, ради которого стремились отдать жизнь все мученики Христовы»²². В этом контексте отказ архиепископа выкупить себя прочитывается, скорее, как воплощение его личного желания умереть и исполнить волю Бога, нежели как проявление мужества в безнадежных обстоятельствах. Какой же смысл вкладывал Осберн в эту историю? Несколько раз в тексте противопоставляются унижение Англии и триумф архиепископа-мученика. «Но Бог обращает во благо человеческое зло, и то, что, что они (люди) замыслили в своем жестокосердии, он предназначал для возрождения последующих поколений»²³. Таков, как кажется, главный моральный урок «новой» святости Эльфхеаха. Несомненно, в Англии спустя 30 лет после Нормандского завоевания это «послание» было актуально.

Как можно заключить из имеющихся свидетельств, культ Эльфхеаха процветал в Кентербери вплоть до конца XII в., когда он был потеснен культом другого архиепископа-

---

²⁰ non humano ingenio, sed divinitats consilio (Anglia Sacra. P. 136).

²¹ eum ad martyrii gloriam provehere possent (Anglia Sacra. P. 128).

²² Longe, inquit, alia mihi via gradiendum puto; dum praeteritos mecum labors reputans, aeternam Dei retributionem cogito... Sed beatum me, si tali in causa mori contingar; pro qua ut morentur elaboraverunt omnes Christi Martyres (Anglia Sacra. P. 133-134).

²³ Sed qui hominum malis bene utitur Deus, quod illi ad testimonium crudelitatis, hoc ille parabat ad restaurationem posteritatis. (Anglia Sacra. P. 136).

мученика – Томаса Беккета (который, кстати сказать, упоминал Эльфхеаха в последней своей проповеди). Тем не менее, переработки жития Эльфхеаха, составленного Осберном, были включены в два известных позднесредневековых английских собрания житий. Собрание, известное под названием «Новая легенда Англии»²⁴, было, как сейчас считается, составлено Джоном, викарием церкви Тайнмута в сер. XIV в. и переработано позднее монахом-августинцем Джоном Капгрейвом (1393-1464). Текст Жития Эльфхеаха, помещенный в нем, представляет собой слегка сокращенный вариант сочинения Осберна²⁵. Эти сокращения, с моей точки зрения, представляют некоторый интерес. Первое, что привлекает внимание, это отсутствие фрагмента о пребывании Эльфхеаха в Риме, хотя не вполне ясно, на каком именно этапе он был исключен. Мне, однако, кажется более любопытным планомерное исключение упоминаний о взаимодействиях Эльфхеаха с вне-церковным миром. В тексте Капгрейва нет фразы, которую я привела выше в качестве «урока» святости Эльфхеаха, как она виделась Осберну. Опущена речь Эльфхеаха, в которой он говорит о своем предназначении к мученичеству²⁶. Если у Осберна мученичество Эльфхеаха предстает как исполнение Божественного замысла, обращенного ко благу будущих поколений англичан, то в версии Капгрейва представлен, скорее, *личный* путь человека к святости, *нужной* в первую очередь ему самому. Лишь обретя эту личную святость *вне мира* он становится способен быть заступником для других²⁷.

---

²⁴ Это собрание было опубликовано в нач. XVI в. Уинкином де Уордом. Следует отметить, что именно сокращенный текст из «Новой легенды», а не первоначальный текст Осберна, опубликованный в *Anglia Sacra*, был позднее перепечатан в голландистских *Acta Sanctorum* и, затем, в *Patrologia Latina*.

²⁵ См. также таблицу 1.

²⁶ Эпизод, в котором кентерберийская знать уговаривает Эльфхеаха бежать, пропущен полностью.

²⁷ В связи с этим можно вспомнить о том, что для духовной атмосферы второй половины XIV – первой половины XV в. характерно осознание и резкая критика обмирщения Церкви, а также поиски путей к Богу в рамках личной религиозности.

«Южноанглийский легендарий», написанный на среднеанглийском языке, сохранился в различных версиях более чем в 50 рукописях, датируемых периодом с кон. XIII по кон. XV в. Самая ранняя рукопись, включающая житие Эльфхеаха, датируется временем ок. 1300 г. Его часто представляют как английский аналог «Золотой легенда» Якова Ворагинского, и в рукописях с ним часто соседствуют тексты рыцарских романов и других произведений «светской» литературы²⁸. В основе стихотворного жития Эльфхеаха, включенного в состав «Южноанглийского легендария», также лежит текст Осберна, но переработан он в ином ключе²⁹. История Эльфхеаха до его пленения данами рассказана очень бегло; нет ни одного развернутого описания его благочестия и святости; из качеств отмечены только его мудрость и ученость³⁰. Об осаде Кентербери сказано в нескольких строчках. Основное содержание поэмы составляет рассказанная во всех деталях история искушения Эльфхеаха дьяволом, возвращения архиепископа в темницу и мученичества, поводом к которому становится вовсе не отказ архиепископа заплатить выкуп, а обращение многих людей после того, как цепи чудесным образом упали с Эльфхеаха, и раны его мгновенно исцелились. В версии «Легendarия» епископа убивают в городе, под плач жителей, побив камнями, «как святого Стефана»³¹. История Эльфхеаха в таком варианте оказывается историей героя (рыцаря, можно сказать), который преодолевает искушение и обретает небесную славу. Но речь идет не только о личном подвиге. Подвиг совершается ради Англии. Дьявол, притворяющийся божественным посланцем, говорит Эльфхеаху, что тот

---

²⁸ Современные исследователи называют в качестве характерных особенностей «Легendarия» его патриотизм, особенный интерес автора к английским святым и английской истории, а также ко всему диковинному и чудесному. (См. например: Bennett J. *The Oxford history of Medieval Literature*. Vol. 1. Part 1 / Ed. and compl. By D. Gray. Oxford, 1988. P. 60-62).

²⁹ См. Таблицу 1.

³⁰ No tonge ne may telle al is wisdom ne his lore (The South English Legendary / Ed. by C. d'Evelyn. Oxford, 1956. Vol. 1. P. 150).

³¹ Ibid. P. 154.

должен бежать, «чтобы спасти Англию»³². А рассказ о мученичестве Эльфхеаха завершается словами: «И так он принял мученичество во имя нашего Господа и из любви к Англии...»³³. Идеал героя, совершающего подвиг ради своей родины, как мне думается, вполне соответствовал настроениям в Англии времен правления Эдуарда I.

После Реформации большинство святых, и среди них Томас Беккет, подверглись осмеянию и осуждению. Эльфхеах избежал этой участи. В 1563 г. пуританский мыслитель Джон Фокс включил рассказ об Эльфхеахе в свою «Книгу Мучеников»³⁴ представлявшую собой, по сути, неофициальный протестантский мартиролог. Интересно, что Фокс опирается все на то же житие, составленное Осберном³⁵. Для Джона Фокса Эльфхеах – идеал пастыря. Еще будучи отшельником в Бате он прославился по всей округе своими талантами и добродетелями, и многие хотели верить себя его *пасторскому попечению*. Его назначил на кафедру Винчестера архиепископ Кентерберийский, «который был тогда примасом всей Англии», но с согласия обеих соперничавших групп. Церковь Винчестера при нем стала предметом восхищения всего королевства, и затем архиепархией Кентербери он управлял «с большой честью для себя»³⁶. Во время вторжений данов Эльфхеах «проявляет поразительные решительность и мужество»³⁷, выкупая пленников и обращая данов в христианство. Когда враги захватывают город, архиепископ «спешит навстречу опасности и просит врагов пощадить людей и принять его в качестве жертвы»³⁸. Даны бросают его в темницу и подвергают пыткам, добиваясь, чтобы он заплатил выкуп

---

³² Forto saui Engelond (Ibid. P. 151).

³³ And in his manere ymartred was in oure Louerdes name for þe loue of Engelond (Ibid. P. 154).

³⁴ Fox J. Book of martyrs. Detroit. 1853. P. 80-82.

³⁵ Он даже сохраняет, правда без подробностей, упоминание о том, что Эльфхеах получил палий в Риме у папы, и называет имя Папы – Иоанн XVIII.

³⁶ with great honor to himself (Fox J. Book of martyrs. P. 81).

³⁷ acted with great decision ad courage (Ibidem).

³⁸ he hastened into the midst of the danger, and begged the enemy to spare the people, and accept of himself as a victim (Ibidem).

или открыл, где находится сокровищница его церкви, но Эльфхеах молчит. Во время суда он призывает судей оставить свою религию и дурные обычаи и принять истинную веру; после этого разъяренные язычники, не дожидаясь конца слушания, убивают его. Таким образом, для Фокса Эльфхеах – образец епископа, для которого на первом месте стоят интересы паствы и проповедь слова Божьего.

Именно в этом качестве – идеального священнослужителя – Эльфхеах появляется в церковных историях и житиях в следующие два столетия, причем и у англиканских, и у католических авторов.

Джереми Колльер (1650-1726), теолог и епископ, отказавшийся приносить присягу Вильгельму Оранскому как королю, опубликовал свою «Церковную историю Великобритании» в 1708-1714 гг. Эльфхеаху он посвятил несколько страниц из почти тысячи, составляющих этот труд, но они, тем не менее, достойны внимания. В основе истории, рассказанной Колльером, лежит все тот же текст Осберна. Но автор дополняет и перерабатывает его, расставляя по-своему акценты и изменяя некоторые реалии.

Так, описывая пребывание будущего архиепископа в Бате, Колльер противопоставляет благочестие Эльфхеаха, пастыря и ученого, и развратность монахов. Во время выборов на епископскую кафедру Винчестера у Эльфхеаха есть своя «партия», которая одерживает победу благодаря поддержке Дунстана. Рассказывая о деятельности Эльфхеаха на посту архиепископа Кентерберийского, Колльер пишет, что Эльфхеах собирал много поместных соборов, на которых обсуждались церковные и *государственные* дела, в том числе меры, способные остановить продвижение данов. Во время осады Кентерберии знатные люди говорят Эльфхеаху, что его смерть будет потерей для *общества*³⁹. Но сам архиепископ, сознавая, по всей видимости, грешность человеческой природы и невозможность спасения своими силами, говорит: «Бессмертие – столь большая привилегия, что человек должен держаться за нее на любых условиях. И кто же не возлюбит смерть теперь, когда Бог соизволил

---

³⁹ public loss (Collier J. An ecclesiastical of Great Britain. L. 1840. P. 493)

послать нам столь почетный призыв войти в иной мир»⁴⁰. Эльфхеах отвергает мир и жаждет не столько мученичества, сколько смерти, вполне в духе пуританской доктрины. Далее Эльфхеах вспоминает о своих деяниях, которые могут навлечь на него ненависть данов. Если во всех предыдущих версиях истории Эльфхеаха его главной «виной» оказываются или обращение данов в христианство, или защита своей паствы, Колльер особенно подчеркивает тот факт, что Эльфхеах честно и бесстрашно критиковал *нравы* данов. Архиепископ понимает, чем ему это грозит, но таков его долг. Он настаивает на том, чтобы остаться в городе и подчиниться «закону Провиденья»⁴¹. Эльфхеах наставляет жителей Кентербери, приводя им в пример древних мучеников, дает им причастие и поручает их Божественной защите. Пытаясь остановить данов в их зверствах, Эльфхеах заявляет, что нет никакой чести в том, чтобы убивать слабых и беззащитных, и если враги хотят, чтобы их запомнили, они должны убить его, человека, который обращал их соплеменников и порицал их. Фрагмент о требовании выкупа практически повторяет житие Осберна, однако, сообщая о том, что Эльфхеах отказался платить данам, Колльер называет его «заботливым прелатом и патриотом своей страны»⁴². Колльер ничего не говорит о долгом заточении Эльфхеаха; даны, получив первый отказ, пытаются архиепископа, а затем князя, изрубив его секирами, а потом побив камнями.

Трудно избавиться от ощущения, что Колльер «вписывает» в историю Эльфхеаха реалии и внутренние конфликты своего времени, рисуя портрет идеального епископа из числа «неприсягнувших».

В связи с вышесказанным интересно посмотреть, как выглядит житие Эльфхеаха в «католической версии». В 1756-1759 гг. католический священник и агиограф Альбан Батлер

---

⁴⁰ Immortality is so great a privilege, that a man ought to grasp at it upon any terms whatsoever: but now, since God is pleased to give us so honorable a call into the other world, who would not be in love with dying? (Ibidem).

⁴¹ the order of Providence (Collier J. An ecclesiastical of Great Britain. L. 1840. P. 493)

⁴² charitable prelate and a patriot of his country (Ibid. P. 494).

(1710-1773) опубликовал ставшее классическим собрание «Жития древних отцов, мучеников и главных святых», в которое вошло, в числе прочих, житие Эльфхеаха.

У Батлера Эльфхеах, сын богатых родителей, оставляет мир в ранней юности, «боясь ловушек богатства»⁴³. В монастыре Эльфхеах ведет крайне аскетическую жизнь, но «желание большего совершенства все время говорило ему, что он еще не начал жить для Бога»⁴⁴. Назначение на винчестерскую кафедру произошло против его воли, а узнав, что его избрали архиепископом Кентерберийским, Эльфхеах, который «содрогался под прежним бременем, был еще более испуган при мысли о новом, однако вынужден был согласиться»⁴⁵. Интересно, что, описывая деяния Эльфхеаха, Батлер ничего не говорит о том, что тот проповедовал данам и обращал их. Архиепископ заботится только о своей пастве. Тем не менее, Батлер сохраняет эпизод, в котором Эльфхеах исцеляет данов от смертельной болезни, дав им хлеб, который он благословил. Умирая, Эльфхеах говорит данам, что их власть не продержится долго в Англии. По моему мнению, Батлер, так же как и Колльер, рисует портрет образцового священнослужителя, но такого, каким он виделся английскому католику XVIII в. Он не говорит о том, что Эльфхеах обращал данов, поскольку в его время католические священнослужители в Англии были лишены возможности открыто проповедовать свою веру, однако они могли, как они считали, доказывать ее истинность, совершая действительные таинства (ср. эпизод с исцелением). Хотел ли Батлер также и сказать устами Эльфхеаха, что положение католической церкви в Англии в недалеком будущем изменится?

Нельзя не сказать в заключение, что архиепископ Эльфхеах, святой, сменивший за прошедшее тысячелетие

---

⁴³ Fearing the snares of riches (Butler A. The lives of the principal fathers, martyrs and other principal saints. Vol. IV. Edinburgh, 1789. P. 201).

⁴⁴ His desire of greater perfection taught him always to think that he had not yet begun to live to God (Ibidem).

⁴⁵ trembled under his former burden, was much more terrified at the thought of the latter: but was compelled to acquiesce (Ibid. P. 202).

немало «одежд», живет среди нас и по сей день. Джордж Кари, архиепископ Кентерберийский (1991-2002), в своей речи, произнесенной 19 апреля 1991 г., в день памяти святого, заявил, что пример Эльфхеаха учит нас тому, что «Церковь не может стоять в стороне, когда свобода и достоинство человека находятся под угрозой». В предисловии к переводу на английский язык Жития Эльфхеаха переводчица пишет о «печально знакомой нам реалии» захвата заложников. Она указывает на то, что пример Эльфхеаха напоминает нам о тех ценностях, «которые остаются на пороге третьего тысячелетия столь же значимыми, какими они были на пороге второго: нравственная и физическая стойкость перед лицом ужасных страданий, ощущение человеческого братства на уровне всего человечества и обостренное чувство справедливости»⁴⁶ (см. Приложение). Как мне кажется, дальнейшие комментарии излишни.

Приложение

Основные сюжетные элементы средневековых повествований об Эльфхеахе.

«Житие» Осберна	«Южноанглийский легендарий»
Детство. Благородное происхождение. Желание стать монахом.	Благородное происхождение.
Поступление в монастырь Дирсхед. Отшельничество в Бате. Возникновение вокруг Эльфхеаха общины.	Поступление в монастырь. Отшельничество в Бате. Основание монастыря.
Наказание грешного монаха.	
Проблема с выбором епископа Винчестера. <i>Панегирик. Св. Дунстану.</i> Дунстан молится и ему является апостол Андрей,	Вопрос о выборе епископа. Явление апостола Андрея Дунстану. Указание на

⁴⁶ Osbern's life of Alfege / Transl. by. F.Shaw. 1999. P. 23.

который указывает на Эльфхеаха.	Эльфхеаха.
<i>Всеобщая радость по поводу избрания Эльфхеаха.</i>	
Деятельность Эльфхеаха на посту епископа Винчестера. Его достоинства.	
Смерть Дунстана. Он хотел видеть Эльфхеаха своим преемником, это желание исполняется лишь спустя 8 лет.	Избрание Эльфхеаха архиепископом Кентерберийским.
Эльфхеах едет за паллием. Его грабят по дороге в городе, где он остановился на ночлег. После отъезда в городе начинается пожар. Поняв, что это Божья кара, жители догоняют архиепископа, он возвращается и унимает пламя, а они отдают ему вещи.	
<i>Эльфхеаха в Риме с почетом принимает Папа. Эльфхеах чудесным образом узнает о смерти своего преемника на кафедре Кентербери, и сообщает об этом.</i>	
Деятельность Эльфхеаха как архиепископа.	
Пираты Сван и Туркил	Нашествия данов на

<p>приходят в Англию и захватывают себе земли. Король Этельред – «скорее монах, нежели воин». Эльфхеах пытается освободить пленных и проповедовать христианскую веру врагам.</p>	<p>Англию. Слабость и мягкость короля Этельреда. Тяготы, которые выпали на его долю, объясняются тем, что он получил власть в результате убийства, совершенного его матерью.</p>
<p><i>Дьявол замышляет погубить Эльфхеаха.</i></p>	
<p>Эдрик – человек низкого происхождения, но красноречивый и гордый – становится префектом. Конфликт между Эдриком и жителями Кентербери. Эдрик просит помощи у данов, и они вместе осаждают Кентербери.</p>	<p>Дан Киркель посылает своего брата Эдрика, чтобы тот захватил Кентербери. Кентерберийцы убивают Эдрика. Киркель идет мстить.</p>
<p><i>Знать Кентербери просит архиепископа покинуть город, но он отказывается.</i></p>	
<p>Эльфхеах ободряет жителей Кентербери. Он также обращается к данам и просит, чтобы они пощадили мирных жителей.</p>	
<p>Даны поджигают город и жители, оборонявшие стены, убегают, чтобы потушить свои дома. Осаждающие врываются в город, грабят, убивают мирных жителей.</p>	
<p>Эльфхеах, находившийся в окружении монахов, вырывается от них и бежит к данам, предлагая им захватить его, а не неповинных ни в чем людей.</p>	<p>Эльфхеах предлагает свою жизнь взамен жизней мирных жителей. Даны берут его в плен, но убивают всех.</p>

<i>Эльфхеаха проводят по городу в цепях. Даны предлагают всем пленникам заплатить выкуп.</i>	
Эльфхеаха 7 месяцев держат в темнице.	Эльфхеах проводит более полугода в темнице.
Среди данов вспыхивает смертоносная болезнь. Испуганные, они обращаются к Эльфхеаху за помощью. Эльфхеах призывает их к покаянию и исцеляет хлебом, который он благословил.	
Эльфхеаху предлагают выкупить свою жизнь и свободу. Он отказывается. Тогда его подвергают пыткам, <i>требуя, чтобы он уговорил короля заплатить выкуп.</i>	
Искушение дьявола, который предлагает Эльфхеаху бежать. Эльфхеах идет за ним, и тот заводит его в топи.	Искушение дьявола, который предлагает Эльфхеаху бежать. Он заводит Эльфхеаха в топи.
Ангел появляется и возвращает Эльфхеаха назад в темницу.	Ангел появляется и возвращает Эльфхеаха в темницу, сказав ему, что он должен принять мученичество.
Появление св. Дунстана, который обещает Эльфхеаху корону небесной славы. Цепи спадают с архиепископа, его раны исцеляются.	Появление св. Дунстана, который обещает Эльфхеаху корону небесной славы. Цепи спадают с архиепископа, его раны исцеляются.
<i>Стражники, видя чудо, обращаются в христианскую веру.</i>	Народ сбегается к темнице, чтобы посмотреть на это чудо.
Испуганные даны ведут	Даны, испуганные столь

Эльфхеаха на суд и требуют от него золота. В ответ на это Эльфхеах предлагает им «золото божественной мудрости».	великой силой, спешат предать Эльфхеаха смерти.
Разъяренные даны начинают бить Эльфхеаха. Он молится за себя, за своих убийц и за сынов Церкви, которых он препоручает Христу. Они из пиратов добывает Эльфхеаха, ударив его по голове.	Эльфхеаха ведут по городу и люди плачут, видя его страдания. Его побивают камнями, как св. Стефана. Один из данов добывает Эльфхеаха топором.
Тело Эльфхеаха пытаются утопить в реке, но уверовавшие даны не позволяют это сделать. Весло, обрызганное кровью святого, расцветает. Тело Эльфхеаха переносят в Лондон.	Тело Эльфхеаха пытаются утопить в реке. Весло, обрызганное кровью святого, расцветает. Тело Эльфхеаха переносят в Лондон, а потом к Кентерберри.

Литература

- Anglo-Saxon Litanies of the Saints/ Ed. *M.Lapidge*. L., 1991.
- Bennett J.* The Oxford history of Medieval Literature. Vol. 1. Part 1 / Ed. and compl. By D. Gray. Oxford, 1988.
- Butler A.* The lives of the principal fathers, martyrs and other principal saints. Vol. IV. Edinburgh, 1789.
- Collier J.* An ecclesiastical of Great Britain. L. 1840.
- Eadmer. Life of Anselm / Ed. and transl. by *R. Southern*. Oxford, 1972.
- Fox J.* Book of martyrs. Detroit. 1853.
- Godden M.* Apocalypse and Invasion in late Anglo-Saxon England // From Anglo-Saxon to Middle English. Oxford, 1994. P.130-162
- Osbern's life of Alfege / Transl. by *F.Shaw*. 1999.
- Rubenstein J.* Liturgy against history: the competing visions of Lanfranc and Eadmer of Canterbury // *Speculum*. 1999. Vol. 74. P. 279-309.
- Thacker A.* Cults at Canterbury // *St. Dunstan: His life, times and cult*. Woodbridge, 1992.
- The Anglo-Saxon Chronicle: a collaborative edition: MS E/ Ed. by *S. Irvine*. Cambridge, 2004.
- The South English Legendary / Ed. by *C. d'Evelyn*. Oxford, 1956. Vol. 1.

Т.В. Гимон

Пометы в рукописях Новгородской I летописи

Аннотация: В статье анализируются читательские пометы на полях трех рукописей Новгородской I летописи. Автор предлагает свою систематизацию и классификацию помет, связывая их по тематическому признаку, по отношению к работе над текстом и в качестве дополнительной информации.

Ключевые слова: Новгородская летопись, читательские записи, русское летописание, Средние века.

Об авторе: Гимон Тимофей Валентинович, кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119 334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А. guimontv@mail.ru

Timofey V. Gimon

Notes and marks in the manuscripts of the First Novgorodian Chronicle

Abstract: This article analyzes notes and marks made by readers on margins of three manuscripts of the First Novgorodian Chronicle. The author offers their systematization and classification, linking them thematically, in relation to the work on the text, and as additional information.

Keywords: First Novgorodian Chronicle, readers' notes, Russian chronicles, Middle Ages.

About the author: Timofey Valentinovich Gimon, PhD in medieval history, senior researcher of Institute of World History of RAS. 119334, Moscow, Leninskiy prospect, 32-A. guimontv@mail.ru

Читательские пометы на полях любой книги – источник, за которым можно увидеть живого человека, проследить его интересы и реакции. Тем более любопытно посмотреть на такого рода пометы в рукописях древнерусских летописей, которые сами по себе – ценный исторический источник. Проблема, однако, состоит в том, что подобные проявления читательского интереса чаще всего удручающе лаконичны (крестики, надписи «зри», т.е.

«смотри», застывшие капельки воска и т.п.)¹, а также с трудом поддаются датировке. По крайней мере, так обстоит дело с рукописями Новгородской I летописи, о которых пойдет речь в этой статье.

Новгородской I летописью (далее: Н1) называют группу близкородственных рукописей, отражающих летописание Великого Новгорода XI–XV вв. В этой статье пойдет речь о трех важнейших списках Н1 – Синодальном (Син.), Комиссионном (Ком.) и Академическом (Акад.). Син. написан в XIII–XIV вв., а Ком. и Акад. – в середине XV в. Ком. и Акад. очень близки друг к другу как по содержанию, так и по оформлению, представляют собой копии, сделанные примерно в одно время с одного протографа. Их общее название – Новгородская I летопись младшего извода (далее: Н1мл.). Син. – пергаменная рукопись, а Ком. и Акад. – бумажные. Все три кодекса имеют небольшой формат (в четверку).

На полях всех трех этих рукописей имеется некоторое количество читательских помет. Они до сих пор мало привлекали к себе внимание исследователей, хотя к отдельным пометам и их группам ученые обращались. Так, об одном из крестов в Син. писал В.Л. Янин, а о пометах «зри» и «смотри» в Акад. – целый ряд ученых, изучавших Русскую Правду. Об этих исследованиях будет сказано подробнее в связи с соответствующими рукописями. Кроме того, многие из помет (хотя далеко не все) отмечены А.Н. Насоновым в археографических примечаниях к лучшему на сегодняшний день изданию Н1².

I. Синодальный список

---

¹ О такого рода пометах см., например: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 37.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт. переизд.: Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. М., 2000. Т. 3; далее ссылки на это издание).

Син. (ГИМ. Син. 786)³ – древнейшая дошедшая до нас русская летопись. Эта рукопись была создана в XIII в., вероятно, около 1234 г., а затем продолжена новыми тетрадами около 1330 г. Наконец, в 1330–1350-х годах к рукописи было приплетено три листа, на которых были сделаны записи о некоторых событиях этих лет. В целом, Син. содержит погодные статьи за 1016–1352 гг. Местом создания рукописи был новгородский Юрьев монастырь.

На полях Син. имеются многочисленные кресты и крестики⁴. До сих пор, насколько я знаю, никто не предпринимал попыток выяснить их значение. Единственным исключением является наблюдение В.Л. Янина. На л. 115 об. в левом верхнем углу нарисованы три киноварных креста. В этом же месте в Син. – значительный пропуск текста гаплографического происхождения (выявляемый при сопоставлении с Н1мл.). По мнению Янина, кресты на л. 115 об. означают, «что в составе Синодального списка имелся несохранившийся теперь отдельный лист с восстанавливающей правильность текста вставкой»⁵.

Предложенная В.Л. Яниным интерпретация крестов на л. 115 об. не вызывает возражений, но все остальные кресты и крестики Син. такого рода объяснению не поддаются. Следовательно, большая часть крестов Син. – это чьи-то пометы, относящиеся к *содержанию* текста.

---

³ Факсимильное издание Син. см.: Новгородская харатейная летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964. О Син. см.: *Гиттиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72; *Гимон Т.В., Гиттиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Там же. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47; *Гимон Т.В.* Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Нормы у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 53–60.

⁴ Почти все кресты располагаются на внешнем поле (правом для лицевой стороны листа и левом для оборотной). Два исключения – киноварные крестики на л. 80 (на верхнем поле) и 82 об. (между строк).

⁵ *Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники, 1980. М., 1981. С. 178.

Кресты в рукописи Син. можно объединить в три группы: 1) киноварные; 2) темночернильные; 3) светлочернильные. Разумеется, нет никакой гарантии, что в рамках каждой из этих групп все кресты нарисованы одним человеком. Но, за неимением возможности точно атрибутировать (равно как и датировать) каждый крестик, попробуем рассмотреть их по названным группам.

1. Киноварные кресты. Кроме упомянутых трех киноварных крестов на л. 115 об. (убедительно интерпретированных Яниным), это еще кресты на л. 80, 82 об., 86 об. и 108. Посмотрим, что за участки текста отмечены в Син. киноварными крестами:

- л. 80 – победа Мстислава Мстиславича и новгородцев над вышегородцами и киевлянами (слова «отвориша врата», статья 1214 г.);
- л. 82 об. – требования Мстислава Мстиславича и новгородцев к Ярославу Всеволодичу (1215 г.);
- л. 86 об. – победа Мстислава Мстиславича и новгородцев над Ярославом Всеволодовичем (слова «поима дары», 1216 г.);
- л. 108 – подтверждение Михаилом Черниговским новгородских свобод (слова «како уставили переднии князи», 1229 г.).

Нетрудно заметить, что во всех четырех случаях речь идет о моральном торжестве новгородцев, подтверждении их военной силы и прав. Исходя из того, что все киноварные кресты находятся в первой части Син. (л. 1–118 об.), их можно условно датировать временем между 1234 и 1330 гг., хотя, конечно, проверить это не представляется возможным.

2. Темночернильные кресты. К ним относятся кресты на л. 69, 130, 132 об., 136 об., 152 об., 153, 156, 163 об.:

- л. 69 – неудачная попытка греков поджечь флот крестоносцев с помощью греческого огня (1204 г.);
- л. 130 – смерть и похороны Вячеслава Прокшинича (1243 г.);

- л. 132 об. – победа новгородцев с князем Василием Александровичем над Литвой (1253 г.);
- л. 136 об. – смена посадника и тысяцкого (1257 г.);
- л. 152 об. – строительство церквей: св. Димитрия «на Бояни улкѣ», св. Бориса и Глеба на Подоле (1300 г.);
- л. 153 – взятие новгородцами Ландскроны (1301 г.);
- л. 156 – победоносный поход новгородцев с князем Дмитрием Романовичем в землю еми (1311 г.);
- л. 163 об. – избрание архиепископом Моисея, бывшего юрьевского архимандрита (1324 г.).

Четыре из восьми перечисленных крестов (на л. 69, 132 об., 153, 156) отмечают «батальные сцены». Крест на л. 152 об., похоже, связан с крестом на л. 153. В рассказе о взятии Ландскроны (л. 153) говорится, что это произошло «силою святыя Софья и помощью святою Бориса и Глеба» – на следующий год после постройки церкви в честь этих святых. Вероятно, именно эту связь отметил крестами древний читатель. Закономерности в распределении остальных трех темночернильных крестов обнаружить не удается⁶. Отмечу только, что крест на л. 163 об. отмечает известие, связанное с Юрьевым монастырем – родиной Син.

3. Светлочернильные кресты. Это кресты на л. 100 об., 101, 103 об., 106 об., 107, 121 об.:

- л. 100 об. – требование Юрия Всеволодовича выдать ему группу новгородцев, перечень их имен (1224 г.);
- л. 101 – вред, причиненный Юрием Новгородской земле, взятая им дань («много имъ пакостивъ, възя у нихъ 7000 новую», 1224 г.);
- л. 103 об. – победа новгородцев над емью, вторгшейся в Ладожское озеро (1228 г.);
- л. 106 об. – волнения в Новгороде, разграблены дворы тысяцкого Вячеслава и других новгородцев (1228 г.);

---

⁶ Крест на л. 130 может быть исправлением, как это считал А.Н. Насонов (ПСРЛ. Т. 3. С. 79, примеч. 1), хотя не вполне понятно, что и с какой целью могло быть в этом месте зачеркнуто *другими чернилами*.

- л. 107 – разрушение Великого моста в результате ледохода на Волхове (1228 г.);
- л. 121 об. – нашествие Батые на Рязань («Но уже бже Божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Иусу Наугину Богомь; егда веде я на землю обетованую, тогда рече: азъ послю на ня преже вась недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть. Также и преже сихъ отъя Господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грехы наша», 1238 г.).

Во всех случаях светлочернильные кресты нарисованы напротив известий, рассказывающих о каких-либо бедствиях, постигших Новгородскую (шире – Русскую) землю⁷. Настроения создателя светлочернильных крестов (если, конечно, это был один человек) можно условно охарактеризовать как «апокалиптические».

II. Комиссионный список

Ком. (СПБИИ. Ф. 11. № 240), как уже говорилось, это бумажная рукопись середины XV в. Она охватывает события 854–1446 гг. Часть текста, написанная основным писцом, доведена до 1439 г. и, вероятно, датируется началом 1440-х годов; статьи 1440–1446 гг. (на л. 257–264) являются добавлением, сделанным другим почерком и другими чернилами. Кроме летописного текста в этой рукописи читается коллекция перечней (князей, епископов, посадников и т.д., л. 7–24 об.) и собрание юридических памятников (л. 265–305 об.). Эти материалы, как бы обрамляющие летописный текст, написаны по бóльшей части тем же почерком, что и добавления за 1440-е годы на л. 257–264⁸. По гипотезе А.Г. Боброва, Ком. был создан в Спасо-Хутынском монастыре под Новгородом⁹. Из трех

---

⁷ Исключение – крест на л. 103 об., но само по себе нашествие еми можно также рассматривать как бедствие.

⁸ Описания Ком. см.: ПСРЛ. Т. 3. С. VI, 7–9; *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 68–74.

⁹ Там же. С. 70–73.

рассматриваемых в этой статье рукописей Ком., пожалуй, содержит наибольшее число читательских помет.

Я не буду рассматривать здесь самый поздний слой помет – записи XVIII в. с перекрестными отсылками к другим страницам рукописи, переводом дат на летосчисление от Рождества Христова и т.д.¹⁰ Также не я не буду специально заострять внимание на двух поздних владельческих скрепах, растянувшихся по нижнему полю на многие листы рукописи и опубликованных А.Н. Насоновым: 1) «Сия летопись древняя новгородская российская история от книг арзамасской градской церкви священника Василья Ильина собственная своя домовая» (как отмечает Насонов, со слова «Арзамасской» «запись соскоблена и едва заметна»); 2) «Сия книга, глаголемая лѣтописецъ, Прокофья Ивановича Враскаго». Первую запись Насонов датирует XVIII веком, вторую – временем, «более ранним», чем первая запись¹¹. Также я не рассматриваю несколько явно поздних карандашных крестов. Остаются следующие группы помет.

1. Маленькие чернильные крестики. На всем протяжении Ком. встречаются небольшие крестики, нарисованные чернилами на полях, очень близко к основному тексту. Кажется вероятным, что крестики принадлежат основному писцу Ком. Во-первых, цвет чернил этих крестиков, как правило, очень похож на цвет чернил основного текста (но утверждать это всякий раз точно не представляется возможным). Во вторых, на каждой странице Ком. на внешнем поле около некоторых строк имеются небольшие галочки. Эти галочки не создают строгого ритма (скажем, через каждые пять строк), но присутствуют регулярно, по несколько на странице. Крестики же написаны как бы вместо (или поверх?) этих галочек, отмечая, видимо, те места в тексте, которые казались писцу наиболее

---

¹⁰ Они сделаны одним почерком, водянистыми чернилами и с размытой линией (л. 9 об., 12, 13, 13 об., 16, 48, 49, 60, 68 об., 69, 71, 71, 152, 153, 154, 161, 161 об., 172 об., 189, 243 об., 251 об., 255, 257, 257 об., 258 об., 260, 261, 264).

¹¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 8. Первая запись находится на л. 7–19, вторая повторена в рукописи трижды.

любопытными¹². Посмотрим, что за события отмечены крестиками:

- л. 33 – месть Ольги древлянам (эпизод с баней, 945 г.);
- л. 37 – битва Святослава с хазарами (начало статьи 965 г.);
- л. 44 об. – установление идола Перуна (980 г.);
- л. 45 – сравнение Владимира с Соломоном (напротив слов «моудръ же бѣ, а на конѣць погыбе», 980 г.);
- л. 47 – прибытие к Владимиру послов-мусульман (986 г.);
- л. 48 – прибытие к Владимиру грека-философа (986 г.);
- л. 59 об. – грек-философ показал Владимиру изображение Страшного суда («и се рекъ, показа емоу запоноу», 986 г.);
- л. 65 – Петр Гугнивый «разврати вѣроу» (988 г.);
- л. 80 – Русская Правда (напротив слов «а въ бородѣ 12 грѣвнѣ», 1016 г.);
- л. 96 – рассказ о смерти Феодосия Печерского (напротив молитвы «Господи, Исусе Христе, сыне Божии, помилуй нас, аминь», 1074 г.);
- л. 120 – жеребьи при выборах архиепископа (1193 г.);
- л. 143 – приход татар (начало рассказа о битве на Калке, 1224 г.);
- л. 145 об. – жестокая казнь татарами русских князей, плененных на Калке (1224 г.);
- л. 203 – поездка Василия Калики к Ивану Калите с мольбой о мире (напротив слов «и давали ему 5 сот рублевъ, а свобод бы ся отступиль по по хрестьному целованию», 1333 г.);
- л. 227 об. – приезд епископа Дионисия Суздальского из Царьграда (1382 г., затем он поехал во Псков, в связи с чем летописец пишет о «правовѣрнии вѣрѣ истиннии крестиянѣсти»);

---

¹² А может быть, галочки и крестики принадлежат не писцу Ком., но другому писцу, копировавшему Ком. и так размечавшему свой протограф?

- л. 229 – мир Новгорода с Дмитрием Донским (напротив слов «взя князь великийи у Новаграда у Новаграда 8000 рублев», 1386 г.);
- л. 237 об. – поход новгородцев на земли великого князя (напротив слов «взяша с головъ окупа 300 рублевъ», 1398 г.);
- л. 244 об. – денежная реформа в Новгороде («Того же лѣта начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги нѣмечкыми, а куны отложиша», 1410 г.);
- л. 256 об. – приезд Исидора из Царьграда на митрополию (1437 г.);
- л. 257 – обретение мощей архиепископа Иоанна (напротив слов «при коемъ былѣ суздальцѣ под Новымъгородом», 1439 г.).

Круг интересов человека, расставившего эти крестики (самого писца Ком.?), отчасти может быть реконструирован. Во-первых, его интересовали вопросы вероучения (л. 44 об., 45, 47, 48, 59 об., 65, 96, 227 об., 256¹³ и, возможно, 120). Во-вторых, «автор» крестиков интересовался денежными вопросами и, особенно, суммами контрибуций (л. 203, 229, 237 об., 244 об.; возможно, сюда же относится крест на л. 80, на полях Русской Правды). В-третьих, дважды отмечены описания очень жестоких казней: Ольгой древлянских послов (л. 33) и татарами русских князей (л. 145 об.).

Вне этих тематических рядов оказываются кресты на л. 37, 143 и 257. Если актуальность для Новгорода XV в. победы Святослава над хазарами (л. 37) еще может быть поставлена под сомнение, то интерес летописца XV в. к первому приходу татар на Русь (л. 143) и к обретению мощей архиепископа Ильи-Иоанна (л. 257) удивления не вызывает. В последнем случае, вероятно, чернильный крестик обращает наше внимание не только на сам факт обретения мощей, но и на память о том, что при Иоанне новгородцы

---

¹³ Исидор был участником Флорентийской унии, полемика вокруг которой была актуальным сюжетом в середине XV в., в эпоху создания Ком. (*Бобров А.Г.* Новгородские летописи... С. 194–217).

победили суздальцев (как известно, при помощи Богородицы – чудо от Знаменской иконы 1170 г.) – противостояние, актуальное в середине XV в.

Довольно много схожих крестиков имеется на полях юридических памятников, написанных на л. 265–305 об. другим почерком, однако нет возможности судить о том, принадлежат ли эти крестики тому же человеку или, может быть, нарисованы писцом «юридической» части рукописи¹⁴.

2. Пометы «зри», использующие букву «зело». Таких помет всего две (в отличие от более многочисленных надписей «зри» с буквой «земля»):

л. 117 об. – визит в Новгород «цесаря греческого» Алексы Мануиловича (1186 г.);

л. 161 – войско Батия повернуло назад, не дойдя 100 верст до Новгорода, по заступничеству св. Софии и св. Кирилла и Афанасия (1238 г.).

Первая из этих помет, по мнению А.Н. Насонова, написана «теми же чернилами и тем же почерком», что и основной текст летописи¹⁵, т.е. опять же принадлежит основному писцу Ком. Вторая, по мнению исследователя, сделана «тем же почерком»¹⁶, т.е. принадлежит тому же писцу Ком. Чернила второй пометы отличаются и от чернил основного текста, и от чернил пометы на л. 117 об. Следовательно, если помета принадлежит писцу Ком., он сделал ее позже, чем написал соответствующую часть текста. Обе пометы отмечают события, знаменательность которых для Новгорода очевидна.

3. Пометы «зри» с буквой «земля», часто в сочетании с косыми крестами. Одна из наиболее многочисленных групп помет в Ком. – это слово «зри», написанное на полях тонким (кроме двух случаев) пером и сероватыми чернилами. Как правило, хотя не всегда, пометы «зри» следуют в паре с

---

¹⁴ На л. 265–305 об. встречаются также красные кресты, каковых в летописной части рукописи нет.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 228, примеч. В.

¹⁶ Там же. С. 289, примеч. А.

косыми крестиками, нарисованными теми же пером и чернилами несколько ниже. Чаще всего слово «зри» отмечает начало какого-либо летописного рассказа, заинтересовавшего читателя, а косой крест – его окончание. Иногда таким образом обрамляется не одно известие, а два или три. Вот список сообщений, выделенных таким образом:

- л. 101 – солнечное затмение (1124 г.), буря в Новгороде (1125 г.) («зри» и косой крест)¹⁷;
- л. 101 об. – голод в Новгороде (1128 г., «зри» и косой крест);
- л. 102 – солнечное затмение (1131 г.; только «зри»);
- л. 105 об. – солнечное затмение (1140 г.; «зри» и косой крест);
- л. 105 об. – ложные солнца (1141 г.; «зри» и косой крест);
- л. 110 – эпидемия среди людей и коней (1158 г.; «зри» и косой крест);
- л. 110 об. – засуха (1161 г.; только «зри»);
- л. 116 об.–117 – конфликт новгородцев с Всеволодом Большое Гнездо, обернувшийся осадой Торжка и голодом в этом городе (1181 г.; «зри» на л. 116 об. и косой крест на л. 117)¹⁸;
- л. 117 об. – солнечное затмение (1185 г.; только «зри»);
- л. 135 об. – голод в Новгороде (1215 г.; «зри» и косой крест);
- л. 152 – солнечное затмение (1230 г.; «зри» и косой крест);
- л. 152 об.–153 – поучение и рассказ о голоде в Новгороде (1230 г.; «зри» на л. 152 об. и косой крест на л. 153);
- л. 154–154 об. – голод в Новгороде (второй рассказ о голоде в той же статье 1230 г.; «зри» на л. 154 и косой крест на л. 154 об.);
- л. 158 об. – солнечное затмение и битва при Шяуляе (1237 г.; «зри» и косой крест);

---

¹⁷ Помета «зри» – напротив начала известия о знамени, косой крест – напротив окончания известия о буре.

¹⁸ Помета «зри» отличается от прочих более толстой линией, однако выполнена как будто тем же почерком, что и остальные, и так же сопровождается косым крестом.

- л. 172 об. – непогода, погубившая урожай (1251 г.; «зри» и косой крест);
- л. 185 – солнечное затмение (1271 г.; «зри» и косой крест);
- л. 198 – солнечное затмение (1321 г.; «зри» и косой крест);
- л. 216–216 об. – эпидемия чумы в Новгороде (1352 г.; «зри» на л. 216 и косой крест на л. 216 об.);
- л. 219 об. – два знамения и пожар в Корельском городе (1360 г.; «зри» и косой крест);
- л. 223 – знамение в солнце (1375 г.; только «зри») ¹⁹;
- л. 227–227 об. – нашествие Тохтамыша на Москву и поучение (1382 г.; «зри» на л. 227 и косой крест на л. 227 об.);
- л. 228 об. – «помрачение» на несколько дней (1384 г.; «зри» и косой крест);
- л. 228 об. – знамение в солнце (1385 г.; «зри» и косой крест);
- л. 231 – эпидемия в Новгороде (1390 г.; «зри» и косой крест).

Круг интересов «автора» помет «зри» и косых крестов очевиден: он отмечал сообщения о знамениях и бедствиях. В числе последних оказались два военных события – осада Всеволодом Большое Гнездо Торжка и взятие Москвы Тохтамышем. Иногда помета «зри» и косой крест обрамляют не одно, а два или три известия – очевидно, о событиях, по мнению этого читателя летописи, взаимосвязанных. Так, на л. 158 об. слово «зри» отмечает начало известия о солнечном затмении, а косой крест – окончание следующего сообщения о битве при Шяуляе, в которой литовцы «грѣх ради наших» нанесли поражение объединенному войску Ордена меченосцев, чуди и псковичей.

4. Восковые отметки. Небольшие кружочки темного воска диаметром 1–2 мм имеются на полях Ком. напротив следующих сообщений:

---

¹⁹ Помета «зри» отличается от прочих более толстой линией, однако выполнена как будто тем же почерком, что и остальные.

- л. 104 – архиепископ Нифонт отказался венчать князя Святослава Ольговича (1136 г.);
- л. 109 – вокняжение Юрия Долгорукого в Киеве (1155 г.);
- л. 110 – смерть Юрия Долгорукого (1157 г.);
- л. 114 об. – вокняжение Михалка Юрьевича во Владимире (1175 г.);
- л. 160 – гибель епископа, княгини и других в Успенском соборе Владимира во время монголо-татарской осады (напротив слов «предавше своя душа Господеву», 1238 г.);
- л. 197 – поход новгородцев в Финляндию (1318 г.);
- л. 197 об. – совместный поход московского князя Юрия Даниловича, татар и новгородцев против Михаила Тверского (напротив слов «и приславъ Телебугу, и позва новгородцовъ»; 1318 г.);
- л. 197 об. – убийство в Орде Михаила Тверского (1319 г.);
- л. 198 об. – нашествие Ахмыла на Низовскую землю (1322 г.);
- л. 198 об. – основание Орешка (1223 г.);
- л. 199 об. – убийство Юрия Даниловича Дмитрием Михайловичем Тверским в Орде (1325 г.);
- л. 199 об. – убийство ханом в Орде Дмитрия Тверского (1326 г.);
- л. 199 об. – смерть митрополита Петра (1326 г.);
- л. 200 об. – прибытие в Новгород митрополита Феогноста, проклятие им псковичей (1329 г.);
- л. 201 об. – рукоположение Василия Калики в новгородские архиепископы (напротив слов «а постави его Феогнасть митрополит», 1331 г.);
- л. 202 об. – отъезд Ивана Калиты в Орду (1331 г.);
- л. 203 – строительство Василием Каликой каменных стен Новгорода (1333 г.);
- л. 206 – в Орду отправились Александр Михайлович Тверской с сыном Федором (1339 г.);
- л. 207 – Александр и его сын Федор убиты в Орде (1339 г.);
- л. 208 об. – поход Симеона Гордого на Торжок (1340 г.);

- л. 210 об. – поездка Симеона Гордого в Орду «к поганому Зянибѣку» (1342 г.);
- л. 216 – две восковых отметки обрамляют сообщение о смерти архиепископа Василия Калики (1352 г.);
- л. 217 – приход на Русь митрополита Алексия (1355 г.);
- л. 219 – поставление новгородского архиепископа Алексия (напротив слов «пресвященнымъ митрополитомъ Олексиемъ»), 1360 г.);
- л. 253 – жребий в пользу Омельяна (Евфимия I) как архиепископа Новгородского (6932 г.);
- л. 258 – возвращение митрополита Исидора из Рима после Флорентийского собора (6949 г.).

Датировать эти отметки, разумеется, не представляется возможным. Что касается круга событий, отмеченных таким образом, то это, если говорить в общем, политическая и церковная история. Правда, политической и церковной истории касается, пожалуй, большинство сообщений Ком., так что надо попытаться понять, почему отмечены были именно эти.

Прежде всего, видно, что большинство восковых отметок (20 из 27) концентрируется на сравнительно небольшом участке текста – на л. 197–219, содержащих описание событий 1310–1350-х годов. Еще четыре отметки относятся к тексту за XII в., одна – к тексту за XIII в. и две – к тексту за XV в.

Большинство капелек воска в части за XIV в. отмечает перипетии взаимоотношений московских и тверских князей, Орды и Новгорода, а также события, связанные с церковными иерархами – русскими митрополитами и новгородскими епископами. Особняком стоят два известия о строительных предприятиях – об основании Орешка (будущего Шлиссельбурга, л. 198 об.) и о строительстве городских укреплений в Новгороде (л. 203). (Любопытно, что история Орешка вызвала интерес и у одного из читателей другой рукописи – Акад., см. ниже). Можно также отметить особенный интерес «автора» восковых кружочков к личности архиепископа Василия Калики: связанные с ним события отмечены воском на

л. 201 об., 203 и 216, причем на последнем видим сразу две восковых отметки, обрамляющих сообщение о смерти Василия.

Что касается восковых отметок напротив текста за XII–XIII и XV вв., то они касаются князей суздальского дома (т.е. предков московских князей – на л. 109, 110 и 114 об.; в какой-то степени сюда относится и крест напротив описания трагедии Владимира 1238 г.) и трех событий, связанных с историей церкви (запрещение архиепископом Нифонтом венчать князя Святослава Ольговича, л. 104; избрание архиепископом Евфимия I, л. 253; возвращение митрополита Исидора в Москву из Рима, л. 258). В первом случае читателя, вероятно, привлекло проявление архиепископом независимой позиции по отношению к князю, а третий – касался Флорентийского собора (именно оттуда вернулся Исидор), о котором уже упоминалось в связи с чернильными крестиками.

5. Пометы на полях отдельных рассказов. В эту группу я условно объединяю пометы, не образующие больших рядов, но отмечающие интерес к каким-то конкретным известиями или рассказам летописи.

На полях рассказа о выборе вер Владимиром (статья 986 г.) коричневыми чернилами нарисованы три горизонтальные черты:

- л. 48 об. – напротив рассказа о мусульманских обрядах;
- л. 55 об. – напротив слов «именуемо в устех иудейских» (в Речи философа);
- л. 56 об. – напротив слов «также Богу возлюбившу новыи люд» (в Речи философа).

Другими, черными чернилами нарисовано шесть горизонтальных черт на л. 85–86, на полях статьи 1065 г., рассказывающей о различных знамениях. Первая черта находится на л. 85, напротив слов «многыи нашествие поганых на Рускую землю», а последняя – на л. 86, за три строки до окончания статьи 1065 г. Последняя черта сопровождается еще маленьким черным косым крестиком.

Чуть раньше, на л. 85, напротив сообщений о том, как Ростислав во второй раз выгнал Глеба из Тмутаракани, а Всеслав Полоцкий «поча рать копити» (начало статьи 1065 г.), черными чернилами нарисован большой крест. Надо отметить, что начавший «копить рать» Всеслав вскоре напал на Новгород, а по версии некоторых летописных сводов – прежде и на Псков, причем эти события в XV в. были важной точкой исторической памяти как в Новгороде, так и в Пскове²⁰.

На л. 143 об.–145 об., на полях повести о битве на Калке (статья 1224 г.) имеется девять знаков в виде большой запятой (или полуокружности, открытой влево). Выше я уже отмечал интерес к битве на Калке – первому столкновению Руси с монголами – «автора» маленьких чернильных крестиков. Аналогичный интерес увидим и в Акад.

На л. 160 об. черный крест средних размеров, нарисованный довольно толстым пером, отмечает список погибших при взятии войском Батые Торжка (1238 г.).

Рассмотрев эти разрозненные пометы, мы снова видим уже знакомый нам интерес к вопросам веры, знаменам и татарским нашествиям.

6. Приписки, дополняющие летописный текст. На л. 189 об., напротив слов «положиша всю землю пусту» (в сообщении о Дюденевой рати 1293 г.), написано другим почерком и сероватыми чернилами: «11 [или 14?] градусов»²¹. Это явно не вставка в ходе сверки рукописи (в Акад., восходящем к тому же протографу, этих слов нет), но более поздняя помета. В других летописях (в том числе в памятниках Новгородско-Софийской группы, которые имели хождение в Новгороде) говорится о том, что «татарове взяша Володимерь, Переяславль, Москву, Волокъ и всѣхъ градусовъ

---

²⁰ См.: *Гимон Т.В.* Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. тр. междунар. науч. конф., 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 13–33.

²¹ Чтение «11» («ia») кажется предпочтительным. А.Н. Насонов (ПСРЛ. Т. 3. С. 327, примеч. А), однако, читает это место как «14» («id»), что лучше соответствует информации других летописей.

14»²². Перед нами редкий случай того, что какой-то читатель не просто отметил свой интерес к событию, но и дополнил информацию о нем на основании либо другой летописи, либо устной традиции.

На л. 264, последнем листе, занимаемом в Ком. летописным текстом (доведен до 1446 г.), на нижнем поле другими чернилами и почерком приписано: «В лѣт(о) 6984 тма была в заговѣне в...»²³ (т.е. «в 1476 г. тма была накануне поста»). Далее неразборчиво, вся запись полустерта. Речь идет о солнечном затмении 25 февраля 1476 г., о котором сообщает и ряд других летописей²⁴. Это уже летописное известие, пусть и незаконченное, своего рода попытка продолжить летопись сообщением о новом событии. Скорее всего, запись была сделана тогда же, около 1476 г.

Рассмотренные две приписки позволяют в какой-то мере говорить о Ком. как о «живой летописи»²⁵. Вначале в ней были написаны статьи до 1439 г. включительно, затем добавлены статьи за 1440–1446 гг., затем – перечни и юридические тексты, а позднее были сделаны два дополнения к летописи: уточнение числа разоренных городов на полях статьи 1293 г. и сообщение о затмении 1476 г.

III. Академический список

Акад. (БАН. 17.8.36) – это, если так можно выразиться, брат-близнец Ком. Он тоже написан в середине XV в., имеет практически такие же, как в Ком., формат и оформление. Ком. и Акад. – копии одного протографа, причем писцы этих двух списков вносили в копируемый

---

²² Цит. по Новгородской Карамзинской летописи (ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 121). То же см.: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 572; М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 248; М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 362; и др.

²³ Запись была опубликована А.Н. Насоновым (ПСРЛ. Т. 3. С. 427, примеч. А).

²⁴ См.: *Святский Д.О.* Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007. С. 65–66.

²⁵ О выражении «живая летопись» («living chronicle»): *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2011. С. 92 и др. (в печати).

текст схожие изменения²⁶. Рукопись Акад. содержит только летописный текст и охватывает в настоящее время события 945–1441 гг. В рукописи, однако, утрачены многие листы (как в начале и конце, так и в середине). Судя по сделанным в XVIII в. копиям, Акад. некогда охватывал 854–1443 гг., а судя по филиграням – был написан в середине 1440-х годов. Акад. создан двумя писцами; смена писцов приходится на л. 60 об.²⁷

Говоря о пометах в Акад., следует учитывать плохую сохранность кодекса. В нем не только утрачены многие листы, но зачастую – особенно в начале рукописи – страницы сильно обтрепались с краев и имеют бумажные подклейки, так что какие-то читательские пометы могли просто не дойти до нашего времени. Будем, однако, работать с тем, что доступно.

Опять же я не буду останавливаться подробно на тех пометах, которые заведомо относятся к Новому времени. Так, рукой XIX в., чернилами и очень тонким пером, напротив каждой погодной статьи приписан ее номер от Рождества Христова арабскими цифрами. Ряд пометок XVIII–XIX вв. (рукой А.И. Богданова, А.-Л. Шлёцера, С.Я. Румовского, Н.М. Карамзина и др.) описаны и частично воспроизведены А.Н. Насоновым²⁸. Обратимся к более древним (точнее: вероятно, более древним) пометам.

---

²⁶ См.: *Гимон Т.В.* Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Различия между списками Новгородской 1 летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 122–125.

²⁷ См. описания Акад.: ПСРЛ. Т. 3. С. VI, 69–10; *Бобров А.Г.* Новгородские летописи... С. 74–75.

²⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 9–10. Самую большую группу помет, относящихся к Новому времени, составляют буквы «N» и отчеркивания (сделанные явно одной рукой), отмечающие самые разные события, значительную долю среди которых составляют знамения, природные явления, пожары и осады городов, хотя есть и другие события (на л. 56 об.–57 об., 67 об., 73, 75 об., 80 об., 109 об., 111 об., 143, 143 об., 155, 164, 166, 169 об., 180 об., 181 об., 183 об., 200, 201 об., 205, 207 об., 213 об., 220, 225, 227 об., 228 об., 231 об., 238). Три пометы из этой серии (на л. 173, 173 об., 175) отмечают упоминания Федора Ржевского, а еще три – события, связанные с деньгами (денежные реформы в Новгороде, 1420 г., во Пскове, 1424 г. и выплату дани в 1328 г. – л. 234 об., 236 об., 237). Ср. интересы некоторых «авторов» помет Ком.

1. Пометы «зри» и «смотри». Всего на полях Акад. имеется 10 помет «зри» (девять чернильных и одна киноварная), а также одна киноварная помета «смотри». Вот их перечень:

- л. 36 об. – напротив начала списка русских митрополитов в статье 989 г.;
- л. 42 об. – напротив заголовка «О оубъении Бориса и Глѣба» в статье 1015 г.;
- л. 49 – напротив начала Правды Ярослава в статье 1016 г.;
- л. 50 об. – напротив начала Правды Ярославичей в той же статье 1016 г.;
- л. 53 – киноварная помета: «смотри» (буквы «три» написаны над строкой, причем «тр» представляют собой лигатуру) напротив известия о закладке Новгорода (1044 г.);
- л. 54 об. – киноварное «зри» напротив заголовка «Начало княжения Изаславля²⁹ въ Киевѣ»;
- л. 111 – напротив начала сообщения о строительстве церкви Сорока Святых (1211 г.) была написана чернильная буква «з», а потом стерта; вероятно, кто-то собирался написать «зри»;
- л. 202 – напротив известия о нападении Михаила Тверского на Торжок (1372 г.); буквы в помете «зри» расположены вертикально, одна под другой, под буквой «и» как будто написано более мелкими буквами «зро» (или «зри?»);
- л. 224 об. – напротив начала рассказа о нашествии Едигея (1408 г.) написано «зр»;
- л. 226 – «зри» напротив начала статьи 1411 г., нападение шведов;
- л. 230 об. – «зри» напротив начала известия о море в статье 1417 г.

Прежде всего надо отметить, что обе *киноварные* пометы, «зри» и «смотри», находятся по соседству друг от друга (на л. 53 и 54 об.). До и после видим чернильные

---

²⁹ Так в рукописи.

пометы. Скорее всего, временный переход на киноварь не означает смены «автора» или длительного перерыва в написании этих помет.

Во-вторых, мы видим большой перерыв в пометах «зри» – между л. 54 об. и 202, внутри которого находим лишь затертую букву «з» на л. 111, которая, возможно, была недописанной пометой «зри». С чем может быть связан этот перерыв? Напомню, что на л. 60 об. в Акад. меняется почерк; со сменой почерка надолго прекращаются и пометы «зри». Такая взаимосвязь возможна только в том случае, если пометы на л. 36 об.–54 об. принадлежат писцу Акад., и, судя по всему, это действительно так. По крайней мере, А.Н. Насонов в примечаниях к своему изданию указывает, что пометы «зри» на л. 36 об., 42 об., 49 и 50 об. написаны тем же почерком и теми же чернилами, что и основной текст³⁰, а на л. 54 об. – «киноварью тем же почерком»³¹.

Пометы «зри» в этой части Акад. – в отличие от почти всех остальных рассматриваемых в этой статье помет – неоднократно привлекали к себе внимание ученых. Дело в том, что два из этих «зри» находятся на полях Краткой редакции Русской Правды, двумя единственными списками которой являются Ком. и Акад. (в статье 1016 г.).

По мнению М.Н. Тихомирова (он писал только о двух «зри» на полях Русской Правды, л. 49 и 50 об.), «эти пометки обращали внимание переписчика на необходимость сверки текста Правды с другим оригиналом». Тихомиров связывал их с исправлениями, имеющимися в тексте Русской Правды в Акад.³²

Наоборот, В.П. Любимов (говоривший уже обо всех шести пометах «зри» и «смотри» на л. 36 об.–54 об.) предположил, что они указывают на определенный источник, из которого создателем протографа Акад. были взяты отмеченные таким образом материалы. Ученый считал

---

³⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 163 (примеч. 31), 169 (примеч. 48), 176 (примеч. 5), 177 (примеч. 55).

³¹ Там же. С. 182 (примеч. 46).

³² *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 43.

таким источником Начальный свод конца XI в.³³ А.А. Зимин согласился с тем, что пометы «зри» и «смотри» были взяты писцом Акад. из протографа, в котором они отмечали заимствования из конкретного источника, но считал этот источник сводом 30-х годов XII в.³⁴

Очень интересное наблюдение сделали в совместной публикации А.А. Зимин и А.Н. Насонов, писавшие о необходимости «расследовать вопрос о пометах “зри”, читающихся на полях Акад.». Ученые обратили внимание на соотношение между Акад. (и Ком.) и Троицким списком Н1 XVI в. (далее: Троиц.). Этот последний обрывается на статье 1015 г., т.е. на общий текст Акад.–Ком.–Троиц. приходится только две пометы «зри» (на л. 36 об. и 42 об.). Однако они отмечают как раз на те единственные два фрагмента, в которых между Акад.–Ком. и Троиц. имеются крупные расхождения: в Троиц. нет перечней в статье 989 г., а сказание о Борисе и Глебе в статье 1015 г. в Троиц. «дано в иной редакции (близкой к Повести временных лет)»³⁵.

М.Б. Свердлов полагает, что пометы «зри» и «смотри» были скопированы писцом Акад. из общего протографа Акад. и Ком. В этом протографе (то есть, собственно, в Н1 младшего извода) пометы обозначали те места, где его составитель производил редакционную переработку более раннего материала. Ученый привел ряд соображений в пользу того, что именно в этих местах создатель протографа Н1мл. осуществлял такую переработку³⁶.

В чем-то схожую гипотезу выдвинул А.П. Толочко, который пишет: «Пометы “зри” могут означать различные вещи. Они могут отмечать места для того, чтобы справиться о них позднее, они же могут привлекать чье-либо внимание к

---

³³ Мнение В.П. Любимова, прозвучавшее в его докладе в 1948 г., приводит А.А. Зимин (*Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 44).

³⁴ Там же. С. 44–46.

³⁵ *Зимин А.А., Насонов А.Н.* О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 91. См. также: *Зимин А.А.* Правда Русская... С. 46, примеч. 56.

³⁶ *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 17–21. С мнением Свердлова согласился А.Г. Бобров (*Бобров А.Г.* Новгородские летописи... С. 76).

важным фрагментам текста. Но они могут также быть и редакторскими сигналами для писца не пропустить определенные места в тексте (либо вычеркнуть их, либо вставить новый текст)»³⁷. В свете упомянутого наблюдения А.А. Зимина и А.Н. Насонова (о том, что пометы «зри» на л. 36 об. и 42 об. соответствуют крупным расхождениям между Акад.–Ком. и Троиц.) Толочко кажется наиболее вероятным последний вариант: «зри» и «смотри» Акад. – это «редакторские пометы, перенесенные небрежным писцом из оригинала»³⁸. По мнению ученого, во всех шести случаях, когда мы видим пометы «зри» или «смотри», речь идет о вставках, произведенных создателем протографа Н1мл. в сравнении с более ранним новгородским летописным текстом. Толочко полагает, что создатель протографа Н1мл. подготовил материалы, которые хотел внести в летопись, а на полях летописного текста отметил словом «зри» те места, куда эти материалы надо было вставить. При последующей переписке писец скопировал эти пометы вместе с дополнениями³⁹.

На мой взгляд, наиболее важным из наблюдений, сделанных учеными по поводу помет «зри» и «смотри» в Акад., является мысль А.А. Зимина и А.Н. Насонова о связи между этими пометами и крупными расхождениями между Акад.–Ком. и Троиц. Конечно, случаев, где можно проверить эту связь, всего два, однако все же это довольно яркое совпадение. Уже оно одно подтверждает мнение большинства исследователей о том, что пометы «зри» и «смотри» были скопированы писцом Акад. из протографа.

Но как только мы начинаем рассуждать о том, что именно означали эти пометы в протографе (вероятно, общем протографе Ком. и Акад. или, иначе, в протографе Н1мл.), мы вступаем в область довольно шатких предположений. Если пометы «зри» и «смотри» соотносятся с какими-то редакторскими изменениями в летописном тексте, то необходимо в каждом случае понять, на каком этапе истории

---

³⁷ Толочко А.П. Краткая редакция *Правды Русской*: Происхождение текста. Київ, 2009. 135 с. (Ruthenica. Supplementum; Вип. 2). С. 68.

³⁸ Там же. С. 68–69.

³⁹ Там же. С. 69–70.

текста произошло данное изменение и каково было его *направление* (т.е. отражает ли Акад., в котором видим интересующие нас пометы, первоначальный или, наоборот, измененный вариант). А вопрос это не всегда простой.

Так, А.П. Толочко полагает, что перечни в статье 989 г. – вставка создателя протографа Н1мл., именно эту вставку обозначает «зри» на л. 36 об., а Троиц. отражает текст без этой вставки, т.е. *первичное состояние новгородской летописи*⁴⁰. Я не буду сейчас касаться вопроса о древности самих перечней⁴¹. Отмечу лишь, что интерпретации Толочко противоречит то обстоятельство, что помета «зри» находится в Акад. не вначале коллекции перечней, но посредине нее – напротив списка митрополитов. Как помета, сделанная, согласно Толочко, в *протографе протографа* Акад. с целью обозначить место для вставки перечней, могла оказаться в Акад. напротив *середины* этих перечней, совершенно неясно.

М.Б. Свердлов, придавший большее значение этому обстоятельству, полагает, что «зри» на л. 36 об., напротив перечня митрополитов, обозначает начало расхождений между коллекцией перечней статьи 989 г. (практически идентичной в Ком. и Акад.) и аналогичной, но более обширной коллекцией перечней в начале рукописи Ком. (л. 7–24 об.)⁴². Однако и здесь не все просто. Перечень новгородских архиепископов в статье 989 г., действительно, представлен во вторичной редакции⁴³. Но при этом перечень

---

⁴⁰ Там же. С. 69.

⁴¹ На мой взгляд, некоторые из них восходят к XII, а может быть – и к концу XI в. и, весьма вероятно, с самого начала читались в летописной статье 989 г. (см.: *Гитциус А.А.* К истории... С. 46, 63; *Гимон Т.В.* Новгородские перечни князей и архиепископов как исторический источник (сведения за XI в.) // Новгородика-2010: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. В. Новгород, 2011 [в печати]) – вопреки мнению Т.Л. Вилкул и А.П. Толочко (*Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica. Cambridge (Mass.)*, 2003. Vol. 11. P. 34, примеч. 128; *Толочко А.П.* Краткая редакция... С. 69–70, примеч. 150).

⁴² *Свердлов М.Б.* От Закона Русского... С. 18–19.

⁴³ *Хорошев А.С.* Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 130–132.

посадников в начальной части Ком. представляет собой явно более позднюю редакцию, нежели соответствующий список в статье 989 г.⁴⁴, другие перечни в статье 989 г. не присутствуют вовсе. На мой взгляд, нет достаточных оснований говорить о вторичности коллекции перечней статьи 989 г. как целого в сравнении с коллекцией начальной части Ком., а значит – возникают сомнения в том, что «зри» на л. 36 об. как-либо связано с соотношением этих двух коллекций.

А может быть, помета «зри» напротив списка митрополитов вообще не связана историей текста? Может быть, «автор» этой пометы хотел обратить внимание последующих читателей / редакторов / переписчиков летописи на явную неполноту этого перечня, которую отметил А.А. Зимин?⁴⁵

Проблема возникает и со словом «зри» на 42 об. Рассказ о Борисе и Глебе, обозначенный этой пометой, действительно различается в Ком. и Акад., с одной стороны, и в Троиц. – с другой. А.П. Толочко считает первичным вариант Троиц., а в Ком. и Акад. видит его вторичную переработку (каковую и отражает помета «зри») ⁴⁶. Между тем, А.А. Шахматов полагал, что именно Троиц. здесь содержит *вторичный* (в сравнении с Ком. и Акад.) вариант, дополненный по «Повести временных лет»⁴⁷, а согласно Б.М. Клоссу, источником дополнений в Троиц. послужила Новгородская V летопись⁴⁸. В таком случае не следует ли понимать «зри» на л. 42 об. как «отсюда следует

---

⁴⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 23–63.

⁴⁵ Зимин А.А. Правда Русская... С. 45, примеч. 51.

⁴⁶ Толочко А.П. Краткая редакция... С. 69. М.Б. Свердлов тоже связывает «зри» на л. 42 об. с вторичной переработкой рассказа о Борисе и Глебе, но не в сравнении с Троиц. (о котором не упоминает), а в сравнении с «Повестью временных лет» (Свердлов М.Б. От Закона Русского... С. 19).

⁴⁷ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 173–174.

⁴⁸ Клосс Б.М. Новгородская 5-ая летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники: Сб. ст., 1973 г. М., 1974. С. 252–270.

переработать» (помета создателя протографа Троиц. на его протографе) или «отсюда в Троиц. переработано» (помета кого-то, кто сравнивал протограф Троиц. с протографом Ком. и Акад.)? Может быть, и «зри» на л. 36 об. имеет схожее значение? Вряд ли сейчас можно сказать однозначно.

Не буду останавливаться здесь на остальных пометах «зри» и «смотри». Их интерпретация тесно связана с проблемами истории текста Н1 (и в том числе с проблемой выяснения места Троиц. в этой истории), равно как и с проблемами изучения Русской Правды, что далеко выходит за рамки этой небольшой статьи. Скорее всего, исследователи правы в том, что эти пометы восходят к общему протографу Акад. и Ком., а в нем – отражают не просто чье-то любопытство, но именно процесс работы летописцев (вставку? сокращение? необходимость сверки? необходимость поиска недостающих сведений?).

Еще четыре раза слово «зри» встречается на полях заключительной части Акад. – напротив статей 1372, 1408, 1411 и 1412 гг. (л. 202, 224 об., 226, 230 об.). Почерк и чернила этих помет кажутся схожими с почерком и чернилами основного текста этой части Акад., но полной уверенности в этом нет. Можно отметить, что в первых трех из этих четырех случаев словом «зри» отмечены сообщения о чьих либо нападениях (Михаила Тверского на Торжок, Едигея на Низовские города, шведов на новгородский пригород Тиверский), в четвертом – об эпидемии в Новгороде. Тематическое единство трех из четырех этих «зри» заставляет думать, что здесь мы видим проявление интереса летописца к определенным событиям, а не отражение процесса его работы или работы создателей его протографа.

2. Кресты. На полях Акад. присутствует некоторое количество крестов. Они сделаны чернилами разного цвета, поэтому вряд ли все принадлежат одному человеку. Тем не менее, поскольку крестов немного, рассмотрим их здесь вместе:

- л. 97 об. – маленький черный крестик напротив окончания известия о поставлении Мартирия в новгородские архиепископы (1193 г.);
- л. 134 – маленький черный крестик напротив известия о постригах Ростислава Михайловича (1230 г.);
- л. 136 – крест и рядом три маленьких напротив упоминания попа Иоанна («и мнѣ грѣшному Иоанну попови»; 1230 г.);
- л. 180 – небольшой черный крест напротив сообщения о землях, отданных новгородцами Наримонту Гедиминовичу (напротив слов «и даша ему Ладогу, и Орѣховыи...», 1333 г.);
- л. 183 – небольшой черный крест напротив слов «сына своего выведе изъ Орѣхового» (о том же Наримонте Гедиминовиче, 1338 г.);
- л. 192 – небольшой черный крест на полях рассказа о нападении шведского короля Магнуса VII (напротив слов «дошедши Орѣховца, затворишася...», 1348 г.);
- л. 192 об. – крест на полях той же статьи 1348 г., а под ним надпись почерком XVII в.: «Взяша Орѣховъ»;
- л. 213 об. – крест напротив известия о знамени в церкви св. Евпатия (1396 г.);
- л. 221 об. – черный крест напротив известия о комете (начало статьи 1402 г.).

В четырех из этих девяти случаев кресты отмечают чей-то интерес к городу Орешку (Ореховцу, ныне – Шлиссельбург), хотя так помечены не все упоминания Орешка в Акад. Сопровождающая один из этих четырех крестов надпись «Взяша Орѣховъ» (л. 192 об.) позволяет, как кажется, датировать все четыре креста XVII в.

В двух последних случаях (л. 213 об., 221 об.) крестами отмечены знамена. Первые же три пункта в этом списке вряд ли можно объединить какой-то одной темой, равно как и сказать, однозначно, одному или разным читателям эти кресты принадлежат.

3. Другие пометы. Четыре пометы можно условно охарактеризовать как «монограммы»:

- л. 87 – чернильная помета странной формы в виде буквы «а», обведенной изогнутой чертой (напротив известия о победе над емью, 1164 г.);
- л. 99 – чернильная помета в виде буквы «х», обведенной изогнутой чертой (напротив окончания рассказа о пожарах 1194 г.);
- л. 188 – чернильная помета в виде буквы «х», обведенной изогнутой чертой (напротив рассказа о пожаре 1342 г.);
- л. 212 – чернильная помета в виде буквы «х», обведенной изогнутой чертой (напротив сообщения о «розмирье» Новгорода с великим князем Василием Дмитриевичем, напротив слов «с Великим Новымъградом про грамоту что записаль...», 1393 г.).

Надо полагать, что все четыре пометы принадлежат одной руке. Дважды помечены пожары, один раз – победа над емью и один раз – конфликт с великим князем.

На л. 122 об., напротив начала рассказа о Калкской битве, написано другим почерком и чернилами, но, как кажется, тоже в XV в.: «Лѣтописецъ». Эта помета, обозначающая жанр всей рукописи, очевидно, отмечает этапный момент в истории Руси – первое появление монголо-татар у ее границ.

***

Итак, мною были рассмотрены пометы в трех рукописях Н1 – Син., Ком. и Акад. До конца этот материал пока не может быть строго систематизирован и уверенно датирован. Однако уже сейчас можно отметить несколько тем, которые интересовали более чем одного читателя:

– вопросы вероучения, и особенно – эпизоды, связанные с выбором вер и крещением Владимира Святославича (маленькие чернильные крестики Ком.; горизонтальные черты Ком.);

– татарские нашествия на Русь, особенно битва на Калке и приход Батые (один из светлочернильных крестов Син.; маленький чернильный крестик, «зри» с буквой «зело», полукружности, восковые отметки и черный крест в Ком.; слово «Лѣтописецъ» в Акад.);

- взаимоотношения Новгорода с князьями, достижения Новгорода в этой борьбе (киноварные кресты Син.; восковые отметки Ком. и др.);
- русско-татарские взаимоотношения (восковые отметки Ком.);
- «батальные сцены» (темночернильные кресты Син. и др.);
- бедствия, эпидемии, пожары, разорительные нашествия (светлочернильные кресты Син.; «зри» и косые крестики Ком.; «зри» и «монограммы» в Акад.);
- знамения («зри» с буквой «земля» и косые крестики Ком.; два из крестов Акад.);
- выплаты денежных сумм и денежные реформы начала XV в. в Новгороде и Пскове (маленькие чернильные крестики Ком.; один из светлочернильных крестов Син.);
- жестокие казни (маленькие чернильные крестики Ком.);
- события, связанные с церковными иерархами (маленькие чернильные крестики и восковые отметки Ком. и др.).

Этот перечень, конечно, не обнимает всех сюжетов, отмеченных читателями Син., Ком. и Акад. Иногда внимание читателей (или самого писца) привлекали отдельные события, значение которых для исторической памяти Новгорода несомненно: начало «рати» Всеславом Полоцким (напавшим вскоре на Новгород); обретение мощей архиепископа Иоанна, при котором под Новгородом в 1170 г. суздальцы потерпели поражение (чудо от Знаменской иконы); визит в Новгород «цесаря греческого» Алексея Мануиловича в 1186 г.; перипетии истории с митрополитом Исидором. Среди весьма конкретных сюжетов, привлечших к себе внимание читателей Ком. и Акад., отмечу историю города Орешек.

Наконец, видим пометы двух принципиально иных типов. Во-первых, это пометы, связанные с историей текста: кресты, отмечающие гаплографический пропуск, в Син. и слова «зри» и «смотри», каким-то образом отражающие процесс работы создателей протографа Н1мл. и скопированные в Акад. Во-вторых, в Ком. имеется две

приписки, являющихся не сколько пометами, сколько информативными дополнениями к летописному тексту.

Литература

- Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001
- Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 34, примеч. 128;
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2011.
- Гимон Т.В.* Новгородские перечни князей и архиепископов как исторический источник (сведения за XI в.) // *Новгородика-2010: Матлы Междунар. науч.-практ. конф.* В. Новгород, 2011
- Гимон Т.В.* Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // *Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой.* М., 2001. С. 53–60.
- Гимон Т.В.* Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Разночтения между списками Новгородской I летописи // *Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб., 2006. Т. 57. С. 122–125.
- Гимон Т.В.* Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // *Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. тр. междунар. науч. конф., 19–21 мая 2010 г.* Псков, 2011. С. 13–33.
- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Там же. СПб, 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47;
- Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник.* СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72;
- Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
- Зимин А.А., Насонов А.Н.* О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // *Вопросы истории.* 1951. № 2.
- Клосс Б.М.* Новгородская 5-ая летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // *Летописи и хроники: Сб. ст., 1973 г.* М., 1974.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт. переизд.: Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. М., 2000.
- Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988
- Святский Д.О.* Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007.
- Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941.

- Толочко А.П.* Краткая редакция *Правды Русской*: Происхождение текста. Київ, 2009
- Факсимильное издание Син. см.: Новгородская харатейная летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964.
- Хорошев А.С.* Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12)
- Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники, 1980. М., 1981.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 23–63.

С.Г. Мереминский

Арки и колонны в пространстве средневековой рукописи: возможные контексты и функции¹

Аннотация: Статья посвящена уникальному обрамлению (в виде архитектурных элементов) перечней епископов в рукописи хроники Иоанна Вустерского (Oxford, Corpus Christi College, MS. 157), 1-я половина XII века. Проанализированы возможные источники и функции такой организации пространства рукописи.

Ключевые слова: историописание, Англия, Средние века, перечни епископов, Иоанн Вустерский, средневековые рукописи

Об авторе: Мереминский Станислав Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН, 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32-А. mereminskiy@gmail.com

Stanislav Mereminskiy

Arches and columns in layout of medieval manuscripts: some possible contexts and functions

Abstract: The article analyzes a unique architectural framing of episcopal lists in an early-twelfth century manuscript of the Chronicle of John of Worcester (Oxford, Corpus Christi College, MS. 157). Some observations on possible sources and function of that layout are provided.

Key words: historical writing, England, Middle Ages, episcopal lists, John of Worcester, medieval manuscripts

About the author: Mereminskiy Stanislav Grigoryevich, PhD in medieval history, senior researcher at the Center for the history of

---

¹ Статья основана на докладе, который я имел честь представить в июне 2011 г. в Центре истории исторического знания ИВИ РАН в рамках семинара «Люди и тексты». Приношу самую искреннюю благодарность М.С.Бобковой, А.И.Сидорову, П.Ш.Габдрахманову, Т.В.Гимону, З.Ю.Метлицкой и всем остальным участникам семинара за ценные вопросы, замечания, комментарии и критику.

historical knowledge, Institute of World History, RAS. 119334, Moscow, Leninskiy prospect, 32-A. mereminskiy@gmail.com

Рукопись под номером 157 из библиотеки оксфордского Корпус-Кристи колледжа (далее – рукопись С) принадлежит к числу наиболее интересных памятников английского историописания 1-й половины XII столетия². Как продемонстрировал П. Мак-Гарк, к 1131 г. бесспорно была создана ее начальная часть, которая затем на протяжении примерно 10 лет дополнялась новым материалом. Труднее установить время начала составления манускрипта: Мак-Гарк полагал, что это произошло незадолго до 1131 г.³, однако, по моему мнению, есть некоторые указания на то, что работа над рукописью шла уже в начале 1120-х гг.⁴. Относительно места создания манускрипта сомнений нет – это кафедральный приорат⁵ Вустера (западная Англия). Большую часть кодекса занимает труд ирландского монаха Мариана Скотта (умер в 1082 г.), который с 1050-х гг. подвизался в немецких монастырях в Кельне, Фульде, Вюрцбурге и Майнце. Он активно занимался

---

² К сожалению, я не имел возможности работать с этой рукописью *de visu*, но ее высококачественное цветное электронное факсимиле благодаря проекту “Early manuscripts at Oxford University” находится в свободном доступе в Интернете: <http://image.ox.ac.uk/show?collection=corpus&manuscript=ms157> (просмотрено 09.07.2011).

³ The Chronicle of John of Worcester / Ed. R.R.Darlington and P.McGurk. Vol. 2. Oxford, 1995. P. lxxv-lxxiii.

⁴ Подробнее см.: *Мереминский С.Г.* Формирование традиции: английское историописание 2-й половины XI – 1-й половины XII вв. Параграф 2.3 (в печати).

⁵ Уникальная для Западной Европы практика, когда соборный капитул составляли не секулярные клирики, а монахи, возникла в некоторых английских диоцезах (в Винчестере, Кентерберии, Вустере) еще в X – XI вв. После Нормандского завоевания монашеские капитулы появились также в Рочестере, Дареме, Бате, Норидже и Или. См.: *Bethell D.* English monks and Irish reform in the eleventh and twelfth centuries // *English Historical Review.* 1969. Vol. 84. P. 673-698.

проблемами компутистики⁶ и на основании скрупулезного анализа Священного Писания и церковной традиции пришел к выводу, что общепринятая (т. н. дионисиева) эра от Рождества Христова отстает от реальной на 22 года. Свои выводы он изложил в обширном трактате, третью книгу которого занимает всемирная хроника, доведенная до его смерти⁷. Уже в конце XI в. епископ Херефорда Роберт Лотарингский (1079–95) привез в Англию список сочинения Мариана, который традиционно отождествляют с сохранившейся рукописью London, British Library, MS. Cotton Nero C.V (далее – N). Этот манускрипт был написан на континенте в конце XI или начале XII в. и к 1150 г. несомненно находился в Херефорде⁸. Диоцезы Херефорда и Вустера граничат друг с другом, между двумя капитулами в XI – XII вв. существовали довольно тесные связи, поэтому нет сомнений, что именно из Херефорда труд Мариана попал в Вустер. Там к хронике ирландского монаха добавили ряд новых материалов, в частности, начиная с 449 г., его хроника была дополнена известиями, касающимся английской истории, и продолжена. Получившийся результат ранее был известен как хроника Флоренция Вустерского, сейчас – как хроника Иоанна Вустерского, хотя оба эти наименования, по-видимому, неточны⁹.

В обоих известных рукописях сочинения Мариана

---

⁶ От латинского *computus* – вычисления. В Средние века под этим понятием объединяли широкий круг вопросов, касающихся церковного календаря и хронологии, в первую очередь – вычисление даты Пасхи.

⁷ О Мариане и его сочинении см.: *Brincken A.-D. von den. Marianus Scottus. Unter besonderer Berücksichtigung der nicht veröffentlichten Teile seiner Chronik // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1961. Bd. 17. S. 208-231; *Verbist P. Reconstructing the past: the Chronicle of Marianus Scottus // Peritia.* 2002. Vol. 16. P. 284-334.

⁸ См.: *The Chronicle of John of Worcester.* Vol. 1. P. lxiv-lxv.

⁹ *The Vita Wulfstani of William of Malmesbury / Ed. R.R.Darlington.* Camden Society 3rd ser. 1928. 40. P. xi-xviii; *Brett M. John of Worcester and his contemporaries // The writing of history in the Middle Ages / Ed. R.H.C.Davis and J.M.Wallace-Hadrill.* Oxford, 1982. P. 104-110. О разнородности начальной части хроники, говорящей против единого авторства см.: *Darlington R.R., McGurk P. The Chronicon ex chronicis of 'Florence' of Worcester and its use of sources for English history before 1066 // Anglo-Norman Studies.* 1983. Vol. 5. P. 185-196.

перед его началом помещены три хронологические таблицы¹⁰, перечень Римских пап¹¹ и пасхальные (19-летние) таблицы с анналистическими записями¹². Эти материалы присутствуют и в рукописи С (стр. 5–35 и 55–69), но там между перечнем пап и пасхальными таблицами помещен ряд дополнительных текстов: перечень 72 учеников Христа (стр. 36–37, столбец А)¹³; перечень еврейских первосвященников и христианских епископов Иерусалимских, доведенный до конца IV в. (стр. 37, столбец В – 38); перечни архиепископов и епископов английских кафедр (стр. 39–45)¹⁴; родословные правителей англосаксонских королевств с краткими заметками исторического характера (стр. 47–54). Все эти материалы не являются уникальными, более того, в некоторых других английских манускриптах они тоже встречаются вместе. Так, королевские родословные и епископские списки соседствуют в четырех рукописях IX – XII вв.: London, British Library, MS. Vespasianus B.VI (далее –

---

¹⁰ Названы в рукописи «поправками» (emendationes). Их источниками послужили римские консульские фасты, сочинения блж. Иеронима, Римский мартиролог и др. В рукописи С на полях таблиц имеются анналистические записи, некоторые из которых касаются событий в Англии, в т.ч. в Вустере (заканчиваются на 1100 г.).

¹¹ У Мариана был доведен до Иоанна XII (955-964).

¹² Возможно, эти материалы были собраны не самим Марианом, а одним из его учеников: *MacCarthy B. Todd Lecture Series. Vol. 3. The Codex Palatino-Vaticanus, no. 830. Dublin, 1892. P. 7-8.* В рукописи N на полях пасхальных таблиц имеются анналистические записи, по крайней мере заключительная часть которых была создана уже в Англии. См.: *Гимон Т.В.* Всемирная хроника на полях пасхальных таблиц (Англия, конец XI в.): кодикологическое исследование // Проблемы источниковедения. Вып. 3 (13) (в печати).

¹³ Этот перечень был известен в Средние века во множестве вариантов. В Англии получила распространение т.н. сирийская версия (в XI – XII вв. бытовала тж. в Южной Италии). См.: *James M.R.* An ancient English list of Seventy disciples // *Journal of Theological Studies.* 1910. Vol. 11. P. 459-462; *Dolbeau F.* Listes latines d'apôtres et de disciples, traduites du grec // *Апоcrypha.* 1992. Vol. 3. P. 259-278.

¹⁴ Любопытно, что перечни помещены только на лицевых сторонах пергаментных листов, тогда как противоположные стороны разворотов оставлены чистыми.

Vesp. B.VI)¹⁵, Cambridge, Corpus Christi College, MS. 183 (далее – CCC 183)¹⁶, London, British Library, Tiberius B.V (далее – Tiber. B.V)¹⁷ и Maidstone, Kent Archives Office, DRc/R1 (так называемый Рочестерский текст, далее – TR)¹⁸. В трех из них (кроме TR) присутствует и список учеников Христа¹⁹. При этом, в Tiber. B.V и TR содержится перечень «иерусалимских первосвященников»²⁰. Такая комбинация текстов не случайна. Скорее всего, списки апостолов и «иерусалимских первосвященников» попали в Англию в VII в. при архиепископе Кентерберийском Теодоре (668–690), уроженце Малой Азии, и не позднее рубежа VIII–IX вв. были

---

¹⁵ Интересующая нас часть этой составной рукописи была написана на рубеже VIII – IX вв. в Мерсии или, более вероятно, в Кентербери. См.: *Keynes S. Between Bede and Chronicle: London, BL, Cotton Vespasian B. vi, fols. 104-109 // Latin learning and English lore. Studies in Anglo-Saxon literature for Michael Lapidge. 2 vols / Ed. K.O'Brien et al. Toronto, 2005. Vol. 1. P. 47-67.*

¹⁶ Написана в 1-й половине X в. где-то Южной Англии (возможно, в Гластонбери) по заказу короля Этельстана, но к концу XI в. оказалась в Дареме. См.: *Rollason D.W. St Cuthbert and Wessex: the evidence of Cambridge, Corpus Christi College MS 183 // St. Cuthbert, His Cult and His Community to AD 1200 / Ed. G.Bonner et al. Woodbridge, 1989. P. 413-424; Gretsch M. Ælfric and the Cult of Saints in Late Anglo-Saxon England. Cambridge, 2005. P. 83-95.*

¹⁷ Создана в начале XI в., вероятно, в Кентербери. См.: *An eleventh-century Anglo-Saxon illustrated miscellany / Ed. P.McGurk et al. Early English Manuscripts in Facsimile. Vol. 21. Copenhagen, 1983.*

¹⁸ Создана в кафедральном приорате Рочестера около 1122 г. См.: *Wormald P. Laga Eadwardi: The Textus Roffensis and its context // Anglo-Norman Studies. 1994. Vol. 17. P. 243-266.* Электронное факсимиле TR доступно в Интернете: http://cityark.medway.gov.uk/query/results/?Mode=Search&PathList=%2F Ecclesiastical Regular and Capitular Foundations%2F DRc Rochester Priory and other Religious Houses 1080_1541%2F BA07 Registers of the Cathedral Priory C12_C14%2F %0A&SearchWords=DRc_R1&DateList (просмотрено 09.07.2011).

¹⁹ В Tiber. B. V он помещен под ошибочным заголовком.

²⁰ По мнению С. Кейнса, он мог первоначально иметься и в рукописи Vesp. B.VI или в ее протографе: *Keynes. Between Bede and Chronicle. P. 65-67.* Надо отметить, что перечень в вустерской рукописи С заметно отличается от перечней в TR и Tiber. B.V, вероятно, за счет использования сочинений Иосифа Флавия. Это сюжет заслуживает отдельного, более детального анализа.

объединены (возможно, в Кентербери) с королевскими родословными и епископскими списками.

Вскоре после завершения работы над этой частью рукописи С другой писец²¹ стер скопированный у Мариана перечень пап и, вставив два чистых листа, записал новый, более полный и подробный, список, доведенный до Гонория II (1124–1130)²², но на стр. 35 можно рассмотреть остатки первоначального перечня²³.

Все перечни на стр. 29–43 (исключая вставленные в кодекс позднее стр. 31–34) заключены в прямоугольные рамки, оформленные красным и зеленым цветами. Кроме того, на стр. 29, 39 и 41 имеются простые полукруглые арки, также в красно-зеленой гамме²⁴. Существенно отличается по оформлению страница 45, содержащая перечни нортумбрийских (североанглийских) прелатов²⁵. На ней присутствуют достаточно проработанные изображения арок и колонн с капителями, между которыми помещены списки. При этом, в оформлении использован только красный цвет.

По-видимому, эта часть кодекса была выполнена не одновременно, а в несколько приемов, на это косвенно указывает оформление заглавных букв (инициалов). В начальных (верхних) частях перечней на стр. 39–43 их цвет, как правило, регулярно чередуется (малиновый – зеленый – красный; иногда: малиновый – красный – зеленый): в

---

²¹ Почерк С3 по обозначению П.Мак-Гарка, его обладателя предположительно отождествляют с упоминавшимся выше монахом Иоанном Вустерским: *The Chronicle of John of Worcester*. Vol. 2. P. xxix–xxxv.

²² Источники этого нового перечня никогда не анализировались, но, скорее всего, Иоанн взял за основу особую редакцию «*Liber episcopalis*», созданную Вильгельмом Мальмсберийским между 1119 и 1125 гг. Один из двух ее списков (Cambridge University Library MS. Kk.4.6, fos.224–280) был создан в Вустере в 1130-е гг. и частично написан почерком Иоанна Вустерского. См.: *Thomson R.M. William of Malmesbury*. 2nd ed. Woodbridge, 2003. P. 119–136. Вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

²³ См.: <http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/35.jpg>

²⁴ <http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/29.jpg> ;
<http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/39.jpg> ;

<http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/41.jpg>

²⁵ <http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/45.jpg>

перечне архиепископов Кентербери до Ансельма, в перечне епископов Рочестера – до Эрнosta (? – первая буква стерта), в перечне епископов Лондона – до Маврикия и т.д. Однако в заключительных (нижних) частях списков присутствуют только красные инициалы (хотя форма букв не меняется, т. е., скорее всего, работал тот же писец). Отметим также, что чередование малиновых, зеленых и красных инициалов характерно и для предшествующих перечней: консульских таблиц, списков пап, учеников Христа, «иерусалимских первосвященников». Однако на стр. 45, где находятся нортумбрийские списки, все буквицы красные. При этом, трехцветная схема инициалов снова возникает на следующей странице с текстом (стр. 47, предыдущая страница оставлена пустой), в родословной таблице потомков Ноя²⁶.

Как известно, при создании средневековых рукописей заглавные буквицы вписывались позднее основного текста, на специально оставленные пустые места (причем нередко это делал не основной писец, а специально обученный миниатюрист). Таким образом, логично предположить, что оформление инициалов на начальных страницах рукописи С происходило как минимум в два приема: в одном случае иллюминатор использовал три краски (малиновую, зеленую и красную), во втором – только красную. Следовательно, те перечни или части перечней (включая и стр. 45 с интересующим нас архитектурным обрамлением), где все инициалы красные, были подписаны позднее на специально оставленные пустые места. Этот странный порядок работы мог быть вызван тем, что на оставленные первоначально пустыми места предполагалось скопировать материал из источников, которых в тот момент не было под рукой.

Анализ содержания североанглийских епископских перечней подтверждает вывод об их особом происхождении, по сравнению с другими в этой рукописи. Списки епископов английских кафедр начали составлять самое позднее на рубеже VII – VIII вв., а к началу IX в. они уже были объединены в сборник, который продолжали копировать,

---

²⁶ <http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/47.jpg>

редактировать и пополнять на протяжении всей англосаксонской эпохи²⁷. Это собрание, очевидно, легло в основу и большей части перечней в рукописи С, хотя ни одна из сохранившихся его копий не могла быть непосредственным образцом²⁸. Однако ситуация с перечнями нортумбрийских прелатов стоит особняком. В самой ранней копии (*Vesp. B.VI*) они были доведены до актуального на тот момент состояния, но во всех позднейших манускриптах либо обрывались примерно на конце VIII в., либо вовсе были опущены. Такое положение дел неудивительно, поскольку набеги викингов и, в особенности, образование в 860–870-е гг. скандинавского королевства с центром в Йорке, серьезно нарушили функционирование церковных структур на севере и востоке Англии и затруднили общение между различными частями страны²⁹.

Следовательно, либо Флоренций, Иоанн или какой-либо другой из вустерских монахов самостоятельно реконструировал нортумбрийские перечни на основе текстов иного типа, либо они были скопированы с какого-то несохранившегося источника или источников. Первая альтернатива кажется крайне маловероятной, поскольку в рукописи С присутствуют, скажем, архиепископы, занимавшие кафедру Йорка во 2-й половине IX – 1-й половине X вв.: Вульфхере (854 – ок. 896), Этельбальд (900 –

---

²⁷ Епископские перечни использовал в своей «Церковной истории народа англов», оконченной в 721 г., Беда Достопочтенный. См.: *Page R.I. Anglo-Saxon episcopal lists. Parts 1-3 // Nottingham Medieval Studies. 1965. Vol. 9. P. 71-95; 1966. Vol. 10. P. 2-24.*

²⁸ Помимо упоминавшихся выше четырех рукописей (*Vesp. B.VI, CCC 183, Tiber. B.V и TR*), собрание перечней епископов (со значительными вариациями) присутствует в рукописях А и G Англосаксонской хроники (в обе было записано в Винчестере на рубеже X – XI вв.), в «Книге жизни» Нового монастыря (Нью-Минстер) в Винчестере, созданной ок. 1031 г., а также в рукописи Cambridge, Corpus Christi College, MS. 140, созданной ок. 1100 г. в аббатстве Бат на основе намного более древнего протографа.

²⁹ *Hadley D.M. Conquest, colonization and the church: Ecclesiastical organization in the Danelaw // English Historical Review. 1996. Vol. 169. P. 109-128; Blair J. The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford, 2005. P. 292-329.*

ок. 916) и Хротверд (ок. 916 – 931), которые почти не оставили следов в истории³⁰. Так, они, фактически, не упоминаются ни в одной из версий Англосаксонской хроники³¹ – основного нарративного источника по английской истории IX – XI вв., а все вместе вообще не фигурируют ни в одном источнике англосаксонского времени³².

Можно предположить, что нортумбрийские перечни попали в Вустер откуда-то со стороны, но из иного источника, чем прочие епископские списки. Откуда? Логичнее всего предположить, что из Северной Англии. Но на начало XII в. там сохранились всего две религиозные общины, обладавшие достаточно древней и непрерывной историей: архиепископская кафедра в Йорке (состояла из секулярных клириков) и епископская кафедра в Дареме (монашеская с 1083 г.). Теоретически, в йоркском или даремском соборе могли сохраняться перечни северных архиереев. Однако мы знаем, что в Йорке таких сведений не было, т. к. архив и библиотека собора серьезно пострадали при пожаре 1069 г. В результате, в начале XII в. йоркский

---

³⁰ Неоценимым подспорьем при выявлении информации, имеющейся о том или ином историческом персонаже англосаксонской эпохи, служит база данных Prosopography of Anglo-Saxon England, доступная в Интернете: <http://www.pase.ac.uk/index.html> (просмотрено 09.07.2011).

³¹ Смерть Вульфхере упомянута в латинской версии аннала за 893 г. в двуязычной рукописи F, созданной в Кентерберии в начале XII в.: The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Vol. 8. MS F: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. P.Baker. Cambridge, 2000. P. 77.

³² Вульфхере и Этельбалд упоминаются в североанглийских аналах X в., сохранившихся в составе приписываемой Симеону Даремскому «Истории королей англо» (Symeonis Monachi Opera et Collectanea / Ed. J.Hodgson Hinde. Surtees Society. Vol. 51. London, 1868. P. 62-63); кроме того, Вульфхере – в адресованном ему письме папы Иоанна VIII (Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church / Ed. D.Whitelock et al. Vol. 1. Part 1. Oxford, 1981. P. 2-3), Этельбалд – в хронике Этельверда (The Chronicle of Æthelweard / Ed. A.Campbell. London, 1962. P. 52). Имя Хротверда встречается лишь в группе грамот короля Этельстана, изданных ок. 928-930 гг. (Downham C. Viking kings of Britain and Ireland: the dynasty of Ívarr to A.D. 1014. Edinburgh, 2007. P. 102).

декан Гуго вынужден был обращаться к архикантору даремского собора Симеону с просьбой прислать сведения по истории своей собственной церкви³³.

Напротив, в даремских архивах имелось достаточно много документов, касающихся прошлого нортумбрийских религиозных общин. В частности, в нескольких сочинениях, созданных в Дареме в 1-й половине XII в. («Книжица о начале церкви Дарема», «Письмо декану Гуго об архиепископах Йорка», «О приходе саксов в Британию и о королях их»³⁴), приводятся перечни йоркских и даремских архиереев. Однако сравнение этих списков с перечнями из рукописи С выявляет целый ряд расхождений. Некоторые из них могут объясняться ошибками переписчиков, но решающим представляется различие в имени преемника архиеп. Эгберта (ок. 732 – 766), который в даремских источниках фигурирует как Этельберт (*Ethelbertus*, *Athelbertus* или *Albertus*), а рукописи С – как Кена (*Coena*)³⁵. Таким образом, Дарем едва ли мог быть источником интересующих нас текстов.

---

³³ *Мереминский С.Г.* Наследники Беды: «Письмо об архиепископах Йорка» Симеона Даремского в контексте исторической культуры Северной Англии в 1-й пол. XII века // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 53-65.

³⁴ *Symeon of Durham. Libellus de exordio atque procursu istius, hoc est Dunhelmensis, ecclesie. Tract on the origins and progress of this church of Durham* / Ed. D.W.Rollason. Oxford, 2000. P. 4; *The historians of the church of York and its archbishops* / Ed. J.Raine. 3 vols. London, 1879-1894. Vol. 2. P. 252-258; *Symeonis Monachi Opera Omnia* / Ed. T.Arnold. London, 1882-1885. Vol. 2. P. 380-38; *Symeonis Monachi Opera et Collectanea*. P. 215.

³⁵ По-видимому, это был один и тот же человек, носивший два имени (возможно, имя и прозвище): Rollason D.W. *Ælberht (d. 779/80)* // *Oxford Dictionary of National Biography*, электронная версия: <http://www.oxforddnb.com/index/49/101049425/> (дата обращения 05.03.2010, режим доступа: по подписке). В рукописях Vesp. B.VI, CCC 183, Tiber. B.V и TR он также упомянут как Кена: Page. *Anglo-Saxon episcopal lists. Part 3*. P. 6, 11, 17. О феномене двойных имен у англосаксов см.: *Kemble J.M.* *The names, surnames, and nicknames of the Anglo-Saxons* // *Proceedings at the annual meeting of the Archaeological Institute of Great Britain and Ireland, at Winchester, September, 1845*. London, 1846. P. 81-102.

Ключ к разгадке можно попытаться нащупать через анализ уникального оформления нортумбрийских списков в виде арок и колонн. Учитывая приведенные выше аргументы в пользу отличия стр. 45 от окружающего рукописного контекста, думается, правомерно предположить, что это оформление было скопировано в рукопись С с какого-то несохранившегося источника (по-видимому, англосаксонского времени). Что это мог быть за источник, в котором имелись списки имен епископов в квазиархитектурном обрамлении? Среди сохранившихся англосаксонских манускриптов прямых аналогов такой модели не существует, поэтому разумно рассмотреть проблему в более широком географическом и хронологическом контексте.

Самые распространенные на средневековом Западе тексты, имевшие сходное оформление – так называемые таблицы канонов Евангелия, или «Евангельские каноны». Их прототип был создан в начале IV в. Евсевием Кесарийским как систематический указатель параллельных мест в Евангелиях. Разделив их текст на небольшие фрагменты (перикопы) и последовательно их пронумеровав, Евсевий затем разместил номера перикоп в 10 таблицах (канаонах): 1-й канон содержит номера общих мест всех четырех Евангелий; 2, 3 и 4-й – номера перикоп, присутствующих в трех Евангелиях (соответственно: от Матфея, Марка и Луки; от Матфея, Луки и Иоанна; от Матфея, Марка и Иоанна); 5, 6, 7 и 8-й каноны состоят из номеров перикоп, совпадающих в двух Евангелиях (от Матфея и Луки; от Матфея и Марка; от Матфея и Иоанна; от Луки и Марка; от Луки и Иоанна); в последнем 10-й каноне (фактически, четырех отдельных таблицах) перечислены номера уникальных для каждого из Евангелий мест. Эти таблицы, ставшие удобным инструментом работы с новозаветным текстом, быстро получили распространение по всему христианскому миру (известны не только греческие и латинские – в переводе блаженного Иеронима, но и сирийские, армянские, грузинские их варианты). Оформление в виде арок и колонн,

вероятно, было создано самим Евсевием³⁶. На Британских островах первые библейские кодексы, содержащие списки таблиц канонов с арками и колоннами, появились уже в VII – VIII вв. и продолжали создаваться на протяжении всего Средневековья³⁷.

Другая достаточно распространенная разновидность текстов, где встречаются таблицы с оформлением в виде арок и колонн – компутистические тексты. В континентальной Европе подобные манускрипты известны с каролингского времени, хотя арки и колонны могли использоваться как обрамление вычислительных таблиц еще в античности³⁸. Арки и колонны встречаются и в некоторых манускриптах с компутистикой, созданных в англо-нормандскую эпоху³⁹. В частности, подобные таблицы (хотя и сильно отличающиеся стилистически от рукописи С) есть в кодексе Oxford, Bodleian Library, MS. Auct. F. 1.9, написанном в Вустере в 1130-е гг., частично – почерком Иоанна Вустерского⁴⁰.

Нужно, однако, иметь в виду, что и в таблицах канонов, и в компутистических рукописях арки и колонны служат обрамлением для текстов, состоящих преимущественно из цифр, тогда как перечни в рукописи С включают имена. Более перспективно с точки зрения

---

³⁶ Nordenfalk C. Die spätantiken Kanontafeln. Kunstgeschichtliche Studien über die Eusebianische Evangelien-Konkordanz in den vier ersten Jahrhunderten ihrer Geschichte. Gothenburg, 1938.

³⁷ Henderson G. Vision and Image in Early Christian England. Cambridge, 1999.

³⁸ Арки и колонны, в частности, присутствуют в древнейшей известной рукописи астрономических таблиц Птолемея (Vatican, Bibl. Apostolica, MS. Vat. gr. 1291). Она датируется началом IX в., но, вероятно, отражает намного более древней прототип. См.: Nordenfalk. Op. cit. S. 117-118.

³⁹ Wallis F. Architectural frames for tables // The Calendar and the Cloister: Oxford, St John's College MS. 17. 2007. McGill University Library. Digital Collections Program. http://digital.library.mcgill.ca/ms-17/apparatus.php?page=MS_17_Decoration#sec03-2 (просмотрено 09.07.2011).

⁴⁰ Цифровое цветное факсимиле избранных страниц рукописи доступно на сайте Бодлеанской библиотеки: <http://bodley30.bodley.ox.ac.uk:8180/luna/servlet/view/all/what/MS.+Auct.+F.+1.+9> (просмотрено 09.07.2011). Я не работал с рукописью *de visu*.

сопоставления с вустерскими списками выглядит сравнительно небольшая группа континентальных манускриптов мемориального характера – так называемые «книги жизни» (*libri vitae*), «памятные книги» (*libri memoriales*) или «братские книги» (*libri confraternitatis*)⁴¹. Они известны с конца VIII в. (зальцбургская Книга жизни). В некоторых из них (*Liber viventium* монастыря Пфеферс к югу от Санкт-Галлена; санктгалленская *Liber vitae*; *Liber memorialis* монастыря Ремиремон в Лотарингии и др.) перечни помещены в обрамление из арок и колонн⁴². Сохранились также две англосаксонские «книги жизни»: одна из них была создана в 1-й половине IX в. в одном из монастырей Северной Англии, вероятнее всего, на Линдисфарне⁴³, а к концу XI в. хранилась в Даремском соборе, другая была написана около 1031 г. в винчестерском Новом монастыре (Нью-Минстер)⁴⁴. Обе они являются парадными, весьма дорогостоящими кодексами (например, в Даремской имена выполнены золотыми и серебряными буквами, а Винчестерская содержит знаменитые полностраничные миниатюры, изображающие короля Кнута и его супругу Эмму), однако сами списки имен в них не имеют какого-то особого оформления.

Вместе с тем, мы располагаем явными свидетельствами, что «книги жизни» с квазиархитектурным оформлением все же были известны в англосаксонской

---

⁴¹ *Geuenich D.* A survey of the early medieval confraternity books from the Continent // *Durham Liber Vitae and Its Context* / Ed. D.W.Rollason. Woodbridge, 2004. P. 141-148.

⁴² *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian world. Cambridge, 2004. P. 186-187. Пфеферская *Liber viventium* доступна в электронном виде: <http://www.e-codices.unifr.ch/en/ssg/fab0001> (просмотрено 09.07.2011).

⁴³ *Durham Liber vitae*: London, British Library, MS Cotton Domitian A.VII: edition and digital facsimile with introduction, codicological, prosopographical and linguistic commentary, and indexes including the Biographical Register of Durham Cathedral Priory (1083–1539) by A. J. Piper. 3 vols. Vol. 1. London, 2007.

⁴⁴ *The Liber Vitae of the New Minster and Hyde Abbey Winchester*: British Library Stowe 944, together with leaves from British Library Cotton Vespasian A. VIII and British Library Cotton Titus D. XXVII / Ed. S.Keynes. Copenhagen, 1996.

Англии, поскольку в двух из них – санктгалленской и пфеферской – имеются группы англосаксонских имен, внесенные в X в.⁴⁵ В санктгалленской *Liber vitae* присутствуют имена короля Этельстана, семи епископов, двух аббатов и нескольких неустановленных лиц. Мы знаем обстоятельства их появления благодаря краткой записи в той же книге. Она сообщает, что епископ Вустерский Кенвальд посетил аббатство Санкт-Галлен в 929 г. в ходе поездки по монастырям Германии (причины этого путешествия не названы, но весьма вероятно, что он сопровождал Эдиту, сводную сестру Этельстана, как раз в то время выданную замуж за германского короля и будущего императора Оттона I). В ходе той же поездки Кенвальд посетил и монастырь Райхенау, где также в местную «книгу жизни» был внесен ряд англосаксонских имен, однако перечни в райхенауской книге не имеют художественного обрамления.

Относительно записи в книге из Пфеферса мы, к сожалению, не располагаем такими подробностями. Можно установить лишь, что она была выполнена между 941 и 946 гг., когда в *Liber viventium* этого монастыря были внесены имена короля Эдмунда, некоей «Одгивы» (скорее всего, имелась в виду королева Эадгиву, мать Эдмунда), архиепископа Кентерберийского Оды и еще 27 неустановленных лиц (возможно, спутников архиепископа). Немного позднее над Эдмундом было подписано имя короля Этельстана. Один из вероятных контекстов появления этой записи – поездка Оды за паллием в Рим в 941 г., поскольку Пфеферс находится примерно по дороге (близ Кура, современная Швейцария).

Разумеется, соблазнительно предположить, что увиденная на континенте «книга жизни» (санктгалленская, пфеферская или, возможно, какая-то еще, несохранившаяся) произвела такое впечатление на одного из англосаксонских прелатов, что он по возвращении домой решил создать ее

---

⁴⁵ *Keynes S. King Athelstan's books // Learning and literature in Anglo-Saxon England: Studies presented to Peter Clemoes on the occasion of his sixty-fifth birthday / Ed. M.Lapidge and H.Gneuss. Cambridge, 1985. P. 143-201.*

аналог. Особенный интерес вызывает совпадение – Кенвальд был епископом как раз Вустера. Позднее, во второй половине X – начале XI вв. епископы Вустера очень часто одновременно занимали и йоркскую кафедру⁴⁶, т. е. могли иметь доступ к североанглийским материалам.

Вместе с тем, в гипотезе о «книге жизни» или каком-то ином мемориальном источнике как прототипе нортумбрийских списков в рукописи С есть и определенные трудности. Так, ни в одной из упоминавшихся континентальных «книг жизни» нет перечней епископов, упорядоченных по занимаемым ими кафедрам. Правда, подобные списки имеются в английской Винчестерской «книге жизни», но там отсутствует какое-либо их обрамление⁴⁷. Стилистически арки и колонны в континентальных *libri vitae* и рукописи С также достаточно сильно различаются.

Между тем, с античных времен существовал еще один вид текстов, при оформлении которого использовались квазиархитектурные элементы – перечни римских консулов и других магистратов, так называемые консульские фасты (*fasti consulares*). Самые знаменитые из них – Капитолийские фасты (*Fasti Capitolini*) были открыты в 1-й половине XVI в. при раскопках на римском Форуме и помещены в Палаццо-деи-Консерватори на Капитолийском холме (отсюда название). Согласно общепринятой реконструкции, первоначально фасты магистратов занимали четыре мраморные панели, обрамленные небольшими коринфскими

---

⁴⁶ Совмещение имело место при архиепископах Освальде (971-992), Эальдвульфе (995-1002), Вульфгане II (1002-1016) и Эльфрике Пугтоке (1040-1041). Тесные связи между двумя кафедрами сохранялись и при Эальдреде, который был епископом Вустера в 1046-1062 гг. В 1060 г. он был избран архиепископом Йорка и первоначально собирался совмещать обе кафедры, но затем, по требованию папы Римского, был вынужден сложить полномочия вустерского архиепископа.

⁴⁷ Пример типичной страницы епископских списков в Винчестерской Книге жизни:

<http://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMINBig.ASP?size=big&IID=8945>

пилястрами⁴⁸. Есть и другие примеры сходного оформления фаст⁴⁹. Декоративные пилястры или колонны могли использоваться и при оформлении других разновидностей эпиграфических перечней⁵⁰. Так, на каждом из четырех серебряных кубков цилиндрической формы (высотой от 9,5 до 15,3 см; ныне хранятся в Нац. музее, Рим), найденных в термальных источниках Викарелло на оз. Браччано, близ Рима⁵¹, представлен (с незначительными вариациями) маршрут от Гадеса (ныне Кадис, Испания) до Рима с указанием более 100 промежуточных пунктов и расстояний (в римских милях) между ними. Перечни на всех кубках записаны в 4 столбца, отделенных друг от друга изображением коринфских пилястров. Оформление и форма кубков дали основание предположить, что надписи на них были скопированы с несохранившегося монументального дорожного указателя, стоявшего в Гадесе, который в античности считался крайней западной точкой ойкумены. Относительно датировки кубков единого мнения нет: выдвигались различные версии от I в. до н. э. по IV в. н. э., однако наиболее распространена датировка временем Августа или Домициана⁵².

Внешний вид монументальных перечней, по-видимому, оказал влияние на получившие распространение в эпоху Поздней империи консульские диптихи – сложенные

---

⁴⁸ *Östenberg I.* From conquest to pax Romana: the *signa recepta* and the end of the Triumphal Fasti in 19 B.C. // Ritual dynamics and religious change in the Roman Empire. Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire, Heidelberg, July 5-7, 2007 / Ed. O.Hekster et al. Leiden, 2009. P. 53-76.

⁴⁹ *Bowes K.* Ivory lists: Consular diptychs, Christian appropriation and polemics of time in Late Antiquity // Art History. 2001. Vol. 24. P. 338-357.

⁵⁰ Колонны (архитектурные или рисованные) также часто использовались в Древнем Риме как элемент настенных росписей: *Leach E.W.* The rhetoric of space: literary and artistic representations of landscape in Republican and Augustan Rome. Princeton, 1989. P. 73-143.

⁵¹ В древности источники были известны как «Аполлоновы воды» – *Aquae Apollinares*; вероятно, кубки были брошены в источник в votивных целях.

⁵² *Salway B.* Travel, *itineraria* and *tabellaria* // Travel and geography in the Roman Empire / Ed. C.Adams, R.Lawrence. London, 2001. P. 54-55.

вместе пластинки (чаще всего – из слоновой кости), на внешней стороне которых помещали изображение новоизбранного магистрата, а на внутренней, покрытой воском, – какие-либо записи, в т. ч. и консульские фасты⁵³. В Средние века многие консульские диптихи были приспособлены для различных церковных надобностей, в частности, для записи перечней епископов (очевидно, именно по аналогии с консульскими списками)⁵⁴. Не позднее IV в. практика оформления перечней арками и колоннами проникает и в книжную миниатюру – об этом свидетельствует т. н. «Календарь 354 г.», созданный в Риме для богатого христианина по имени Валентин⁵⁵. Квазиархитектурный декор характерен для многих иллюстраций этой парадной рукописи, особенно показательно оформление таблицы дней рождения императоров, отмечавшихся как государственные праздники (*Natales Caesarum*), в виде тройной аркады, увенчанной изображением императора Констанция II (337–361). Вместе с тем, многие другие списки, входившие в Календарь (консулов, префектов Рима, пап Римских), по-видимому, не имели иллюстраций или особого оформления⁵⁶.

Самый ранний пример использования колонн и арок в качестве обрамления перечней имен, насколько мне удалось обнаружить, присутствует в рукописи Köln, Erzbischöfliche Diözesan- und Dombibliothek. Hs. 212⁵⁷, созданной, по-видимому, в конце VI в. где-то в Южной Галлии (возможно, в Лугдуне), но уже к рубежу VIII – IX вв. оказавшейся в

---

⁵³ *Bowes*. Op. cit. P. 340-345.

⁵⁴ Так, в XI в. и во 2-й четверти XII в. два перечня епископов г. Новара в Ломбардии были записаны на диптихах V – VI вв.: *Cervini F.* *Le vie del classicismo tra iconografie e linguaggi // 'Eburnea diptycha'. I dittici d'avorio tra antichità e Medioevo / Ed. M.David. Bari 2007. P. 163-188.*

⁵⁵ Календарь сохранился лишь в копиях Раннего Нового времени, но они, по оценке исследователей, достаточно точно отражают протограф IV в.: *Salzman M.R.* *On Roman time: The Codex-calendar of 354 and the rhythms of urban life in Late Antiquity. Berkeley, 1990.*

⁵⁶ *Ibid.* P. 35-56, fig. 7.

⁵⁷ Электронное факсимиле доступно в рамках проекта “Codices Electronici Ecclesiae Coloniensis”: <http://www.ceec.uni-koeln.de> (просмотрено 09.07.2011). Я не работал с рукописью de visu.

Кельне⁵⁸. Основное ее содержание составляют документы по церковному праву (каноны церковных соборов, папские декреталии и т.д. – т.н. *Collectio Coloniensis*), но на листах 168об. и 169 представлен перечень пап Римских, помещенный под двойной аркадой⁵⁹. Перечень Римских пап выполнен двумя современными друг другу почерками и оканчивается на Григории I (590-604), у которого не указана продолжительность понтификата (для остальных пап приводится число лет, месяцев и дней). По-видимому, список пап служил своеобразным хронологическим указателем к собранию⁶⁰. Стилистически оформление перечней в *Collectio Coloniensis* и рукописи С достаточно сильно различается, однако нельзя не отметить, что в 1054-1055 гг. в Кельне около года прожил Эальдред, епископ Вустера (1046-1062) и впоследствии архиепископ Йорка (1060-1069), который ездил в Германию по поручению короля Эдуарда Исповедника на поиски его племянника Эдуарда, сына короля Эдмунда Железнобокого⁶¹. Достоверно известно, что Эальдред привез из Кельна богато иллюминированные Псалтырь и сакраментарий, которые подарил библиотеке Вустера. Среди других манускриптов, попавших в результате этого в

---

⁵⁸ Glaube und Wissen im Mittelalter. Die Kölner Dombibliothek. Katalogbuch zur Ausstellung 7 August – 15 November 1998. München, 1998. S. 105-106.

⁵⁹ http://www.ceec.uni-koeln.de/ceec-cgi/kleioc/0010/exec/paged/%22kn28-0212_336.jpg%22/segment/%22body%22 (просмотрено 09.07.2011).

http://www.ceec.uni-koeln.de/ceec-cgi/kleioc/0010/exec/paged/%22kn28-0212_337.jpg%22/segment/%22body%22 (просмотрено 09.07.2011).

⁶⁰ Папские перечни довольно часто встречаются в рукописях с текстами по каноническому праву, однако мне пока не удалось обнаружить других примеров их оформления арками и колоннами.

⁶¹ Бездетный Эдуард Исповедник надеялся таким образом решить проблему престолонаследия. Малолетние сыновья Эдмунда Железнобокого (правил с апреля по ноябрь 1016 г.) после смерти отца по приказу короля Кнута Могучего были увезены из Англии в Швецию, а затем, видимо, на Русь. Эдмунд скончался в изгнании, а Эдуард жил много лет на Руси, позднее в Венгрии. В 1057 г. он вернулся в Англию, но вскоре скончался. См.: *Barlow F. Edward the Confessor. Berkeley, 1970. P. 215-218.*

Англию, исследователи предположительно указывают также копию Романо-Германского понтификала и протограф «Кембриджских песен» (*Carmina Cantabrigiensia*) – сборника поэзии вагантов⁶². Эальдред был одним из наиболее выдающихся англосаксонских церковных деятелей XI в. Известно, что он уделял много внимания упорядочению вопросам богослужения, церковной дисциплины и управления и стремился насаждать на английской почве многие принесенные с континента новшества. Учитывая это, более чем вероятно, что за время пребывания в Кельне Эальдред видел и *Collecto Coloniensis* – один из самых старинных и полных сборников по каноническому праву. Можно представить (хотя прямых доказательств у нас нет), что он обратил внимание на необычное оформление перечня пап и по возвращении домой (возможно, уже после избрания на Йоркскую кафедру) заказал похожие списки своих предшественников и их суффраганов. Это тем более возможно, что именно с фигурой Эальдрета традиционно связывают ведение в Вустере в середине XI в. анналов, а также составление рукописи D Англосаксонской хроники⁶³.

Каков бы ни был источник нортумбрийских перечней, уже после завершения основной работы над епископскими перечнями один из писцов (неизвестный по имени основной переписчик или Иоанн Вустерский) счел нужными пририсовать сверху простые полукруглые арки над простыми прямоугольными рамками на страницах 39 (перечни архиепископов Кентербери, епископов Рочестера, Лондона, Восточной Англии и Суссекса), 41 (перечни епископов уэссекских диоцезов) и 29 (начало перечня пап – при этом арки оказались не вверху страницы, а посередине)⁶⁴. Но если оформление страницы 45 можно

---

⁶² *Lapidge M.* Anglo-Latin literature 900-1066. London, 1993. P. 453-467.

⁶³ *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Руси. М., 2011. С. 440-455.

⁶⁴ П.Мак-Гарк в описании рукописи С (*The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2. P. xxiii-xxvi*) не указывает, что арки были пририсованы позднее, однако внимательный взгляд на рукопись не оставляет в этом сомнения. Кроме того, арки на странице 29 были пририсованы раньше, чем был стерт старый перечень пап.

объяснить простым копированием с протографа, то в других случаях перед нами сознательное решение писца. Чем оно могло быть вызвано? Если целью правщика было придать остальным перечням стилистическое сходство с нортумбрийскими, то он весьма мало преуспел в этом⁶⁵, тем более, что по неизвестной причине на странице 43 (списки мерсийских епископов) арки так и не были нарисованы⁶⁶.

Однако вполне вероятно, что квазиархитектурное оформление выполняло не только или не столько эстетическую функцию. Ряд исследований последних десятилетий показал, что различные таблицы и диаграммы, в т.ч. и с квазиархитектурным оформлением, служили в Средние века для структурирования и заучивания материала. Эти приемы основывались на античной практике, описанной в работах Цицерона, Квинтилиана и анонимного автора «Риторики к Гереннию» (в Средние века ошибочно приписывалась Цицерону). Все они признавали пространство между колоннами (*intercolumnium*) одним из наиболее удобных мысленных образов для запоминания⁶⁷. В XI – XII вв. элементы квазиархитектурного оформления (хотя и не слишком проработанного) использовали в своих хрониках Фрутольф Михельсбергский и Гуго Сен-Викторский⁶⁸.

Вместе с тем, даже следуя рекомендациям античных авторов, средневековые книжники, бесспорно, совершенно иначе воспринимали фигурировавшие в них понятия, например, тот же *intercolumnium*. Для ученого монаха XII в.

---

⁶⁵ В отличие от нортумбрийских перечней, остальные арки выполнены без всяких архитектурных элементов, в виде простых дуг, причем очень небрежно вписанных в пространство листа. На странице 41 они вообще являются «слепыми», т.е. не коррелируют с колонками текста.

⁶⁶ <http://image.ox.ac.uk/images/corpus/ms157/43.jpg>

⁶⁷ Carruthers M. The Book of memory: A study of memory in medieval culture. 2nd ed. Cambridge, 2008. P. 89-93, 118-122. Cp. Saenger P. Silent reading: Its impact on late medieval script and society // Viator. 1982. Vol. 13. P. 375; Wallis F. Op. cit.

⁶⁸ Heyden K. Der Jenaer Autograph der Chronik des Frutolf von Bamberg mit der Fortsetzung des Ekkehard von Aura // Welt-Zeit. Christliche Weltchronistik aus zwei Jahrtausenden in Beständen der Thüringer Universitäts- und Landesbibliothek Jena / Hrsg. M. Wallraf. Berlin, 2005. S. 81-89; Carruthers. Op. cit. P. 118.

он неизбежно вызывал ассоциации с церковной архитектурой – клуатром или интерьером храма. Соответственно и изображение колонн и арок в рукописи могло играть роль символического представления церкви⁶⁹. Особенно подходящим такое оформление могло показаться для перечня епископов, которых еще с раннехристианской эпохи нередко именовали «столпами Церкви» (*columnae Ecclesiae*). Не стоит забывать, что проблема церковного строительства в самом буквальном смысле была весьма актуальна для англо-нормандской Англии. Прибывшие туда с континента в первые десятилетия после Нормандского завоевания прелаты развили бурную деятельность по перестройке обветшавших и скромных по размерам англосаксонских храмов, возводя на их месте величественные соборы в новомодном романском стиле, что далеко не всегда вызывало однозначное одобрение у их паствы⁷⁰. В Вустере новый собор был возведен в 1084–1089 гг., но строительные работы продолжались и позднее: так, около 1120 г. было завершено новое здание капитула. В такой обстановке сюжеты, связанные с архитектурой, приобретали по необходимости новое звучание⁷¹.

По крайней мере один средневековый книжник, знакомый с рукописью С (или ее несохранившейся копией) счел архитектурное оформление епископских перечней уместным и воспроизвел его в своем сочинении – компиляции «О деяниях королей и епископов англов», известной по двум спискам, выполненным в Дареме около

---

⁶⁹ Так, в единственной известной рукописи «Историй» Нитхарда, происходящей из монастыря св. Медарда в Суассоне, имеется любопытная маргиналия XI в.: перечень святых, погребенных в церкви этого аббатства, как бы заключенный в сделанное красной краской схематической изображение трехнефной церкви: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 179. Я признателен А.И.Сидорову, который привлек мое внимание к этому примеру.

⁷⁰ *Gem R.D.H.* England and the resistance to Romanesque architecture // *Studies in medieval history presented to R. Allen Brown / Ed. C. Harper-Bill et al.* Woodbridge, 1989. P. 129-139.

⁷¹ Ср. аналогичные наблюдения Ф.Уоллис относительно рукописи из аббатства Торни: *Wallis.* Op. cit.

1166 и около 1188 гг.⁷². В них квазиархитектурное оформление (в едином стиле) получили уже все перечни, а не только нортумбрийские. Вместе с тем, пример даремских манускриптов показывает и сложности, с которыми было сопряжено создание иллюстрированных кодексов. Из-за добавления дополнительного текстового материала (по истории различных английских церквей) и иного по сравнению с вустерским протографом формата арки оказались оторваны друг от друга. В результате, полностью пропал образ единой величественной аркады⁷³. Именно поэтому, вероятно, в остальных пяти копиях Вустерской хроники (прямо или опосредованно восходящих к рукописи С) епископские списки оказались лишены квазиархитектурного обрамления⁷⁴.

Итак, резюмируя, надо признать, что в настоящий момент нельзя однозначно определить источник, откуда были скопированы в рукопись С перечни нортумбрийских епископов. Однако с достаточной уверенностью можно утверждать, что этот источник был иным, чем у прочих епископских перечней. Он был создан в Северной Англии (вероятнее всего, в Йоркском соборе), но впоследствии (если мы признаем местом создания Йорк – до пожара 1069 г.) был перевезен на юг, в Вустер или иную религиозную общину⁷⁵. Создан был этот источник, по-видимому, на основе континентального образца, «книги жизни» или епископского перечня – диптиха. Один из создателей рукописи С и, вслед за ним, работавший в Дареме автор компиляции «О деяниях

---

⁷² См.: *Мереминский*. Формирование традиции. Гл. 2.

⁷³ Один лист из рукописи Durham, Dean and Chapter Library, MS. B.II.35 приведен в: Symeon of Durham: Historian of Durham and the North / Ed. D.W.Rollason. Stamford, 1998. Plate 26. Рукопись Cambridge, Corpus Christi College, MS. 66 доступна в электронном виде в рамках проекта Parker Library on the Web: http://parkerweb.stanford.edu/parker/actions/page_turner.do?ms_no=66 (просмотрено 09.07.2011).

⁷⁴ The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2. P. xxxv-lxiv.

⁷⁵ Примечательно, что, как показал М.Лэпидж, один из писцов, принадлежавший в 1068-1069 гг. к окружению Эальдред (точный его статус установить невозможно), позднее состоял на службе епископа Экстерского Леофрика: *Lapidge*. Op. cit. P. 465-466.

королей и епископов англов» сочли арки и колонны удачным оформлением епископских перечней, однако в дальнейшем подобное оформление исторических текстов не получило в средневековой Англии широкого распространения⁷⁶. Тем не менее, изучение этого, пускай и частного, сюжета позволяет заглянуть в мир средневековых книжников, попытаться понять двигавшие их мотивы и приемы работы, которыми они пользовались.

* * *

Уже после завершения основной работы над этой статьей мое внимание привлекла рукопись Oxford, Bodleian Library, MS. Bodley 852 – сборник житий святых, написанный в нормандском монастыре Жюмьеж ок. 1049 – ок. 1072 гг. На л. 41 там присутствует перечень аббатов Жюмьежа с оформлением в виде двойной аркады⁷⁷. Любопытно, что этот манускрипт, судя по сохранившемуся экслибрису, к XIV в. находился в библиотеке аббатства Мальмсбери в Англии. Более того, имеются косвенные свидетельства, что он попал туда в начале XII в. при Вильгельме Мальмсберийском⁷⁸. Хорошо известно, что Вильгельм Мальмсберийский и Иоанн Вустерский были знакомы друг с другом и обменивались материалами, однако, как мне кажется, говорить о влиянии манускрипта Bodley 852 на оформление рукописи С не

---

⁷⁶ Помимо уже упоминавшихся в этой статье кодексов, мне пока удалось выявить лишь один пример использования квазиархитектурного оформления епископских перечней в средневековой Англии: рукопись London, British Library, MS. Cotton Claudius B.VII, fol. 210r – 212v (написан в середине XIII в., затем, возможно, хранился в библиотеке Личфилдского собора). Состав и порядок перечней, в целом, близки к хронике Иоанна Вустерского (один из ее списков в Средние века также, возможно, находился в Личфилде), однако установить, связаны ли между собой эти группы перечней можно лишь после осмотра рукописи. Пока мне удалось лишь ознакомиться с ее описанием на сайте Британской библиотеки: <http://www.bl.uk/catalogues/manuscripts/HITS0001.ASP?VPath=html/73732.htm&Search=claudius+b+vii&Highlight=F> (просмотрено 09.07.2011).

⁷⁷ Я не работал с рукописью *de visu*, но отдельные страницы (включая и перечень аббатов) из нее доступны в электронном виде. См: <http://bodley30.bodleian.ox.ac.uk:8180/luna/servlet/detail/ODLodl~1~1~35231~121336:Life-of-St--Achardus-> (просмотрено 15.07.2011).

⁷⁸ Thomson. Op. cit. P. 79-80.

приходится. Арки и колонны в этих двух кодексах стилистически довольно сильно различаются, а содержание нортумбрийских перечней вкупе с их палеографией и кодикологическим контекстом достаточно уверенно указывают на прототип, созданный в англосаксонскую эпоху где-то на севере страны. Вместе с тем, жюмьезская рукопись свидетельствует, что использование архитектурных мотивов для оформления перечней (не обязательно епископских), возможно, было куда более распространенной практикой, чем это представляется на данный момент. Бесспорно, данный сюжет заслуживает дальнейшего изучения и способен преподнести еще немало сюрпризов.

Литература

Гимон Т.В. Анналы на пасхальных таблицах как форма историописания (Англия, конец X – начало XII в.) // Средние века. М., 2010. Вып. 71 (1–2). С. 50–79.

Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Руси. М., 2011.

Мереминский С.Г. Наследники Беды: «Письмо об архиепископах Йорка» Симеона Даремского в контексте исторической культуры Северной Англии в 1-й пол. XII века // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 53–65.

Мереминский С.Г. Формирование традиции: английское историописание 2-й половины XI – 1-й половины XII вв. М., 2016.

Сидоров А.И. Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.

Baker P. (ed.). The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Vol. 8. MS F: A semi-diplomatic edition with introduction and indices. Cambridge, 2000.

Barlow F. Edward the Confessor. Berkeley, 1970.

Bethell D. English monks and Irish reform in the eleventh and twelfth centuries // English Historical Review. 1969. Vol. 84. P. 673–698.

Blair J. The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford, 2005.

Bowes K. Ivory lists: Consular diptychs, Christian appropriation and polemics of time in Late Antiquity // Art History. 2001. Vol. 24. P. 338–357.

- Brett M.* John of Worcester and his contemporaries // The writing of history in the Middle Ages / Ed. R.H.C.Davis and J.M.Wallace-Hadrill. Oxford, 1982. P. 101-126.
- Brincken A.-D.* von den. Marianus Scottus. Unter besonderer Berücksichtigung der nicht veröffentlichten Teile seiner Chronik // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1961. Bd. 17. S. 208-231.
- Campbell A.* (ed.). The Chronicle of Æthelweard. London, 1962.
- Carruthers M.* The Book of memory: A study of memory in medieval culture. 2nd ed. Cambridge, 2008.
- Cervini F.* Le vie del classicismo tra iconografie e linguaggi // 'Eburnea diptycha'. I dittici d'avorio tra antichità e Medioevo / Ed. M.David. Bari 2007. P. 163-188.
- Darlington R.R.* (ed.). The Vita Wulfstani of William of Malmesbury / Ed. R.R.Darlington. Camden Society 3rd ser. 1928. Vol. 40.
- Darlington R.R., McGurk P.* (eds.). The Chronicle of John of Worcester / Ed.. Vol. 2. Oxford, 1995.
- Darlington R.R., McGurk P.* The Chronicon ex chronicis of 'Florence' of Worcester and its use of sources for English history before 1066 // Anglo-Norman Studies. 1983. Vol. 5. P. 185-196.
- Dolbeau F.* Listes latines d'apôtres et de disciples, traduites du grec // Apocrypha. 1992. Vol. 3. P. 259-278.
- Downham C.* Viking kings of Britain and Ireland: the dynasty of Ívarr to A.D. 1014. Edinburgh, 2007.
- Gem R.D.H.* England and the resistance to Romanesque architecture // Studies in medieval history presented to R. Allen Brown / Ed. C.Harper-Bill et al. Woodbridge, 1989. P. 129-139.
- Geuenich D.* A survey of the early medieval confraternity books from the Continent // Durham Liber Vitae and Its Context / Ed. D.W.Rollason. Woodbridge, 2004. P. 141-148.
- Gretsch M.* Ælfric and the Cult of Saints in Late Anglo-Saxon England. Cambridge, 2005.
- Hadley D.M.* Conquest, colonization and the church: Ecclesiastical organization in the Danelaw // English Historical Review. 1996. Vol. 169. P. 109-128.
- Henderson G.* Vision and Image in Early Christian England. Cambridge, 1999.
- Heyden K.* Der Jenaer Autograph der Chronik des Frutolf von Bamberg mit der Fortsetzung des Ekkehard von Aura // Welt-Zeit. Christliche Weltchronistik aus zwei Jahrtausenden in Beständen der

- Thüringer Universitäts- und Landesbibliothek Jena / Hrsg. M.Wallraf. Berlin, 2005. S. 81-89.
- James M.R.* An ancient English list of Seventy disciples // *Journal of Theological Studies*. 1910. Vol. 11. P. 459-462.
- Keynes S.* (ed.). *The Liber Vitae of the New Minster and Hyde Abbey Winchester: British Library Stowe 944, together with leaves from British Library Cotton Vespasian A. VIII and British Library Cotton Titus D. XXVII*. Copenhagen, 1996.
- Keynes S.* Between Bede and Chronicle: London, BL, Cotton Vespasian B. vi, fols. 104-109 // *Latin learning and English lore. Studies in Anglo-Saxon literature for Michael Lapidge*. 2 vols / Ed. K.O'Brien et al. Toronto, 2005. Vol. 1. P. 47-67.
- Keynes S.* King Athelstan's books // *Learning and literature in Anglo-Saxon England: Studies presented to Peter Clemoes on the occasion of his sixty-fifth birthday* / Ed. M.Lapidge and H.Gneuss. Cambridge, 1985. P. 143-201.
- Lapidge M.* *Anglo-Latin literature 900-1066*. London, 1993.
- Leach E.W.* *The rhetoric of space: literary and artistic representations of landscape in Republican and Augustan Rome*. Princeton, 1989. P. 73-143.
- MacCarthy B.* *Todd Lecture Series*. Vol. 3. *The Codex Palatino-Vaticanus*, no. 830. Dublin, 1892.
- McGurk P. et al.* (eds.). *An eleventh-century Anglo-Saxon illustrated miscellany* / Ed. *Early English Manuscripts in Facsimile*. Vol. 21. Copenhagen, 1983.
- McKitterick R.* *History and memory in the Carolingian world*. Cambridge, 2004.
- Nordenfalk C.* *Die spätantiken Kanontafeln. Kunstgeschichtliche Studien über die Eusebianische Evangelien-Konkordanz in den vier ersten Jahrhunderten ihrer Geschichte*. Gothenburg, 1938.
- Östenberg I.* From conquest to pax Romana: the signa recepta and the end of the Triumphal Fasti in 19 B.C. // *Ritual dynamics and religious change in the Roman Empire. Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire*, Heidelberg, July 5-7, 2007 / Ed. O.Hekster et al. Leiden, 2009. P. 53-76.
- Page R.I.* Anglo-Saxon episcopal lists. Parts 1-3 // *Nottingham Medieval Studies*. 1965. Vol. 9. P. 71-95; 1966. Vol. 10. P. 2-24.
- Rollason D.W.* (ed.). *Symeon of Durham: Historian of Durham and the North* / Ed. D.W.Rollason. Stamford, 1998.

- Rollason D.W.* (ed.). *Symeon of Durham: Libellus de exordio atque procursu istius, hoc est Dunhelmensis, ecclesie. Tract on the origins and progress of this church of Durham.* Oxford, 2000.
- Rollason D.W.* *St Cuthbert and Wessex: the evidence of Cambridge, Corpus Christi College MS 183 // St. Cuthbert, His Cult and His Community to AD 1200 / Ed. G.Bonner et al. Woodbridge, 1989. P. 413-424.*
- Saenger P.* *Silent reading: Its impact on late medieval script and society // Viator. 1982. Vol. 13. P. 367-414.*
- Salway B.* *Travel, itineraria and tabellaria // Travel and geography in the Roman Empire / Ed. C.Adams, R.Lawrence. London, 2001. P. 54-55.*
- Salzman M.R.* *On Roman time: The Codex-calendar of 354 and the rhythms of urban life in Late Antiquity.* Berkeley, 1990.
- Thomson R.M.* *William of Malmesbury. 2nd ed. Woodbridge, 2003.*
- Verbist P.* *Reconstructing the past: the Chronicle of Marianus Scottus // Peritia. 2002. Vol. 16. P. 284-334.*
- Whitelock D. et al.* (eds.). *Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church / Ed. Vol. 1. Part 1. Oxford, 1981.*
- Wormald P.* *Laga Eadwardi: The Textus Roffensis and its context // Anglo-Norman Studies*

П.Ш. Габдрахманов

**«Открытая книга» или «Книга за семью печатями»?
Загадки кодекса К 2556 (Регистр алтарных
трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII века)¹**

Аннотация: В статье содержится анализ Кодекса XIII в. (К 2556) из Гентского государственного архива, который является Регистром нескольких сотен матрилинейных родословных – так называемых «тронков» – алтарных трибутариев Гентского монастыря св. Петра. Автор показал уникальность этого документа и вероятности исторической реконструкции на его основе.

Ключевые слова: Средневековая Фландрия, тронк, кодекс, трибутари, монастырь Св. Петра, гениалогия, специальные исторические дисциплины.

Об авторе: Габдрахманов Павел Шавкатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119334 Москва, Ленинский проспект, 32-а. gabdrakhmanov@hotmail.com

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

**“Open Book” or “Sealed book”? Mysteries of the
Codex no. 2556 (Register of Altar Tributaries of the
Abbey of St . Peter in Ghent of the Thirteenth
century)**

Abstract: The paper provides an analysis of a 13-century codex (K 2556) from the Ghent State Archives, the Register of several hundred matrilineal lineages, so-called “troncs”, of altar tributaries of the monastery of St. Peter in Ghent. The author demonstrates the uniqueness of this document as well as the possible historical reconstructions based on it.

Keywords: Medieval Flanders, tronus, codex, tributaries, monastery of St. Peter in Ghent, genealogy, special historical disciplines.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РГНФ (проект № 10-01-00426а)

About the author: Pavel Sh. Gabdrakhmanov, PhD in medieval history, senior researcher of the Institute of World History, RAS. 119334, Moscow, Leninskiy prospect, 32-A. gabdrakhmanov@hotmail.com

Документ, о котором пойдет речь в этой статье, хранится в Гентском государственном архиве под шифром К 2556 и представляет собой пергаментный КОДЕКС (см. илл. № 1) размером примерно in-8 и объемом в 48 листов². Средневековая фолиация листов в нем отсутствует³. Кодекс состоит из шести тетрадей по восемь листов в каждой. Такая компоновка характерна именно для кодексов XIII в. из данного региона⁴. Это позволяет нам предположить, что целостность кодекса не была нарушена, и он дошел до нас полностью. Об этом можно было бы судить с большей уверенностью, если бы в нем наличествовали также рекламы (кустоды) и сохранились сигнатуры, но они, к сожалению, отсутствуют⁵. Зато на его полях явственно видны наколы строчных линий, которых на каждом листе было 37. Текст расположен в один столбец ближе к левому краю листа, и со временем к нему были добавлены справа как бы в виде дополнительных столбцов более поздние *additamenta*. Физическое состояние кодекса удовлетворительное. Лист 24

---

² Rijksarchief te Gent, Sint-Baafs en Bisdom, reeks K, nr. 2556: Register van de hoofdcijnsplichtigen, [kort na 1238] (opgemaakt, voortgezet tot eind 13^e eeuw). 1 deel – M. Carnier, Inventaris van het archief van de Sint-Pietersabdij te Gent “registers” (reeks I en de delen en banden) (944/996-1796), (s.l., s.d.), blz.50, N 185 (далее – К 2556). Мне неизвестно, каким образом данный кодекс, равно как и целый ряд других кодексов и грамот, принадлежавших аббатству св. Петра в Генте, почему-то оказались не в фонде данного аббатства, а в фонде Гентского епископства.

³ Листы пронумерованы современными гентскими архивистами.

⁴ См.: Киселева Л.И. Латинские рукописи XIII века. СПб., 2005. С. 42 и др. Более подробно о приемах складывания листов в тетради в средневековых бельгийских рукописях, изученных Леоном Жилиссеном, – см.: Романова В.Л. Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV-XV вв. Кодикологический и книговедческий аспекты. Л., 1985. С.25-28.

⁵ На некоторых листах по верхнему краю у правого угла еле видны следы полуобрезанных сигнатур, но прочитывать их не удается.

несколько меньше остальных (возможно, он был обрезан). Некоторые листы по краям имеют вырезы или слегка косо подрезаны внизу у углов. Сохранившийся текст почти всюду читабелен. Но на некоторых листах он еле виден (возможно, его пытались смыть, или чернила выцвели). На других иногда отчетливо проступают следы смытого текста, что свидетельствует о том, что документ подвергался исправлению и корректировке.

Текст кодекса написан на латыни канцелярским готическим ПИСЬМОМ XIII века несколькими писцами, почерк которых существенно различается, приближаясь по четкости у одних (ранних) писцов к обычному готическому письму, а у последующих писцов представляет собой готический курсив. Как известно, основным отличием готического письма XII-XV вв. является излом букв, появление которого связано с употреблением вместо писчей палочки (калама или стилия) особым образом заточенного птичьего пера. Вторичными признаками данного типа письма являются: вытягивание букв вверх, наличие штрихов, соединяющих буквенные элементы, тесное расположение букв, иногда их слияние (лигатуры), появление больших букв, обилие сокращений и другие⁶. Письмо кодекса вполне соответствует этим признакам.

Документ имеет заголовок (см. илл. № 2): «Вот имена тех, кто относится к *advocatia* св. Петра в Генте, и обязан платить ежегодно в виде личного чинша 2 денария, при заключении брака – 6, и при (наступлении) смерти – 12»⁷. Он содержит в себе РЕГИСТР нескольких сотен

---

⁶ О готическом письме см.: Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. 3-е изд. М., 1987 (1-е изд. М.; Л., 1936). С.165-173; Луизова Т.В. Об исторических условиях возникновения так называемого готического письма. // СВ. Вып.5. М., 1954; Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969. Гл.7; Романова В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII-XIV вв. М., 1975. С.7-40 и 113-176.

⁷ K 2556, f.1r: *Hec sunt nomina que spectant ad advocatiam Beati Petri in Gandavo, et solvere tenentur annuatim pro censu capitali duos denarios, in matrimonii copulatione sex, et in morte duodecim.*

матрилинейных родословных – так называемых «тронков» – алтарных трибутариев Гентского монастыря св. Петра. Латинское слово «ТРОНК» – *truncus* или *truncus*, от глагола *truncare*, т.е. «обрубать» – многозначное понятие. Оно означает, и «ствол», и «туловище», и «пень», и «сук» и другие. В средневековой латыни к нему добавилось значение, связанное с описанием родства. В таком качестве оно, например, встречается (со ссылкой на Исидора Севильского) в «Сентенциях в 4-х книгах» у Петра Ломбардского (с.1095-1160), позже войдя и в Кодекс Грациана (pars II, causa 35, quaestio 5, cap. 1-2): «Родство делится на шесть степеней следующим образом: сын и дочь, т.е. брат и сестра, образуют тронк, из которого как из корня от каждого в отдельности растут ветви: внук и внучка – первая (степень); правнук и правнучка – вторая; и т.д.». И далее: «Есть же такие, кто не от братьев, а от их сыновей, т.е. от кузенов, начинают исчислять родословную, говоря, (что лишь) сыновей братьев следует причислять к первому поколению, поскольку (сами) братья являются как бы стволом (*truncus*), из которого вырастают прочие ветви»⁸.

Если обратиться к регистру, то порядок описания тронков алтарных трибутариев осуществлен в нем примерно по той же схеме: сначала описываются дети (братья и сестры), затем внуки, потом правнуки и т. д. Таким образом, опись строится как бы «по поколениям»⁹. В качестве

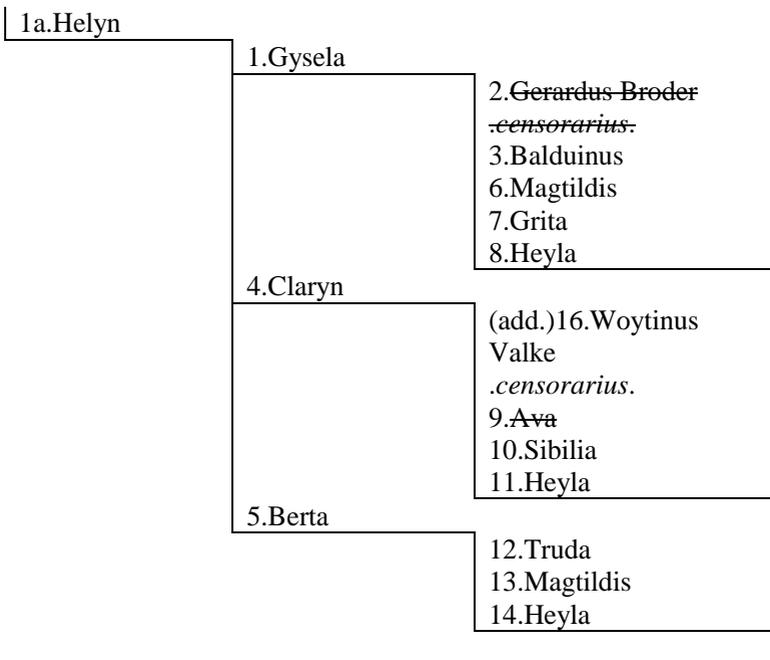
⁸ Petrus Lombardus. “Sententiae in IV libris distinctae”. Lib. IV, dist. 40, cap. 2, par. 1: De computatione graduum consanguinitatis. ... Quomodo autem gradus consanguinitatis computandi sint, Isidorus ostendit sit: Series consanguinitatis sex gradibus dirimitur, hoc modo: filius et filia, quod est frater et soror, sit ipse truncus; illis seorsum seunctis, ex radice illius trunci egrediuntur isti ramunculi: nepos et neptis, primus (gradus); pronepos et proneptis, secundus; etc. ... Sunt enim quidam, qui non a fratribus, sed a filii eorum, id est patruelibus vel consobrinis, genealogiam numerare incipient, dicentes, filios fratrum in prima generatione computari debere, quia fratres quasi quidam truncus, ex quo ceteri ramusculi oriuntur, existent / éd. par J. Brady // Spicilegium Bonaventurianum, 4-5. Grottaferrata, 1971-1981.

⁹ Собственно, так это воспринималось и самими авторами этих родословных. Например, в одной грамоте середины XIII века из архива монастыря Крепен в Эно так прямо и говорится о генеалогии некоей

иллюстрации приведу описание детей и внуков некоей Хелинс на л.34 кодекса (см. илл. № 3). Как видим, текст делится на четыре «строфы», каждая из которых описывает отдельный тронк. Первая перечисляет дочерей Хелинс и несколько в нарушение порядка описания – двух сыновей ее старшей дочери Гизелы, поскольку один из них был цензорарием (*ensorarius*) тронка¹⁰. Именно потому их имена вынесены в начало и как исключение включены в первый тронк. Вторая «строфа» описывает тронк старшей дочери Хелинс, Гизелы, который состоит из дочерей последней (или, как указано в самом тексте регистра, сестер ее сына – цензорария). Третья и четвертая «строфы» описывают тронки остальных дочерей Хелинс, Кларин и Берты, тоже состоящие каждый из трех сестер, т.е. их дочерей¹¹. Таким образом, описание тронка самой Хелинс строилось путем последовательного описания тронков ее дочерей и впоследствии могло бы быть легко дополнено (для этого специально было оставлено свободное место) описанием тронков ее внуков, правнуков и т. д. В результате, по своей структуре тронк Хелинс представлял собой нисходящую матрилинейную родословную, состоявшую (пока лишь) из двух поколений – ее дочерей и внуков, но в перспективе могущей быть расширенной до описания последующих поколений ее женских потомков (см. табл. № 1).

Таблица № 1: Схема родословной Хелинс.

0.	I.	II.
<p>Бруны, что ее описание «воспроизводится по поколениям» (“<i>Nomina mulierum a predicta Bruna per aetates subsecutarum</i>”). Подробнее об этой генеалогии – см. в моей статье «Странная origo Бруны» // Казус 2005. М., 2006. С.307-328, особ. С.308,322, 323 и др.</p> <p>¹⁰ Цензорарий считался главным в тронке, отвечавшим, в частности, за сбор ежегодных платежей с остальных членов тронка. В круг его полномочий входил также и еще ряд функций.</p> <p>¹¹ К 2556, f.34r: <i>Item in Warengem. In pascha. Gysela filia Helyns. Gerardus .cens. Broder, et Balduinus filii eius. Clarin soror eius Gisele (add.: Woytinus Valke) Berta soror eius (Gisele). Magtildis soror Gerardi. Grita soror (Gerardi) Heyla soror (Gerardi) Ava filia Claryn. (add.: Woytinus Valke .cens.) Sibilia filia (Claryn) Heyla filia (Claryn) Truda filia Berte. Magtildis filia (Berte) Heyla filia (Berte)</i></p>		

Само понятие «тронк» (*troncus*, *truncus*) в регистре встречается более 25 раз¹². Выборочное использование этого понятия для обозначения не всех описанных в нем родственных групп (тронков) алтарных трибутариев, а лишь некоторых из них составляет одну из первых загадок регистра. Непонятно, с чем был связан этот выбор; был ли он полностью случаен или за ним скрывается какой-то смысл. К

¹² К 2556, f.2r: *Troncus*; f.2v: *Troncus de Banch*; f.6r: *Troncus de Afsne*; f.8r: *Troncus Erkelent*; f.8v: *Troncus Ravemart*; f.9r: *Troncus de Wiglyne*; f.11(add.): *Helewidis de Gavere truncus, ex hoc descendunt ...*; f.20r: *Troncus Bausa Gigant Nase*; f.20r(add.): *Troncus*; f.20v: *.Troncus. Ermengart de Beka*; f.21r(add.): *Troncus Hildegardis de Houte*; f.21v: *Tankyn de Colke .troncus.*; f.22r(add.): *Truncus de [Lovendenghem]*; f.22r(add.): *Magtihilt troncus*; f.24v(add.): *In Beverne. Troncus*; f.24(add.): *In Rons. Alia fuit troncus*; f.25r: *Ista fuit troncus illorum de Elst*; f.27v: *Troncus Ravelif*; f.27v(add.): *Troncus Heilewif de Gavera*; f.28v(add.): *Troncus*; f.28v(add.): *Troncus Ava de Lende*; f.29r: *Troncus Wadeborc de Belzele*; f.39v(add.): *Adelent troncus*; f.42r(add.): *de Eroudenghem troncus Hela*; f.45r: *Troncus Ava de Beka*; f.46v(add.): *Troncus, Himma de Damma*

тому же, наряду с понятием «тронк» в описи нередко (более 10 раз) употребляются и другие понятия: «род» (*progenies*¹³, *genus*¹⁴) и «родословная» (*genealogia*)¹⁵, относящиеся к точно таким же родственным группам. Странным образом, эти обозначения воспринимаются авторами регистра, по всей видимости, как синонимы понятию «тронк». Во всяком случае, особенности семантики и специфику употребления данного понятия в регистре по сравнению с этими близкими ему по значению понятиями мне пока не удается выявить¹⁶.

Что касается алтарных ТРИБУТАРИЕВ (*tributarii*), то в их лице мы имеем перед собой как одну из форм религиозной жизни средневековых мирян (главным образом, женщин), так и один из типов средневековых социальных

---

¹³ К 2556, f. 4v(add.): *Adelisa uxor Jacobi filia Belien de progenie Boidini de Ponte; f.6v: Una progenies; f. 6v: Isti sunt de progenie domine Reynewidis matris domini Samsonis de Eyne; f.9v: Alia progenies et solvent cum superioribus; f. 10r(add.): Iste Daniel de sua progenie; f. 19v(add.): Item in Olsene eadem progenies; f. 25v: Alia progenies de Byster; f. 29v: Ista descendit ex progenie Lycwidis de Asselt iuxta Troncinium*

¹⁴ К 2556, f. 23v: *Ad genum Willelmi de Strata*

¹⁵ К 2556, f. 19r(add.): *Emma de genealogia matris ipsius; f. 24v(add.): Debet nobis annuatim solvere censum de Genealogia sua.*

¹⁶ Странным образом, современные медиевисты в своем анализе средневековой терминологии родства не уделяют почему-то должного внимания понятию «тронк» – см.: *Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6-8 juin 1974), sous la dir. de J. Le Goff. Rome, 1977; Guerreau-Jalabert A. Sur les structures de parenté dans l'Europe médiévale // Annales. E.S.C. 1981. A. 36. № 6. P. 1028-1049; Eadem. Désignation des relations et du groupes de parenté en latin médiéval // Archivum Latinitatis Medii Aevi (Bulletin Du Cange). Bruxelles, 1988. T. 46-47. P. 65-108; Eadem. La parenté dans l'Europe médiévale et moderne: à propos d'une synthèse récente // L'Homme. Paris, 1989. T. 29. P. 69-93; Althoff G. Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Darmstadt, 1990; Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995. Единственной известной мне работой по данному сюжету остается довольно давнишняя статья Champeaux E. Jus sanguini. Trois façons de calculer la parenté au Moyen Âge // Revue d'histoire du droit français et étranger, 4e série. 1933. T. XII. N. 2. P. 241-290, анализирующая данное понятие.*

связей, облеченных в религиозную оболочку¹⁷. Эти связи объединяли вступивших в них алтарных трибутариев с могущественным и пользующимся иммунитетом и привилегиями аббатством в прочный и взаимовыгодный симбиоз. По своей форме они напоминают отношения, которые связывали монастырь с другими различного рода его «ближними» (*familiares*)¹⁸.

Предполагаемым АВТОРОМ основного (первоначального) текста регистра является, по моему мнению, кантор монастыря Лаврентий (время его канторства примерно 1235-1243 гг.). В качестве доказательства в пользу этой версии могу сослаться:

- (1) на почерк в написанных (и подписанных) им грамотах, практически идентичный письму основной части регистра (см. илл. № 4), т.е. регистр в основе своей был написан рукой именно кантора Лаврентия;
- (2) на характерный заголовок регистра, целиком и полностью совпадающий с заголовками, которые

---

¹⁷ О том, кто такие алтарные трибутари и каковы особенности их родословных, я уже неоднократно писал, поэтому не буду здесь снова останавливаться на этом вопросе. См. об этом, в частности, в моей статье «Родословные трибутари в средневековой Фландрии» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2004. С. 61-77.

¹⁸ О своеобразии и необычности этих отношений, опираясь, в основном, на результаты работ Шарля де Мирамона и некоторых других его коллег, писал в одной из последних своих статей Ю. Л. Бессмертный. См.: Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое ... // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Под ред. Л.П. Репиной. Вып. 3. М., 2000. С. 38-41. См. также: Мирамон Ш. де. Принятие монашества в сознательном возрасте (1050-1200 гг.). Исследование феномена обращения в зрелом возрасте. // Анналы на рубеже веков. Антология. / Отв. ред. А. Я. Гуревич; сост. С. И. Лучицкая. Пер. с фр. М., 2002. С.196 и след.; Miramon Ch. de. Les "Donnés" au Moyen Age. Une forme de vie religieuse laïque (v.1180-v.1500). Paris, 1999; Barthélemy D. La société dans le comté de Vendôme. Paris, 1993. P. 423-437; Chibnall M. Liens de *fraternitas* entre l'abbaye Saint-Evrout et les laïcs (XIe-XIIe siècles) // Les mouvances laïques des ordres religieux / éd. par N. Boutier. Saint-Etienne, 1996. P. 235-239.

только Лаврентий (и никто до него) практиковал в своих грамотах¹⁹;

- (3) кроме того, кантор Лаврентий – единственный из писцов кодекса, кто копировал текст некоторых своих грамот непосредственно в *основную* часть регистра (по-видимому, тем самым дополняя его). Все последующие за ним писцы (некоторых из них удается тоже идентифицировать по почерку благодаря написанным ими грамотам) вносили уже свои дополнения (*additamenta*) в текст регистра на полях или на свободных местах пергаментного листа кодекса.

Приблизительная ДАТА завершения работы Лаврентия по созданию регистра – 1237 (или скорее всего, если следовать пасхальному стилю, 1238) год – совпадает с датой одной из скопированных в основной текст регистра грамот, им же написанной²⁰. Сделанные в регистр

---

¹⁹ Rijksarchief te Gent, Sint-Pietersabdij, Van Lokeren (далее – RAG, StP, VL) N 529 (?/1237(1238)): Hec sunt nomina que spectant ad advocatiam sancti Petri Gandensis, et solvere debent annuatim ad monasterium sancti Petri Gandensis, in festivitate Beati Andree, pro censu capitali duos denarios, in matrimonio sex, et in morte duodecim; cf. K 2556, f.1r: Hec sunt nomina que spectant ad advocatiam Beati Petri in Gandavo, et solvere tenentur annuatim pro censu capitali duos denarios, in matrimonii copulatione sex, et in morte duodecim.

²⁰ cf. K 2556, f.40r.: In Strypen. ... Gertrudis de Stripen; = RAG, StP, VL N 529 (?/1237(1238)) (La même écriture): ... In Strypen, Gertrudis de Strypen ... Renovata est hec cartula, anno domini Millesimo. CC.XXX. septimo, Sygero electo (1234-1237) tunc temporis Blandinium monasterium regente. По мнению П. К. Бурена регистр мог быть составлен лишь *после* 1238 года: Boeren P.K. Études sur les tributaires d'église dans le comté de Flandre du IXe au XIVe siècle. Amsterdam, 1936 (далее – Boeren). P. 80: ce registre doit être postérieur à l'an 1238 parce que Barthélemy de Gentbrugge y porte déjà le titre de censorarius qu'il avait reçu en 1238. Бартоломей из Гентбрюгге, о котором упоминает П. К. Бурен, был описан в регистре как *цензорарий* тронка некоей Элленборг из Гентбрюгге в Остерзеле (cf. K 2556, f.15v.(add.?). П. К. Бурен имеет в виду также грамоту, согласно которой Бартоломей был назначен на эту должность лишь 2 июня 1238 года: RAG, Sint-Baafs, V, 36(38) / Boeren, App. N 53, p. 156 (a.1238, juin 2): ... Super istos autem Bartholomeum filium Grite de Lanscoute, *ensorarium* fecimus, ut annuatim censum eorum capitalem ab eis recipiat, et de eo nobis scilicet in nativitate beate virginis

additamenta, начиная с дополнений самого Лаврентия и заканчивая многочисленными вставками различных писцов сер. – 2-ой пол. XIII в., а также редкие поздние записи начала – середины XIV в., указывают на то, что регистр после своего составления продолжал «жить» (т.е. был «действующим» документом, к которому обращались, его использовали и дополняли) в течение еще почти целого столетия.

Пример скопированной кантором Лаврентием в свой регистр генеалогии алтарных трибутариев из им же написанной грамоты равно как и другие случаи такого же копирования его преемниками своих грамот в текст регистра напрямую подводят нас к вопросу об использованных ими ИСТОЧНИКАХ для написания регистра. Судя по идентичности почерков в каждом таком конкретном случае копирования, они, действительно, были писцами как этих грамот, так и соответствующих им записей в регистре. Факт «перенесения» ими в регистр родословных непосредственно из этих грамот подтверждается также тем, что их копии в регистре не только полностью повторяют структуру родословных из этих грамот, но даже сохраняют очередность описания в них алтарных трибутариев, лишь несколько меняя формуляр их описания, приспособлявая его к формуляру регистра²¹. Все это позволяет сделать однозначный вывод о том, что в качестве одного из *источников* при составлении регистра его авторами,

---

tempore statuto respondeat. Данный пассаж из регистра, на который ссылается П.К. Бурен, является тоже одним из дополнений кантора Лаврентия, внесенным им в регистр из вышеупомянутой им же написанной грамоты (почерк указанной грамоты и описания тронка Элленборг из Гентбрюгге идентичен и принадлежит Лаврентию).

²¹ Впрочем, иногда не обходилось и без забавных казусов. В примере копирования в регистр грамоты, на которую я неоднократно ссылаюсь, кантор Лаврентий видимо допустил досадную ошибку: вместо слова «магистр», как было в им же написанной в грамоте, в регистре он написал в сокращенном виде «Маргрета» – cf. K 2556, f.40r.: In Strypen. ... Gertrudis de Stripen. Margreta Gosvinus cens. et Gerardus filii eius. Clementia filia Gertrudis; = RAG, StP, VL N 529 (?/1237(1238)) (La même écriture): ... In Strypen, Gertrudis de Strypen. magister Gosvinus, Gerardus et Clementia filii eius;

несомненно, использовались в том числе и созданные ими же самими *грамоты*, содержащие в себе родословные описи алтарных трибутариев.

В связи с этим, само собой напрашивается простое предположение о том, *каким же образом* с их помощью могло бы осуществляться с течением времени пополнение числа тронков в регистре: после составления соответствующей грамоты ее автор мог просто скопировать (т.е. *зарегистрировать*) содержащуюся в ней родословную опись алтарных трибутариев в регистре. Хотя это и кажется нам вполне логичным (естественно, с нашей точки зрения) на самом деле все обстояло не так просто. Прежде всего, все явно скопированные в регистр родословные непосредственно из грамот образуют только лишь небольшую часть всех *additamenta*. Большую же часть дополнений, а также (и это особенно важно) *все тронки из основного текста* регистра не удастся *прямо* связать (как с источником) ни с одной из родословных в более чем сотне дошедших до нас грамот. Эти грамоты просто не сохранились? Возможно. Но тогда как объяснить, почему не нашли в регистре прямого отражения родословные из многих десятков *сохранившихся* грамот? Таким образом, грамоты для составления регистра использовались явно выборочно. Вопрос о причинах такого выборочного использования грамот остается одной из загадок регистра.

Очевидно, авторы регистра могли пользоваться в качестве источников для его написания не одними лишь грамотами, да и сам регистр не был ни первым, ни единственным документом, в котором описывались родословные алтарных трибутариев аббатства. Еще на рубеже IX-X вв. монахи св. Петра поименно описали в особом разделе в так называемом “*Liber Traditionum Antiquius*” около полусотни трибутариев из примерно двух десятков принадлежавших им поместий, указав не только их имена и название тех *villa*, в которых они жили, но даже отметив среди них умерших и упомянув об их братьях, сестрах и детях. Естественно, в этой описи были указаны и следующие с каждого из них личные платежи размером в два – четыре денария, которые должны были ими уплачиваться

ежегодно в день св. Мартина и целиком шли на повседневные нужды братии²². Вполне возможно, что традиция составления подобных описей, уже «в зародыше» напоминающих наш регистр, могла соблюдаться в монастыре и в последующие столетия. Причем они всё более должны были приближаться по своему формуляру к формуляру регистра К 2556. Однако, эти ранние регистры XI – XII вв., видимо, просто не сохранились²³. Таким образом, у нашего регистра вполне мог быть не дошедший до нас прототип, который, вероятно, и мог послужить кантору Лаврентию основным источником.

Свидетельством этому может служить ремарка, оставленная кантором Лаврентием в одной из обновленных им грамот от ноября 1235 года. В ней он подтверждает статус алтарной трибутары некоей Верделендис из Зевергем, а затем дает начало описания ее родословной. Неожиданно он

---

²² RAG, StP, 2de reeks, 2ter, f.6v(b).: Item nomina de familia sancti Petri qui census debent dare festivitatem sancti Martini ad mensa fratrum: Emecin denarios II. Lantbertus similiter. Walborgus similiter. Arnolfus similiter. Isti manent in villa Materna. Marcolfus denarios II in villa Hermengem, mortuus. ... Ubilin denarios III et tres sorores eius similiter, in Brutgis vico manet. ... Mannin denarios II in villa Gavere, mortuus, cum fratre suo. ... Reinsuent denarios II cum infantibus suis. / uit. door M. Gysseling en A. C. F. Koch, Het “fragment” van het tiende-eeuwse Liber Traditionum van de Sint-Pietersabdij te Gent. // Bulletin de la Commission Royale d’Histoire (далее – В.С.Р.Н.), Т.113 (1948), блз.298-299; Diplomata Belgica ante annum millesimum centesimum scripta. Deel I, s.l., 1950, N 49, блз.137-138. Об этой описи см. Declercq G. Traditievorming en tekstmanipulatie in Vlaanderen in de tiende eeuw. Het Liber Traditionum Antiquus van de Gentse Sint-Pietersabdij. Brussel, 1998, блз. 202-206.

²³ К сожалению, описи алтарных трибутариев до XIII века вообще исключительно редки. Мне известна лишь опись конца XII – начала XIII века алтарных трибутариев превоства св. Аманда в Куртре на поврежденном пергаментном свитке, хранящемся в архиве г. Брюгге, опубликованная более полувека тому назад: Strubbe I. Een twaalfdeeuwsche lijst van vrijgewijden uit West-Vlaanderen // Annales de la Société d’Emulation de Bruges. Т. 76. Bruges, 1933-1934. P.137-146. Ее краткое описание можно найти также в моей статье «Что в имени тебе моем?...» Семья и имя во Фландрии XII-XIII веков // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л.Бессмертного. М., 2000. С. 70-84

его обрывает и отсылает нас к какому-то свитку, в котором эта опись им дается в более полном виде²⁴. Очевидно, этот, к сожалению, не сохранившийся свиток должен был содержать в себе описание не одной лишь упомянутой родословной. И именно он вполне мог быть одним из тех основных, не дошедших до нас, источников, который мог послужить кантору Лаврентию для составления его регистра.

Не исключено, что сохранившимся фрагментом этого свитка может быть довольно странная «грамотка», описывающая алтарных трибутариев, принадлежавших *advocatia* монастыря в Схондейке²⁵. Формуляр в ней принципиально отличается от формуляра всех остальных грамот, содержащих подобные описания, представляя собой, собственно, по большому счету, *не грамоту*, а составленную в две колонки и разделенную на отдельные тронки (точь-в-точь как в нашем регистре) *опись*. Да и по самой своей форме она весьма напоминает часть средневекового свитка (см. илл. № 5). И даже содержащаяся в самом ее конце имитация эсхатокола, в котором говорится о том, что речь идет о составленной в 1248 году «грамотке» (*kartula*), представляется, как это не покажется странным, аргументом как раз в пользу версии о фрагменте *свитка*, поскольку эта запись, скорее всего, является добавлением к тексту самой «грамотки»²⁶.

Сохранившиеся грамоты аббатства св. Петра (и не обязательно лишь те из них, которые содержат в себе родословные, но и многие сотни других грамот, относящиеся и не относящиеся к его алтарным трибутариям) позволяют также ДАТИРОВАТЬ тронки в регистре. Причем, они не только дают возможность определить в какие конкретно годы XIII в. были выполнены те или иные записи в регистре,

---

²⁴ RAG, StP, VL N 522 (1198[1128?]/1235, nov.): ... Verdelendis de Zeverghem ... in purificatione Beate Marie domui de Descelberghe ... Verdelendis genuit Alsuendem. Cetera vero nomina scripta sunt in Rotulo ecclesie Beati Petri Gandensis; cf. K 2556, f.40v (add.): In purification Beate Marie. Verdelendis de Zewerghem.

²⁵ RAG, StP, VL N 598 (1248?): *Advocatia Sancti Petri Gandensis In Sconendica.*

²⁶ *Ibid.*: (*add.1?*): *Ista kartula fuit facta (add.2: anno domini M^o.CC^o.X^oL octavo.)*

но и указывают на время образования самих описанных в нем тронков. Например, на л.13 кодекса кантором Лаврентием был описан тронк из Гента некоей Билии, дочери Гизелы и Балдуина Стумс²⁷. Несомненно, речь идет о той же самой Гизеле, уроженке Гента, жене Балдуина Стумс, которая – согласно обновленной во 2-ой пол. XIII в. уже после смерти Лаврентия одним из его преемников на его посту кантора Гизельбертом из Валло грамоте – передала себя вместе со своей дочерью Билией на алтарь св. Девы Марии в крипте в качестве ее алтарных трибутариев *еще в 1147 году* ²⁸. И таких примеров можно привести немало. Благодаря им, в частности, выясняется, что «родословные истории» многих тронков, описанных в регистре, восходят не только к XII, но даже к X-XI векам.

Авторство кантора Лаврентия, как и участие других канторов в составлении регистра неслучайно. В аббатстве св. Петра управление алтарными трибутариями находилось в ведомстве именно кантора, который вел их учет, осуществлял контроль за поступлением требуемых с них платежей, хранил относящийся к ним архив. Побудительным МОТИВОМ для написания регистра могло стать стремление Лаврентия навести порядок во вверенном ему ведомстве и тем самым увеличить доходы монастыря в условиях жесткого финансового кризиса, который в те годы почти постоянно переживала конгрегация св. Петра²⁹. Всего в

---

²⁷ K 2556, f.13r: In Gandavo. In cathedra Petri. ... ~~Bylia filia Gisele~~ Balduini Stums. ...

²⁸ RAG, StP, VL N 237 (1147/1245-1270): ... Ghisela uxor Balduini Stums, ex oppido Gandensi oriunda, cum filia mea nomine Bilia ... ad altare beate ... Marie in cripta ... Actum anno domini millesimo centesimo quadragésimo septimo, et est Renovatum istud per istas cartam tempore Johannes de Scalda abbatis ... in presentia Ghiselberti de Wallo tunc temporis cantoris.

²⁹ Финансовое положение монастыря было столь плачевным, что дело дошло даже до роспуска монахов из-за долгов аббатства. Эти печальные события, сначала в 1252 и затем в 1280 году, нашли отражение не только в «Анналах» монастыря (Annales de Saint-Pierre de Gand et de Saint-Amand / éd. par Ph. Grierson. Bruxelles, 1937. P. 57: Hoc anno (a.1252) facta est dispersio conventus; ibid. p.65: Item hoc anno (a.1280) facta est dispersio conventus huius loci), но и в грамотах (Chartes et documents de l'abbaye de Saint-Pierre au Mont-Blandin à Gand / éd. par A. Van Lokeren. T. I. Gand, 1868 (далее – VL) N 632, P.303 (a.1251):

регистре было поименовано несколько тысяч человек. При расчете, что каждый из них был обязан каждый год платить 2 денария одного лишь поголовного обложения, в итоге в казну монастыря ежегодно должно было поступать с них только подушных платежей на несколько десятков ливров. Сумма немалая для того времени: она отчасти сопоставима, например, с годовым бюджетом расходов всего монастырского скриптория. Собственно, поскольку скрипторий тоже находился в ведении кантора, часть ежегодных доходов от подушных платежей алтарных трибутариев в сумме примерно 30 ливров как раз и покрывала – согласно сохранившимся счетам монастыря начала XIV века – годовые расходы скриптория, связанные с закупкой им пергамента и других писчих материалов, а также оплатой работ по переписке и переплету манускриптов³⁰.

В общем, понятны ЦЕЛИ составления регистра: они заключались в том, чтобы:

Renovata est hec carta pro defectu alterius anno Domini M.CC.LI, ante dispersionem dicte ecclesie; VL N 895, P.391 (a.1280): Philippus Dei gratia episcopus Tornacensis ... Cum Nobis nuper accedentibus monasterium sancti Petri Gandensis, nostre dyocesis visitationis causa, liqueret ipsum monasterium gravissimo et importabili oppressum onere debitorum et ob hoc ordinatum fuisset per abbatem et conventum dicti monasterii, nostro interveniente consensu ob relevationem eiusdem ab onere predicto, quod predictus conventus pro maiori parte dispergerentur per diversa monasteria et loca religiosa). Монахи вынуждено «разбредались» по другим монастырям в поисках приюта. Так, согласно «Хронике» Жана из Тилроде прево аббатства Гуго с тремя монахами нашел такой приют в соседнем аббатстве св. Бавона (Johannis de Thilrode Chronicon / ed. I. Heller // MGH SS. T. XXV. P. 566, c.10: qui Hugo cum suis sociis tunc moram et habitationem habuit in monasterio Sancti Bavonis causa dispersionis). См. также: Braeckman W. De moeijkheden van de benedictijnerabdijen in de late middeleeuwen: de Sint-Pietersabdij te Gent (ca. 1150 – ca. 1281). Gent, 1963; De Mey G. De financiele organisatie van de Sint-Pietersabdij te Gent in de tweede helft van de 14de en de eerste helft van de 15de eeuw. Gent, 1969-1970; Berings G., Van Simaey Ch. Abbaye de Saint-Pierre au Mont-Blandin à Gand // Monasticon belge. T. VII: Province de Flandre orientale. Vol. 1. Liege, 1988. P. 69-154.

³⁰ См.: Comptes de l'abbaye de Saint-Pierre à Gand, fol.1-2 / éd. par Napoleon de Pauw. La vie intime en Flandre au Moyen Age // B.C.R.H. T. LXXXII, fasc.1 (1913). P.65-68.

(1) подтвердить как сам статус алтарных трибутариев, так и подчеркнуть наследственный характер их зависимости по материнской линии от монастыря (путем описания их в составе матрилинейных родовых групп-тронков, и указывая на их происхождение от родоначальницы, одной из первых вступившей под патронат аббатства)³¹;

(2) учесть как их самих, так и назвать то место, к которому был «приписан» их тронк (с его именованья обычно и начинается описание каждого тронка) и отметить отсутствие в нем каких-то из его членов (при этом умершие вычеркивались или помечались специальными знаками; не обнаруженные на месте числились как отсутствующие³² или как переселившиеся в другое место)³³;

(3) определить размеры и порядок уплаты следуемых с них платежей. (место и сроки уплаты, равно как и имя сборщика (*sensorarius*) из числа членов тронка – тоже одни из основных компонентов описания каждого из тронков).

Нетрудно заметить, что регистр был призван выполнять сразу несколько ФУНКЦИЙ³⁴. Мы имеем перед собой документ *административного учета и управления* алтарными трибутариями, принадлежавшими монастырю. Кроме того, регистр выполнял функции *юридического документа* (известны случаи использования подобных

---

³¹ K 2556, f.19v (add.): ... Descenderunt a quadam Ava; f.29v: Ista descendit ex progenies ...

³² K 2556, f.20r (add.): ... desunt qui spectant ad dictam Blondam;

³³ K 2556, f.40v (add.): In Gandavo. Ad natalem Domini. ~~Ava uxor Simonis dicti Meire~~. Margareta eius filia. Aghata filia Margarete uxor Arnoldi de Lemberghe manens apud Safflar.

³⁴ Такая многофункциональность регистра сближает его с так называемыми «поместными описями» (каролингскими полиптиками и средневековыми *sensiers*), составление которых тоже преследовало сразу несколько целей – см. о них: Fossier R. Polyptyques et *sensiers*. Turnhout, 1978.

описей в судебных тяжбах о статусе алтарных трибутариив и требуемых с них сумм³⁵). Но, прежде всего, перед нами *финансовый* документ, в котором детально оговаривались все условия (равно как и их изменения), касавшиеся порядка уплаты требуемых с каждого тронка платежей. Иногда прямо указывались их суммарные размеры, помечались специальными значками случаи недоимок и фиксировалось даже то, на какие нужды монастыря должны были уходить доходы с тех или иных конкретных тронков алтарных трибутариив³⁶.

Странным образом регистр до сих пор НЕ ОПУБЛИКОВАН и практически НЕ ИЗУЧЕН³⁷. И это несмотря на то, что он содержит в себе описание нескольких сотен тронков и представляет собой чрезвычайно ценный (хотя и очень трудоемкий) источник, например, для анализа демографического поведения и массовых практик имянаречения в среде алтарных трибутариив, реконструкции структуры их матрилинейных родственных групп и родственных связей (в том числе брачных) между их членами, особенностей восприятия и специфики описания родства в средние века, а также для понимания той роли, которую могла играть средневековая женщина в структурировании родственных связей и в поддержании семейной памяти в своем роду.

Кроме того, мы имеем дело с УНИКАЛЬНЫМ памятником. Никакой другой документ подобного рода ни до, ни после него в фондах монастыря св. Петра не

---

³⁵ Например, *extraits* из *Registres des familles ou généalogies des sainteurs de l'abbaye de Saint-Denis-en-Broqueris* упоминаются в *Proces de la Cour des mortemains de Hainaut*. См.: Verriest L. *Le servage dans le comté de Hainaut. Les sainteurs. Le meilleur catel*. Bruxelles, 1910. P. 244, 246.

³⁶ Благодаря этим пометам нам известно, что доходы с 19 тронков шли на нужды аббата (*abbatis*), а платежи нескольких других тронков поступали в распоряжение ризника (*ad staple custodis*). См. также: Voeren P.K. *Op. cit.*, P.77

³⁷ Его материалы были лишь частично использованы в книге Voeren P.K. *Op. cit.*, P.77; P.80 и др., а также в неопубликованной работе: Schmid F. *Onderzoek van persoonsnamen in een XIIIde eeuws register van hoofdcijnspflichtigen der Sint-Pietersabdij de Gent (1236-1265)*. *Licentiaatsverhandeling, doctoraalskriptie*. Gent, 1955.

сохранился³⁸, а описи такого же типа алтарных трибутариев из других фламандских монастырей, как правило, много более поздние, довольно существенно отличаются от него по своему формуляру (впрочем, они не идентичны в этом смысле и по отношению друг к другу)³⁹.

Вот почему вопросы о КОМПОЗИЦИИ и ОРГАНИЗАЦИИ текста в регистре стоят особенно остро, и именно здесь-то и начинаются наиболее трудно разрешимые «загадки».

Первые непонятные «сюрпризы» появляются уже при обращении к его СТРУКТУРЕ. Текст в нем делится на пять неравных РАЗДЕЛОВ. Каждый из них имеет заголовок (выделенный киноварью): (1) л.1 – «Эти принадлежат крипте (т.е. нижней церкви, где находился алтарь Девы Марии) и обязаны платить в рождество св. Девы»⁴⁰; (2) л.25 – «Эти суть (те), которые принадлежат курии в Десле (т.е. монастырскому «подворью» в местечке Дестельберген недалеко от Гента)⁴¹ и должны платить в праздник св. Дионисия»⁴²; (3) л.33 – «Эти суть (те), которые принадлежат курии в Дерселгеме⁴³ и платить должны в пасху»⁴⁴; (4) л.37^{об}.

---

³⁸ Если не считать небольшой описи X в., включенный в так называемый *Liber Traditionum Antiquus*, о которой уже шла речь.

³⁹ Наибольший интерес среди них представляет более поздний, составленный в 1295 году и дополненный примерно полстолетия спустя, регистр алтарных трибутариев другого (соседнего и одно время объединенного с монастырем св. Петра) аббатства св. Бавона в Генте – RAG, Sint-Baafsabdij, R 31 (далее – R 31), f.1r: “*Census sancti Bavonis in decania Gandensis anno domini M.CC.LXXXXV.*”

⁴⁰ K 2556, f.1r: *Isti pertinent ad criptam, et solvere tenentur in nativitate Virginis.*

⁴¹ = Destelbergen (Gent); cf. RAG, StP, VL N 195, P.122 (a.1119/?): *in festo beati Martini domui de Descelberge, singulis annis in perpetuum II denarios ... persolvat; RAG, StP, VL N 522, P. 264 (a.1198[1128]/1235, nov.): ... Verdendis de Zeverghem ... in purificatione Beate Marie domui de Descelberghe; cf. RAG, StP, I reeks, nr. 125: “Liber Inventarius” (a.1281) (далее – Lib. Inv.), f.156r / reg. VL N 896, P.406: *In parochia de Desselberghine habet ecclesia curtem unam etc.**

⁴² K 2556, f.25r: *Isti sunt qui pertinent ad curiam de Desle et solvere debent ad festum Beati Dyonisii.*

⁴³ = Desselgem (Kortrijk); cf. Lib. Inv., f.244r / reg. VL N 896, P.414: *Hec sunt terre pertinentes ad curtem de Derselghem...*

– «Эти суть (те), которые принадлежат курии в Авелгеме⁴⁵»⁴⁶; (5) л.41 – «Эти суть (те), которые принадлежат ризнице (custodia)⁴⁷»⁴⁸. Таким образом, разделение описи осуществлено по принципу «принадлежности» алтарных трибутариев определенному монастырскому «подворью» (curia) или «службе» (officium) аббатства⁴⁹.

Важно при этом заметить, что почти все разделы начинались с *отдельной* тетради кодекса (см. табл. № 2). Исключение составляют лишь два самых коротких раздела, регистрирующие алтарных трибутариев, принадлежавших куриям в Дерселгеме и Авелгеме, занимающие вместе одну тетрадь. Да самый большой раздел, описывающий одну из наиболее многочисленных групп алтарных трибутариев аббатства, принадлежавших алтарю св. Девы Марии в крипте, призван был – по мысли составителя кодекса – заполнить собой не одну, а сразу три его тетради⁵⁰. Это означает, что практически все разделы могли заполняться не последовательно одни за другими, а параллельно, т.е. работа над ними могла вестись одновременно и независимо друг от друга⁵¹. Это позволяло также авторам регистра всегда иметь

---

⁴⁴ К 2556, f.33r: Isti sunt qui pertinent ad curiam de Derselghem et solvere debent in pascha.

⁴⁵ = Avelgem; cf. Lib. Inv., f.186v / reg. VL N 896, P.408: Hec sunt bona que debent spectare ad censam curtis de Avelghem.

⁴⁶ К 2556, f.37v: Isti sunt qui pertinent ad Curiam de Avelghem.

⁴⁷ custodia = la sacristie (ризница); cf. Lib. Inv., f.67r / reg. VL N 896, P.400: Bona spectantia ad custodiam sancti Petri Gandensis ... In Merlebeke de dimidio lucro (5 censitaires). Summa LIV sol. IV auce; cf. VL N 621, P.293 (s.d.): la sacristie (custodia).

⁴⁸ К 2556, f.41r: Isti sunt qui pertinent ad ~~custodiam~~. (add.): ad stapel custodis.

⁴⁹ В отличие от данного регистра в регистре аббатства св. Бавона описание алтарных трибутариев строится строго по топографическому принципу, а именно по церковным деканатам – R 31, f.1r: Census sancti Bavonis in decania Gandensis; f.16r: In decanatu Anwarpinensis; f.18r: In decanatu Aldenardensis; f.33v: In decanatu de Pamella; f.36r: In decanatu de Alost; f.48r: In decanatu Wasie; f.60v: In decanatu Brugensis; etc.

⁵⁰ Впрочем, тетради могли сшиваться уже после своего заполнения.

⁵¹ Тем более, что тетради в процессе этой работы могли быть еще в расшитом состоянии.

в резерве свободное место в каждой из тетрадей, которое могло заполняться по мере необходимости новыми записями, относящими именно к данному разделу. Тем не менее, как мы увидим ниже, данный порядок по неизвестной пока причине с самого начала не вполне соблюдался.

Таблица № 2: Структура кодекса и текста регистра.

№№ тетрадей	№№ листов	«Принадлежность» в данном разделе алтарных трибутариев
I	fol.1r.	Isti pertinent ad Criptam
II	fol.9r.	
III	fol.17r.	
IV	fol.25r.	Isti sunt qui pertinent ad Curiam de Desle
V	fol.33r. fol.37v.	Isti sunt qui pertinent ad curiam de Derselghem Isti sunt qui pertinent ad Curiam de Avelghem
VI	fol.41r.	Isti sunt qui pertinent ad ~~Custodiam~~ (<i>add.</i>) <i>ad stapel custodis</i>

Внутри разделов тронки отделялись друг от друга РУБРИКАМИ, которые, как правило, помещались на полях рукописи и тоже выделялись киноварью. Рубрика, как правило, заканчивалась кратким указанием о том, какому именно подворью или «службе» монастыря принадлежал данный тронк (*ad criptam*; *ad Desle*; *ad Derselghem*; *ad Avelghem*; *ad custodiam*). Наличие такого рода помет позволяет проследить, насколько правильно в структуре регистра соблюдался главенствующий принцип «принадлежности» тронка. В результате обнаружилось, что данный принцип в регистре до конца не соблюдался. В разделе, посвященном описанию алтарных трибутариев, принадлежащих крипте, по какой-то причине оказываются два тронка, из которых первый относится к ведомству ризника (*custodis*), а второй зависим от курии в

Дестельбергене⁵². Затем в самой середине следующего раздела, посвященного уже описанию тронков, принадлежавших этой курии в Дестельбергене, вдруг неожиданно возникает тронк, зависимый от совершенного другого монастырского подворья в Темсе⁵³. А в разделах об алтарных трибутариях курии в Авелгеме и алтарных трибутариях, принадлежащих монастырской ризнице (*Ad custodiam*), 16 раз (!) описаны тронки алтарных трибутариев, обязанных платить монастырской крипте, и один раз упоминается тронк, «тянущий» к курии в Дестельбергене⁵⁴. Практически все эти, отмеченные не на «своем месте», описания тронков были включены в основной текст регистра, и не производят впечатления позднейших вставок в него. Поэтому, чем объясняются все эти допущенные (вероятно, уже самим Лаврентием) «нарушения» им же введенного принципа структурирования текста «по принадлежности» тронка, пока неясно.

Казалось бы, наиболее вероятное объяснение тому, что тронки-«нарушители» оказались в «чужих» разделах, связано с тем, что в «своих» разделах они попросту не поместились, и были вписаны на свободные места в других разделах. Но оно, к сожалению, вряд ли здесь применимо. С его помощью было бы трудно объяснить, например, наличие лишь одного раздела (речь в нем идет о тронках, «тянущих» к курии в Дерселгеме), практически до конца заполненного лишь «своими» тронками, и к тому же едва ли не единственного, из которого не встречается ни одного тронка в других разделах. Все же остальные разделы не были полностью заполнены только «своими» тронками, т. е., иначе говоря, в них еще оставалось достаточно свободного места для того, чтобы не переносить принадлежащие им тронки в другие разделы. Тем не менее, по необъяснимой пока причине они все же переносятся в «чужие» разделы, а место, казалось бы, предназначенное для них в «своем» разделе,

---

⁵² К 2556, f.4r: In Artevelde. Ad stapel; f.13r: In parrochia Sancti Christi. Ad Desle.

⁵³ К 2556, f.30r: In Saflare. Ad Tempseka.

⁵⁴ К 2556, f.39r; 39v: Ad criptam (Ad Avelghem); f.41v; 42r(4); 43v(2); 45r; 45v(2); 46r; 46v; 48v: Ad criptam; f.48v: Ad Desle.

заполняется почему-то «чужими» тронками! И, кроме того, не совсем ясно, почему же вопреки логике такого объяснения тронки – «нарушители» иногда оказываются в середине или даже почти в самом начале «чужих» разделов, а не в их конце, что было бы, согласитесь, более логично. Таким образом, это странное «перемешивание» тронков между разделами тоже составляет одну из пока неразрешимых загадок.

Другая загадка. Каждая рубрика, отделявшая один тронк от другого, обычно начиналась с именованного какого-нибудь городка или церковного прихода. Довольно сложно определить, как его можно соотнести с нижеописываемым тронком. Обозначалось ли таким образом формальное место «регистрации» его членов, к которому описанные в нем алтарные трибутары считались «приписанными», и где с них должны были бы собираться платежи⁵⁵; или это было действительным местом их жительства, или местом, откуда они происходили⁵⁶, однозначно сказать довольно трудно. Сам факт длительного проживания в указанном месте, как их самих, так и их сыновей и даже внуков, в некоторых конкретных случаях удается удостоверить свидетельствами поместных описей⁵⁷. Но далеко не всегда то место, где из поколения в поколение жила одна и та же семья алтарных трибутариев, совпадало с тем местом, откуда они были родом⁵⁸. Есть даже случаи двукратного описания членов

---

⁵⁵ K 2556, f.25v.: Iste Robertus colligit censum istorum omnium de Elst et de Byster; f.39r.(add.): Item census ad natalem virginis Marie solvendus. In Parochia Sancte Marie;

⁵⁶ K 2556, f.25r.: Ista fuit truncus illorum de Elst; f.25v.: Alia progenies de Byster; f.42r.(add.): Ad festum Bavonis de Eroudenghem truncus.

⁵⁷ cf. K 2556, f.12v.: In Synghem. Oliverus Colpart; RAG, Sint-Baafsabdij, R 30, f.31v. / uit. door M. Gysseling en A. Verhulst, Het oudste Goederenregister van de Sint-Baafsabdij te Gent. Bruges, 1964, blz.131: Redditus pertinentes ad curiam de Singhem (a.1227). Oliverus Colpart et coheredes eius servitium de VI b.; cf. K 2556, f.2v.: In Suinarde. Symon de Damme; RAG, StP, I reeks, nr. 10: “Cartularium 10” (v.1265), f.98r: Suinarde. Gerardus filius Symonis de Damme; Lib. Inv. (a.1281), f.267r: In parochia de Zuinarde. Filii Symonis de Damme.

⁵⁸ K 2556, f.2v.: [In Suinarde?] Truncus de Banch; f.6r.: In Dyckle et Bokle. Truncus de Afsne; f.9r.: In Wienze. Truncus de Wiglyne; f.11r.(add.): Item in Truncinio. Helewidis de Gavere truncus; f.20v.: In Houthem Sancte

одного и того же тронка, сначала по месту их происхождения⁵⁹, а затем по месту их жительства⁶⁰. Не всегда могли совпадать место их «регистрации» и то место, где они должны были уплачивать свои чинши⁶¹. Имеются и совсем странные случаи (отмеченные в самом регистре), когда уже почти никто из членов данного тронка не жил в указанном месте (почти все «разбредались по разным местам и весям»), т.е. их «место обитания» или их «родовое гнездо» практически полностью пустело. Тем не менее, авторы регистра продолжают описывать их всех вместе именно в данном месте, отмечая (*in margine*) (но далеко не всегда), где они живут на самом деле (см. илл. № 6)⁶².

Пожалуй, исходя из всех этих наблюдений, можно было бы условно охарактеризовать вынесенное в начало рубрики название того или иного городка как место их «регистрации» – как своеобразную средневековую «прописку» или «место приписки» – членов того или иного тронка алтарных трибутариев, которое не всегда могло совпадать с местом их фактического проживания или местом их происхождения. Очевидно, что за этой условностью скрыта та, почти неразрешимая проблема локализации «расползавшегося» естественным образом со временем по разным местам тронка, вследствие постоянной, в том числе

Crucis. *Troncus*. Ermengart de Beka; f.21v.: In Laren. Tankyn de Colke *troncus*; f.29r.: In *Everghem*. *Troncus* Wadeborc de Belzele; f.45r.: In Munthe. ... *Troncus* Ava de Beka; f.46v.(add.): In Donsa. *Troncus*. Himma de Damma.

⁵⁹ K 2556, f.4r.: De Lende. Heyla filia Ave de Lende...

⁶⁰ K 2556, f.28v.(add.): In Wondelghem. *Troncus*. Ava de Lende. ... *Isti sunt* de Lende.

⁶¹ K 2556, f.20r.(add.): In Tornato solvendes censum in Tornato in festo Sancti Remigii. In parrochia Sancti Nichasii ... In parrochia de Helchin ... In parrochia de Pechem desunt, qui spectant ad dictam Blondam; f.26v.: In Wettre. ... (Add.: *Isti solvunt apud Alost ... (Isti solvunt) apud Alost* In Ardineshem.); f.36v.: In Denrehoutem. *Solvunt apud Alst*; f.36v.: *Apud Morsele*. (add.: *Solvunt apud Alst*).

⁶² K 2556, f.18r.: In Lederne Marie. ... (*In Vorslare*) ... (*In Erkenghem*) ... (*In Meren*) ... (*In Tronchinio*) ... (*In Desle*) ... (*Everghem*) ... (add.: *In Weldine*)

...

брачной, миграции его членов, на которую постоянно наткнулись авторы регистра⁶³.

Непонятен также принцип, на основании которого строилась ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ описания тронков как внутри каждого из разделов, так и в регистре в целом. Регистр начинается (вполне логично) с описания алтарных трибутариев из самого центра монастырской сеньории, из «виллы св. Петра» (*villa sancti Petri*), составлявшей окружавший монастырь изолированный, укрепленный квартал в Генте. Но затем очень скоро тронки начинают следовать в описи один за другим как бы «вразнобой», хаотично, без видимого порядка. Можно сказать с полной уверенностью, что «топографический» принцип их описания в зависимости от географического расположения поселения, где тот или иной тронк был зарегистрирован в описи, в регистре не соблюдался⁶⁴. Можно говорить лишь о его косвенном проявлении в связи с «принадлежностью» тронка тому или иному монастырскому «подворью» или «службе». Естественно, к ним «тянули» тронки из близлежащих поселений, из которых сравнительно легко можно было бы добраться до этого «двора» или «службы» с тем, чтобы раз в год заплатить причитающиеся с алтарных трибутариев суммы. Если место нового жительства той или иной группы алтарных трибутариев слишком отдалялось от прежнего «двора» или «службы», которому они «принадлежали», то менялось и место уплаты следуемых с них платежей, что иногда особо оговаривалось в регистре⁶⁵.

---

⁶³ Вот почему, вероятно, авторы более позднего регистра алтарных трибутариев монастыря св. Бавона в Генте пошли по другому пути. Они отказались от принципа их описания тронками, взяв за основу принцип описания их *по месту жительства* на момент создания описи. Разумеется, в этом случае, они фактически «разрушали» структуру тронков.

⁶⁴ Это особенно наглядно видно в сравнении с регистром алтарных трибутариев аббатства св. Бавона, в котором, как уже было сказано, последовательность описания поселений, где они жили, была строго построена по *церковным деканьям*.

⁶⁵ К 2556, f.26v.: *Isti solvunt apud Alost*; f.36v.: *In Denrehoutem, solvunt apud Alst*; *Apud Morsele, solvunt apud Alst*.

В «пространстве» текста регистра тронки из одних и тех местечек ГРУППИРУЮТСЯ по-разному. Имеются случаи вообще полного отсутствия такого группирования, когда описания тронков из одного и того же поселения как бы «рассыпаны» по тексту регистра, и их можно встретить в самых разных его местах и разделах (см. табл. № 3).

Таблица № 3: Примеры «рассредоточенного» описания тронков из одного и того же поселения в тексте регистра.

Название поселения	n ⁶⁶	I ⁶⁷ (f.1 – f.8)	II (f.9 – f.16)	III (f.17 – f.24)	IV (f.25 – f.32)	V (f.33 – f.40)	VI (f.41 – f.48)
In Lovendeghem	4	8r	12v	18r	29v		
In Ansbeka (In Somerghem et Ansbeka) {In Vinct et Ansbeka}	4		12r	17v			(46v-47r) {47r}

Однако, в большинстве случаев описи тронков из одного и того же поселения расположены в тексте регистра довольно «кучно», в одном – двух его разделах, концентрируясь (но с цезурами) на нескольких соседних листах одной – двух его тетрадей. Это хорошо видно в таблице № 4.

Примечания к таблице №3:

⁶⁶ Всего тронков из данного поселения, описанных в регистре.

⁶⁷ №№ тетрадей кодекса (в скобках указаны листы, которые они занимают).

Таблица № 4: Примеры «кучного» расположения тронков из одного и того же поселения в тексте регистра.

Название поселения	n	I (f.1 – f.8)	II (f.9 – f.16)	III (f.17 – f.24)	IV (f.25 – f.32)	V (f.33 – f.40)	VI (f.41 – f.48)
In villa Petri (Adenghem)	14	(1r); 1r; 1v; 2r; 3v; (4r); 5r; 7r	13r; 14v; 14v; 14v			39r; 39v	
In Desle	11				25r; 25v- 26v; 27r; 27r; 28r; 28v; 30r; 31v; 31v		41r

In Wondelghem	6				27v; 28v; 28v; 29v; 30v		48v
In Lokerne	4			18v	30r; 32r; 32r		
In Everghem	4				29r; 29v; 32v; 32v		
In Suinarde	3	2v; 5r; 8r					

Особо следует отметить случаи объединения тронков из одного поселения в единую неразрывную группу. Таких случаев тоже несколько. Например, на л.4^{об.} – л.5 мы находим три подряд описанных тронка из городка Дейнзе; на л.9 – л.10 содержится описание группы из семи тронков из Зеде; на л.20^{об.} дается совместное описание трех тронков из Крейсхаутем, а на л.22^{об.} трех тронков из Дерселгем; л.33 – л.34 сплошь заполнены описью нескольких тронков алтарных трибутариюв из местечка Варегем и т. д. Тем не менее, и в этих случаях отдельные тронки из этих поселений все же иногда описываются и вне этих объединенных групп (см. табл. № 5).

Таблица № 5: Примеры описания в регистре тронков из одного поселения в виде объединенной («единой») группы.

Название поселения	n	I (f.1 – f.8)	II (f.9 – f.16)	III (f.17 – f.24)	IV (f.25 – f.32)	V (f.33 – f.40)	VI (f.41 – f.48)
In Donsa (et Petenghem)	4	4v; 4v; 4v	(16r)				
In Zele [Zele]	8		9r; 9v; 9v; 10r; 10v; 10v; 10v				[48v]
In Sancte Crucis Houthem (et Wyndeka)	5	(6v); 7v		20v; 20v; 20v			
In Derselghem	5			22v; 22v; 22v;			

				23r; 23v			
In Warenghem (et Derleka?)	11					33r; 33r; 33v; 33v; 34r; 34r; 34v; 34v; (35r) 35v; 36r	

В этой связи, трудно удержаться от того, чтобы не задать себе несколько вопросов:

(1) Чем же можно объяснить то обстоятельство, что описания тронков из одних поселений можно встретить рассредоточенными по разным частям регистра (или по разным листам одного и того же его раздела), а из других они более или менее «кучно» были сосредоточены в каком-то одном его месте, из третьих же вообще могут быть почти все объединены в единую неразрывную группу тронков?

(2) В тех случаях, когда они объединены в такую единую группу, что их еще в ней объединяет помимо соседства? Нельзя ли предположить, что в таких случаях речь может идти не просто о соседях, но и о родичах?

(3) И вообще, какой могла быть роль родственных связей между тронками при выборе писцами последовательности их описания? Не было ли именно родство (или его отсутствие) между ними тем условием, которое и определяло порядок и последовательность их описания внутри разделов, да и в регистре в целом?

К сожалению, прямые свидетельства в самом тексте регистра о существовании родственных СВЯЗЕЙ между

соседствующими в описи тронками исключительно редки и в некоторых случаях довольно двусмысленны. Едва ли не единственный пассаж, прямо и недвусмысленно отмечающий в тексте родственную связь между двумя следующими друг за другом при описании группами алтарных трибутариив, содержится в начале регистра, на л.6, где сначала дается описание тронка из Афсне, члены которого числятся в двух соседних поселениях – Дикеле и Букел, а затем на обороте того же листа описывается тронк из Дикеле, о котором в маргинальной ремарке сказано, что он составляет с предыдущим тронком «единый род» (*Una progenies*)¹. И для большей наглядности от самой ремарки к обоим тронкам были даже проведены две линии (см. илл. № 7). Столь же похоже и столь же определенно говорится о существовании родства между двумя другими рядом (через черту) описанными в двух *additamenta* на л.19 тронками из местечка Олсен. Второе *additamentum* начинается с недвусмысленной фразы: «Также в Олсене тот же род» (*Item in Olsene eadem progenies*)². Наконец, есть случай буквально прямо проведенной кем-то из писцов связи с помощью прямой линии, соединяющей рядом расположенные в тексте тронки (см. илл. № 8). Она связывает два тронка из двух разных местечек, и к тому же географически расположенных достаточно далеко друг от друга³.

Отметим, прежде всего, что по этим прямым свидетельствам авторов регистра родственные узы могут связывать членов тронков как из одного и того же селения, так и из соседних, и даже из далеко отстоящих друг от друга. А, кроме того, не означают ли столь редкие случаи прямо отмеченного родства между соседствующими в тексте тронками, что в них речь идет о некоем исключении из правила, по которому, поскольку во всех остальных случаях

---

¹ K 2556, f.6r: In Dycle et Bokle. Ad criptam. [In Nativitate] Marie. Troncus de Afsne. ... ; f.6v: Ad Dickle. Ad criptam. ... (in margine) (add.): Una progenies...

² K 2556, f.19v (add.): In Olsene. ... (add.): Item in Olsene eadem progenies ...

³ K 2556, f.47v: In Calkyne (Gent). In festo Bavonis. ... In Badenghem (Aalst)...

родства между такими тронками не существовало, то и отмечать его не было необходимости?

Однако мы сразу же находим отрицательный ответ на этот вопрос, поскольку в регистре имеются два случая, в которых, наоборот, писцами было прямо отмечено как раз *отсутствие* родства между тронками, что полностью противоречит выше предполагаемому «правилу». В первом из них речь идет о тронке из местечка Вихелен и двух группах алтарных трибутариив из городка Зеле. Об одной из них сказано, что она представляет собой «другой род и платит вместе с вышеозначенными» (*Alia progenies et solvunt cum superioriobus*)⁴. Похожий случай мы находим на л.25, где в начале нового раздела сначала описывается тронк из местечка Элст, а затем на обороте листа – «другой род из Бистер» (*Alia progenies de Byster*). Далее говорится, что «некий Роберт Корс собирает чинш у всех означенных из Элст и из Бистер» (*Robertus Cors. Iste Robertus colligit censum istorum omnium de Elst et de Byster*)⁵.

Отметим и здесь, что отсутствие родства (равно как раньше его наличие) может иметь место, как между тронками из одного и того же, так и между тронками из разных поселений. С другой стороны, факт *совместной* уплаты членами «неродственных» тронков следуемых с них личных платежей играет, по-видимому, какую-то очень важную роль для авторов регистра, и появление их прямых ссылок в каждом из только что рассмотренных случаев на инаковость описываемых здесь родов явно как-то с этим связано. Впрочем, этот же факт указывает на возможность существования между этими тронками все же и какой-то родственной связи. Об этом же говорит и некоторая двусмысленность в самих словах «*alia progenies*», означающих, то ли «(совершенно) иной», то ли «следующий

---

⁴ K 2556, f. 9r: In Wienze. Troncus de Wiglyne. ... ; Ad pascha. In Zele. Item in Zele ... ; f. 9v: In Zele. Ad pascha. Alia progenies et solvunt cum superioriobus. ...

⁵ K 2556, f. 25r: Isti sunt qui pertinent ad Curiam de Desle et solvere debent ad festum Beati Dyonisii. Adelent. Ista fuit troncus illorum de Elst ...; f.25v: Ad Desle. Dyonisij. Alia progenies de Byster. Robertus Cors. Iste Robertus colligit censum istorum omnium de Elst et de Byster. ...

(за первым) род». В общем, эти «прямые свидетельства» авторов регистра мало что добавляют к решению вопроса о принципах группирования и последовательности описания тронков в регистре, хотя они недвусмысленно свидетельствуют о том, что соседство тронков (или его отсутствие) не является достаточно надежным критерием для суждения о наличии родства (или его отсутствию) между ними.

Разумеется, было бы наивным целиком и полностью полагаться лишь на эти прямые свидетельства составителей регистра. Их явно следует дополнить детальным сравнительным анализом СТРУКТУРЫ самих тронков, в том числе (и прежде всего) тех из них, родство (или его отсутствие) между которыми прямо отмечено в регистре его авторами. Однако в ходе такого анализа очень быстро обнаруживается, что он в этом отношении практически мало чего дает, поскольку с его помощью родственные связи между (в том числе и прямо отмеченными авторами регистра в качестве родственных) тронками по их описаниям в регистре не выявляются.

Ограничусь одним, самым кратким примером. Выше мной уже были упомянуты два тронка из местечка Олсен, которые – по словам писца – автора двух *additamenta*, в которых они были им описаны – составляли «один и тот же род» (*eadem progenies*)⁶. Структура родственных связей внутри этих тронков представлена в таблице № 6 (a) и (b).

Таблица № 6(a): f. 19v.(add.1): In Olsene.

	I.	II.
1.		
Vergina		
	2. Adeliza	filia
	(de	Vergine(1)

⁶ K 2556, f. 19v (add.1): In Olsene. ~~Vergina. Adeliza filia Vergine.~~ Grita filia eius. Liza filia Ave. Christina filia Adelizae de Damme. Balduinus de Damme. *eius filius in Houtem. censorarius.* Willelmus frater eius. Daniel de Damme. Albrechts filius Griten; (add.2): Item in Olsene eadem progenies. ~~Magtildis filia Ricildis.~~ Berta filia Magtildis. Hankin filius Magtildis. ~~Lisbethe filia Magtildis.~~

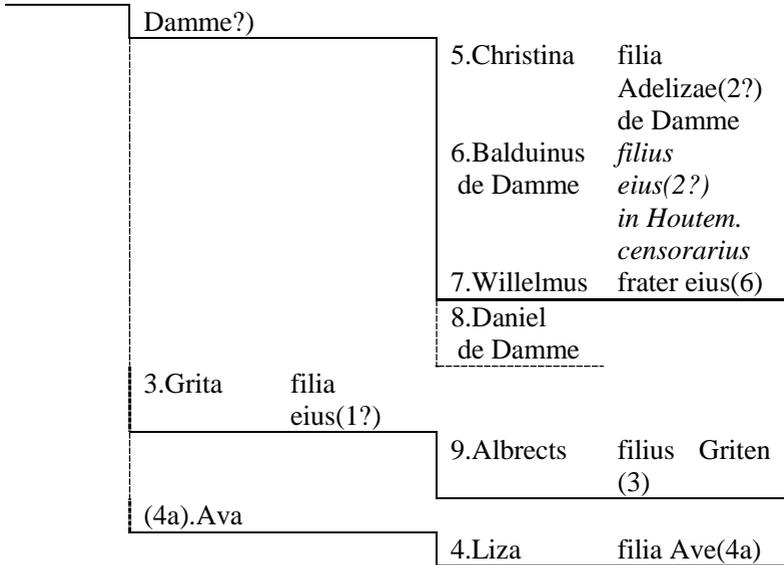
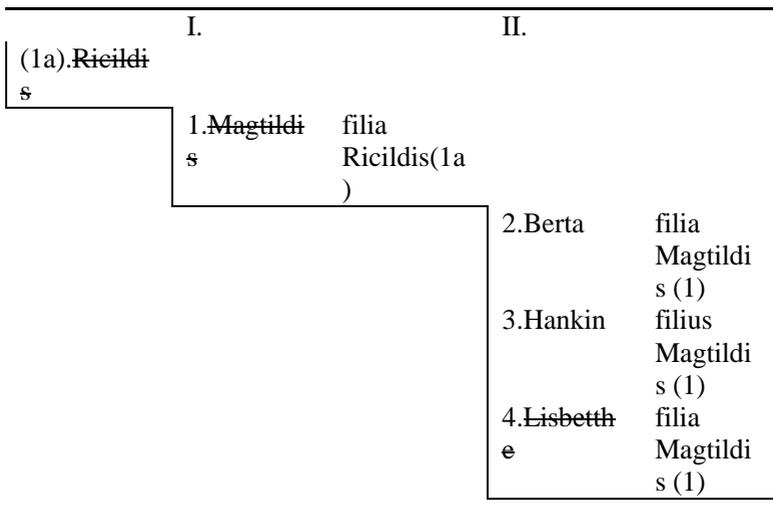

Таблица № 6(b): f.19v.(add.2): Item in Olsene eadem progenies.

Как видим, при описании этой структуры писцом было оставлено много лакун, вызывающих у нас немало вопросов. Грита(3) – это дочь Вергины(1) или дочь Аделизы(2)? Аделиза из Даммы – та же самая Аделиза(2) или какая-то другая? Кто такая Ава(4а), имеющая дочь Лизу(4)? Еще одна дочь Вергины(1) или ее сестра или какая-то другая родственница? Даниель из Даммы(8) – второй брат Балдуина(6) из Даммы или нет? Наконец, какими же родственницами являются основательницы двух этих родственных тронков, Вергина и Рикилдис? На основании этих явно неполных описаний вряд ли возможно составить точное и полное представление о том, какими же конкретно родственными узами были связаны *все* члены обоих тронков. Нам остается в *ряде случаев* только догадываться о том, как же все могло обстоять на самом деле, придерживаясь наиболее вероятной версии. Вероятно и то, что оба этих тронка представляли собой две боковые ветви одного рода, а Вергина и Рикилдис могли быть кузинами.

Все эти наблюдения, связанные с лакунами в описании структуры тронков алтарных трибутариев, выводят нас непосредственно на проблему ФОРМУЛЯРА описания в регистре как самих тронков, так и *additamenta* к ним, и где нас тоже ожидает целый ряд не менее интересных и неожиданных, а порой и просто парадоксальных загадок. Одна из них связана со странным и необъяснимым «дублированием» в тексте регистра одних и тех тронков. В самом деле, довольно часто встречаются случаи, когда составители регистра в самых разных его частях дважды, а то и трижды зачем-то повторяют описания одной и той же семьи алтарных трибутариев. Всего мной обнаружено уже более полутора десятков таких парадоксальных случаев странного «тиражирования» в регистре «тронков-двойников» или «тронков-близнецов», и это число, скорее всего, не окончательное. Несомненно, это свидетельствует о том, что мы имеем перед собой явление хоть и довольно необычное, но отнюдь не случайное, которое нуждается в каком-то объяснении.

Приведу два кратких примера подобных случаев описания своеобразных «тронков-двойников», с которыми

мне пришлось столкнуться уже в самом начале регистра. На правой стороне л.2 (см. илл. № 9) содержится дополнение, сделанное, вероятно, к находящемуся на том же листе описанию тронка из прихода св. Девы Марии из расположенного в предместье Гента местечка Леден⁷, хотя каким же образом были связаны описанные в них алтарные трибутарии, остается совершенно неясно. В самом дополнении описаны дети и внуки некоей Маргареты, дочери Балдуина из Алста, жившие в том же приходе св. Девы Марии⁸. Дополнение написано знакомым мне по некоторым грамотам почерком кантора Евстасия (годы его канторства: 1266-1273).

Описание тех же потомков (*heredes*) все той же Маргареты, дочери Балдуина из Алста, из того же прихода св. Девы Марии в Генте мы встречаем и в дополнении на л.39 кодекса (см. илл. № 10)⁹. Это *additamentum* тоже, вероятно, как-то связано с чуть выше описанным на этом же листе тронком из «виллы св. Петра», расположенной в том же приходе св. Девы Марии в Генте, но каким образом – тоже установить не удастся. Текст его написан незнакомым мне почерком, более ранним, чем почерк Евстасия, и близким по времени почерку кантора Лаврентия, но явно не идентичным ему. Скорее всего, запись была сделана на одно – два десятилетия раньше дополнения Евстасия. Поэтому оно и короче, и учитывает лишь детей упомянутой Маргареты, в то время как дополнение Евстасия описывает, как уже было сказано, и некоторых из ее внучек (ср. табл. № 7 и табл. № 8).

---

⁷ = Ledeberg (Gent); cf. Lib. Inv., f.23r: Item in parrochia beate Marie in loco qui dicitur Lede.

⁸ K 2556, f. 2r (add.): In parochia Sancte Marie Gandensis. Margareta filia Balduini de Aloest. Gertrudis filia eius. Adelisa filia eius. Balduinus filius eius. Willelmus filius eius. Gertrudis filia Gertrudis. Maria eius soror. Margareta Ost eius soror.

⁹ K 2556, f. 39r (add.): Item census ad natalem beate virginis Marie solvendus. In parrochia Sancte Marie. Margareta filia Balduini de Alost. Gertrudis filia eius. Balduinus filius eius. Adelisa filia eius. Willelmus filius eius – heredes dicte Margarete.

Таблица № 7: Структура тронка Маргареты, дочери Балдуина из Алста, по дополнению неизвестного писца середины XIII в.

f.39r (add.): Item census ad Natalem beate virginis Marie solvendus. In parochia Sancte Marie.

0.	I.	II.
1a. Balduinus de Alost	1. Margareta	2. Gertrudis 3. Balduinus 4. Adelisa 5. Willelmus

---

Таблица № 8: Структура тронка Маргареты дочери Балдуина из Алста по дополнению кантора Евстасия (ок.1266-1273)
 f.2r (add.): In parochia Sancte Marie Gandensis.

0.	I.	II.	III.
1a. Balduinus de Aloest	1. Margareta	2. Gertrudis 3. Adelisa 4. Balduinus 5. Willelmus	6. Gertrudis 7. Maria 8. Margareta Ost

Второй пример «тронков-двойников» очень похож на первый и даже, возможно, с ним связан. На обороте л.3 (см. илл. № 11) в качестве дополнения к описанной здесь ранее кантором Лаврентием очередной родственной группе алтарных трибутариив из «виллы св. Петра», связь с которой снова не устанавливается, рукой уже известного нам кантора Евстасия были поименованы члены еще одной семьи из Гентского прихода св. Девы Марии. Она, так же, как и описанная им в другом дополнении семья Маргареты, дочери Балдуина из Алста из того же прихода, тоже состояла из дочерей и внуков некоей Агаты, вдовы Герарда Регис, дочери Гертруды Гизельберта Дрогес¹. Не исключено, что обе эти семьи, зарегистрированные Евстасием как прихожане одного и того же Гентского прихода св. Девы Марии, были родственными семьями.

Таблица № 9: Структура тронка Агаты Регис по описанию кантора Лаврентия и его неизвестного продолжателя (ок.1235-1243).

f.1v: In nativitate Marie ...		
0.	I.	II.
(add.)3.Gertrudis	1.Agatha 1a. Regis	2.Gertrudis (add.)4.Elizabeth (add.)5.Ave Zote

Таблица № 10: Структура тронка Агаты Регис дочери Гертруды из Гентского прихода св. Девы Марии по дополнению кантора Евстасия (ок.1266-1273)

¹ К 2556, f. 3v (add.): In parochia Sancte Marie Gandensis apud Alost Gertrudis uxor Giselberti Droghes. Agatha eius filia relicta Gerardi Regis. Lisbetta eius filia Aghate uxor Terrici Wilden de Hede. Gertrudis eius soror. Ava eius soror uxor Johannis Zoetemelkes. Maria filia Gertrudis. Walterus eius filius.

f.3v (add.): In parochia Sancte Marie Gandensis apud Alost.

0.	I.	II.	III.
1.Gertrudis 1a.Giselberti Droghes	2.Aghata 2a.Gerardi Regis	3.Lisbetta 3a.Terrici Wilden de Hede	
		4.Gertrudis	6.Maria 7.Walterus
		5.Ava 5a. Johannis Zoetemelkes	

Евстасий, поместив свое дополнение на обороте л.3, снова «не заметил», что на обороте л.1 (см. илл. № 12) кантор Лаврентий примерно за 30 лет до него уже описал в составе тронка из «виллы св. Петра» в Генте ту же самую Агату (у Лаврентия она еще фигурирует как «жена Регис») и одну из ее дочерей Гертруду. К этой записи Лаврентия немного позже кем-то из последующих писцов, но явно предшественников Евстасия, было добавлено: Elizabeth, Avezote filie eius, а поверх строки с описанием Агаты отмечено: Gertrudis mater Agathe². То, что в обоих описаниях речь идет об одной и той же семье, нет никаких сомнений. Их структура идентична, хотя описание Евстасия более

² К 2556, f. 1v: (In villa sancti Petri) In nativitate Marie. ... Agatha uxor Regis. (add.: Gertrudis mater Agathe.) Gertrudis. (add.: Elizabeth. Avezote filie eius).

подробно описывает мужей женщин и содержит уже и описание внуков, поскольку оно позднее по времени (ср. табл. № 9 и табл. № 10).

Естественно, возникают неизбежные «вопросы к авторам» этих «описаний-двойников»:

- (1) Случайно ли они их «продублировали» и поместили их в разных местах регистра?
- (2) Почему они игнорируют и не «замечают» идентичные их дополнения более ранние описания тех же тронков алтарных трибутариев, оставленные их предшественниками?
- (3) Что помешало Евстасию дописать уже имеющиеся эти более ранние записи, хотя рядом с ними оставалось для этого еще достаточно свободного места, и заставило его написать новые дополнения, поместив их совсем в другом месте?
- (4) Какими резонами они руководствовались, помещая свои дополнительные записи рядом именно с теми тронками, около которых мы их находим?

К сожалению, мне пока не удастся «услышать от них» ясных ответов на эти вопросы³.

Скорее всего, «тронки – двойники» являются одним из вариантов используемых в регистре дополнений. Всего в нем можно выделить четыре варианта *additemanta*, которые условно назовем как «дополняющие», «пояснительные», «исправляющие» и «самостоятельные». Чаще всего в регистре встречаются «дополняющие» *additamenta*, которые в прямом смысле *дополняют* тронки описаниями поколений детей, внуков и т.д. При этом их описания легко *связываются* с тем или иным конкретным алтарным трибутарием как их прямым предком (см. илл. № 13)⁴.

---

³ Более подробно об этом загадочном явлении см. в моей статье «Тронки – двойники» в регистре алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII века // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. статей. / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 23-58.

⁴ К 2556, f. 4r: De Lende. Ad criptam. In nativitate Marie. Heyla filia Ave de Lende. Lyza filia Heyle. Ava filia (Heyle) (*add.1: Margareta filia Heyle Walterus frater eius*) (*add.2: Gosvinus filius Heile. Clemma de*

Редкие в регистре⁵ «пояснительные» дополнения разъясняют «темные места» в описаниях структуры родственных связей внутри тронка, тем самым ликвидируя некоторые из тех «лакун» в ней, о которых уже шла речь выше (см. илл. № 14)⁶. Еще реже встречаются в регистре дополнения, которые исправляют ошибки, допущенные кем-то из прежних писцов (см. илл. № 15)⁷. Довольно частые так называемые «самостоятельные» дополнения могут представлять собой как изолированные упоминания о том или ином алтарном трибутарии, так и могут содержать описания целых тронков, прибавленные к другим ранее описанным здесь тронкам, родственную связь с которыми автор дополнения, может быть, и подразумевает, но не фиксирует. Эту связь, как правило, не удастся выявить и на основе анализа структуры описания этих тронков. Пожалуй, «тронки – двойники» можно отнести именно к последнему варианту дополнений.

Возможно также, что разгадка загадки «тронков – двойников» кроется в другой загадке. Дело в том, что в регистре иногда «дублируются» не только целые тронки, но и индивидуально некоторые алтарные трибутарии, причем эти «копии» бывают двоякого рода. С одной стороны, мы находим одного и того же трибутария (или трибутарию), включенным одним и тем же писцом в *разные* тронки (иногда *дважды* в один и тот же тронк). А с другой стороны, имеется немало случаев, когда имя того или иного алтарного трибутария, упомянутое одним писцом, «дублируется» в качестве *additamentum* другим писцом более позднего времени тут же *рядом* с прежним упоминанием о нем.

Lovendenghem.) Margareta soror Heyle. Giselbertus, Woytinus .*cens.* et Balduinus fratres Margarete. (*add.*: *Lizabetta filia Margarete*)

⁵ Чаще вербальные комментарии в нем просто заменяются не менее ясно «говорящими» связующими линиями (см. илл. № 3 и др.)

⁶ K 2556, f. 43v-44r: Item In Desseldonc. In Nativitate Domini. .Abbatis. Gertrudis de Velde. Hylle uxor Thome soror eius. Sylla soror eius. Wilkyn Brune .*cens.* filius eius. ~~Wilhelmus de Velde filius eius.~~ Hylla soror eius. Ava soror eius. Gertrudis soror eius. (*add.*: *filie Gertrudis de Velde*)

⁷ K 2556, f. 21v: In Laren. In die beati Remigii. Tankyn de Colke. .*troncus.* ... Henricus filius Heyle. (*add.*: Ermentrudis soror eius) Heyla filia Ermentrudis. (*add.*: Gertrudis filia Heile Ermentrudis ~~Walterus~~ Henricus filii Belia filia Hele) ~~Walterus Geyla filii~~ (Ermentrudis)

Поясню все это на некоторых примерах. Примером «дублирования» первого рода может служить пока не поддающееся объяснению странное двукратное описание некоей Берты из Бистер (*Berta de Byster*), дважды поименованной среди членов уже упоминавшегося мной «рода из Бистер» (*progenies de Byster*) (см. илл. № 16)⁸. Чаще, однако, следует вести речь о «дублировании» не женщин, а мужчин, имена которых неоднократно встречаются в *разных* тронках. В ряде случаев такое их неоднократное описание вполне объяснимо, поскольку из одного тронка имярек происходил, а в другом он являлся мужем женщины – алтарной трибутарии этого тронка⁹. Но в большинстве случаев подобное «дублирование» не удается пока объяснить¹⁰.

---

⁸ K 2556, f. 25v-26v: Alia progenies de Byster. ... Adela de Lakedriske. Berta de Byster. In Wettre. Daniel de Hede. Heila Rode. Giselbertus frater eius. Ava soror eius Arnoldus filius eius. Walterus Hokel. Ava soror eius. Berta de Byster; cf. autem f. 1v: (In villa) .Petri. In nativitate Marie. ~~Ava Arnoldi Lyves.~~ f. 2r: In villa Petri. (In nativitate) Marie. ~~Ava filia Arnoldi Lyves.~~

⁹ K 2556, f. 9r-9v: In Wienze. Troncus de Wiglyne. ... Balduinus de Horreo *ensorarius*. Gosvinus frater eius. Bella soror eius ... In Zele. Ad pascha. Alia progenies et solvent cum superioribus. Lya uxor Balduini de Horreo; f.22v: In Derselghem. Ad criptam. ... Arnoldus *ensorarius* de Houthe. Oliverus, Woytinus et Oliverus fratres eius ... In Derselghem. In pascha. Heyla filia Dydele. Netha soror eius. Netha de Houthe filia Heyle. Arnoldus de Houthe *ensorarius* maritus Nete; f. 25r-25v: Ista fuit troncus illorum de Elst. ... Imma uxor Willemi Bodels ... Alia progenies de Byster. ... Willelmus Bodel. Sigerus et Robertus fratres eius; f. 28v-29r: Ad Desle. In Wondelghem. Martini. In Wondelghem. ~~Willelmus *ensorarius*~~ et Walterus *ensorarius* de Wynkle Margareta uxor Lupi. Adeliza Henrici de Lancberghe ... Ad Desle. Item in Wondelghem. Martini. ... Heyla uxor Willelmi de Wincle ... Item ad Desle. In Everghem. Troncus Wadeborc de Belzele, mater Ave et Lismodis ... Berta filia Lismodis. Henricus de Lancberghe. Arnoldus, Willelmus, Gerardus et Lismodis filii Berte ...

¹⁰ K 2556, f. 4r.: In Afsna. Ad criptam. In Nativitate Marie. ... Balduinus *.cens.* Pottere; f. 5v.: In Eka. In nativitate [Marie]. ... Balduinus *.cens.* Pottere; f. 4v: Item in Donsa. Ad criptam. (In nativitate) Marie. ... (add.: Soikin de Monte); f. 5r.: Item in Donsa. ... (add.: Soikin de Monte); f. 16r.: In Donsa et Potenghem. Ad criptam. ... Soykin et Gerardus filii Philippi de Monte; etc.

Немало в регистре встречается «дублей» второго порядка, когда имя некоего алтарного трибутария (иногда вместе с именами ближайших членов его семьи) спустя какое-то время повторяется другим писцом здесь же *рядом*, около уже существовавшего упоминания об этом трибутарии (см. илл. №№ 17-18)¹¹. Складывается впечатление, что таким образом более поздний писец как бы обновлял и *подтверждал актуальность* прежней записи, сделанной ранее его предшественником, иногда дополняя или несколько корректируя ее (см. илл. №№ 19-20)¹². Собственно, примерно так же авторы *additamenta* поступали и относительно некогда до них отмеченных в рубриках регистра мест «приписки» алтарных трибутариев и условий (срока уплаты) следуемых с них платежей, иногда подтверждая их (см. илл. № 21)¹³ или, наоборот, изменяя (см. илл. № 6)¹⁴.

В заключение следует признать, что довольно сложно делать итоговые выводы по статье, состоящей в

---

¹¹ K 2556, f. 2v: (add. 1: Grita filia Imme). (add. 2: Grita filia Imme); f.6r: Henricus filius Griten. (add.: Henricus filius Griten); f. 14v: Heylewif filia Gertrudis Memers. Arnoldus Memer frater eius. (add. 1: Bilia filia Heylewif. Margareta soror Bilie) (add. 2: Arnoldus Memere *cens.* Heilewif soror eius. Belie filia Heilewif) (add. 3: Margareta filia eius); f. 39r: Lyta filia Lite (add.: Lita filia Lite); etc.

¹² K 2556, f. 10r: (add. 1: Avazota. Agatha filia eius. Margareta filia eius) (add. 2: Avezote uxor Walteri de Wezepoule. Agatha filia eius. Margareta filia eius); f. 22r: Grita de Damme. Ava filia eius (add. 1: Ava filia Grite) (add. 2: Ava Gheylyncs, filia Grite de Damme); f. 33r: Adeliza soror eius. Heyla soror eius. Magtildis soror eius. (add.: In Materne. Adelisa. Magtildis. Heile); etc.

¹³ K 2556, f. 38r: In Otenghem. In pascha. (add.: In Otenghem In Pascha); f. 9v: In Gremberghe iuxta Zele. Ad pascha (add.: In pascha); f. 14r: In Somerghem. Remigii (add.: Somerghem); f. 16r: In Donza et Petenghem. Ad criptam. (add.: Donsa et Petenghem); f. 17v: In Ansbeka. In festo Bavonis. (add.: In Ansbeka); f. 18r: In Lovendenghem. [In Nativitate Marie?] (add.: In Lovendenghem [..... Marie?]); etc.

¹⁴ K 2556, f. 18r: In Lederne Marie. In (add. 1: cathedra Petri) (add. 2: In Lederne Marie. Bavonis); f. 2v: In Suinarde. Ad criptam. In nativitate Marie. (add.: Ad vinculam Petri); f.5r: Item in Suinarde. Ad criptam. .Marie. (add.: Ad vinculam Petri); f. 5r: In Eka et in villa Petri. Ad criptam. .Marie. (add.: Ad vinculam Petri); f. 8r: Item in Suinarde, solvendo in festo (add.: Sancti Petri ad vinculam) (add.: Abbatis); etc.

основном из одних вопросов и гипотез. Нужно ли было вообще писать такую статью, в которой нет ясных ответов на вопросы? Тем не менее, автор полагает, что не зря потратил свои силы на ее написание. Он тщит себя надеждой, что смог в ней доказать читателю, что мы, действительно, имеем перед собой непростой, в чем-то даже загадочный средневековый документ, и что ему удалось конкретно показать, в чем же заключена его неординарность. При написании этой статьи автор также отталкивался от той простой мысли, что заметить «странные неясности» и правильно поставить по ним вопросы – уже полдела на пути их разрешения. Дело остается лишь за «малым» – попытаться найти ответы на эти поставленные вопросы.

Литература:

Annales de Saint-Pierre de Gand et de Saint-Amand / éd. par Ph. Grierson. Bruxelles, 1937.

Barthélemy D. La société dans le comté de Vendôme. Paris, 1993

Berings G., Van Simaey Ch. Abbaye de Saint-Pierre au Mont-Blandin à Gand // Monasticon belge. T. VII: Province de Flandre orientale. Vol. 1. Liege, 1988. P. 69-154.

Boeren P.K. Études sur les tributaires d'église dans le comté de Flandre du IXe au XIVe siècle. Amsterdam, 1936

Braeckman W. De moeilikheden van de benedictijnerabdijen in de late middeleeuwen: de Sint-Pietersabdij te Gent (ca. 1150 – ca. 1281). Gent, 1963;

Champeaux E. Jus sanguini. Trois façons de calculer la parenté au Moyen Âge // Revue d'histoire du droit français et étranger, 4e série. 1933. T. XII. N. 2. P. 241-290

Chartes et documents de l'abbaye de Saint-Pierre au Mont-Blandin à Gand / éd. par A. Van Lokeren. T. I. Gand, 1868

Chibnall M. Liens de *fraternitas* entre l'abbaye Saint-Evroult et les laïcs (XIe-XIIe siècles) // Les mouvances laïques des ordres religieux / éd. par N. Boutier. Saint-Etienne, 1996.

Comptes de l'abbaye de Saint-Pierre à Gand, fol.1-2 / éd. par Napoleon de Pauw. La vie intime en Flandre au Moyen Age // B.C.R.H. T. LXXXII, fasc.1 (1913).

De Mey G. De financiële organisatie van de Sint-Pietersabdij te Gent in de tweede helft van de 14de en de eerste helft van de 15de eeuw. Gent, 1969-1970;

Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6-8 juin 1974), sous la dir. de J. Le Goff. Rome, 1977;

Fossier R. Polyptyques et censiers. Turnhout, 1978.

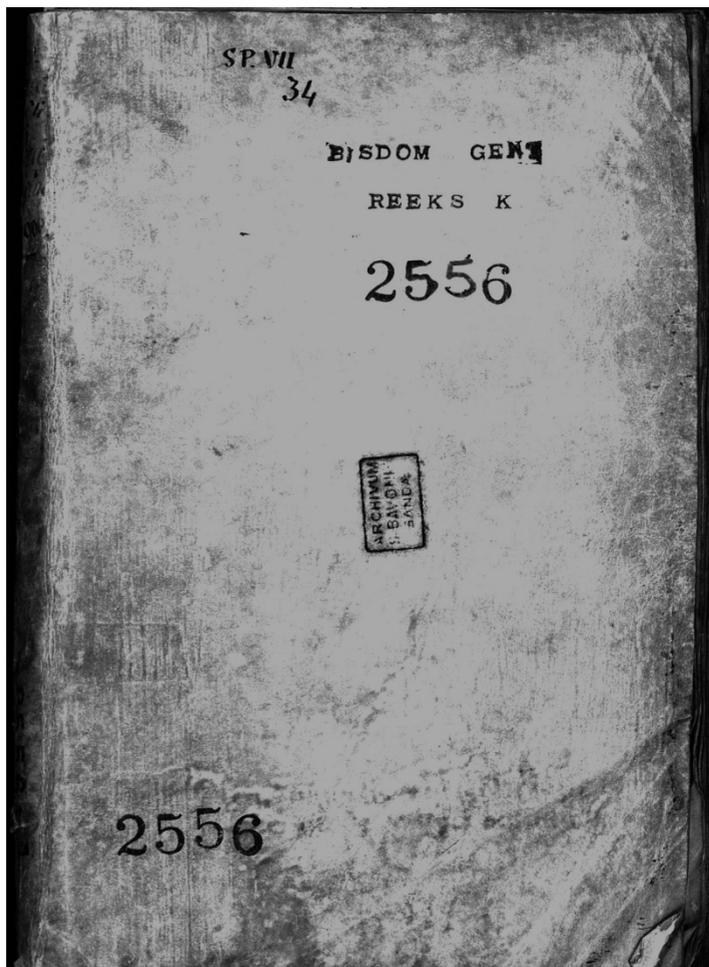
- Guerreau-Jalabert A.* La parenté dans l'Europe médiévale et moderne: à propos d'une synthèse récente // L'Homme. Paris, 1989.
- Johannis de Thilrode Chronicon* / ed. I. Heller // MGH SS.
- Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995.
- Miramon Ch. de.* Les «Donnés» au Moyen Age. Une forme de vie religieuse laïque (v.1180-v.1500). Paris, 1999
- Petrus Lombardus.* Sententiae in IV libris distictae / éd. par J. Brady // Spicilegium Bonaventurianum, 4-5. Grottaferrata, 1971-1981.
- Rijksarchief te Gent, Sint-Baafs en Bisdom, reeks K, nr. 2556: Register van de hoofdcijnsplichtigen, [kort na 1238] (opgemaakt, voortgezet tot eind 13e eeuw). 1 deel – M. Carnier, Inventaris van het archief van de Sint-Pietersabdij te Gent “registers” (reeks I en de delen en banden) (944/996-1796), (s.l., s.d.), blz.50, N 185
- Schmid F.* Onderzoek van persoonsnamen in een XIIIde eeuws register van hoofdcijnsplichtigen der Sint-Pietersabdij de Gent (1236-1265). Licentiaatsverhandeling, doctoraalskriptie. Gent, 1955.
- Strubbe I.* Een twaalfdeeuwse lijst van vrijgewijden uit West-Vlaanderen // Annales de la Société d'Emulation de Bruges. T. 76. Bruges, 1933-1934. P.137-146.
- Verriest L.* Le servage dans le comté de Hainaut. Les sainteurs. Le meilleur catel. Bruxelles, 1910
- Бессмертный Ю.Л.* Это странное, странное прошлое ... // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Под ред. Л.П. Репиной. Вып. 3. М., 2000. С. 38-41.
- Габдрахманов П.Ш.* «Тронки – двойники» в регистре алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII века // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. статей. / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 23-58.
- Габдрахманов П.Ш.* Родословные трибутариев в средневековой Фландрии // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2004. С. 61-77.
- Габдрахманов П.Ш.* Странная oīgo Бруны // Казус 2005. М., 2006.
- Габдрахманов П.Ш.* Что в имени тебе моем?... Семья и имя во Фландрии XII-XIII веков // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л.Бессмертного. М., 2000. С. 70-84
- Добаши-Рождественская О.А.* История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. 3-е изд. М., 1987 (1-е изд. М.; Л., 1936).
- Киселева Л.И.* Латинские рукописи XIII века. СПб., 2005.
- Луизова Т.В.* Об исторических условиях возникновения так называемого готического письма. // СВ. Вып.5. М., 1954;
- Люблинская А.Д.* Латинская палеография. М., 1969.

Мирамон Ш. де. Принятие монашества в сознательном возрасте (1050-1200 гг.). Исследование феномена обращения в зрелом возрасте. // *Анналы на рубеже веков. Антология.* / Отв. ред. А. Я. Гуревич; сост. С.И. Лучицкая. Пер. с фр. М., 2002.

Романова В.Л. Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV-XV вв. Кодикологический и книговедческий аспекты. Л., 1985

Романова В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII-XIV вв. М., 1975.

Приложения

Илл. № 1

7
Hec sunt Nomina que spectant ad actiuitatem
boni pet In Gand. C. solvere tenent annuatim
p. Centu capitali. d. Den. In maiori copu
latione. Sex. z in morte rucum.
In p. uenit ad Crispam. z solvere tenent. In hat. et
B. ylia alb. ces. Theoderi. filius ei. In uirginis.
In villa pet.
Douctem.

Илл. № 2

Gysela fit helyns.
~~Gerard^{us} broder. z vald^{us} filii ei.~~
Clarun so^r ei Gisele ~~woytun^{us} valke~~
Bertra so^r ei.

Magtildis so^r Gerardi.
Grita so^r
Heyla so^r

~~Aua fit clarun^{us}~~ ~~woytun^{us} valke~~ ^{ene.}
Sibilia fit
Heyla fit

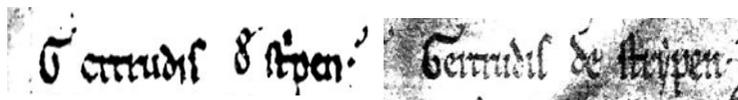
Truda fit Bertra.
Magtildis fit
Heyla fit

Илл. № 3

Образчик почерка Лаврентия

В Регистре
К 2556, f.40r

И в одной из его
грамот VL N 529

Илл. № 4

In Lederno s. lan. 18

In Lederno s. lan.
In archedea pet

S als . cens.
 asayz sōr ei. mayz sōr ei.
 i voluz. heyla de mayenghem.
 In seude mayz symons s moled.
 Ierighe. heunic cast. woyru' de mayenghe.
 Jarey. Jseu' cast. Claus Gwelmakre. Aua sōr ei.
 J mma sōr aue de mere.
 A ua puu. Arnold' sōr vromoldi.
 h eyla hengz filij adeluz.
 J mma hengz wayz.
 Irchenio. Auezorha de legia. woyru' sōr ei.
 O guu sōr aue.
 I desle. Syger' Gwelmakre.
 I ghe. Clemra uux Rogi s hegnace.
 Woldue. emma de belleve.
 Berta Wittebroet. allebach.
 aua de hagha. aua ei. f.

Илл. № 6

A uezōra sōr ei' Gwinds.
 a deliza sōr ei'

henri d'octore
ad dialg.
una p. gies

ad epam. I ughenem de Dickac.
 hyldegart sōr ei'.
 L yra sōr hildegardis.
 Gerradis sōr Lyre.
 G mngar sōr Lyre.
 h eyla sōr lue.

Илл. № 7

In castelle. In fe^l bat.

abbis.

A dela fit hoya d noua domo.
 C rra fit ei.
 h epla fit ei.
 A ua d houere.
 ay arg d wide so^r ei. bald flauing^o
 G erudis so^r ei.
 G erudis d bosco. T Alliane
 W ill fit adele. Bald fr^o ei. henman d lare.
 G erudis de roden so^r ei. Genekyn fit ei.

In badenghe.

cons.

A ua de vuche. an. an. r. thomas filii ei.
 B eria fit ei.
 m arg fit ei.
 A ua de duafhede. walt de post fit ei.
 a deylza so^r walt.
 ay arg so^r
 h epla de roden.

Илл. № 8

A ua uxor hannelyns wagemares. cons. hengz fit ei. annis.

I nma fit ei.
 h epla fit ei.

A ua fit hyldegardis.

A ua fit marthe.

B ald voghel wyne fr^o ei. Truue so^r eoy.

In procha se^r ahaie Gondej.
 ahm^o rera Alia boldunij de aloer.
 Gerdyz fit eius. adna fit eius.
 baldunij fit eius.
 W ill fit eius.
 Gerdyz fit gerdyz.
 ahna e^r dor.
 ahm^o rera e^r d dree.

In Leden.

Илл. № 9

troya uro arn

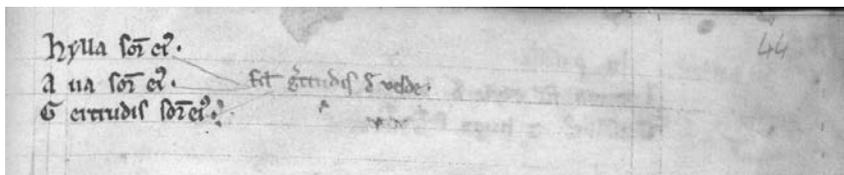
In nar 5.
 Johannes lonke- arnod de monte. Rogerus magh.
 Hera sör arn. agartha fit a.
 Walt z henricus fit marg rle molendino.
 W arg^{us} sör willelm^{us} de wills. z Bald fit ei. hoh;
 lieandis. auerora fit. henric fit ei beyart. agham fit.
 B adeloga fit marg. [4 arandiam fit
 B caro sör badel.
 A ua z usbertha filie agarthe. Johannes fit aue.
 R obertus de molendino. wills lshar
 G isella z hromer fit. bald asku fit ei.
 Chala suo fit. egidi fit ei.
 Chualer fit. ohele. margareta sör eaz.
 Agatha helekin elizabeth adelisa sör eaz.
 B ait de hede. herla sör ei. Beate fit ei.
 Gertrudis nör. agathe.
 A gatha uxor regis. Gertrudis elizabeth. auerora. filie
 margareta

Илл. № 12

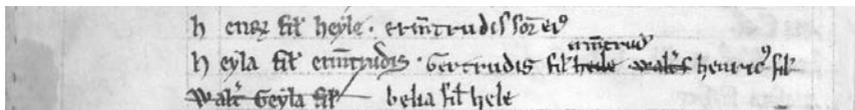
de Lende.
 ad eptam.
 In nar 5.

h agla fit aue de Lende. marg fit hoyle walt fit ei.
 L yza fit heyle. G osun fit heyle. demmad lovendenghe.
 A ua fit
 W arg sör heyle. lezaberra fit marg.
 G isella. woxen. z bald fit marg.

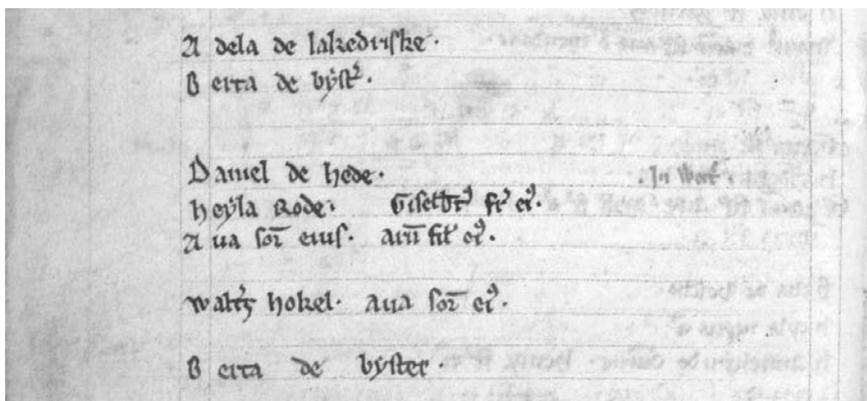
Илл. № 13

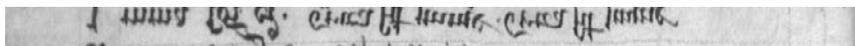
Илл. № 14

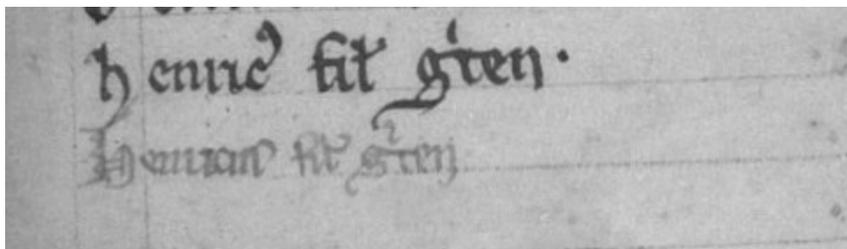
Илл. № 15

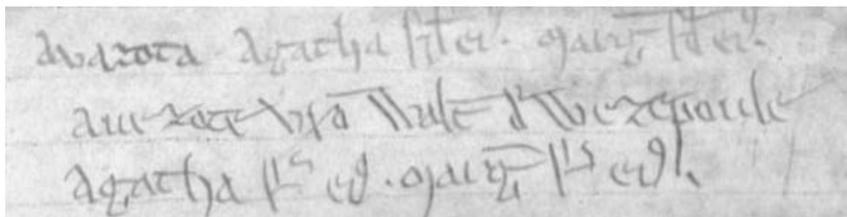
Илл. № 16

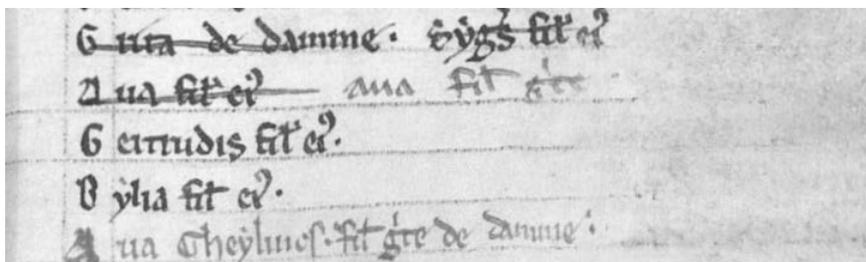
Илл. № 17

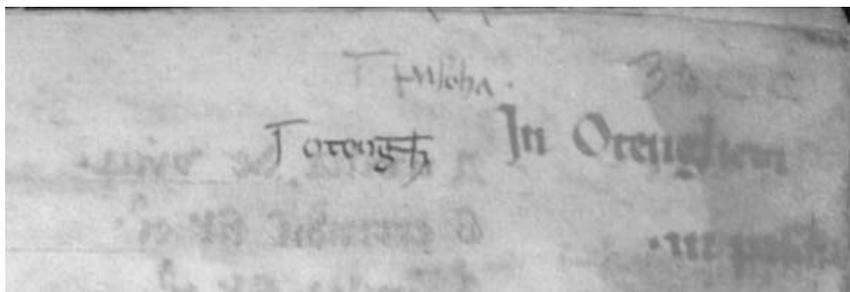
Илл. № 18

Илл. № 19

Илл. № 20

Илл. № 21

Н.И. Девятайкина

Два лика одного трактата: диалоги ренессансного гуманиста Петрарки и эпитафьи к ним реформационного автора

Аннотация: Статья посвящена анализу трактата Франческо Петрарки «О средствах против превратностей судьбы», его систематизации по тематическому принципу. Автор пытается понять логику соотношения текстов Петрарки и эпитафьи на латинском и немецком языках, написанных к каждому диалогу уже в XVI в. Иоанном Пинитианом. Его эпитафьи задают слова и понятия, он предлагает читателю свой «код» расшифровки текста, в который не включены «символы», позволяющие «считывать» главные *ренессансные* идеи Петрарки.

Ключевые слова: Фр. Петрарка, Ренессанс, Реформация, авторский текст, эпитафья

Об авторе: Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета. devyatay@yandex.ru

Nina I. Devyataykina

Two Faces of the One Treatise: Dialogues by Renaissance Humanist Petrarch and their Epigraphs by a Reformation Author

Abstract: The article is devoted to the analysis of the treatise by Francesco Petrarca (Petrarch) «De remediis utriusque fortunae», its thematic systematization. The author tries to understand the logic of relation of texts by Petrarch, and their epigraphs in Latin and German, written to every dialogue is in the XVI century by John Pinitian. His epigraphs define words and concepts, he offers the reader a sort of “key” for the decoding of text, that does not include the “symbols”, that allow to “read” the main Renaissance ideas of Petrarch.

Key words: Petrarch, Renaissance, Reformation, authorial text, epigraphs

About the author: Nina Ivanovna Devyataykina, Doctor of History, Professor of the Saratov State University. devyatay@yandex.ru

Тема статьи была задана трактатом Петрарки «О средствах против превратностей судьбы». Словно ради вящего соответствия названию, фортуна играла с этим сочинением самые разные игры: забрасывала его первые копии-манускрипты в весьма далекие от Италии места, делала объектом пристального интереса ранних типографов, надолго выводила из зоны культурного внимания и в конце концов превратила в «нарративный перекресток» самых противоречивых и противоположных оценок авторов XX в.

Сейчас текст вновь притягивает к себе взоры исследователей и переводчиков, которые ставят к нему новые вопросы, измеряют новыми мерками, констатируя далекую от всестороннего исследования ситуацию¹. Что касается истории изучения эпиграфов, то ими при разработке общих вопросов лингвистики и стилистики занимался еще Б.Б. Шкловский (1953), затем И.Р. Гальперин (1981), Ю.М. Лотман (1986), Н.А. Кузьмина (1987), Б.М. Гаспаров (1996), И.В. Арнольд (1999) и др. Среди сюжетов, которые, насколько можно судить, пока еще не обсуждались в литературе, стоит назвать историю с эпиграфами к трактату. Изложим кратко ее «фабулу», предварив несколькими словами о самом сочинении и его авторе. Как выявил еще в конце XIX столетия американский исследователь У. Фиск,²

---

¹ Назову лишь некоторые сборники трудов и работы, проливающие свет на актуальные темы в петрарковедении, а также на специфику и «стратегии» диалогов в трактате: Petrarca e la cultura europea / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Milano, 1997; Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianchano-Pienza, 19–22 luglio 2004) / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Firenze, 2006, особенно: Lentzen M. La fortuna del De remediis utriusque fortunae del Petrarca nei Paesi di lingua tedesca: Sebastian Brandt e il Petrarca // Ibid. P. 361-372; Karlheinz S. Francesco Petrarca. Ein Intellektueller im Europa des 14. Jahrhunderts, München-Wien, 2003; *Idem*. La vita e i tempi di Petrarca. Alle origini della moderna coscienza europea / Tr.di G. Pelloni, Venezia, 2007 (Biblioteca); Špička J. Strategie dialogu v Petrarkově “De remediis”, Brno, 2005 (diss.); Špička J. La Speranza e le sue sirocchie nel “De remediis” di Petrarca // Verbum, 2005. № 7. P.221-234; Bausi, Fr. Petrarca antimoderno. Studi sulle invettive e sulle polemiche petrarchesche, Firenze, 2008 (Strumenti di Letteratura Italiana, 26).

² См.: Fiske W. Petrarch's treatise «De remediis utriusque fortunae», text and versions. Firenze, 1888.

трактат был начат в Милане в 1354 г., завершен в 1366 г. (Некоторые современные исследователи называют более обтекаемые даты начала – между 1353 и 1361 гг.). Время окончания проставлено рукой самого автора – 4 октября 1366 года.

Напомним, что Петрарка (1304-1334) первую часть жизни жил как сын политического флорентийского изгнанника за пределами Италии, хотя и бывал там почти ежегодно, а незадолго до начала работы над трактатом принял решение вернуться на родину. Его, знаменитого поэта, ученого, гуманиста, эрудита, наперебой приглашали разные коммуны и синьории. Первой «остановкой» оказался упомянутый выше Милан, один из самых больших и развитых тогдашних городов, жизнь которого давала много пищи для наблюдений и размышлений, нашедших впечатляющее отражение в тексте интересующего нас труда.

Трактат состоит из 254 диалогов на многие десятки тем. При этом сквозной, как везде у Петрарки, остается проблема человека в ее раннеренессансном осмыслении. Текст разделен на две книги, каждой из которых предпослано предисловие. Название, по мнению М. Ариани, «смоделировано» с псевдо-сенекианского «*De remediis fortuitorum*»³ («О средствах против случайностей»). Беседы ведут аллегорические персонажи, заимствованные у стоиков. В первой книге – Разум (*Ratio*) и Радость (*Gaudium*) или Разум и Надежда (*Spes*), во второй – Разум и Печаль (*Dolor*) или Разум и Страх (*Metus*). В предисловии автор обстоятельно объясняет свой выбор⁴. Диалоги не имеют строгой группировки, а книги не равны по их количеству: в первой обсуждаются 122 сюжета, во второй – 132. При этом первая книга – о средствах против *счастливой* судьбы, что воспринимается несколько необычно, вторая – также о

---

³ *Ariani M. Francesco Petrarca // Storia della letteratura italiana. Vol. II. Il Trecento. Roma, 1995. P. 645.*

⁴ *Петрарка Фр. О средствах против превратностей судьбы. Предисловие // Франческо Петрарка. Сочинения философские и полемические / Сост., пер. с лат., коммент., указат. Н.И. Девятайкиной, Л.М. Лукьяновой. М.1998. С. 137.*

средствах, только против *несчастливой* фортуны, что кажется более понятным.

Повседневность, о которой как об учительнице жизни заявляет автор при характеристике задач труда в «Предисловии», не сходит со страниц сочинения: перед нами диалоги для широкого круга читателей и каждодневного чтения. Забегая вперед, заметим, что, возможно, здесь кроется одна из причин необычайной популярности трактата в XV-XVII вв. Манфред Лентцен пишет, что, например, в Германии из пяти главных латинских трудов Петрарки именно на долю этого трактата выпал наибольший успех и что отдельные диалоги начали переводиться на немецкий язык уже между 1400 – 1430 гг.⁵ Трактат «соперничал» с сочинениями Эразма Роттердамского, собиравшими самый большой издательский «урожай».

История эпиграфов, о которых заявлено в названии статьи, связана с эпохой Эразма, временем расцвета немецкого ренессансного гуманизма и основных событий реформации. Как показали исследования, интерес образованного читателя к Петрарке был очень высок. По словам В.М. Володарского, этот интерес, прежде всего, начали подогревать немецкие гуманисты и университетские профессора⁶. Трактат «О средствах» выходит в числе инкунабул в Страсбурге (не позже 1474 г.), в 1496 – в составе собрания сочинений в Базеле⁷. В 1520 – 1530 гг. именно при участии гуманистов готовится его первый перевод на немецкий язык; начало этому важному делу было положено гуманистом Себастьяном Брандтом (1457–1521 гг.), который успел написать стихотворное предисловие на немецком языке.⁸ Манфред Леммер выявил обстоятельства подготовки

---

⁵ Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 362.

⁶ См.: Володарский В.М. Восприятие Петрарки в немецкой культуре эпохи Возрождения // Франческо Петрарка и европейская культура / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2007. С. 168-177.

⁷ См. подробнее: Geiß Jür. Zentren der Petrarca-Rezeption in Deutschland (um 1470 – 1525). Rezeptionsgeschichtliche Studien und Katalog der lateinischen Drucküberlieferung. Wiesbaden: Reichert, 2002; Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 368.

⁸ См.: Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 362. Повторим каталожное описание: [Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae]

и публикации перевода⁹, который был сделан Петером Штахелем (Peter Stahel) и отредактирован гуманистом, сторонником реформации Георгом Спалатином (1484–1545 гг.). Текст вышел в 1532 году в Аугсбурге в типографии Генриха Штейнера. Данное издание было снабжено 261 прекрасной иллюстрацией – ксилографическими гравюрами знаменитого Мастера Петrarки¹⁰.

Дальше история отказывается связанной с именем Стефана Вигилия. В том же Аугсбурге в 1539 году вышел его перевод трактата¹¹. По каталожному описанию издание выглядит внушительным по размеру (301x199 мм) и объему (295 л.), с предисловием переводчика к первой части и еще одним – стихотворным – предисловием издателя ко второй. Очевидно, именно этот текст до 1620 г. претерпевает 9 переизданий. В издании 1539 г. к каждому диалогу появляются интересующие нас *эпиграфы* в форме дистихов на латинском и немецком языках, вышедшие из-под пера Иоанна Пинитиана¹². На этот факт указал У. Фиск,

---

deutsche Übersetzung durch Peter STAHEL und Georg SPALATINUS 1531]: Von der Artzney bayder Glück / des gûten vnd widerwertigen. Vnnd weiß sich ain yeder inn Gelück vnd vnglück halten sol. Aus dem Lateinischen in das Teütsch. gezogen. schön gezyret. Gedruckt zû Augspurg durch Heynrich Steyner. M.D.XXXII.

⁹ См.: Franciscus Petrarcha. Von der Artzney bayder Glueck, des guten und widerwertigen / Hrsg. M.Lemmer. Leipzig, 1984. PP. 181-209.

¹⁰ Одни исследователи идентифицируют его с Хансом Бургкмайром (1473-1531), другие – с Хансом Вейдитцем Младшим (работал с 1495 г.), третьи считают вопрос нерешенным. – См.: Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 369.

¹¹ Повторим и здесь каталожное описание: [Petarca Fr. De remediis utriusque fortunae] [deutsche Übersetzung des Stephan VIGILIUS:] Glückbuch, beydes dess Gutten und Bösen: Darinn leere und trost, wess sich menigklich hierinn halten soll. Durch anciscum Petrarcham vor im lateinisch eschrieben u. yetz verteutsch. Augspurg: H. Steyner MDXXXIX.

¹² Л.М. Лукьянова определила, что написаны эпиграфы элегическим дистихом, размером, в котором первая строка – гекзаметр, вторая – пентаметр. Это одна из древнейших форм, пришедшая в свое время в Рим из Греции. Дистихом чаще всего делались надгробные надписи. Не исключено, что наш автор оказался среди зачинателей жанра эпиграфа, который, по словам специалистов, появился во Франции в

выяснивший, что эпитафии (в форме дистихов) были широко использованы при переизданиях как немецких переводов трактата, так и его оригинального латинского текста вплоть до 1620-х годов. Этот же исследователь указал, что дистихи были изданы отдельно в 1862 году. К сожалению, ни одной специальной работы по поводу данных эпитафий пока найти не удалось. (В отсутствие возможности воспользоваться изданием 1539 года мы изучали эпитафии по Бернскому изданию 1610 года, которое обнаружилось в библиотеке Саратовского университета¹³. У. Фиск указывает на него в числе тех, где были воспроизведены *латинские* эпитафии Пинитиана)¹⁴.

Этот автор, его мировосприятие, явленное в эпитафиях, и будет нас интересовать. Пока о нем удалось узнать немного. Иоанн Пинитиан (1478–1542) – священник, жил и преподавал в Аугсбурге. Там в 1511–1512 гг. выпустил два маленьких сборника латинских стихов и через двадцать лет написал 254 эпитафия к диалогам трактата Петрарки. Напомним, Аугсбург был имперским городом, активным участником политической жизни Германии вообще и Реформации в особенности. Ее финальные аккорды прозвучали в этом городе в виде Аугсбургского религиозного мира (1555 г.), признавшего разделение Германии на два конфессиональных лагеря. Там имела место интенсивная интеллектуальная жизнь, сформировался и действовал один из гуманистических кружков, с 1468 г. начали возникать типографии, что делает вполне объяснимым выход в одной из них переводов трактата Петрарки. В начале XVI в. типографии Аугсбурга, Нюрнберга, Базеля публиковали огромными по меркам того времени тиражами сочинения и памфлеты гуманистов, многие национально-патриотические идеи которых отвечали

XV в. в сочинении хрониста Жана Фруассара, ставшего известным в 1495 году.

¹³ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, libri duo. Editio quarta, prioribus longe castigior cum indicibus locupletissimis. Sumptibus Esaeiae Le Preux. MDCX [Bern, 1610].*

¹⁴ *Fiske W. Op. cit. P.12.*

запросам политической элиты, дворянства, городского патрициата, горожан вообще, служили обоснованием суверенных прав, настраивали на борьбу с папством. Общеизвестно, что церковь с ее богатствами и ресурсами превратилась в то время в главный объект критики и неприятия значительной части общества, в том числе – местного духовенства. Она диктовала правила общественной и политической жизни (чего стоит известный факт: на рейхстаге 1521 г. духовенство представляли 3 курфюрста, 4 архиепископа, 46 епископов, 83 аббата, аббатисы и главы духовных орденов). Архиепископы Трира, Кёльна и Майнца участвовали в выборах императора. Во многих областях Германии, особенно в бассейне Рейна, где располагались самые значительные владения духовных князей, церковь играла роль жесткой территориальной власти. Иоанн Пинитиан, если обратить внимание на годы его жизни, варился в реформационных событиях от начала до конца и, судя по всему, вполне усвоил их уроки.

Кстати, как указывают авторы, 90% печатных станков в Германии было поставлено на службу Реформации. Отсюда не может не возникнуть мысль, что издатели искали какие-то возможности влить и трактат Петрарки в подобную струю, актуализировать его. И, естественно, важно поставить вопрос, не позволяют ли эпитафии проследить это предположение.

В рамках одной статьи оказалось невозможным проанализировать не только все 254 эпитафии, созданные Пинитианом, но даже половину из них. Действительно, группировка 122 диалогов только первой книги выявляет пять-шесть крупных тем, которым посвящено от пяти-шести до нескольких десятков диалогов. Среди них – человек в его физической и духовной ипостаси (14 текстов), отдых, увлечения (17), надежды и ожидания (8), семья, дети, взаимоотношения супругов и родственников (15), имущественный и социальный статус, социальные связи, занятия и труд, образ жизни (43), власть, армия, война (15). Особняком стоят диалоги на сугубо этико-философские и мировоззренческие темы: религия (1), свобода (2), счастье (2), надежда (1) слава (4).

Нам показалось важным обратиться, прежде всего, к тем стихам Пинитиана, которые предваряют диалоги на церковно-религиозные в широком смысле слова темы, поскольку они могли быть наиболее актуальны для его эпохи. Объем материала заставил ограничиться только несколькими наиболее яркими текстами первой книги и их эпиграфами.

Итак, как же проявляет себя автор, переживающий эпоху Реформации, в эпиграфах? Позицию Пинитиана обнаруживают уже двустишия к первым *мировоззренческим* диалогам трактата – «О религии» (I,13) и «О свободе» (I,14)¹⁵.

Первый эпиграф звучит так:

Вдов навещать и сирот, презирать на земле всё мирское –
Это религия есть та, что угодна Христу¹⁶.

Orphanos, viduasque invisere, spernere mundum
Наес, Christo, vera Religione places¹⁷.

Если мы обратимся к тексту диалога Петрарки, то не найдем в нем ни вдов, ни сирот, ни прямых суждений о презрении ко всему мирскому. Мы встретим лишь словосочетание «истинная религия», но в другом контексте. «Лучшая и единственная совершенная религия, – говорит Разум в ответ на слова Радости, – та, что зиждется на имени Христа и стоит на самом твёрдом камне; всё остальное – пустое суеверие, заблуждения и неверные пути, ведущие в тартар и к смерти, причём не временной, а вечной»¹⁸. И дальше идет развитие данной темы, весьма злободневной во времена Петрарки, и, думается, прежде всего, связанной с исламом: тогда мусульманско-турецкий мир заявлял о себе все активнее, а до Косова поля оставались немногие

---

¹⁵ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. I,13 « De religione»; I,14 «De libertate».* P. 71-74. Римская цифра в скобках означает здесь и далее номер книги, арабская – диалога.

¹⁶ Стихотворный перевод *всех* эпиграфов принадлежит Л.М. Лукьяновой.

¹⁷ При цитировании сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

¹⁸ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. I,13 « De religione».* P.71.

десятилетия. Не исключено, что Петрарка мог иметь в виду и еретические учения.

Во времена Пинитиана в Германии, насколько известно, «угодность Христу» понималась реформаторами как прямая связь с ним и благочестивые дела по отношению к бедным, к общине; такое поведение противопоставлялось «добрым делам» католической церкви, которые трактовались прежде всего как пожертвования в ее пользу. О «своей» религии как истинной и спешит заявить автор эпитафия.

С точки зрения эпитафия как литературного факта перед нами «переформатирование» смысла, переключение внимания читателя с общих проблем понимания христианства на актуальные вопросы вершившейся, укоренявшейся реформации. Такой прием становится одним из главных у Пинитиана.

В буквальном смысле перекликается с проанализированным эпитафием двустишие перед диалогом «О свободе».

Если ты служишь грехам, ты не можешь считаться свободным.

Только где есть Божий Дух, там и свобода живет.

Non liber, qui peccatis inseruit, habet
Libertas sed ubi Spiritus est Domini¹⁹.

В данном случае мы слышим голос Лютера и его сторонников, которые утверждали, что каждый человек, «освященный Духом Святым или же особым даром Божиим вернейшим образом судит о своем собственном спасении и оценивает убеждения и мнения всех людей». (Приведенное высказывание почерпнуто из сочинения Лютера «О рабстве воли».) Так обосновывался тезис, что человек способен привести себя к спасению души сам, без посредничества особых католических духовных лиц. У Петрарки слов о Божьем Духе нет. В его диалоге речь идет, прежде всего, о неустойчивости социальной свободы, круговороте фортуны,

---

¹⁹ Ibid. P. 72.

превращающем царя в раба и раба в царя, о свободной и несвободной родине, наконец, о рабстве греха²⁰.

Лексика этих двух эпитафий явно выдает реформаторские настроения и терминологию, позволяет составить некоторое суждение об авторе. Стих вновь «вбрасывает» новые смыслы, протягивает читателю немецко-язычной зоны узнаваемый «ключ». Одновременно – убеждает культурным авторитетом европейски известного поэта и гуманиста: получается, что он полтора века назад обозначал в своих диалогах важные для времени Реформации проблемы.

Столь же серьезную службу сослужили Пинитиану заключительные диалоги первой книги – «О многочисленных надеждах» (I,120) и «О надежде на вечную жизнь» (I, 122).

Над первым из диалогов вне связи с эпитафией у нас уже был случай поразмышлять. Он весьма необычен стилистически, ироничен по тону, полон загадками по содержанию, затрагивает около десятка тем. Кратко перечислим их: *общие* («многие надежды»); *здоровье* (долгая жизнь, крепкое тело, здоровое тело); *плотские удовольствия* (красота тела, любовные отношения, ночь с подругой, дозволенность грешить); *месть*; *богатства* (прибавление богатств, корабли из разных морей, прибыль); *власть* (большое могущество, царская и императорская власть); *семья* (браки и дети, браки для детей, старая и новая жены); *служба*; *успех в литературе*; *талант в речах*; *смерть* и *посмертная слава* (похвальная речь на похоронах, золотая пирамида, слава после смерти, имя у потомков, наследство после себя).

Как же реагирует на обсуждаемые темы Пинитиан? Он «резюмирует»:

Души людские надежды обманут, посеяв большое
сомненье.

---

²⁰ Диалог переведен на русский язык Л.М. Лукьяновой и опубликован. См.: Девятайкина Н.И. Петрарка и человек его эпохи в общественном и личном пространстве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы»; Диалоги из трактата / Пер. с лат., коммент. Л.М. Лукьяновой. Саратов, 2010. С. 132-134.

Крепко надейся всегда только на Бога Христа.

Spes animos hominum fallit, dubiusque relinquit
In Christum fortis spes sine fine manet²¹.

Слова о надежде на Христа не встречаются в рассуждениях Разума. Характер *ego* реакции на заявления собеседника-Радости насмешливый, резкий, афористически-обобщающий. Тональности высказываний на протяжении разговора он не меняет, на язык благочестивого наставления, проповеди, евангелия не переходит. Беседа выдержана в светском духе при использовании светской же фразеологии и лексики.

А Пинитиан вновь меняет «регистры». И в этой замене мы вновь слышим реформаторскую ноту: надеяться следует «на Христа». В продолжение произнесенного в душах его современников-сторонников Реформации могло звучать: а не на католическую церковь и ее духовенство, или что-то в подобном духе. Для него на первом плане истины веры, ради которых он спокойно жертвует петрарковскими истинами светской этики и ренессансных гуманистических моделей поведения.

Пожалуй, меньше всего забот было у Пинитиана с эпиграфом к заключительному диалогу первой книги трактата «О надежде на вечную жизнь». Об актуальности темы для реформаторов и говорить не приходится: многие споры и диспуты вращались вокруг вопроса о том, как человеку прийти к спасению души.

Пинитиан формулирует нравственную задачу христианина так:

Вот настоящая цель для тебя: надежда спасенья
навек,
С сёстрами свяжешь её – так и спасенье найдёшь.

Est verus scopus aeternam sperare salutem,

---

²¹ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. I,120 « De multiplici spe».*
P.352.

Si spes illa suis iuncta sororibus est²².

Пинитиан напоминает о «сестрах», то есть о трех т.н. «теологических» добродетелях: надежде, вере, любви (милосердии). В этом случае он точно передает смысл диалога Петрарки, использует его понятийный ряд, кратко излагает главную идею о первостепенности забот о «вечном спасении». Сам автор трактата столь значимым для христианина диалогом завершает первую книгу, словно бы делает некий главный вывод, заключительный утешительно-наставительный посыл читателю. Пинитиан его подхватывает. Думается, однако, за простым стихом и здесь мог подразумеваться реформаторский подтекст: человек спасается именно *верой и* связанными с ней добродетелями, а не добрыми делами и благодатью, на которые в качестве условия спасения ориентирует католическая традиция.

В данном случае эпитафия играет «классическую» роль. Специалисты по эпитафиям, описывая это явление литературы, обозначают его как малый жанр, который обычно составляет элемент жанра более крупного. Этот максимально сжатый жанр чаще всего является связующим звеном между системой культуры его контекста, его эпохи и временем того произведения, в который он включен. Он фокусирует в себе смысл данного произведения и выводит текст на более высокий уровень интерпретации. Эпитафия чаще всего способствует умножению смысла текста. Все названные элементы можно увидеть в последнем эпитафии Пинитиана. Но это, скорее, исключение, чем правило. «Правило» – в реформаторском перетолковывании смыслов.

Вообще, эпитафии к диалогам последней части книги, к числу которых относится и выше рассмотренный, вызывают особенный интерес. Если назвать темы диалогов, то они обнаружат веер очень разных вопросов, на первый взгляд, мало располагающих к благочестивым двустушиям: «О распоряжении накопленными богатствами» (I,100), «О мщении» (I, 101), «О надежде победить» (I, 102), «О победе» (I,103), «О понтификате» (I,107), «Об ожидании сына или

---

²² Ibid. I,122 «De spe vitae aeternae». P.355.

друга» (I,114), «О надежде на славу, приобретенную благодаря знакомствам» (I,119), «О надежде на душевный покой» (I,121). Как видим, Петрарку волнуют темы социальные, политические, военные, этические, личные. Лишь две из них сразу могли обратить особое внимание Пинитиана-реформатора и священника: о понтификате и о надежде на душевный покой. Однако на деле все восемь диалогов получают эпитафы, отмеченные выраженным благочестием, одновременно «вбрасыванием» новых смыслов и «съеживанием» старых. Если пойти по порядку, то нетрудно заметить, что четыре диалога, названные в начале «списка», идут друг за другом, а два – на близкие темы. Диалог «О распоряжении накопленными богатствами» у Петрарки связан с общественными и социальными вопросами. Суть его рассуждений такова: самое худшее употребление богатств – для ведения войн; лучше их раздать бедным; богатство не делает лучше, лишь приносит хлопоты и лишает воров покоя²³. Для Пинитиана все гораздо более однозначно:

Кто собирает богатства, чтоб гнусности делать,
верь мне, нескоро ещё в царство Господне войдёт.

Напоминание о трудностях вхождения в царство небесное (*coelica regna*) – явный парафраз притчи по поводу верблюда, игольного ушка и богатого человека. Оно ориентировано, если так можно определить, на личность в ее внутренней ипостаси. Диалог Петрарки тоже ориентирован на личность, затрагивает этические струны и ценностные ориентиры, но одновременно он развернут на многих людей, взывает к общественному осуждению, имеет в виду политическое поведение. Иными словами, Пинитиан *сужает* эпитафом смысловое «поле» петрарковского текста. И подобное происходит много раз. (Кстати, верблюд и богач «без околичностей» встречается у Пинитиана в эпитафе к диалогу «Об изобилии богатств»²⁴ и тоже как полное «своеволие»).

---

²³ Ibid. I,100 «De thesauro reposito» . P. 303.

²⁴ Ibid. I, 53 «De divitiarum copia» . P. 199.

Если верблуду под силу пройти сквозь игольное ушко,

Весьма обстоятельный диалог «О мщении» (I, 101), помещенный Петраркой вслед за проанализированным выше, позволяет Пинитиану дальше развивать тему в сугубо христианском ключе, тем паче, что текст гуманиста в данном случае не противоречит настроению автора-реформатора. Ключевая (вторая) строка эпитафия – «Всякое мщение от Бога должно воздаться» – прямо перекликается с одной из сентенций Разума. Равно и первая часть диптиха во многом совпадает по смыслу с первой фразой Разума, заявляющего, что негоже мстить врагу²⁵.

Казалось бы, далек по смыслу от темы благочестия диалог «О надежде победить» (I, 102), помещенный вслед за текстом «О мщении». Там гуманист Петрарка седлает своего любимого конька и рассуждает о том, насколько исход войны бывает мало связан с ее «замыслом», как она чревата злодеяниями и богата жертвами. В самом конце диалога краешком цепляется и тема греха, точнее, грехов победителя, которого победа, по словам Разума, часто толкает к грабежам и злодеяниям.

Пинитиан пытается соединить важную ему тему о необходимости борьбы с грехами с темой двойственности *последствий* военной победы.

Часто случается: кто победил, побеждённым уходит.

Истинно тот победит, кто грехи побеждать
научился²⁶.

Saepe sit, ut qui vicisset, iam victus abiret;
Vincere qui didicit crimina, victor erit.

Нетрудно увидеть, что переводчица диптиха невольно «подыграла» Пинитиану, выбрав для размера (напомним, пентаметра) из всех значений слова «*crimen*» (вина, проступок, грех, преступление, прелюбодеяние) такое, которое ближе всего к лексике христианского наставления. На такой выбор настраивает весь ряд эпитафий. И вновь

то и богатый тогда в царство небес попадёт.

²⁵ Ibid. I, 101 «De vindicta». P. 305.

²⁶ Ibid. I, 102 «De spe vincendi». P. 309.

поле петрарковского текста сужается, тема войны, столь важная для гуманиста XIV века, ступшевуется, тема необходимости борьбы с грехами и слабостями человеческими расцветивается.

Примерно то же происходит с диалогом «О победе» (I,103). В нем цепь рассуждений замыкается утверждением, что победа содержит в себе семя будущих войн, враги будут всегда. Эпиграф звучит так:

Многие губят людей, добывая победу в сраженьях,
но от пороков своих гибнут и сами подчас.

В первой строке эпиграфа повторена одна из фраз Разума в диалоге, а во второй строке на место петраковского заявления, что часто люди бывают «побеждены гневом», встают слова о гибели от пороков (*vitiis*)²⁷. Благочестие Пинитиана и здесь находит более сильные выражения, чем у Петрарки.

Пожалуй, центральным «реформаторски ориентированным» эпиграфом можно назвать стих к диалогу «О понтификате»²⁸. Сам диалог достаточно большой, обсуждаемые в нем вопросы можно разделить на несколько тем: о власти понтифика как таковой, причинах стремления к ней, о личности во власти, о влиянии власти на личность, наконец, о восприятии Петраркой современной папской власти. Поскольку уже были случаи обращаться к этому яркому тексту, кратко повторим главное. В диалоге Петрарка устами Разума резко критикует современное ему папство. Разговор между персонажами идет очень напряженный и завершается заключением-наставлением, адресованным римскому папе (понтифику), помнить о Господе и знать, что Его может сильно разгневать ненадлежащее поведение «викария».

Как уже достаточно ясно, подобное отношение совпадало с настроениями и представлениями Пинитиана. Он предваряет текст следующим эпиграфом:

---

²⁷ Ibid. I, 103 «De victoria». P. 311.

²⁸ Ibid. I, 107 «De pontificatu». P. 318-321.

Кто добивается папства, где царствуют ложь и
отравы,
быстро к кончине бежит и при этом по собственной
воле.

Sponte sua in mortem currit, qui Pontificatum
Ambit ubi fraus, et saeva venena regunt.

Если поставить вопрос о степени лексического сходства, то слово «ложь» присутствует в диалоге при рассуждении о том, какими способами «ныне», т.е. во времена Петрарки, добывается порою папское место. Об «отравах» прямо в диалоге речи нет, хотя подобная возможность не исключается, о чем свидетельствуют характеристики поведения льстивых и угодливых лиц из папского окружения. «Многие будут тебя почитать, – с упреком говорит Разум, адресуясь к Радости-понтифику – многие будут обожать тебя, подстергать и окружать со всех сторон, устилать землю перед тобой шёлком, седлать белоснежного коня с золотой уздечкой; *другие будут расставлять перед тобой вина и яства и первыми пробовать их*» (курсив мой – Н.Д.)²⁹. Мы понимаем: Петрарка упоминает о придворном обычае пробовать напитки перед их непосредственным употреблением первым лицом, дабы увериться, что в них нет яда. Готовность со стороны придворного делать подобное должна была демонстрировать высшую степень его преданности. Иными словами, «отравы» в контексте диалога не выглядят угрожающей повседневностью, как это обозначено в эпитафии. И на них не сосредоточено специального и большого внимания.

Вторая часть соответствует характеру основных суждений гуманиста. В целом эпитафия и текст находятся между собой в гораздо большей степени согласия, чем во многих других случаях. Но не потому ли, что диалог

---

²⁹ Ibid. P. 319. Диалог переведен на русский язык и опубликован. – См.: Петрарка Фр. Диалоги о власти из трактата «О средствах против превратностей судьбы» / Пер. с лат. и коммент. Л.М. Лукьяновой // Средневековый город. Межвуз. научн. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 19. С. 162-165.

Петрарки по резкости тона предвосхищает реформаторские выпады, звучит почти как реформационная сатира или инвектива? И автору эпитафия не было нужды добавлять «от себя» еще что-то.

Повод задеть Рим находится у автора эпитафий еще, по крайней мере, один раз. Натолкнувшись в одном из «серединых» диалогов первой книги на рассуждения о грехе ростовщичества, Пинитиан позволяет себе целиком переиначить текст ради актуализации темы.

Ссуду давать под процент это зло и зараза
для Рима.

Дела позорнее нет даже в Аиде самом.

У Петрарки никакого Рима в диалоге нет. Да и быть не могло. Если бы он захотел упрекнуть пап в грехе ростовщичества, то должен был назвать Авиньон, папскую столицу времени создания трактата. Но у него нет и Авиньона. «Зло и зараза для Рима» – широко употребительная формула эпохи Реформации. Главный замысел эпитафия – осудить папство и духовенство, заклеить его как зараженное дурной болезнью. Именно так, очевидно, после подобного эпитафия воспринимался и сам диалог.

Как уже отмечалось выше, наибольшую близость к контексту обнаруживают эпитафии к последним диалогам книги. Предпоследний разговор между персонажами Петрарки идет по поводу душевного покоя. Разум заявляет там, что попусту надеяться на душевный покой, если не прилагать особых усилий. «О, сколь многие так и переходят с этой надеждой к вечным страданиям и борьбе!», – констатирует устами своего главного персонажа автор трактата³⁰. Иными словами, пустыми надеждами устлана дорога в преисподнюю и к вечным страданиям души.

Пинитиан оптимистичней комментирует ситуацию:

Истинный мир для души только сам себе можешь
доставить:

---

³⁰ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. I,121 « De pace animi sperata».* P. 354.

склонность к порокам забудь – будет спокойна душа.

Заявление о «самом себе» вновь заставляет вспомнить реформаторское учение о спасении собственными силами, которое может «прочитываться» в подтексте. Да и тональность эпитафия во многом совпадает с настроением диалога: Пинитиан проявляет *редкое* единодушие со своим прославленным предшественником.

Изучение всего круга эпитафий, несомненно, откроет еще многие любопытные для понимания мировосприятия Пинитиана моменты, позволит уточнить и более обстоятельно аргументировать высказанные предположения. Пока попытаемся подвести некоторые итоги затронутым вопросам, совместив подходы историков и литературоведов.

Прежде всего – о функциях дистихов Пинитиана. По типу рассмотренные в статье эпитафии классифицируются как «добавленные» (в отличие от авторских). Насколько можно понять, в отечественном литературоведении еще не рассматривался такой вариант добавленных эпитафий, с которым мы имели дело. Если иметь в виду их происхождение, то перед нами случай «издательско-заказных» эпитафий. Действительно, дистихи были *заказаны Пинитиану* в ситуации начала книгопечатания в Германии издателями, возможно, и лицами, редактировавшими перевод текста на немецкий язык. Более того, и текст-то перед нами не художественный, он, условно говоря, «научно-популярный», живущий по законам своего жанра, что тоже не могло не сказаться на стихах Пинитиана.

Литературоведы (среди них должна быть отмечена Н.А. Кузьмина) давно выявили такую особенность эпитафий как полифункциональность. Среди их «ролей» называются следующие: поясняющая, приоткрывающая внутренние смыслы текста, концептуально-мировоззренческая (идейная), подтекстовая. Первое, что можно отметить: дистихи Пинитиана меньше всего играют роль поясняющей надписи. Лишь два-три из них подсказывают читателю, о чем речь пойдет в основном тексте, остальные звучат как самостоятельное наставление, назидание. Уже это не

позволяет определить их как органическую часть диалогов, приоткрывающих внутренний смысл основного текста. Дистихи с самого начала вступают в сложные и многозначные отношения с нарративом Петрарки. В рамках исследованных стихов на первое место явно претендует концептуальная (мировоззренческая) функция эпиграфов. Иоанн Пинитиан нашел многие способы усилить антиримское и антикатолическое звучание диалогов своими афористически краткими, бьющими в цель эпиграфами. Они становятся выражением настроений значительной части общества. Подобные эпиграфы, если применить к нашему случаю теоретические выкладки Б.М. Гаспарова, одновременно принадлежащие двум контекстам, активно формируют особый тип восприятия, наталкивают читателя на освоение основного текста под определенным углом зрения, кратко говоря, в протестантском формате.

Иными словами, содержательная функция эпиграфа в случае Пинитиана выглядит *особой*. Дистихи Пинитиана в большей или меньшей мере *перекликаются* с тематикой диалога, при этом «не реагируют» на включенные туда сюжеты или примеры, во многом сужают, а то и изменяют концептуальную позицию автора основного текста (за исключением обще-христианских посылов диалогов, связанных со спасением души). Кроме того, эпиграфы Пинитиана меняют эмоциональную тональность текста. Нельзя не отметить также значительную степень лексического несходства.

Двустихия Пинитиана с точки зрения их «пространственного помещения» относятся к автономным эпиграфам. Во всех рассмотренных случаях они являют собой наполненный и заверченный фрагмент текста, самостоятельное речевое произведение, текст культуры, насыщенный социальным и религиозно-этическим содержанием. Эпиграф стоит перед основным текстом произведения, т.е. позиционно выделен, чем активно влияет на текст. Кроме того, эпиграф, по наблюдениям литературоведов, может изменить тему. В большей части наших случаев именно так и происходит. Эпиграф задает слова и понятия, его автор предлагает читателю свой «код»

расшифровки текста, в который, как отчасти было показано, не включены «символы», позволяющие «считывать» главные *ренессансные* идеи Петрарки.

Дистихи Пинитиана во многом *уводят* читателя из мира идей и реалий XIV в., или, по крайней мере, *сталкивают* их с тем миром и временем; они привносят неавторскую точку зрения, заставляют читателя одновременно озирать два, если вновь воспользоваться словами Б.М. Гаспарова, «духовных ландшафта», погружают в две разные духовные среды.

Среди литературных источников дистихов узнаются библейские тексты, сочинения Лютера и его последователей, кое-где греческие мифы. Пинитиан ни разу прямо не адресует читателя к автору, не называет его имени. Такое «необозначение», как полагают литературоведы, связано со степенью узнаваемости, можно добавить, одновременно – со средневековой «историографической» традицией, которая не изживает себя вплоть до XVII в. И здесь читательская память, усвоенные с детства метафоры и наставления становятся «мостом» к установлению диалогических отношений с автором эпитафий. Посредством подобного «контакта» читатель эпохи Реформации выходил на особый уровень понимания, замысел автора эпитафии становился адекватным восприятию. Заметим, что речь идет именно об эпитафии, а не об адекватности восприятия современником Пинитиана петрарковского текста, с которым, как мы видели, дело обстоит существенно иначе.

М.Г. Логутова

**Реалии книжной культуры средневековой Германии
(по записям в рукописях Российской национальной
библиотеки, Санкт-Петербург)**

Аннотация: Автор анализирует многообразные связи между человеком и книгой в повседневной интеллектуальной жизни Германии на материале помет в рукописях немецкого происхождения XII – XV вв., хранящихся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: Книжная культура, читательские пометы, история Средних веков, библиотеки, рукописи.

Об авторе: Логутова Маргарита Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)

Margarita G. Logutova

**The realities of the book culture of medieval Germany
(Entries in the manuscripts of the Russian National
Library, St. Petersburg)**

Abstract: The author analyzes diverse connections between a person and a book in everyday intellectual life of Germany on a base of readers' notes in manuscripts of German origin, dated from the 12th to 15th centuries, stored in the National Library of Russia (St. Petersburg).

Keywords: Book culture, readers' notes, medieval history, libraries, manuscript studies.

About the author: Margarita Logutova, Ph.D. in history, senior researcher in the Department of Manuscripts of the Russian National Library (St. Petersburg).

Пометы в рукописных кодексах являются особым видом исторических источников. Писцовые, владельческие, маргинальные и иного рода записи показывают срез повседневной интеллектуальной жизни Средневековья, позволяя под другим углом взглянуть на хорошо известные

явления культуры. В сочетании с нарративными памятниками и архивными документами эти записи помогают воссоздать объемную картину культурного пространства своего времени.

Чаще всего исследователи обращаются к колофонам – писцовым пометам в конце копируемого текста – как к наиболее информативному роду записей. Многотомные справочники датированных рукописей второй половины XX в. ограничивались сведениями о локализации кодексов во времени и в пространстве и опускали информацию, не относящуюся к имени писца, времени и месту написания рукописи¹. Исключение составляет корпус опубликованных Лифтингом и Гумбертом колофонов² и сводный шеститомный труд Й. Дешуса – Б. Даррагона³.

Иначе относились к публикации записей в рукописях ученые XIX в. Они рассматривали их как неотъемлемую часть истории изучаемой эпохи и приводили в полном объеме. Вильгельм Ваттенбах в одной из глав своего капитального труда привел многочисленные тексты полных писцовых записей⁴. Густав Шмидт, составляя каталог рукописей гимназии при гальберштадском соборе, уделил равное внимание текстам переписанных произведений и встречающимся в книгах писцовым и более поздним записям⁵.

Накопленный в каталогах датированных рукописей огромный фактический материал предоставил ученым возможность увидеть в писцовых записях не только вспомогательное средство для определения происхождения одной конкретной рукописи. В исследованиях конца XX в.

---

¹ Derolez A. *Pourquoi les copistes signaient-ils leurs manuscrits? // Scribi e colofoni; le sottoscrizioni di copisti dalle origini all'avvento della stampa / Ed. E. Condello and G. de Gregorio. Spoleto, 1995. P. 37.*

² *Manuscrits datés conservés dans les Pays-Bas / Ed. G.I. Liefinck and J.P. Gumbert. 2 Vols. Amsterdam ; Leiden, 1964 – 88.*

³ Deshusses J., Darragon B. *Bénédictins du Bouveret. Colophons de manuscrits occidentaux des origines au XVIe siècle. 6 Bd. Fribourg, 1965-1982.*

⁴ Wattenbach W. *Schriftwesen im Mittelalter. Leipzig, 1896. S. 491-534.*

⁵ Schmidt G. *Königliches Dom-Gymnasium zu Halberstadt. Oster-Programm 1878-1881. Halberstadt, 1878 – 1881.*

колофоны предстают самостоятельными историческими источниками, позволяющими в своей массе проследить фундаментальные изменения культурного сознания.

До XIII в. побудительными мотивами, заставлявшими переписчиков-монахов делать записи в конце тяжелого и длительного труда, была забота о спасении своей души. Писцы просили читателя молиться за себя и выражали надежду, что их имена будут записаны в книгу жизни. Здесь, как отмечает Тобиас Бург, существовал некоторый разлад⁶. Анонимность – проявление смирения, одной из главных монашеских добродетелей, 12 ступеней которой изложены в 7 главе *Устава* св. Бенедикта⁷. Но если писец желал быть записанным в книгу жизни, то, в соответствии с текстами Св. Писания, требовалось сообщить свое имя, имя конкретного человека (Флп. 4,3; Апок. 3,5; 13, 8; 17, 8).

В XIV – XV вв. в сознании людей происходили сдвиги, изменялось ощущение времени⁸. На смену циклическому пришло понимание линейной направленности времени и его неповторимости⁹. Повышение уровня личностного осознания затронуло мирскую и религиозную сферы жизни, что отразилось и в писцовых записях. Уве Неддермейер отмечает, что возросшее самосознание переписчиков побуждало их называть свои имена и ставить даты окончания своей работы¹⁰. На основании анализа более 23 тыс. приведенных Й. Дешусом и Б. Даррагоном колофонов Тобиас Бург составил таблицу динамики числа подписанных рукописей в Позднее Средневековье. Если в XIII в. свою подпись оставил 21 переписчик, в XIV в. – 90

---

⁶ *Burg T.* Die Signaturen: Formen und Funktionen vom Mittelalter bis zum 17. Jahrhundert. Kunstgeschichte. Bd. 80. Berlin, 2007. S. 38.

⁷ *Benedict's Rule: Latin text, translation and commentary / Ed. T. Kardong.* Collegeville MN: Liturgical Press, 1996. P. 129-133.

⁸ *Schmidt P.G.* Probleme der Schreiber – der Schreiber als Problem //Sitzungsberichte der wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main 31. Stuttgart, 1994. S. 180.

⁹ *Лозутова М.Г.* Время /Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М., 2007. С. 370-372.

¹⁰ *Neddermeyer U.* Von der Handschrift zum gedruckten Buch. Schriftlichkeit und Leseinteresse im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Quantitative und qualitative Aspekte. Bd.2. Wiesbaden, 1998. S. 55

писцов, то в XV в. под переписанными ими книгами расписалось уже 555 человек. Альбер Дероле проследил изменения ментальности переписчиков на примере колофонов в итальянских кодексах¹¹.

Из всего богатства записей в средневековых кодексах ученые обращались почти исключительно к колофонам. Между тем другие виды записей – владельческие, дарственные, маргинальные etc. позволяют выявить отношение грамотных людей к книге в определенный исторический период и проследить изменение роли книги в жизни различных прослоек образованного общества. Представление о многообразии связей между человеком и книгой в повседневной интеллектуальной жизни Германии можно составить на материале помет в рукописях немецкого происхождения, хранящихся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Книги – сокровища клириков¹², без них монастырь – «как кухня без горшков, стол без яств, колодец без воды, ручей без рыбы, дорожный мешок без одежды, сад без цветов, кошелек без денег, вино без винограда, башня без стражников, дом без домочадцев»¹³. Самый старый премонстрантский монастырь Германии Вайссенау (*Sancti Petri apostoli in Augia minori*, основан в 1145 г.¹⁴) уже через 50 лет после основания владел почти 8 десятками томов¹⁵. Об этом сообщает инвентарь на одном из листов второго тома монастырской Библии. Почерком конца XII в. шестью

---

¹¹ Derolez A. *Op.cit.*

¹² *Thomas a Kempis*. Opera omnia / Ed. M.J. Pohl. Friburgi Brisigavorum, 1902 – 1922. Vol. 7. P. 183-184: “Nam libri doctorum – thesauri sunt clericorum”.

¹³ *Thomas a Kempis*. Op. cit. P. 189: “Similiter claustrum et congregatio clericorum sine sacris libris: quasi coquina sine ollis: mensa sine cibis; puteus sine aquis: rivus sine piscibus: hortus sine floribus; bursa sine pecuniis: vinea sine botris; turris sine custodibus: domus sine utentibus”.

¹⁴ Записи об основании Weissenau имеются в: РНБ, ms. Erm.lat.5/1, f. 54 и РНБ, ms. Erm.lat.22, f. 172. См. также: *Binder H.* Die Quellen zur Gründung des Klosters // 850 Jahre Prämonstaratenserabtei Weissenau 1145-1995 / Hg. von Helmut Binder. Sigmaringen, 1995. S. 38-39. Abb. 3, 4.

¹⁵ Всего в РНБ 29 рукописных кодексов, происходящих из Вайссенау.

столбцами записаны названия книг под общим заголовком: “Nec est augensis libroꝝ copia claustrī”¹⁶. В конце пяти столбиков красными чернилами проставлено число томов в данном столбце. Каталог опубликован¹⁷, но указанное в публикациях число книг нуждается в уточнении.

В первом столбце приведены заглавия книг Августина. Перечень предварен рубрикой (здесь и далее жирным шрифтом показаны красные чернила в рукописях):

“Sculpſisti miris / hec augustini figures / Augustinus

De uerbis domini

De karitate super iohannem

*Expositio augustini super psalterium / in tria uolumina
distinctum*

Sermones sancti augustini de ueteri testamento

De uita xpistiana

De penitentia

Ad quendam comitem

Retractationum

Super enchirion

*Questiones ab augustino expositę et ab / orosio
propositę”.*

Возле названия последнего сочинения стоит римская цифра “X” – число томов Августина в монастырской библиотеке.

Во втором столбце записаны книги Григория Великого:

“Nec pingit uariis / gregorius allegoriis / Gregorius

In moralia libri Iob / cuius sex fuit partes

Super ezechielem

Pastoralis cura

Super cantica canticorum

Dialogorum.”

---

¹⁶ РНБ, ms. Erm.lat.5/2, f. 55.

¹⁷ *Lehmann P.* Verschollene und wiedergefundene Reste der Klosterbibliothek von Weissenau // *Erforschung des Mittelalters. Ausgewählte abhandlungen und Aufsätze von Paul Lehmann.* Bd.3. Stuttgart, 1960. S. 118-120; *Wenzel E.* Die Mittelalterliche Bibliothek der Abtei Weissenau. Frankfurt am Mein, 1996. S. 137-139.

Рядом с последним названием – красная цифра “X” – десять томов с произведениями Григория.

В третьем столбике – две книги Амвросия Медиоланского:

“Ambrosius

*Super Beati immacu/ati usque ad psalmos xv graduum
De bono mortis”*,

и рядом красными чернилами цифра “II” – два тома.

Четвертый столбец записан немного ниже столбика с сочинениями Амвросия. Рядом с ним нет цифры с указанием числа томов, но не составляет труда сосчитать, что перечислены только две книги:

“Passiones / sanctorum apostolorum

Apostolorum

Miracula sancte marię.”

В пятом столбце авторы и их произведения идут подряд, но имена авторов выделены крупными буквами и красными чернилами:

“Cassianus. *De collationibus / Continuę gloseę psalterii*

Iohannes. Glosatus / Continuę gloseę super iohannem /

Continuę gloseę super matheum / Apostolus glosatus / Continuę gloseę eiusdem

Ysidorus Sententiarum

Bernhardus Super psalmum. Afferte / Sermones

Bernhardi / Speculum ecclesię / Excerpta super genesim allegorice prolata / Elucidarius / Excerpta decretorum / Excerpta de omnibus diuinis libris / Diuine sententię duplici stigilo editę / Formula honeste uitę/

Sedulius / Hugo Qualiter orandus sit dues / Idem super quosdam uersus psalterii / Elucidatio pentateui prophetarum / Regulę super compotum / Gesta romanorum seu cronica ab exordio italici regni / Vita partum.”

Против последнего названия стоит цифра “XXIII” – двадцать четыре книги. В общей сложности библиотека Вайссенау в конце XII в. насчитывала 48 томов. Названия книг компактно записаны в пяти столбцах в верхней части пергаменного листа.

В большинстве средневековых монастырских каталогов книги перечислялись в том порядке, в каком они

размещались на попитрах. Можно полагать, что на момент составления инвентаря книги в библиотеке Вайссенау располагались так, как указано в инвентаре. Сходным образом размещались в монастыре Ниенбург две рукописи Российской национальной библиотеки с сочинениями Григория Великого. На кодексах есть бумажные наклейки, на которых почерком конца XV в. записаны: красными чернилами – шифры монастырской библиотеки, черными – библиографические данные:

“A III XL omelie / Gregorii papae”¹⁸;

“A V flores ex libris / beati Gregorii Papae”¹⁹.

Шифры “A III” и “A V” свидетельствуют, что произведения Григория Великого лежали рядом на попитре (или полке шкафа) под литерой ”А”. В одном из этих кодексов есть запись о том, что книга была заново переплетена в 1473 г.²⁰

На листе с инвентарем вайссенаусской библиотеки особняком в левом нижнем углу большого (472x345 мм) пергаменного листа перечислены литургические книги:

*“Publiothece duę
Omeliarum libri tres
Missales libri septem
Epistolarii . vi .
Graduala . iiiii .
Antiphonarii . iii .
Collectanei . i .
Matutinales libri . iiiii .
Benedictionalis liber . i .”*

Около последнего названия проставлено общее число богослужебных книг: “XXXI”.

Вызывает интерес первая строчка в этом столбце – “*Publiothece duę*”. Элке Венцель исходила из того, что эта строчка – рубрика, хотя красными чернилами выписана только крупная начальная буква “P” – и сочла слово *Publiothesa* производным от *publicum* – *publicus* для

---

¹⁸ РНБ ms. Lat.Q.v.I.172.

¹⁹ РНБ, ms. Lat.O.v.138.

²⁰ РНБ, ms. Lat.O.v.138, f. 1r: “Sancte dei genitricis Marie sanctique Cipriani In Nienburg liber religatus Anno domini Mcccclxxiiij.”.

обозначения хранившихся в церкви литургических книг²¹. Если считать первую строку рубрикой, то получается 29 томов, хотя библиотекарь Вайссенау указал цифру 31. Кроме того, тогда не упомянута двухтомная Библия, во второй части которой и записан каталог. Цифра 31 получается только с учетом двух томов Св. Писания. Автор приносит благодарность проф. Люси Фримен Сандлер и А.И. Сидорову, подтвердившим, что термин “*Publiothesca*” использовался для обозначения Библии XII в. С двумя томами Библии общее число монастырских книг на момент записи составляло 79 томов. Венцель их не учла и поэтому назвала цифру 77. Кроме двухтомной Библии, из перечисленных в инвентаре Вайссенау книг в Российской национальной библиотеке хранится рукопись конца XI в. с произведениями Августина²².

Инвентарь был составлен монастырским библиотекарем – либранием. Обязанности либрария изложены в записи, сделанной в другом кодексе (XIV в.) из Вайссенау. После *Regula beati Augustini episcopi Ypponensis patris nostri* и *Consuetudines sub regula sancti Augustini* перечислены должностные лица монастыря и их обязанности. Первым в списке идет либрарий, которому вменялось хранить книги монастырской библиотеки, заботиться о них и распределять их, т.е. выдавать монахам для чтения. Особо оговаривалось, что на хранившиеся в церкви литургические книги заботы либрария не распространялись²³. На одной из хранящихся в РНБ рукописей (третья часть *Matutinales*, XIII в.) есть две записи о принадлежности ее монастырской церкви Вайссенау²⁴.

Особенностью библиотеки Вайссенау в XV в. было большое количество – около 10% от общего числа –

---

²¹ *Wenzel E.* Op. cit. S. 137.

²² РНБ, ms. Erm.lat. 1.

²³ РНБ, ms. Erm.lat. 3, f. 60r: “*Librarius hic custodire respicere et distribuere libros qui sunt in libraria quod comprehendit omnes libros monasterij exceptis hijs qui ad missas et horas canonicas spectant atque sunt deputati.*”

²⁴ РНБ, ms. Erm.lat. 13, f. 1r: “*Iste matutinalis liber est ecclesie augensis*”; f. 237v: “*Iste liber est ecclesie augensis*”.

медицинских книг²⁵. Знаменитый врач Ульрих Элленбог (1435 – 1499) лечил аббатов Вайссенау и был читателем монастырской библиотеки. В хранящейся в РНБ рукописи с текстом *De rebus medicinalibus* рукой У.Элленбога сделана расписка в том, что эта книга выдана ему во временное пользование:

«Эта книга мне, Ульриху Элленбогу, была одолжена в Вайссенау близ Равенсперга»²⁶.

Элленбог вернул книгу, поскольку на том же листе есть сделанная почерком XVIII в. владельческая запись монастыря: “*Bibliothecae Weissenawiensis*”.

Одна из рукописей РНБ принадлежала Якобу Муреру (1468-1533), самому известному из аббатов Вайссенау благодаря написанной им знаменитой *Weißenaauer Chronik des Bauernkrieges von 1525*. Мурер был субприором, т.е. третьим лицом в монастыре после аббата и приора, пока в 1499 г. не получил назначения пастором большого прихода Уммendorф во владениях аббатства Вайссенау²⁷. Этим же годом датирована владельческая запись на обороте верхней крышки переплета книги с “*Sermones de sanctis per curriculum anni*”:

“Брата Якоба Мурера <...> священника в Уммendorфе”²⁸.

Проставленная на книге дата дает основание думать, что тексты проповедей понадобились Муреру для исполнения новых для него обязанностей приходского священника. Он оставался в Уммendorфе вплоть до 1523 г., когда был избран аббатом Вайссенау. Вместе с Мурером вернулась в аббатство и его книга.

Записи в пергаменной рукописи из основанного еще в VIII в. бенедиктинского монастыря св. Максимиана в

---

²⁵ Wenzel., Op. cit. S. 33.

²⁶ РНБ, ms. Erm.lat. 28, f. 1r: Dis buch ist mir vlrichen ellenbog gelichen in der wissen ow bij rauensperg.

²⁷ Eitel P. Jacob Murer, Abt und Chronist der Weissenau. Ein Lebensbild aus der Zeit des Bauernkrieges // 850 Jahre Prämonstratenserabtei Weissenau ... S. 196.

²⁸ РНБ, ms. Erm.lat.21: fratris Jacobj Murer <...> plebanj jn Vmendorf 1499.

Трире²⁹ позволяют проследить некоторые особенности монашеской психологии. Кодекс был переписан в 1514 г.:

«Эта книга закончена в 1514 г. при почтенном во Христе отце и господине Фоме аббате»³⁰.

Пиसेц указал год переписки книги и сообщил имя аббата монастыря, но смиренно умолчал о собственном имени. Сразу под этой записью и как ее продолжение сделана приписка другим почерком. В ней говорится, что книга переписана уроженцем Трира братом Николаем Дупгеном приором, т.е. вторым должностным лицом в аббатстве. В приписке монастырский либрарий почтил память почившего приора и сообщил место его захоронения: «братом Николаем Дупгеном из Трира, в то время приором этого монастыря. Который покоится в капелле св. Николая епископа, расположенной под монастырской церковью, да упокоится душа его в мире»³¹.

Книги дарились монастырям. Вкладная запись на конволюте³² теологического содержания сообщает, что священник Эбелинг Липольди принес книгу в дар бенедиктинскому аббатству св. Марии в Гюйсбурге (Huysburg): «Эту книгу, в которой содержится *Dieta salustis*, даровал монастырю в Гюйсбурге священник Эбелинг Липпольди»³³.

В пяти колофонах этого кодекса переписчики указали даты окончания работ (1465–1467 гг.):

---

²⁹ РНБ, ms. Lat.Q.v.I.181, f. 1r: Codex monasterij diui Maximini treuerorum archiepiscopi prope treueri situati.

³⁰ РНБ, ms. Lat.Q.v.I.181, f. 188v: Anno domini 1514 finitus est hic liber sub reuerendo in xpisto patre et domino domino thome abbate.

³¹ РНБ, ms. Lat.Q.v.I.181, f. 188v: per fratrem Nicolaum dupgen de treueri tunc temporis priorem huius monasterij. Qui sepultus iacet in capella sancti Nycolai episcopi sub regia domo sitis, eius anima requiescat in pace.

³² Конволют – кодекс из нескольких книг, сплетенных под одним переплетом. Рукопись, о которой идет речь, содержит пять, переписанных пятью разными писцами, произведений, сплетенных вместе по указанию их владельца.

³³ Schmidt G. Op. cit., N 20; РНБ, ms. F.955 op.2, 44, f. 1: Librum istum in quo continetur dieta salutis dedit dominus Ebelingus Lypoldi Monasterio In Huysborch.

“Et sic est finis huius dieta salutis deo gracias Anno domini 1464 sabbato ante esto michi” (f. 107);

“Anno domini millesimo quadringentesimo sexagesimo septimo” (f. 123);

“Anno domini M cccc lxxvii Quinta feria post lucie virginis hora vesperatum vel quasi per me hermannum meppis” (f. 129v);

“a.d. MCCCCLXV Sexta feria post judica de sero infra horam octavam et nonam” (f. 164v);

“Explicit glosula super officio missali pro simplicibus clericis Anno domini m cccc lxxv jn die scholastice virginis” (f. 194).

Один из писцов после обычной информативной записи (f. 164v) сделал приписку и выделил ее красной чертой. В шифрованно-игровой форме он сообщил свое имя:

“Si ni ponatur et co simul associatur Si laus addatur quj scripsit ita vocatur” – Nicolaus, причем слоги “ni”, “co”, “laus” не выделяются ни размером, ни дополнительными подчеркиваниями.

Крипто-сигнатура привлекла внимание читателей: под колофоном сделана транскрипция этой записи почерком 16 в., еще одна транскрипция записана другой рукой на сохранившемся между листами клочке бумаги. В РНБ хранятся еще две рукописи с владельческими записями монастыря Гюйсбург³⁴.

Игры со словами (и со своим именем) – не редкость³⁵. В большинстве случаев колофоны XIV – XV вв. представляли традицию, *topoi*³⁶. В ходу был ряд однострочных фраз, в которых рифмовались последние слова первой и второй частей (леонинские стихи). Они позволяли писцам в шуточной форме выразить радость по поводу окончания переписки и снять напряжение после долгого и утомительного труда.

Сразу несколько таких формул имеются в конце второго тома пергаменного *Passionale* (XV в.)³⁷.

---

³⁴ РНБ, ms. F. 955, op. 2, 42; ms. F. 955, op. 2, 48.

³⁵ *Wattenbach W.* Op. cit. S. 517.

³⁶ *Derolez A.* Op.cit. P. 38.

³⁷ РНБ, ms. F. 955, op. 2, 12, f. 204r.

Переписчица, монахиня женского францисканского монастыря Ашерслебен, на последнем листе записала столбиком пять фраз, назвав в одной свое имя – София. Возможно, в такой подборке сказалось своего рода чувство юмора:

Finito libro sit laus et gloria xristo («Законченная книга да будет хвалой и во славу Христа»).

Qui me scribebat Sophia nomen habebat («Кто меня переписал, звался Софией»).

Qui vult ridere debet mea scripta videre. («Кто хочет посмеяться, должен написанное мной увидеть»).

Explicit expliceat ludere scriptor eat («Заканчивается [книга] и пусть заканчивается, а писец идет веселиться»).

Merces scribentis sit deuota et pura oratio mentis. Amen fiat. («Наградой переписчику да будет благочестивая и чистая умная молитва»).

Последняя фраза о высшей, невыразимой словами молитве ума служила переходом к собственным мыслям монахини. Она выписала их красными чернилами, оттенив тем самым серьезный тон и искренность своего чувства. София обращается к сестрам-монахиням с просьбой хранить память о ней в жизни и в смерти и помянуть в своих молитвах: «Прошу вас, возлюбленные сестры, именем благоуханного жениха дев, чтобы вы хранили память о переписчице этой книги по имени София в жизни и в смерти, ради [Господа] Бога, и в благодарность поминайте меня в своих молитвах»³⁸.

Помета о принадлежности книги монастырю Ашерслебен сделана тем же прекрасным регулярным почерком, что и вся рукопись³⁹. Поскольку владельческие записи обычно делали монастырские библиотеки, можно предположить, что София выполняла в своей обители обязанности библиотекаря.

---

³⁸ РНБ, ms. F. 955, op. 2, 12, f. 204r: *Rogo vos o sorores karissime in florido sponso virginum quod memor sitis scriptricis huius libri sophia nomine in vita siue in morte propter deum et pro mercede in vestris orationibus amen fiat amen fiat.*

³⁹ РНБ, ms. F. 955, op. 2, 12, f. 1r: *Secunda pars maioris passionalis. Liber iste est ecclesie sancte marie virginis prope muros asharie.*

Писцы снабжали тексты рубриками, инципитами и эксплицитами с краткой библиографической и иной информацией о переписываемых произведениях. Устойчивых названий не существовало, даже в заглавия трудов отцов церкви вставлялись пояснительные слова и целые фразы. Переписчик сборника из бенедиктинского монастыря Ниенбург (Nienburg, Monickennienborch)⁴⁰ не назвал своего имени, но сообщил названия переписанных произведений и их авторов – Григория Великого, Бернарда Клервосского, августинского уставного каноника Фому Кемпийского и картезианца Иоганна де Индагине. О последнем он знал не только его имя, но также год и день, когда Индагине закончил свое сочинения *De generalis confessionis modo et forma*: «Почтенный отец Иоганн де Индагине картузианец из монастыря Спасителя в предместье близ Эрфурта закончил этот полезный трактат в день мученика Феодора в 1458 г.»⁴¹.

Другой из авторов в этом сборнике – Фома Кемпийский. Ему приписываются четыре трактата, известных под общим заглавием «О подражании Христу»⁴². Самый ранний список первой книги датирован 1424 г.; все четыре были переписаны вместе уже в 1427 г.⁴³ В рукописных сборниках XV в. (всего сохранилось около семисот списков) эти четыре книги переписывались как вместе, причем последовательность книг могла быть самой разной, так и порознь – одна, две, три, часто безо всякой связи между собой. Установившийся с течением времени общий для четырех книг заголовков «О подражании Христу»

---

⁴⁰ РНБ, ms. Lat.O.v.I.30, f. 264v: Scriptus In monnikenienborch Anno 1469 et in vigilia jacobii apostoli finitus.

⁴¹ РНБ, ms. Lat.O.v.I.30, f. 264v: Venerabilis pater johannes de Indagine Carthusiensis domus salvatoris prope Erfordiam in suburbio compleuit istum tractatum vtilem Anno domini 1458 In die theodori martiris.

⁴² Логутова МюГ. Авторство книги “О подражании Христу” и рукописи Российской национальной библиотеки //Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург, 2001. С. 240-251.

⁴³ Axters S.G. *De imitatione Christi: Een Handschrifteninventaris bij het vijfthonderdste Verjaren van Thomas Hemerken van Kempen* +1471. Kempen, 1971.

является, собственно, начальными словами заглавия первой главы I книги: “*De imitatione Christi et contemptu omnium vanitatum mundi*”. Кодекс РНБ служит примером бытования этой книги в рукописных сборниках XV в. Первая и вторая книги переписаны как два разных произведения и отделены друг от друга небольшим трактатом *Formula honestae vitae*. В инципите первой книги указаны библиографические данные: «Начинается книга брата Фомы Кемпийского уставного каноника монастыря горы св. Агнессы»⁴⁴.

Вторая книга идет как анонимное произведение: «Начинаются увещевания ко внутренней [жизни]» – «Заканчиваются увещевания ко внутренней [жизни]»⁴⁵. Переписчик знал автора первой книги и указал место его монашеского служения. Что касается второй книги, то он привел только ее название: “*Admonitiones ad interna trahentes*”.

Из записей в кодексах, принадлежавших городским церквям и приходским священникам, явствует разнообразие функций, которые выполняли книги в XIV и XV вв.

Священники заказывали переписку книг профессиональным писцам. Каноник гальберштадтского собора и священник приходской церкви св. Мартина в Гальберштадте Генрих де Хакеншеде (ум. 1311 г.) заказал на собственные средства писцу Теодору де Мисна изготовить многотомную Библию для своей церкви. Ее первый и третий тома описаны Густавом Шмидтом⁴⁶, в настоящее время третий том (Job 12.15 – Hieremias) хранится в Петербурге⁴⁷.

---

⁴⁴ РНБ, ms. Lat.O.I.30, f. 121r: Incipit tractatus fratris Thome Kempis canonici regularis de monte sancte Agnete.

⁴⁵ РНБ, ms. Lat.O.I.30, f. 195r: Incipiunt admonitiones ad interna trahentes; f. 215v: Expliciunt admonitiones ad interna trahentes.

⁴⁶ Schmidt G. Op. cit. № 4-5.

⁴⁷ Schmidt G. Op. cit. № 5; РНБ, ms. F.955 op.2, 2, f. 247-247v: Anno domini M CCC IX hanc partem terciam Byblie. Henricus de Hakenstede. Canonicus ecclesie sancte Marie uirginis necnon plebanus ecclesie forensis in Halberstat. propriis sumptibus in parra sancti Martini scribi procurauit. per manus Theoderici de Misna. Et eandem auxiliante domino ihesu xristo. compleuit in die beate agnetis uirginis et martiris. Qui ipsam abstulerit anathema st et moriatur. Amen.

Сакральный предмет – книга – рассматривалась в качестве дополнительного гаранта для юридических документов. Пергаменный миссал из гальберштадтского собора, подобно Библии в церкви св. Мартина, использовался при богослужениях. В то же время кодекс служил нотариально заверенным инвентарем соборной собственности. На обороте верхней крышки переплета в 1493 г. был записан перечень драгоценной церковной утвари и облачений (всего 25 предметов семнадцати наименований), хранившихся в алтаре Всех Святых гальберштадтского собора. Первым в списке идет миссал, в котором записан инвентарь (“*primo presens missale*”):

“Записанные ниже драгоценные предметы принадлежат алтарю Всех Святых гальберштадтского собора: во-первых, настоящий миссал, затем каликс с чашей, покрытый изнутри и снаружи золотом, весом ок. 28 лотов⁴⁸. Затем серебряный патификал в форме креста в 9 лотов, каковое распятие и четыре евангелиста по углам покрыты золотом. Затем риза из белого дамаска со всеми необходимыми к ней принадлежностями ценой в два флорина. Затем зеленая риза из шелка (на народном языке тафта) со всеми принадлежностями. Затем риза темного цвета с принадлежностями. Затем праздничная белая риза со своими принадлежностями. Затем два серо-голубых покрывала для праздников. Затем два белых покрывала. Затем два белых покрывала для сорокового дня. Затем одно разноцветное покрывало. Затем одна накидка. Затем 4 корпоралии с ящичками. Затем маленький колокольчик. Затем две бутылки с пиксидой для гостей. Затем кафедра. Затем покрывало для изваяний для сорокового дня. Составлен в 1493 г.”⁴⁹.

---

⁴⁸ Ioto, lotonis – одна шестнадцатая часть марки. Ср.: *Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis*. V. 4. Parisiis, 1845. P. 151.

⁴⁹ *Schmidt G.* Op. cit. №120; РНБ, ms. F. 955 op.2, 6.: *Infrascripta clenodia pertinent ad altare omnium sanctorum in ecclesia halberstadensis situm: primo presens missale item calyx deauratus intra et extra cum patena habens circa xxviii lotones Item pacificale argenteum in forma crucis de nouem lotonibus cuius crucifixus et iiii ewangeliste in angulis sunt deaurati Item casula de damasco albo cum omnibus suis correquisitis comparata pro xij florenis Item casula de serico viridis coloris vulgariter tafft cum suis correquisitis Item casula fuscicolaris vulgariter arrasz cum suis correquisitis*

Наличие всех перечисленных предметов было нотариально подтверждено в 1494 и в 1497 гг.⁵⁰

Как все люди, священники нуждались в деньгах и иногда закладывали свои книги, но не всегда их выкупали. Так произошло с теологическим сборником, переписанным в 1373 Генрихом Любнером⁵¹. Позднее, как явствует из трех записей на первом листе книги, она несколько раз переходила из рук в руки. Священник Николай Квентин заложил ее некоему лицу (Иоганну Юнге?), которое приняло книгу в залог: “Заметь. Я дал священнику Николаю Квентину из Митевейде 1,6 монеты (“grossorum clipeatorum”) за то, что он оставил мне в залог эту книгу”⁵².

Квентин не выкупил книгу, поскольку еще один ее владелец, возможно, тот, кто написал цитированную выше расписку, приходский священник Иоганн Юнге, заложил ее за два флорина еще одному священнику, Стефану де Зозе: “Я, Иоганн Юнге, приходский священник в Большом Квинштеде, заложил эту книгу за два рейнских флорина

Item casula albicoloris ferialis cum suis correquisitis Item due mappe glaucicoloris pro festiuitatibus Item due palle albe Item ij mappe albe tempore quadragesimali Item j antependium mixticoloris Item j amicta sola Item iiij corporalia cum capsella Item parua campana Item ij ampulle cum pixide pro hostijs Item pulpitem Item antependia siue velamina ad ymages tempore quadragesimali Anno domini m.cccc.xciii conscriptum.

⁵⁰ *Schmidt G.* Op. cit. №120; РНБ, ms. F. 955 op.2, 6: anno xciii sabbato in pascalibus Quinta mensis Aprilis Ego Hinricus Blokman primus petitione vicariorum presentatus per camerarium Hans Ingeleue. Inueni superius scripta preparamenta etc presentibus B meystorp et Johanne wreden. T Smetstorp notarius”; “Anno xc septimo in die sancti Tiburcij suprascripta clenodia Ego Hinricus Luttke Secundus ad petitionem vicariorum presentatus Inveni suprascripta clenodia quod protestatur manu propria.

⁵¹ РНБ, ms. F.955 op.2, 59, f. 163v: Expliciunt x precepta et symbolus fidei per manus Heynrici Lubneri de Trebnitz. Finitus est liber iste in vigilia purificationis Marie sub anno domini m.ccc.lxxij.

⁵² РНБ, ms. F.955 op.2, 59: Nota domino Nicolao Quentin in Miteweidis accomodauj j sexagenam grossorum clipeatorum qui posuit mihi hunc librum pro pignore.

почтенному мужу священнику Стефану де Зозе, что и свидетельствую собственной рукой”⁵³.

Следующая запись душеприказчика де Зозе, каноника гальберштадского собора Тидерика Блока (ум. 1495 г.) сложна для прочтения. Мы предлагаем свой вариант перевода. Вопрос, у кого из двух упомянутых в ней священников, в конце концов, осталась книга, остается открытым: “Я, Тидерик Блок, душеприказчик упомянутого Стефана, эти два флорина из своего кошелька выдал Снидевинду из Квинштеде, у которого упомянутый Стефан их заимствовал. Таким образом, мной, Тидериком Блоком, через плебана из Квинштеде упомянутые два флорина были возвращены в возмещение залога на эту книгу”⁵⁴.

Этот кодекс с “*Sermones de tempore* (f. 1-147v) and *Praecepta et symbolum fidei* (f. 147v-162v) последовательно переходил от одного священника к другому путем невыкупленных залогов. Он представлял несомненную ценность именно для священнослужителей. На полях остались сделанные несколькими почерками XV в. многочисленные пометы, позволяющие находить нужные места указатели и краткие пояснительные надписи к тексту.

Некоторые священники сами переписывали нужные им книги. Рукопись с комментариями на *Disticha* Катона имеет колофон с датой (1460 г.): “*Finitus est presens liber Anno domini m cccc lx*”⁵⁵. В описании Густав Шмидт указывает 502 листа⁵⁶; в своем настоящем виде рукопись насчитывает только 460 листов – 42 листа книги утрачены. Это тем более прискорбно, что на первом листе имелась вкладная запись с кратким *curriculum vitae* гальберштадского

---

⁵³ РНБ, ms. F.955 op.2, 59: Ego Johannes Junghe plebanus in magna quenstede inpignoravi hunc librum pro duobus florenis Renensibus honorabili viro domino stephano de zoze quod protestor manu propria.

⁵⁴ РНБ, ms. F.955 op.2, 59: Sed hujusmodi duos florenos ego Thidericus Block Testamentarius Stephanj prefati de bursa mea dedi Snyderwinde in Quenstede cuj Stephanus illos legavit Ideo michi Thiderico Block per plebanum jn Quenstete dicti illj duo floreni restituti in redemptione pignoris librij hujusmodi.

⁵⁵ РНБ, ms. F. 955 op.2, 73, f. 460r.

⁵⁶ Schmidt G. Op. cit. № 58.

клирика Николая Амелунга. Один из душеприказчиков Амелунга, в память о нем и с согласия других душеприказчиков, передал этот собственноручно переписанный Амелунгом еще в юности кодекс в собор Девы Марии в Гальберштадте. Теперь эта запись существует только в каталоге Густава Шмидта, что еще раз дает повод с благодарностью почтить память ученого мужа, сохранившего голос минувшей эпохи:

“Священник Николай Амелунг был сыном проконсула Михаила Амелунга, горожанина г. Вербен, жившего на Старом рынке. Он с юности собирал книги и эту книгу собственноручно переписал в 1460 г. В 1468 г. [Николай Амелунг] пришел в Гальберштадт и в 1471 г. и занял должность викария алтаря св. Георгия в церкви бл. девы Марии. Затем получил пост декана с пребендой в церкви св. Бонифация и занимал его до конца своей жизни. Умер 3 января 1526 г. и в упомянутой церкви св. Бонифация похоронен. Я же, Иоганн Йембиен, душеприказчик упомянутого декана Николая, с согласия священников указанной церкви, а также других душеприказчиков, забрал эту, собственноручно переписанную им книгу, из числа других его книг, для передачи в память его в Вербен. Там же [в Вербене] он [Николай Амелунг] назначил пресвитера, которому книгу в соответствии с его завещанием передать. Душа его да упокоится в святом мире. Аминь”⁵⁷.

Первым свидетельством духовной жизни в замке Вольфенбюттель – резиденции герцогов Брауншвейг-

---

⁵⁷ *Schmidt G.* Op. cit., № 58: Item dominus Nicolaus Amelungk fuit filius proconsulis Michel Amelungk, civis Werbensis in Marchia antiqua. hujusmodi librum tempore juventutis collegit et anno 60 manu propria conscripsit. anno 1468 venit Halberstadt et anno 71 in ecclesia b. Marie vicarius altaris s. Georgii <...> obtinuit. postea vero decanatum una cum prebenda ecclesie s. Bonifacii habuit et ibidem tempore sue vite residebat. Obiit anno vicesimo sexto tercio Januarii et in predicta ecclesia s. Bonifacii est sepultus. Ego vero Johannes Jembyan (?), testamentarius domini Nicolai decani predicti, de consensu dominorum in ecclesie predicta et etiam contestamentariorum meorum de libris suis hunc librum recepi ad mittendum pro memoria sua, pro eo quod manu propria scripsit, in Werben; ibidem etiam presbiteris librum decreti in testamento assignavit. Anima cujus requiescat in sancta pace amen.

Вольфенбюттельских, является, по словам Вольфганга Мильде, созданная там рукопись⁵⁸. Речь идет о рукописном кодексе с текстами Нового завета и двух теологических произведений⁵⁹. Клирик Хеннинг Вернери⁶⁰ переписал его в четыре приема: *Проповеди Якова Ворагинского* в 1456 г.⁶¹, *Извлечения из Rationale divinatorum officiorum* Вильгельма Дуранда в 1457 г.⁶², *Евангелиарий* в 1461 г.⁶³, три остальные книги *Нового Завета* также в 1461 г.⁶⁴

В гимназии при гальберштадском соборе хранился еще один том, переписанный Вернери в 1457 г. Он состоял из трех небольших произведений: *Summula super jus canonicum* Хенрика Мерзебургского, *Speculum sacerdotum* Германа фон Шилдица и *Summa de foro penitentiali* Беренгара, епископа

---

⁵⁸ Milde W. Geistig-literarisches Leben. In: Die Braunschweigische Landes-Geschichte. Jahrtausendrückblick einer Region. Braunschweig, 2000. S. 374.

⁵⁹ РНБ, ms. F. 995, op.2, N 69, f. 58v: *Finita et completa sunt hec Anno domini M.CCCC LXI in die laurencii per me henningum weneri*"; f. 122: *Expliciunt omnes libri noui testamenti per me Hennigum Wernerii in castro wullfelbuttele collecti sub anno domini M CCCC sexagesimo primo et ipso die Beate Elizabeth vidue sunt finiti Sit ergo benedictus iesus cristus cum pia matre eius*; f. 321: *Anno domini Millesimo quadringentesimo quinquagesimo sexto In die sancti Bartholomei apostoli finitus est iste liber dictus Jacobus de Voragine In castro Wulfelsbutele per me Henningum weneri alias Ludegerus.*; f. 430v: *Explicit collectorium libri rationalis divinatorum officiorum per me Henningum weneri collectum sub anno domini M CCCC LVII feria 2a post dominicam quasimodogeniti ipso die Marti.*

⁶⁰ Logutova M. Henning Werner. In: Braunschweigisches biographisches Lexikon. 8. bis 18. Jahrhundert. Braunschweig, 2006. S. 338.

⁶¹ РНБ, ms. F. 995, op.2, N 69, f. 321: *Anno domini Millesimo quadringentesimo quinquagesimo sexto In die sancti Bartholomei apostoli finitus est iste liber dictus Jacobus de Voragine In castro Wulfelsbutele per me Henningum weneri alias Ludegerus.*

⁶² РНБ, ms. F. 995, op.2, N 69, f. 430v: *Explicit collectorium libri rationalis divinatorum officiorum per me Henningum weneri collectum sub anno domini M CCCC L VII feria 2a post dominicam quasimodogeniti ipso die Marti.*

⁶³ РНБ, ms. F. 995, op.2, N 69, f. 58v: *Finita et completa sunt hec Anno domini M.CCCCLXI in die laurencii per me henningum weneri.*

⁶⁴ РНБ, ms. F. 995, op.2, N 69, f. 122: *Expliciunt omnes libri noui testamenti per me Hennigum Wernerii in castro wullfelbuttele collecti sub anno domini M CCCC sexagesimo primo et ipso die Beate Elizabeth vidue sunt finiti Sit ergo benedictus iesus cristus cum pia matre eius..*

Тускуланского⁶⁵. Местонахождение этого кодекса в настоящее время неизвестно. Его кодикологические характеристики, приведенные Густавом Шмидтом, совпадают с рукописью РНБ⁶⁶. Таким образом, в 1456-1461 гг. Вернери переписал на бумаге одинакового размера 7 книг (по числу колофонов), из которых скомпоновал два тома и отдал их в переплет.

В хранящийся в Российской национальной библиотеке кодекс вошли крупные произведения – *Новый завет* и два объемных теологических сочинения, в другой – три маленьких трактата, занимавших в общей сложности 68 бумажных листов⁶⁷. К этим последним были приплетены два инкунабульных издания: *Legenda sanctorum* Якова Ворагинского (Nürnberg, 1481) с иллюминацией, сделанной в 1484 г., и *Fasciculus temporum* Вернера Ролевинка⁶⁸. В колофонах Вернери нет обычной для писцовых записей топики о спасении души, и только в одном случае возносится хвала Господу и его матери (“Sit ergo benedictus iesus cristus cum pia matre eius”).

В колофонах XV в. довольно часто встречаются обращения к читателю по поводу неточных списков, с которых писцы копировали книги⁶⁹. К этим записям, в которых слышны отголоски гуманистических требований к выверенным текстам, часто добавлялась просьба исправить ошибки. Градации оттенков в этих просьбах весьма велики, от смиренной мольбы в одном любекском молитвеннике

---

⁶⁵ Schmidt G. Op. cit. № 14:

Finitus a.D MCCCCLVII, 5. feria post dominicam Estomichi per me Henningum Weneri in castro

Wulfesbutel (f. 34);

anno ut prius dominica Invocavit (16 martii 1457, f. 39);

a.D. MCCCCLVII, 4. feria post dominicam Reminiscere, et peto quemcunque legentem, si aliqua

invenerit non ad intellectum scripta, ut corrigenda corrigat, quod agitanter collegi ex incorrecto exemplari.

et ubi invenitur punctus in margine, oriebatur mihi dubium (f. 68).

⁶⁶ Размер листов в обеих рукописях: 310 x 220 мм, 2 столбца.

⁶⁷ Местонахождение этого кодекса в настоящее время неизвестно.

⁶⁸ Schmidt G. Op. cit. № 14.

⁶⁹ Schmidt G. Op. cit. S. 184.

(“Если я что пропустил или неправильно написал, благочестиво молю Бога, чтобы ты, читая, исправил и улучшил”)⁷⁰ до исполненной достоинства фразы, в которой один образованный человек – Хенинг Вернери – обращается к равному себе: “Прошу читающего [книгу] в том случае, если найдет [в ней] непонятно написанные места, то пусть исправит то, что надлежит быть исправленным, поскольку я копировал с неточного экземпляра”⁷¹.

Имя Вернери упоминается в двух документах нижнесаксонского архива в Вольфенбюттеле. Он числится в списке духовных лиц замка, получивших денежные подарки на Рождество 1470 г.⁷², из чего следует, что в период между 1456 (первый колофон) и 1470 гг. Вернери был клириком Вольфенбюттельского замка. В другом документе от 20 декабря 1481 г. Хеннинг Вернери записан как владелец дома на Веберштрассе в Гальберштадте⁷³. Запись во втором из переписанных им кодексов подтверждает, что вторую половину жизни Вернери прожил в Гальберштадте. В соответствии с его последней волей книгу следовало отдать тому из родственников Вернери, кто примет священство, в противном случае она должна была быть передана братству гальберштадских клириков⁷⁴. Поскольку кодекс, в конечном счете, оказался в библиотеке Гальберштадского собора⁷⁵, то,

---

⁷⁰ РНБ, ms. F. 955 op.2, 51, f. 212v: Des ik wat vorsat of vnrechte screuen si bid ik deuoet vm got dattu lesen dat corriegyren vnde betteren.

⁷¹ *Schmidt G.* Op. cit. № 14: a.D. MCCCCLVII, 4. feria post dominicam Reminiscere, et peto quemcunque legentem, si aliqua invenerit non ad intellectum scripta, ut corrigenda corrigat, quod agitanter collegi ex incorrecto exemplari. et ubi invenitur punctus in margine, oriebatur mihi dubium.

⁷² Niedersächsischen Archiv, 1.Alt.25 N 44, f. 33r: Opperghelt to wynachte 1470.

⁷³ Geschichtsquellen der Provinz Sachsen und ausgrenzender Gebiete. Urkundenbuch der Stadt Halberstadt. Zweiter Teil. Bearbeitet von Dr. Gustav Schmidt. Halle, 1879. S. 336. N 1092.

⁷⁴ *Schmidt G.* Op. cit. № 14: Iste liber pertinet ad testamentum Henningi Werner, quondam vicarii ecclesie Halb., et debet dari uni ex avunculis suis in Brunswick, qui ad sacerdotium voluerit promoveri, alias fraternitati vicariorum ecclesie Halb. presentetur pro memoria dicti Henningi Werner.

⁷⁵ *Schmidt G.* Op. cit. № 14.

скорее всего, среди наследников Вернери не нашлось желающих стать священниками.

Регенсбургский каноник Иоганн Тростер также переписывал книги. В отличие от Амелунга и Вернери, он принадлежал к первому поколению немецких гуманистов, что сказалось на выборе текстов для переписки. В 1442 г. Тростер имматрикулировался в венском университете и стал членом кружка, составившегося в венской канцелярии вокруг Энея Сильвия Пикколомини⁷⁶, с именем которого связаны первые шаги немецкого гуманизма. В 1454 г. в присутствии императора Фридриха III в Вене на сцене был разыгран гуманистический диалог Тростера *Лекарство от любви*⁷⁷. Тростер собирал книги и для покупки кодексов неоднократно ездил в Италию⁷⁸.

Известны два переписанных Тростером кодекса. Один, с поэмами поэта-гуманиста Мафео Веджио *Dialogus veritatis et Philaletis ad Eustachium fratrem* и *Dialogus de felicitate et miseria*, был переписан в Риме в 1452 г. во дворце его святейшества папы Николая V (в настоящее время в Париже)⁷⁹. Другой, с текстами *Apologetica* Тертуллиана и *De libero arbitrio* Лоренцо Вала, хранится в Российской национальной библиотеке.

Эта рукопись с редкостной полнотой рассказывает о себе. Записи сообщают причину, побудившую Тростера

---

76 Wolf K. Hof – Universitaet – Laien: Literatur- und sprachgeschichtliche Untersuchungen zum deutschen Schrifttum der Wiener Schule des Spätmittelalters. Augsburg, 2006. S. 649; Weinig P. Aeneam suscipite, Pium recipite: Aeneas Silvius Piccolomini; Studien zur Rezeption eines humanistischen Schriftstellers im Deutschland des 15. Jahrhunderts, Wiesbaden, 1998. S. 13.

77 Rupprich H. Die deutsche Literatur vom späten Mittelalter bis zum Barocq. Bd. 1: Das ausgehende Mittelalter, Humanismus und Renaissance. München, 1970. S. 374, 463.

78 Worstbrock F. J. Tröster (Troster, Trester), Johannes // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 9. Berlin – New York, 1995. Sp. 1078 – 1083.

79 Samaran Ch Marichal R. Catalogue des manuscrits en ecritur latine, portant des indications de date, de lieu ou de copiste. T. III Paris, 1974. P. 73. Pl. CLVIII.: Scriptum est in pallacio sanctissimi domini domini etc. Nicololai pape. Vti. in urbe romana per Iohannem Trostum plebanum in piercklenitz anno etc. 1452 die aprilis 15a cum laude Omnipotentis Ihesu.

переписать книгу. Пометы на внутренних крышках переплета указывают владельцев, а также когда и при каких обстоятельствах книга переходила из рук в руки. Кроме того, многочисленные маргиналии на полях позволяют проследить непосредственную читательскую реакцию, услышать прямой диалог читателя с автором.

В рукописи имеются две писцовые записи, одна на обороте последнего листа с *Apologetica*, другая в конце сочинения Валлы. В первой читаем:

“Nota volumina quae habentur In Tertuliani apud M Bernardum canonicum quos ego Johannes Troster florencii emi” (f. 35v).

Ниже столбиком следуют заглавия 18 произведений Тертуллиана:

Apologeticus capitula	xlvi j		
De monogamia	liber j		
De pallio	liber j		
De pacientia dei	liber j		
Aduersus praxeam hereticorum		liber j	
Aduersus valentinianos		liber j	
De Carne xpisti	liber j		
De Carne et resurrectione		liber j	
De Corona militis			liber j
Ad martires			liber j
De penitencia			liber j
De virginibus velandis	liber j		
De habitu muliebrj	liber j		
De cultu feminarum		liber j	
Ad vxorem	libri ij		
De persecutione		liber j	
Ad Scapulam			liber j
De Exhortatione Castitatis			liber j

Везде, где только могли, гуманисты разыскивали рукописи с текстами древних авторов. Итальянские гуманисты всегда интересовались патристикой, еще больший интерес проявляли к патристике северные гуманисты, что связано с характерной для них христианской позицией. В писцовой записи Тростер сообщает, что купил во Флоренции список с 18 произведениями Тертуллиана и приводит их

заглавия. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (ок.160-после 220) принадлежал к отцам-апологетам церкви, но во вторую половину своей жизни впал в ересь монтанистов. Не все его произведения сохранились, некоторые известны только по названиям. Тростер с гордостью сообщает о своей находке – из 18 найденных им сочинений 11 относятся к монтанистскому периоду. Поля вокруг текста "Апологетики" испещрены пометами, сделанными рукой Тростера. Обилие помет показывает, что после того, как книга была переписана, Тростер вернулся к ней как читатель.

Проблема «автор – читатель», или, иначе, «текст – восприятие текста», является актуальной для современного гуманитарного знания. В этом отношении большой интерес представляют книги с читательскими записями. Маргиналии позволяют наблюдать момент непосредственного общения читателя с автором, то, что в более широком плане М.М. Бахтин назвал «событием в жизни текста»: «... воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое исполнение, цитирование) есть новое неповторимое событие в жизни текста, новое звено в цепи речевого общения <... > Событие в жизни текста, т.е. его неповторимая сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»⁸⁰.

Петербургская рукопись показывает как минимум три «события в жизни текста» Тертуллиана. Сначала Тростер переписал текст. Далее он, действуя как корректор, исправил неправильно переписанные им 33 места. 246 текстовых помет на полях и 41 подчеркнутое место говорят о том, что Тростер вернулся к сочинению Тертуллиана уже как вдумчивый читатель. Большинство помет следуют за текстом и помогают находить нужные места – вероятно, Тростер неоднократно перечитывал это произведение. В нескольких пометах он выразил свое отношение к ходу авторской мысли и к способу ее выражения. Так, против абзаца, в котором Тертуллиан рисует всеобщую ненависть язычников к

---

⁸⁰ Бахтин М.М. Проблемы текста // Вопросы литературы 10 (1978). С. 127.

христианскому учению, которого они, однако же, не знают, Тростер замечает: “Тонкое рассуждение”⁸¹.

В другом месте Тертуллиан с возмущением констатирует, что по отношению к христианам судебные органы не следуют установленным процессуальным нормам римского права, и Тростер пишет сбоку: “Красиво доказывает”⁸².

В отличие от христианского креационизма Тертуллиан полагал, что душа передается по наследству от отца к сыну вместе с семенем отца, и именно таким образом первородный грех был унаследован человечеством от Адама. Тростер очень живо реагирует на эту мысль, написав крупными капитальными буквами: “БЕРЕГИСЬ”⁸³.

Если поля вокруг "Апологетики" окружены маргиналиями, то к тексту трактата Валлы "О свободе воли" Тростер не сделал ни одной пометы, только колофон в конце: "Finis Anno 1466 <...> Johann Troster (f. 46) – книга была закончена в 1466 г.

В книге три владельческие записи. Две оставлены на обороте нижней крышки переплета. На первой читаем: "Iste libellus est Johannis Troster Canonicus Ratisponensis 1466." Тростер был каноником кафедрального собора в Регенсбурге, где и скончался в 1485 г.⁸⁴ Сразу под записью Тростера другой рукой написано: "donavit mihi Johanni Mendel" – Тростер подарил переписанный им кодекс другу своей юности Иоганну Менделю. Оба были уроженцами Амберга и в одно время учились в венском университете. Позднее вместе с Георгом Пейербахом Мендель организовал один из первых в Германии гуманистических кружков. Мендель был канцлером двух епископов Эйхштедта, Иоганна фон Эйха и Вильгельма фон Рейхенау⁸⁵. Известно, что Тростер и Мендель сообща владели несколькими

---

⁸¹ РНБ, Lat.F.I.312, f. 2r: Subtilis investigatio.

⁸² РНБ, Lat.F.I.312, f. 3r: Pulchre arguit.

⁸³ РНБ, Lat.F.I.312, f. 33r: CAVE.

⁸⁴ *Worstbrock F.E.* Op. cit. Sp. 1078.

⁸⁵ *Worstbrock F. J. Mendel, Johannes // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. 2. Aufl. Bd. 6. Berlin; New York, 1987. Sp. 386-387; Wenig 1998. (Anm. 43). S. 12-13.*

книгами и одну из них подарили монастырю Тегернзее с чисто гуманистическим пожеланием: “для изучения и исправления книг”⁸⁶. Мендель умер в 1484г., о чем говорится во вкладной записи на обороте верхней крышки переплета петербургской рукописи. Епископ Вильгельм фон Рейхенау, во спасение своей души и души новопреставленного Иоганна Менделя дал указание передать кодекс монастырю эйхштедского диоцеза Ребдорф:

“В год 1484 почил почтенный муж Иоганн Мендель из Амберга, канцлер почтеннейшего отца и господина Вильгельма, епископа эйхштедского. Каковой передал эту книгу монастырю Ребдорф во спасение собственной души и души брата своего Иоганна Менделя регенсбургского каноника и главы Новой коллегии блаженной девы Марии в Эйхштеде”⁸⁷.

Ниже следует владельческая запись, сделанная либрарием Ребдорфа⁸⁸. Так петербургский кодекс Тростера, позволяющий проследить прямые и опосредованные связи раннего немецкого гуманизма с итальянской гуманистической культурой, в конечном счете оказался в Ребдорфе. Следует отметить, что несколькими годами ранее этому же монастырю Тростер во спасение своей души принес в дар купленную им в Риме⁸⁹ книгу Евсевия⁹⁰.

---

⁸⁶ *Niemeyer M.* Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken Bd. 64. (1984). S. 234: Johannes Troster et Johannes Mendel ambo canonici Ratisponenses cognati et ambo Ambergenses hunc librum epistolarum B. Cipriani Carthaginensis et martiris donarunt ambo ad monasterium Tegernsee pro studio et emendatione codicis anno 1472.

⁸⁷ Anno Domini millesimo quadringentesimo octuogesimo quarto obiit circumspetus vir Johann Mendl de Amberga Cancellarius Reverendissimi patris et domini domini wilhelmj Episcopi Eystetensis. Qui legat hunc librum monasterio Rebдорff ab salutem anime sue et fratris sui Iohanni Mendl Canonico Ratisponensis et praepositus Nouicollegij beate marie virginis in Eystet.

⁸⁸ Hic Codex est monasterij sanctissimj monasterij Iohannis baptiste in Rebдорff canonicorum regularium ordinis sancti Augustini Eystetensis dyocesis.

⁸⁹ *Hiersemann A.* [Erforschung des Mittelalters.](#) 1962. S. 350: Ego Joh. Troster emi hunc librum Rome anno etc. LVII.

⁹⁰ *Hiersemann A.* Op. cit. S. 350: Hunc librum Eusebii Pamphili de preparacione ewangelice dono dedit Johannes Troster canonicus

Монастырь августинских уставных каноников Ребдорф в 1458 г. вошел в состав Виндесгеймской конгрегации монастырей, возглавившей позднесредневековое религиозно-просветительное движение *Modern Devotion*. В 1503-1553 гг. приором Ребдорфа был гуманист Килиан Лейб, который, помимо латыни, владел греческим и еврейским языками и вел интенсивную переписку с Вимпфелингом, Рейхлином и Пиркхеймером⁹¹.

Разного рода записи в кодексах Российской национальной библиотеке сделаны в большинстве своем на рукописях литургического и теологического содержания, которые принадлежали монастырям и священнослужителям. Монахиня София, клирик Хеннинг Вернери и каноник Иоганн Тростер были лицами духовного звания и современниками – все трое жили в середине XV в.

У францисканской монахини прослеживается традиционное для монастырской среды понимание сакрального предназначения книги. Будучи библиотекарем, София знала, какие книги нужны монастырю, и с вполне прагматическими целями переписала *Passionale*. Но сделала это также и во спасение своей души – ее традиционно-монашеская просьба молиться за переписчицу трогает искренностью глубокого человеческого чувства.

В записях Хеннинга Вернери явственно прослеживаются перемены, которые произошли в отношениях клерикальной среды с книгой. Его просьба исправить переписанный с неточного списка текст резко контрастирует с одной из приведенных инокиней Софией игровых формул: «если кто хочет посмеяться, должен написанное писцом увидеть» (*Qui vult ridere debet mea scripta videre*)⁹². Конечно, в случае с Вернери еще нет речи о филологической критике текстов, методы которой в это время разрабатывались итальянскими гуманистами. Но, как у гуманистов и у современных

Ratisponensis monasteriis B. Augustini in Rebdorf Eystetensis dyocesis. Orent pro donatore. 1481.

⁹¹ Müller H. Habit und habitus: Mönche und Humanisten im Dialog. Tübingen, 2006. S. 324.

⁹² РНБ ms. F.955 op.2, 12, f. 204r.

гуманитариев, для немецких клириков книга перестала быть только сакральным предметом – она стала, прежде всего, инструментом повседневного интеллектуального труда. Фиксированное в записях Вернери отношение к книге позволяет назвать этого клирика “интеллектуалом” в том смысле, какой вкладывается в этот термин применительно к врачам и юристам Позднего Средневековья. Процесс общения с книгой приоткрыл представитель раннего немецкого гуманизма каноник Иоганн Тростер. По его записям прослеживается весь комплекс связей, отношений, проблем, связанных с кодексами – они рассказывают, как Тростер разыскивал, приобретал, переписывал, исправлял и изучал произведения отцов церкви и своих собратьев по *studia humanitatis*. Пометы на полях *Апологетики* предоставляют редкую возможность наблюдать тщание, с каким гуманист проработал текст переписанной им книги, и, главное, услышать непосредственную читательскую реакцию, прямой диалог читателя с автором. Записи в рукописных кодексах раскрывают реалии повседневного жизненного уклада средневековых книжников, и расширяют наши представления о роли книг в средневековом обществе. В контексте более общих культурных закономерностей пометы выявляют типологически разное восприятие текстов, от традиционно средневекового до гуманистического. Столь отличные друг от друга воззрения мирно уживались в Германии, поскольку имели в своей основе одну общую для всех образованных людей черту: монахов, клириков и гуманистов объединяли личные связи с книгой, которые исторически сложились в XV в.

Литература

Axters S.G. De imitatione Christi: Een Handschrifteninventaris bij het vijfhonderste Verjaren van Thomas Hemerken van Kempen +1471. Kempen, 1971.

Benedict's Rule: Latin text, translation and commentary / Ed. T. Kardong. Colledgevill MN: Liturgical Press, 1996.

Binder H. Die Quellen zur Gründung des Klosters // 850 Jahre Prämonstaratenserabtei Weissenau 1145-1995 / Hg. von Helmut Binder. Sigmaringen, 1995. S. 38-39. Abb. 3, 4.

Burg T. Die Signaturen: Formen und Funktionen vom Mittelalter bis zum 17. Jahrhundert. Kunstgeschichte. Bd. 80. Berlin, 2007.

Derolez A. Pourquoi les copistes signaient-ils leurs manuscrits? // Scribi e colofoni; le sottoscrizioni di copisti dalle origini all'avvento della stampa / Ed. E. Condello and G. de Gregorio. Spoleto, 1995.

Deshusses J., Darragon B. Bénédictins du Bouveret. Colophons de manuscrits occidentaux des origines au XVIe siècle. 6 Bd. Fribourg, 1965-1982.

Geschichtsquellen der Provinz Sachsen und angrenzender Gebiete. Urkundenbuch der Stadt Halberstadt. Zweiter Teil. Bearbeitet von Dr. *Gustav Schmidt*. Halle, 1879. S. 336. N 1092.

Hiersemann A. Erforschung des Mittelalters. 1962.

Lehmann P. Verschollene und wiedergefundene Reste der Klosterbibliothek von Weissenau // Erforschung des Mittelalters. Ausgewählte abhandlungen und Aufsätze von Paul Lehmann. Bd.3. Stuttgart, 1960. S. 118-120

Logutova M. Henning Werneri. In: Braunschweigisches biographisches Lexikon. 8. bis 18. Jahrhundert. Braunschweig, 2006.

Manuscrits datés conservés dans les Pays-Bas / Ed. *G.I. Lieftinck* and *J.P. Gumbert*. 2 Vols. Amsterdam ; Leiden, 1964-1988.

Milde W. Geistig-literarisches Leben. In: Die Braunschweigische Landes-Geschichte. Jahrtausendrückblick einer Region. Braunschweig, 2000.

Müller H. Habit und habitus: Mönche und Humanisten im Dialog. Tübingen, 2006.

Neddermeyer U. Von der Handschrift zum gedruckten Buch. Schriftlichkeit und Leseinteresse im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Quantitative und qualitative Aspekte. Bd.2. Wiesbaden, 1998.

Rupprich H. Die deutsche Literatur vom späten Mittelalter bis zum Barocq. Bd. 1: Das ausgehende Mittelalter, Humanismus und Renaissance. München, 1970.

Samaran Ch Marichal R. Catalogue des manuscrits en ecritur latine, portant des indications de date, de lieu ou de copiste. T. III Paris, 1974.

Schmidt G. Königliches Dom-Gymnasium zu Halberstadt. Oster-Programm 1878-1881. Halberstadt, 1878 – 1881.

Schmidt P.G. Probleme der Schreiber – der Schreiber als Problem //Sitzungsberichte der wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main 31. Stuttgart, 1994.

Thomas a Kempis. Opera omnia / Ed. *M.J. Pohl*. Friburgi Brisigavorum, 1902 – 1922.

Wattenbach W. Schriftwesen im Mittelalter. Leipzig, 1896.

Weinig P. Aeneam suscipite, Pium recipite: Aeneas Silvius Piccolomini; Studien zur Rezeption eines humanistischen Schriftstellers im Deutschland des 15. Jahrhunderts, Wiesbaden, 1998.

Wenzel E. Die Mittelalterliche Bibliothek der Abtei Weissenau. Frankfurt am Mein, 1996.

Wolf K. Hof – Universitaet – Laien: Literatur- und sprachgeschichtliche Untersuchungen zum deutschen Schrifttum der Wiener Schule des Spätmittelalters. Augsburg, 2006.

Worstbrock F. J. Tröster (Troster, Trester), Johannes // Die deutsche Literatur des Mittelalters. *Verfasserlexikon*. Bd. 9. Berlin – New York, 1995. Sp. 1078 – 1083.

Бахтин М.М. Проблемы текста // Вопросы литературы 10 (1978).

Логотова М.Г. Время /Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М., 2007. С. 370-372.

Логотова МюГ. Авторство книги “О подражании Христу” и рукописи Российской национальной библиотеки //Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург, 2001. С. 240-251.

А.П. Черных

Гербовник как исторический текст

Аннотация: Автор статьи анализирует представления о зарождении геральдики и их трансформацию (от античности до раннего нового времени). Подчеркивается символический и визуальный характер культуры Средневековья. Исследованы особенности гербовника как исторического текста.

Ключевые слова: Геральдика, Средние века, исторический текст, историописание, гербовник, герб.

Об авторе: Черных Александр Петрович, кандидат исторических наук, руководитель Центра гербоведческих исследований Института всеобщей истории РАН

Alexander P. Chernyh

Roll of Arms as a Historical Text

Abstract: The author analyzes the views on the birth of heraldry and their transformations (from antiquity to the early modern period). He emphasizes the symbolic character of medieval visual culture. He studies some peculiar features of rolls of arms as historical sources.

Keywords: heraldry, Middle Ages, historical text, historical writing, roll of arms, coat of arms.

About the author: Alexander Chernyh, Ph.D. in history, Head of the Center of Heraldic Studies of the Institute of World History of the RAS. tchernik@igh.ras.ru.

Образ геральдики как явления, существовавшего в обществе несколько столетий, включает в себя многочисленные традиционные представления, которые, мягко говоря, далеки от действительности.

Это касается ложных представлений о времени появления геральдики. Путаница связана с нечеткостью понимания герба и его смешивания с другими визуальными признаками, которыми изобилует история общества. Начиная с XVII в. труды по геральдике были переполнены рассказами о так называемой античной геральдике. В гербовниках Средневековья и Нового времени можно встретить гербы многих персонажей библейской и античной

истории, истории Европы догеральдического периода. Но «воображаемая геральдика» – свидетельство не ранней геральдизации, а определенного этапа осознания феномена, свидетельство попыток, пусть не самых удачных, понять ее людьми Средневековья и Нового времени.

С трудностями объяснения причин и обстоятельств появления геральдики было связано мнение, впервые высказанное в XV в., о том, что геральдика возникла в результате использования закрытого горшковидного шлема (топхельма), скрывавшего лицо, затруднявшего узнавание противников и соратников в бою, что якобы и потребовало вынести на щит всяческие обозначения, цвета и фигуры. Оно опровергалось всеми исследовательскими результатами уже в начале XX в., но весьма живуче благодаря наглядности объяснения и его простоте. Гербы появились в особом, отличном от нашего, мире символической и визуальной культуры Средневековья как средство социальной, а не личностной идентификации, но однозначно сказать о причинах, побудивших конкретного воина избрать то или иное изображение при нынешнем состоянии наших знаний еще затруднительно. Существует целый комплекс мнений, суть которых в том, что рисунки в гербах рассказывают о своем владельце, что это своего рода паспорт, позволяющий узнать о том, кто перед нами предстает. Это отчасти верно для гербов ремесленников, для цеховых гербов, где действительно нередко появление инструментов данного ремесла. Однако и в гербах знати могут появиться изображения самых разнообразных предметов, связь которых с благородным сословием сегодня нам представляется странной; известны рыцарские гербы со снопами, серпами, ножницами, молотами, граблями и прочими предметами сельскохозяйственного обихода. Надо учитывать, что смысловая нагрузка изображения в гербе может исторически изменяться и далеко уходить от представлений своего времени. Другое дело, когда перед нами – гласный герб, воспроизводящий рисунком или цветом родовое имя владельца. Но и это не всегда легко понять, приходится учитывать регион бытования, регион происхождения и прочие обстоятельства. Распространенным

является заблуждение, что любой герб – это шифр, энигма и его можно «расшифровать», прочесть. Надо учитывать время появления или бытования герба: средневековые гербы загадочны по-одному, а гербы Нового времени, которые действительно иногда специально составлялись в виде своего рода ребуса – по-другому. Кроме того, есть очень немногочисленные гербы с сознательными неправильностями, которые геральдисты прошлого, еще в XVII в. выделили в отдельный разряд гербов «для вопрошания»¹. Обычный пример подобных гербов – герб Годфруа Бульонского², рассказ о возникновении которого больше напоминает всеупотребительную, любимую герольдами времен позднего Средневековья легенду, чем действительную историю создания герба.

Герб может существовать и без всякого рисунка, только в виде его словесного эквивалента, так называемого блазона, например, в таких источниках, как в блазонные гербовники XIII – XIV вв., в которых нет ни единого изображения. И доныне существует эта форма записи герба – блазон – несмотря на то, что сегодня никакой рационально объясняемой необходимости в этом нет.

Один из мифов настойчиво утверждает, что геральдика была присуща только привилегированному сословию, знати. В России, куда геральдика пришла в Новое время, это действительно обстояло именно так. Европейское Средневековье не знало сословных ограничений на обладание гербом; практически нет свидетельств правовых ограничений, которые запрещали бы иметь герб. Известны средневековые гербы ремесленников, торговцев, даже крестьян. Положение начало меняться в Новое время, и герб постепенно действительно стал атрибутом привилегированного сословия, но не ранее, чем в кон. XVI–

---

¹ *Du Cange Ch. Des armoiries fausses ou pour enquerre et par occasion de celles de Hierusalem // Revue Nobiliaire. Nouv. Série. T. III. 1867. P. 492–501.*

² Традиционный блазон герба короля Иерусалима Годфруа Бульонского – в серебряном поле крестыльный золотой крест, сопровождаемый четырьмя крестиками того же металла, т. е. с нарушением запрета наложения металла на металл.

XVII вв. И даже тогда большинство ограничений касались либо цвета поля, либо некоторых изображений, либо отдельных атрибутов герба и материалов их исполнения, вроде металла шлема, а не самого факта обладания гербом.

Нередко можно встретить уверенность в том, что герб обязательно даруется верховной властью, регистрируется, и только после этого может считаться полноправным гербом. Это не просто миф – это проблема, которая волновала геральдистов и обладателей гербов на протяжении столетий, потому, что это проблема не геральдическая, а проблема становления и усиления центральной власти, стремившейся поставить под контроль феодальную вольницу и в этом отношении. Со временем принцип государственного учета и регистрации гербов в официальной герольдии восторжествовал и стал наиболее распространенным, но, тем не менее, в ряде случаев обладание гербом по-прежнему не имело никакого отношения к верховной власти – это так называемые «природные» гербы.

Из теоретических трудов геральдистов в бесчисленные псевдоучебники перекочевало представление, что существовала некая дамская геральдика. В действительности представительницы женского пола пользовались обычной геральдикой своего рода, гербом отца или супруга, наряду со всеми. Отличия, достаточно поздние, возникали иногда на уровне предпочитаемой ромбовидной формы щита, но и это не значит, что поместить герб в ромбовидный щит не мог мужчина или город, или целая область. Другое дело – поздние (как правило, не ранее 1500 г.) внешние элементы герба – вервия, узлы. Это же касается геральдики отдельных социальных или этнических групп.

Уверенность в том, что все гербы – разные, что у каждого человека свой герб, по принципу «один человек – один герб» – далека от отражения действительности. Разумеется, гербы отличаются, они для того и созданы, но проблема их совпадения известна с XIV в. – об этом писал

еще Бартоло³; в те же времена в Англии проходил известный судебный процесс, предметом разбирательства которого было полное совпадение гербов разных родов. Есть не только близко похожие, с трудом различимые гербы, но и совершенно одинаковые, как личные, так и корпоративные – например, городские, совпадающие полностью, без каких-либо отличий – например состоящие только из одного цветного гербового поля. И принцип «один человек – один герб» существует только в старых учебниках по геральдике, а в действительности многие семьи обладали несколькими, совершенно разными гербами, когда, например, они были владельцами нескольких сеньорий. В репрезентативном изображении (на «конной» печати, в «конном» гербовнике) сеньор может представлять с одним гербом на знамени (как правило, гербом фьефа) и другим гербом на щите (родовым). И возможна ситуация, когда несколько кровно не связанных между собой семей пользуются одним (не случайно совпадающим, а именно одним) гербом, примеры чего существуют в Польше, в Италии.

Главное же из мифических представлений о геральдике – это представление о ее неизменности, уверенность в том, что она являет собой некий застывший на века абсолют. Геральдика – исторична, то есть изменчива в ходе времени и в процессе развития общества. Разумеется, исследовать ее изменения, метаморфозы ее связей со многими социальными, культурными, политическими процессами трудно. Но если это удастся – со всеми остальными мифами разобраться будет гораздо проще.

Перечисление связанных с геральдикой заблуждений можно было бы и продолжить, но и сказанного достаточно. Я позволил его себе для того, чтобы подчеркнуть главное: чтобы не стать жертвой мифов, не оказаться в плену ложных представлений у историка есть одно главное средство – опираться на источник, в нашем случае – гербовник. Но для того, чтобы источник служил надежной опорой, следует отчетливо представлять себе его природу и возможности.

---

³ *Черных А.П.* Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 313–314.

Попытки общей характеристики гербовников есть в ряде публикаций, в том числе и в нескольких моих статьях⁴. Гербовники – это собрания гербов, зафиксированные в различных формах (свитках, кодексах, предметах материальной культуры и прочих), известны как определенная категория источников (один из многих, хотя, возможно, традиционно наиболее известный), ярких, визуально образных, но не вполне понятно как именно применимых в процессе исторического исследования.

Сам термин «гербовник» в Средневековье не был известен, он появился в трудах геральдистов в XVII в. С XVII в., с того момента, как гербовники начали привлекать внимание как исторические источники и вплоть до XX в. практически отсутствовала их классификация. Попытки создать ее не были особенно успешными до середины XX в., когда Э. Уагнер предложил классифицировать их на основе принципа составления этих памятников. Он выявил пять основных типов: гербовники «по случаю», всеобщие, институциональные, упорядоченные и «вторичные»⁵. В XIII в. существовали гербовники только трех из них: «по случаю», всеобщие и «вторичные»; в XIV в. при сохранении предыдущих добавились два новых типа: институциональные и упорядоченные.

Отдельная проблема геральдического источниковедения – «вторичные» гербовники, поскольку в этот тип включаются гербовники, происходящие из текстов, и гербовники, отраженные в архитектурных памятниках (стенной Гербовник палатцо Даванцатти) и памятниках материальной культуры (ларец Св. Людовика 1236 г. с 37 гербами). Происходящие из текстов иногда именуется

---

⁴ *Pastoureau M.* Traité d'héraldique. Paris, 1993. P. 222–230; Les armoriaux: histoire héraldique, sociale et culturelle des armoriaux médiévaux. Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux». Paris, 1997; *Valverde Ogallar P.B.* Manuscritos y heráldica en el tránsito a la Modernidad: El Libro de Armería de Diego Hernández de Mendoza. Madrid, 2001; *Черных А.П.* Гербовники XIII века // Средние века. Вып. 68 (2). М., 2007; *Черных А.П.* Гербовники XIV века // Средние века. Вып. 70 (1–2). М., 2009.

⁵ *Wagner A.R.* A Catalogue of English Mediaeval Rolls of Arms. London, 1950. P. XIII–XV.

маргинальными, поскольку в некоторых случаях изображения гербов зафиксированы на полях рукописей или иллюстративными, когда текст сопровождается миниатюрами (например, Голландская хроника герольда Бавария, Гербовник рыцарей Круглого Стола или Гербовник Хроники Констанцкого собора Ульриха Рихенталя). Но сюда же относятся и блazoны гербов непосредственно в тексте. Создается устойчивое впечатление, что в своей классификации Э. Уагнер отнес ко «вторичным» все, не подходившие к первым четырем типам.

Но даже и в «устойчивых» типах не все однозначно. Например, всеобщие (или, как они еще именуется, универсальные) гербовники согласно классификации должны отражать некий универсум. Все именно так, если речь идет о большом гербовнике, вроде Вийнбергенского гербовника (1312 гербов), Гербовника герольда Вермандуа (1086 блазонов), Гербовника Ле Бретон с его 940 гербами, Цюрихского гербовника с 450 щитами и 28 знаменами большей частью германской, но также и высшей европейской знати. Таков же Белленвильский гербовник, содержащий 1738 гербовых щитов европейской знати или Гербовник герольда Наварра, насчитывающий 1546 блазонов гербов французской, фламандской и английской знати. На 124 листах Гельдернского гербовника изображены 1762 герба европейской знати; в Гербовнике д'Юрфе Жана Куртуа, одном из самых полных средневековых гербовников, представлены 2855 гербов знати всей Западной Европы. В Гербовнике герольда Бавария 1098 гербовых щитов, в Гербовнике Фенвика – 1035 гербов. Гербовник герольда Сицилия состоит из 1836 гербов с блазонами, по большей части происходящих из французских областей, но включает гербы из Эно (117), Германии (51), Савойи (34), Англии (98), Шотландии (25). В Бергсхаммарском гербовнике 3397 гербов; в Гербовнике герольда Берри 1841 герб; в Гербовнике Конрада Грюненберга содержится около 2189 гербов, большинство со шлемовыми эмблемами. Конный гербовник Ле Нив состоит из 88 конных изображений и 2076 гербовых щитов. Линсенинский гербовник насчитывает 2836 гербов. В них действительно отразился средневековый мир,

если и не в исчерпывающей, то, во всяком случае, в очень внушительной полноте. Добавлю, что в мир «универсума» гербовниками добавляется и вся воображаемая геральдика, как полноправная его часть⁶.

Всеобщий гербовник составлялся по тому же принципу, что и всемирная хроника. Как генеалогические книги включали современников в общую генеалогическую цепь, восходящую к библейской генеалогии и Священной истории, так и всеобщий гербовник, показывая весь мир, использовал тот же принцип включения частного в общее. Модель общего для христианской Европы известна – это Библия, а затем история человечества по Евсевию Кесарийскому, делимая на царства и возрасты мира. Во всеобщем гербовнике отражены и идеальный образ мира, и слепок с истории общества, и в этом сочетании высоких примеров и идеальных образцов с реальными – в результате находится и место для живущих, для исторических персонажей и родов. Поэтому роль воображаемой геральдики достаточно важна, без учета ее особенностей цезуру в последовательности визуализации не преодолеть.

А если это такие, тоже считающиеся всеобщими, гербовники, как Клипеариус Тевтоникорум с его 73 блазонами германской знати, или Файфский гербовник, содержащий 32 герба английских семей одной лишь шотландской области Файф? В Гербовнике Пови 82 гербовых щита представителей только английской знати; в Гербовнике Холлэнда 47 (94 в пространных копиях) рисованных герба английских родов. Гербовник Бэллиола – это 36 изображений гербов шотландской знати; Шестой гербовник Знати – 71 герб английских сеньоров; Гербовник Брюса – 30 шотландских гербов и флагов. И так же обстоит дело и на континенте: Гербовник бальяжа Санлис содержит всего 21 герб вассалов бальяжа Санлис (Пикардия, Сев. Франция), Базельский гербовник состоит из 56 гербов, представляющих северную Швейцарию, Верхний Рейн, Швабию. Нельзя не согласиться с тем, что в данных случаях речь идет об «универсуме» более чем скромном.

---

⁶ *Pastoureau M. Les Armoiries. Turnhout, 1976. P. 40.*

При этом даже относительно большие гербовники подчас отражают гербы строго определенных регионов, упорядоченных по графствам. Это, например, Парламентский гербовник, 1113 гербов которого отражают гербы представителей высшей английской знати и рыцарства, Гербовник графств с 504 цветными изображениями гербов английской знати. Или Гербовник Гловера с 225 блазонами и гербами исключительно английских сеньоров? Не случайны поэтому постоянные попытки выделить их из типа универсальных и считать их региональными. Кстати, одно время часть этих гербовников именовалась «провинциальными», то есть составленными по гербовым провинциям.

При этом есть такие гербовники, как, например, Эрстенский гербовник, относительно небольшие, но в количественном отношении и не такие уж маленькие. На 42 листах он содержит 449 гербов и шлемовых эмблем европейской знати, которые происходят из Рейнской области, Эльзаса, Швабии, Франконии, Швейцарии. Но одновременно в нем представлены гербы и из Франции, Англии, Шотландии, Италии. Или же Гербовник Ганса Бургграфа, среди 600 гербов которого есть гербы не только Германии, но и Португалии, Сицилии, Австрии, Венгрии, Швеции, Хорватии и других стран.

Могут ли гербовники каждый в отдельности или в совокупности рассеять туман мифов, быстро и просто дать ответы на целый ряд вопросов? Однозначно нет, потому что гербовники сами по себе ставят перед исследователем новый их ряд. Об этом свидетельствуют даже приведенные немногочисленные примеры.

Одна из них таких проблем – причины, породившие гербовники. Известны по меньшей мере два пути возникновения гербовников – прагматический, то есть создание списков родовых имен за неимением другой формы их фиксации (в большинстве своем это гербовники «по случаю»), и эстетический, когда совокупность изображений гербов стала считаться красивой и на этой основе начали

складываться их комплексы (в Англии из разных гербов, а на Пиренейском полуострове из серий повторяющихся)⁷.

У всех гербовников есть проблемы датировок. Это связано не только с тем, что гербовники дополнялись на протяжении очень долгого времени, но и с тем, что многие дошли в копиях, или скорее версиях.

Но оставим в стороне целый ряд сложных и неоднозначных источниковедческих проблем, попробуем воспринять информацию этого источника, этого текста. Для этого желательно получить представление об адресате гербовника и цели (или целях) его составления. Мне уже приходилось писать о гербовниках как о своего рода способах фиксации участников определенных предприятий⁸. Размышляя о том, почему фиксация осуществлялась в такой, на первый взгляд, странной – геральдической – форме, нельзя упускать из виду того, что в XIII в. вряд ли была какая-либо другая возможность ее осуществить. Представителей мелкой и средней знати того времени с их повторяющимися христианскими и нехристианскими именами (как, впрочем, и представителей других социальных групп) было просто *нечем* больше идентифицировать, они различались лишь гербами. В XIV в. это стало продолжением традиции XIII в. и так далее. В этом смысле гербовник представляет собой не косвенное, а вполне прямое свидетельство⁹.

Но если говорить о прочтении гербовника как исторического текста, то нельзя не учитывать его структуру. Причем замечу сразу, что включение в список определялось не обладанием гербом. Алфавитного порядка в последовательности расположения гербов, которыми отмечены участники того или иного списка, не наблюдается, но присутствует другой: сначала в гербовнике размещаются

---

⁷ *Menéndez Pidal F.* Leones y castillos. Emblemas heráldicos en España. Madrid, 1999. P. 78, 80, 82, 140–145.

⁸ *Черных А.П.* Гербовники XIII–XIV вв. как памятники походов и путешествий // *Номо viator.* Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А.В. Толстикова и И.Г. Галковой. М., 2010. С. 115–125.

⁹ Там же. С. 122.

гербы лиц и сеньорий более высокого ранга, к этому высокому рангу нередко относятся и гербы воображаемой геральдики. Это общее правило, за исключением случаев, когда гербовник превращен в кодекс позднее, и листы сгруппированы позже. Даже на одном листе размеры изображения герба могут говорить об этой социокультурной иерархии, или на нее может указывать количество гербов, когда более мелкие персонажи изображаются более скромными по размерам гербами и их на листе – больше (характерный пример – Гербовник Армейру-Мор). В Белленвильском гербовнике герб основного сеньора – крупнее прочих, и расположен вверху листа; в Наваррском гербовнике герб короля расположен в центре, в окружении гербов двенадцати представителей наиболее значимых родов, а далее в гербовнике роды представлены равномерно по 4 герба на каждом листе.

Внутренняя иерархия расположения, вероятно, в большей степени связана с представлениями о значимости того или иного лица, или территории, которую он представлял (причем территории в понятии не чисто политико-географическом, а в пространстве средневековых представлений о ценности общности, ее древности, наличии суверенитета и т.п.). Даже в тех случаях, когда гербы участников сгруппированы по каким-либо территориальным единицам (историческим областям, сеньориям), сеньории, тем не менее, располагаются согласно иерархии, и внутри сеньорий их представители – также. Принцип перечисления в гербовниках отражает иерархию подчас более сложную, чем властная: гербы начинаются с наиболее важных и далее расположены по мере убывания социально-духовной значимости¹⁰. Разве это не может быть прочтением гербовника как исторического текста?

Цели создания гербовника этим не исчерпываются. Ответ на вопрос о причинах создания гербовников до настоящего времени не найден. В любом случае он вряд ли будет однозначным. Очевидно, что один из них – фиксация родовых имен, и в этом случае он ориентирован не только на

---

¹⁰ Там же. С. 123.

современников, но и на потомков. В фиксации герба в гербовнике заинтересован каждый представитель рода, делающий таким способом не столько герб, сколько род известным. А значение в Средние века категории известности (исп., франц., итал. *illustre* – славный, известный, по-русски – знатности) не нуждается в дополнительной защите.

Конечно, гербовники очень разнородны и, если, например, систематизированный гербовник представляет собой справочник, состоящий из рядов упорядоченных по изображениям гербов, то институциональный (или корпоративный) гербовник, как, например, Гербовничек корпорации булочников Люцерна, обозначает, подтверждает определенную общность и принадлежность к ней. В вопросе о заказчиках гербовника речь должна идти не столько об установлении конкретного лица, сколько об определении мотивов, побудивших к такому действию. Если делают гербовник на заказ, тратят определенные средства, значит, считают это важным и нужным. Но в то же время он не был предназначен для публичного использования, к нему не было общего доступа, его мало кто видел. Смысл появления и существования гербовника лежит за его пределами и заключается в самом факте составления гербовника.

Сами по себе гербовники не фиксируют ни социальную, ни региональную принадлежность отраженных в них лиц, их родственные и вассальные связи, как правило, не отражены. Проверка гербовника с точки зрения вассальных связей была бы желательна, но сделать это в полной мере пока возможности нет. Нам интересен принцип отбора герба в гербовник, потому что предполагать, что в гербовник попала вся масса существовавших гербов, означает поддерживать безосновательные иллюзии. Этот вопрос вообще нельзя решить в пределах геральдического источника. Главное – в гербовник отбирался не герб, а социальный персонаж, визуализируемый этим гербом, но почему именно – сегодня нам неизвестно. Нередко этот персонаж нигде больше не зафиксирован и ответить на любой вопрос о нем, исходя только из изображения герба, соблазнительно, но, как правило, невозможно. Необходимы

подтверждения и свидетельства печатей, упоминания в документах, наконец, нужна уверенность, что это герб именно его, а не кого-либо другого. Изображение, то есть один только герб, мало в чем может помочь: родственных связей родов Кабрал, Кабрера, Капро и прочих Козловых, обладающих в гласных гербах одним и тем же изображением, проследить не удастся и, скорее всего, они отсутствуют.

Нельзя сказать, чтобы гербовники отражали гербы только знати, иногда они состоят из гербов сообществ, как корпоративные гербовники (Гербовник Гийома де Ревель, Гербовник сторонников герцога Бургундского и др.) или даже непривилегированных персонажей (Гербовник братства Сантьяго в Бургосе с гербами городского патрициата, городского милиционного братства). Известные гербовники не связаны с геральдикой этнических групп, поскольку их геральдика, а таковая существовала, находилась в общем эмблематическом пространстве. Эта включенность, пользование общей геральдикой, подразумевало не сужение, а расширение поля их действия. А внутри группы нужда в ней далеко не очевидна.

На примере Цюрихского гербовника, происходящего из района Боденского озера, видно, насколько непросто работать с таким источником, как гербовник. Надписи – лапидарны, это либо имя страны, либо родовое имя, их трудно назвать текстами. Вероятно, имеет смысл рассматривать сам гербовник как текст, целиком. Как текст самого герба – не литерный, не буквенный, хотя буквы и отдельные фразы в такой своего рода эпиграфике гербов встречаются, так и текст самого гербовника – не литерный, не документарный, не нарративный. Может быть анализировать его как памятник материальной культуры? Нет, этого также недостаточно. Это текст из области визуальной культуры, текст, повествующий об эмблематическом пространстве – важной составляющей части истории Средневековья и Нового времени.

При этом историку нет смысла превращаться в искусствоведа и анализировать гербовники стилистически. Историка интересует другое: как правило, то, что стоит за

пределами гербовника и гербовником только отражается. Но и само изображение герба, когда гербы изображены рядом или склоненными друг к другу, не случайно, оно в принципе информативно, и имеет смысл попытаться увидеть в этом брачный или политический союз, соглашение, близость.

Как правило, изображения не блещут ни разнообразием, ни, само собой разумеется, реалистичностью. Попадая в герб, изображение предмета или животного начинает жить своей самостоятельной жизнью эмблемы, утрачивая всякую связь с реальными львами, лилиями и прочими представителями растительного, животного и предметного мира. В ранних гербовниках гербы просты, многопольные не встречаются. Четверочастный герб, заимствованный, вероятно, с Пиренейского полуострова, для всей остальной Европы – явление позднее, относящееся ко времени не ранее XIV в. На Пиренейском полуострове четверочастный вариант герба произошел из крестовой подписи, *signo godado*, где в полях, образуемых перекладинами креста, изображались повторяющиеся гласные фигуры, в частности, для Леона-Кастильской монархии – льва и замка.

Что касается методов работы, то с конкретными гербовниками надо работать в рамках страноведческой специализации, то есть использовать материал гербовника в работе по конкретной политической, социальной, культурной истории. Современные издания гербовников требуют максимально возможного раскрытия персонажей. Без знания языка гласные гербы выявить не удастся. Короче говоря, работать с гербовником следует как с нормальным источником, учитывая его особенности. Если пытаться анализировать гербовник вне контекста страны или региона – то исследователь довольно быстро очутится в тупике, поскольку ограничиваться рисунком нельзя. Геральдические источники должны если не подтверждаться, то, во всяком случае, сопрягаться с источниками другими, картинки должны проверяться нарративными текстами, документами, памятниками материальной культуры. Необходимо представлять себе социальную структуру региона, попытаться выявить иерархию, отраженную гербовником.

Затем попытаться ответить на вопросы о том, как она соотносится с, допустим, историей знати этого региона – подтверждает ли она ее, противоречит ей, если противоречит, то в чем. А далее ставить перед собой вопросы о причинах несовпадений и прочие.

Особой проблемой, как ни странно, является сопряженность геральдического материала с генеалогическим. Построение генеалогий, сопровождаемых обязательными гербами, подобных генеалогическим древам Карла Великого или императора Генриха во Всемирной хронике Г. Шеделя 1493 г.¹¹, как мне представляется, могло бы дать возможность получения нового знания. Однако сам этот процесс, нельзя этого отрицать, является достаточно трудоемким, поскольку это сопровождение должно быть точным, основанным на источниках, а не на традиции и легендах.

Отдельную тему составляет вопрос о бризурах, знаках ветвления рода, о чем я сейчас говорить не считаю возможным, хотя гербовник в ряде случаев позволяет говорить об этом: например, Гербовник герольда Наварра свидетельствует, что из 450 гербов представителей младших ветвей всего примерно 25 не имели бризур¹². К таковым же вопросам надо отнести и проблемы дарования герба. Степень зависимости вассала от сеньора могла быть отражена геральдически, и гербовник подчас демонстрирует это со всей очевидностью. Однако надо признать, что все эти случаи использования герба более высокого статуса, целиком или частично, несводимы исключительно к вассально-сеньориальным отношениям.

Некоторые поздние гербовники сопровождаются геральдическими трактатами, как бы предуведомляющими о содержании, но эти трактаты касаются лишь геральдической теории. В отдельных случаях гербовники являются приложениями к трактатам. Этот симбиоз связан с развитием

---

¹¹ *Schedel H.* Weltchronik. Kolorierte Gesamtausgabe von 1493. Weltbild, 2005. Bl. CLXXXVI verso; bl. CLXXXVI recto.

¹² *Mathieu R.* Le système héraldique français. Paris, 1946 P. 103.

представлений о почетном статусе гербовника, внедрившихся гербовыми должностными лицами¹³.

Для герба высокого статуса больше возможностей сохраниться в истории, для низкого – меньше. Это создает определенные искажения, но картина эмблематического пространства Европы историческими исследованиями XX века сильно откорректирована и выглядит сегодня гораздо сложнее, чем представлялась историкам на рубеже XIX–XX вв. Пытаясь воссоздать адекватный образ определенной части исторического процесса, можно и должно использовать геральдический материал, отраженный, в том числе, и гербовниками. При этом очевидно, что наука движется от известному к неизвестному, поэтому в изучении гербовников, при всех успехах XX в.¹⁴, вопросов стало больше, чем прежде. Одной из проблем гербовников, процесс разрешения которой, несмотря на все успехи современных электронных возможностей, пока еще очень далек от завершения, является отсутствие общей базы гербовников и содержащихся в них гербов.

Следует признать, что гербовники отражают лишь небольшую часть эмблематического пространства Средневековья и Нового времени. В большинстве случаев в них не попали изобразительные девизы (исключение составляют Гербовник Уорвика-Роуза и отдельные изображения в некоторых других гербовниках), в существовании и активном бытовании которых нет никаких сомнений. В гербовниках, за редкими исключениями, не представлены гербы непривилегированных, многочисленные идентифицирующие знаки. Однако это не снижает их ценности в той области, в которой такой исторический текст как гербовник может дать историку информацию, а именно в области исследования знати. При этом следует отметить, что этот материал очень редко привлекается даже в

---

¹³ *Boudreau C.* Traités de blason et armoriaux: pédagogie et mémoire // Les armoriaux: histoire héraldique, sociale et culturelle des armoriaux médiévaux. Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux». Paris, 1997. P. 389.

¹⁴ *Galbreath D.L.* Manuel du Blason. Lyon, 1942. P. 70, 321; *Neubecker O.* Le grand livre de l'héraldique. Paris-Bruxelles, 1995. P. 34.

исследованиях, непосредственно посвященных истории знати., Поскольку гербовник – целостное образование существовавших в конкретном времени смыслов и кодов, постольку он, несмотря на то, что воспроизводит только часть эмблематического пространства времени, занимает особое место, возможно не столь отличное от других источников (достаточно вспомнить о тех вторичных гербовниках, которые, как совокупность всех гербов в конкретном храме, могут представлять собой целые геральдические программы¹⁵).

Понимание гербовника как текста позволяет преодолеть абсолютизацию «лингвистического» подхода с его известным утверждением, что «вне текста не существует ничего», и нет «никакой внеязыковой реальности», которую историки способны понять и описать. С точки зрения формирования адекватной для определенного времени картины мира может ли вообще гербовник считаться историческим текстом? В действительности, не только гербовник, но любой исторический источник включает и невербальные виды коммуникации. Конечно, предмет исследования скорее задается текстами, чем внетекстовой реальностью, но реальность прошлого, существовавшая как объективный исторический процесс, понятый или не понятый нами, тем не менее, остается. Историческая реальность воплощается в исторических текстах, и в таком тексте как гербовник – также. Эмблематическая реальность существовала, пытаться понять ее и, соответственно, описать вербально, можно. Разумеется, всегда присутствует возможность многочисленных прочтений исследователями документа, но для того, чтобы исследовательские результаты не стали одной из многочисленных непроверяемых другими интерпретаций, существуют классические правила работы с

---

¹⁵ *Mérindol C. de. Le roi René (1409–1480) : décoration de ses chapelles et demeures. Paris, 1981; Mérindol C. de. Le vitrail : une source de l'héraldique médiévale : l'exemple de la seconde maison d'Anjou // Sources de l'héraldique en Europe occidentale. Bruxelles, 1985. P. 104–128; Mérindol C. de. Le roi René et la seconde maison d'Anjou : emblématique, art, histoire. Paris, 1987.*

источником, правила фиксации результатов исследования, аргументации и проч.

На какие-то вопросы гербовник отвечает, пусть и не напрямую, на какие-то принципиально отказывается их давать. Возможно, что гербовник представляет собой даже в большей степени исторический текст, чем, допустим, хроника, которая уже является интерпретацией событий со всеми сопутствующими интерпретации особенностями. Гербовник – непосредственный, условно говоря, «честный» слепок действительности; как источник, созданный людьми своего времени и целиком находящийся в пространстве современной ему культуры. Гербовник – памятник эмблематического пространства; и насколько эмблематическое пространство оказывается составляющей общекультурного и социального пространства времени, настолько же и гербовник является одной из его частей.

Если исторический текст представляет собой фиксацию определенного социального и культурного опыта, то раскрыть смысл текста – это значит понять, какие именно представления сознательно или неосознанно вложил в него автор при его создании. Гербовник как текст – не пассивное образование, а, будучи выражен в определенной системе знаков, функционирующих в данном обществе, имел определенные функции и был способен к обслуживанию потребностей создающего этот текст общества, и, следовательно, предоставляет возможности для понимания этих потребностей и самого этого общества. Таким образом, место гербовника определяется его местом в системе социальной коммуникации данного общества. Наша задача – понять, что это за место и что это за функции.

Гербовник как любой исторический текст зависит от социального контекста, в котором он создается, и как целостный многоплановый феномен, реально существующий в определенном времени и определенном культурном пространстве, он сохраняет многообразные особенности своего времени и общества. Его расшифровка превращается в сложную систему общения историка с создателями этого текста и его обществом. Разумеется, гербовник занимает свое место в иерархии типов текстов, но возможно, что через

гербовник, который актуализирует скрытые аспекты своей кодирующей системы, мы (если, как писал М.М. Бахтин, одна культура может задавать другой и новые вопросы¹⁶) можем попытаться реконструировать закодированную в нем систему ценностей, и непонятное по отдельности может оказаться намного понятнее вместе.

В то же время сам по себе гербовник – не прямой текст, подобный нарративному источнику, а скорее зеркало. Причем странное, как если бы зеркало давало отражение частичное, выборочное по неизвестному принципу – либо только здоровые или только больные части лица, или только теплые его тона, или бы отказывалось отражать биоматерию, а отражало бы только одежду и аксессуары. Каждое из изображений уводит исследователя в визуальную культуру Средневековья, а затем Нового времени, с этой общей приверженностью визуальной культуре связана и визуализация конкретного рода. Эта визуальная культура не пребывает неизменной, но исследование ее, с использованием, в частности, гербовника, дает возможность уловить разницу между временами, что, собственно, составляет цель исторического исследования. В любом случае гербовник – только указание направления, не итог, а путь. Для XIII–XIV вв. это путь в рамках узкорегиональных исследований, а начиная с XV в. – транснациональных и общеевропейских.

Литература

Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux». Paris, 1997;
Valverde Ogallar P.B. Manuscritos y heráldica en el tránsito a la Modernidad: El Libro de Armería de Diego Hernández de Mendoza. Madrid, 2001.

Boudreau C. Traités de blason et armoriaux: pédagogie et mémoire // Les armoriaux: histoire héraldique, sociale et culturelle des armoriaux médiévaux. Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux». Paris, 1997.

Du Cange Ch. Des armoiries fausses ou pour enquerre et par occasion de celles de Hierusalem // Revue Nobiliaire. Nouv. Série. T. III. 1867. P. 492–501.

Galbreath D.L. Manuel du Blason. Lyon, 1942.

---

¹⁶ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 335.

- Mathieu R.* Le système héraldique français. Paris, 1946.
- Menéndez Pidal F.* Leones y castillos. Emblemas heráldicos en España. Madrid, 1999
- Mérindol C. de.* Le roi René (1409–1480) : décoration de ses chapelles et demeures. Paris, 1981
- Mérindol C. de.* Le roi René et la seconde maison d'Anjou : emblématique, art, histoire. Paris, 1987.
- Mérindol C. de.* Le vitrail : une source de l'héraldique médiévale : l'exemple de la seconde maison d'Anjou // Sources de l'héraldique en Europe occidentale. Bruxelles, 1985.
- Neubecker O.* Le grand livre de l'héraldique. Paris-Bruxelles, 1995.
- Pastoureau M.* Les Armoiries. Turnhout, 1976.
- Pastoureau M.* Traité d'héraldique. Paris, 1993.
- Schedel H.* Weltchronik. Kolorierte Gesamtausgabe von 1493. Weltbild, 2005.
- Wagner A.R.* A Catalogue of English Mediaeval Rolls of Arms. London, 1950.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Черных А.П.* Гербовники XIII века // Средние века. Вып. 68 (2). М., 2007.
- Черных А.П.* Гербовники XIII–XIV вв. как памятники походов и путешествий // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А.В. Толстикова и И.Г. Галковой. М., 2010. С. 115–125.
- Черных А.П.* Гербовники XIV века // Средние века. Вып. 70 (1–2). М., 2009.
- Черных А.П.* Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 313–314.

М.П. Айзенштат

Переписка как источник изучения Новой истории Британии

Аннотация: Статья основана на изучении выборок эпистолярных источников англичан на протяжении столетия (1750-1850 гг.). Цель исследования – систематизация этого типа источников, выработка методов и приемов его анализа, выделение общего и уникального в характеристике переписки англичан середины XVIII до середины XIX века.

Ключевые слова: история Британии Нового времени, переписка, письма, почтовая служба.

Об авторе: Марина Павловна Айзенштат, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. 105318 г. Москва, ул. Ибрагимова, 5-1-124. m.aizen@mail.ru.

Marina P. Aizenshtat

Correspondence as a Source of Study of Modern British History

Abstract: This article is based on a study of samples of epistolary sources the British for over a century (c. 1750 – c. 1850). The purpose of the study is a systematization of this type of sources, the development of methods and techniques of its analysis, the allocation of general and unique characteristic in English correspondence from the middle of the eighteenth century to the middle of the nineteenth century.

Keywords: Modern history of Britain, correspondence, letters, postal service.

About the author: Marina Pavlovna Ayzenshtat, PH, Leader Researcher, Centre history of historical knowledge Institute of World History of RAS. 105318, Moscow, Ibragimova str., 5-1-124. m.aizen@mail.ru.

Источниковая база ученого, изучающего различные аспекты истории Нового времени, гораздо шире и разнообразней, чем база медиевиста. Так, когда речь идет о свидетельствах прошлого Британии, то наряду с основными разноплановыми блоками источников, находящихся в распоряжении отечественного исследователя: архивными

документами, парламентскими материалами, газетами, журналами и памфлетами, мемуарами, дневниковыми записями; немаловажное место занимает эпистолярное наследие англичан, живших в XVIII и XIX вв. Именно письма можно охарактеризовать как личностный источник, относящийся к конкретному дню, а порой, в зависимости от важности ситуации, и определенному часу. Источник, который отражал политическую, экономическую и социальную обстановку; научные, культурные и интеллектуальные тенденции сквозь призму личного восприятия и взаимоотношений корреспондентов; позиции, мнения, настроения авторов.

Безусловно, переписка велась до XVIII и после XIX столетия, осуществляется она и сегодня. Однако Новое время с полным правом может рассматриваться как период ее расцвета в европейской культуре и повседневной жизни. Этому способствовали многофакторные процессы, происходившие в обществе, которые в то же время усиливали возникавшую потребность в постоянном, либо регулярном общении корреспондентов. Обширную переписку в указанные столетия вели монархи, министры, члены парламента, политики и предприниматели, торговцы, офицеры армии и флота, друзья и родные: мужья и жены, родители и дети, братья и сестры. Возвышение роли письма как средства коммуникации было связано с ускорением самой динамики жизни, усложнением механизма управления государством, изменениями в социальной и политической жизни. Начало модернизации экономики сопровождалось глубокими социальными сдвигами, ростом городов и городского населения, его миграцией, когда члены одной семьи нередко оказывались в различных регионах, а то и странах. Зарождение общественной жизни, появление различного рода объединений, совместная общественная деятельность – все это в совокупности обуславливало необходимость частого обсуждения событий, выражения личного мнения и т.д. Активизировалась политическая жизнь. С конца XVII в. парламент собирался регулярно в Лондоне, возростала борьба за власть тори и вигов, что сопровождалось обострением политической полемики, в

ходе которой вырабатывались платформы противоборствующих сторон. И это также способствовало установлению более тесных формальных и неформальных связей между политиками, в том числе и путем регулярной переписки. Наконец, нельзя не упомянуть распространение грамотности, особенно в XVIII и XIX вв. Значительную роль сыграло появление почтовой службы. Она возникла в Лондоне в 1680 г., а уже в 1682 г. над ней был установлен государственный контроль. Ускорению доставки писем способствовало развернувшееся в XVIII в. строительство шоссейных, а затем и железных дорог. Совокупность перечисленных факторов, как и некоторые другие (например, рост Британской империи, когда члены семьи и друзья находились в разных частях света), стали основной причиной такого широкого распространения переписки¹.

О том, насколько укоренилось в жизни европейца (и британца в том числе) письмо, как средство коммуникации в эти столетия, мы находим подтверждение в философско-политической мысли и художественной литературе. Зачастую важные политические, и научные трактаты облекались в форму письма, а одним из популярных литературных направлений стал роман в письмах и т.д.²

В статье внимание будет сконцентрировано на эпистолярном наследии британцев 1750-1850 гг. Этот период, более близкий нам по времени, отмечен бурными и

---

¹ Подробнее об истории страны этого периода см.: Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007; она же. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009; История Великобритании. Под ред. Кеннета О. Моргана. Пер. с англ. М., 2008, и др.

² Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978; Монтескье Ш. Персидские письма. М., Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993 и др. В данном контексте необходимо обратить внимание и на то, что бывали случаи прямо противоположного характера. Так, обращение И.Бентама к революционному Конвенту с призывом освободить колонии нередко рассматривается в качестве одного из программных манифестов утилитаризма по проблеме колониальных владений. / Подробнее см. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная политика Великобритании в XIX веке. М., 1999.

глубокими изменениями в социальной и политической жизни страны. Вместе с тем, необходимо отметить и лучшую сохранность личных, семейных и государственных архивов этого периода.

В распоряжении отечественного исследователя имеются отдельные письма и их небольшие коллекции в российских архивохранилищах³. Однако основную массу переписки составляют опубликованные послания. Публикацию писем обычно осуществляли доверенные лица семьи умершего автора, его друзья или дети. Обширные отрывки из писем нередко помещались в биографиях политических деятелей эпохи. А в XX в. появились солидные издания, снабженные добротным аппаратом. За редким исключением речь идет о публикации отобранных писем, когда значительно возрастает роль издателя, прежде всего, наследников автора, их личные пристрастия и цели. Это обстоятельство необходимо всегда учитывать при работе с письмами, в том числе и обнаруженными в Интернете. Но главное – это то, что такую выборку проводили уже сами авторы корреспонденции, сохраняя копии отосланных и оригиналы полученных писем⁴.

С большой долей условности эпистолярное наследие британцев 1750 – 1850-х гг. может быть разделено на следующие группы:

- переписка монархов
- аристократов
- политиков – т.е. министров, членов парламента
- общественных деятелей
- философов,
- публицистов и писателей,
- семейная, личная.

Условность такого деления связана с тем, что аристократы являлись, как правило, членами верхней или нижней палат парламента, в разное время могли занимать те или иные посты в правительстве, становились публицистами,

---

³ См., например,: РГАСПИ, ф. 458; а также Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

⁴ Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Т.2. Спб., 1861. С. 211.

либо общественными деятелями. В то же время общественные деятели порой выпускали публицистические работы, а философы и писатели – активно участвовали в общественной жизни и т.д. Принцип деления по социальному составу авторов представляется более удачным, чем попытка сгруппировать письма по роду их деятельности. (Например: государственная, политическая, дипломатическая, научная, личная. И в данном случае наблюдается еще большая условность и смешение. Государственная переписка могла носить политический или дипломатический характер. А личная корреспонденция зачастую была связана с государственными, либо дипломатическими делами и т.д.) Такой подход, как и возможные другие, имеет право на существование. Тем не менее, предложенная выше градация позволяет четче обозначить и выделить характерные особенности сведений, получаемых в результате чтения писем конкретных исторических персонажей. Иллюстрацией сказанного, призван стать более детальный анализ того, что может извлечь исследователь при внимательном чтении писем отдельных представителей выделенных групп.

Указанный выше период охватывает правление Георга II, Георга III, Георга IV, Вильгельма IV и Виктории. Ценность многотомных изданий их переписки определяется не только и не столько тем, что они содержат письма монархов. В них обычно помещены обращения к правителям министров, политиков, членов семьи, а также зачастую можно встретить переписку между собой третьих лиц. Таким образом, они представляют любопытное собрание свидетельств прошлого, относящихся к вопросам политического и государственного, нередко и семейного, личного характера.

Помимо отдельных важных подробностей и деталей государственно-политического свойства, эти издания позволяют, что не менее важно, лучше понять характер монарха, стиль его или ее правления и общения с министрами, повседневную жизнь двора и кабинета.

Так, переписка первых лет правления Георга III является важным свидетельством его желания стать

«хорошим» правителем, покончить с соперничеством политических партий в парламенте и т.д. Ее отличает стремление вникнуть во все детали политической «кухни», особенно парламентские прения, результаты голосования и поведение оппозиции.

Тогда как переписка его сына – Георга IV – явно демонстрирует отсутствие такого внимания. Заметим в скобках, что в данном случае важен отбор писем издателями, о чем говорилось выше. Именно отсутствие подобного рода сообщений о ситуации в парламенте в переписке и является важным показателем равнодушия Георга IV.

Для последующей истории Британии чрезвычайно значимым событием⁵ стала женитьба и семейные отношения Георга IV. Реконструировать все события, происходившие в середине 1790-х гг., следствием чего стало рождение единственной наследницы и фактический развод с супругой, мы можем по его переписке тех лет. Наиболее значительными представляются обращения к принцу членов семьи и государственных мужей с увещаниями. Они позволяют увидеть те обозначившиеся изменения в представлениях о статусе монарха, которые незримо происходили на протяжении столетия. В письмах прозвучали слова о долге принца, его ответственности перед общественным мнением страны и перед лицом европейских правящих домов в такой сложный период, когда Британия с союзниками вела войну с революционной Францией⁶.

Только тщательный анализ переписки позволяет уловить изменения во мнении Георга III по вопросу о свободе слова. В первые годы правления он решительно высказывался против публикаций в прессе, которые не нравились ему своей направленностью. Более того, он рассматривал наказание издателей как справедливую и

---

⁵ Единственная дочь Георга IV Шарлота умерла сразу после родов, спустя несколько дней скончался ее сын. Тем самым прервалась эта ветвь династии. Отсутствие детей у младших братьев в 1837 г. привело на трон 18-летнюю Викторину, дочь пятого сына Георга III.

⁶ Подробнее об этих событиях см.: Айзенштат М.П. Некоронованная королева Британии: «дело» о разводе Георга IV // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2007

законную меру воздействия на них. Но когда принц потребовал наказать издателей за нелестные публикации о его поведении, именно в частном обращении к сыну умудренный опытом король писал: «... есть такой великий ревнитель соблюдения закона, который называется свободной прессой; это та струна, к которой надо прикасаться с величайшей деликатностью»⁷. Это высказывание монарха является важным свидетельством не только перемен в его взглядах на общественную жизнь, но и признания тех важных изменений, которые произошли в обществе.

Немалый интерес представляет также сравнительный анализ обращений монархов к министрам, или министров к ним. Не всегда они являлись традиционной формулой, открывавшей послание. В них зачастую проскальзывали личностные отношения и их изменения, то есть те сведения, которые не всегда можно получить иным путем. Иллюстрацией сказанному могут служить резко изменившееся отношение Георга IV к герцогу Веллингтону. Такая перемена произошла, буквально, за один день в связи с той политикой, которую герцог в качестве главы кабинета был вынужден проводить под давлением со стороны общественных движений. Король обычно обращался к нему в письмах «Мой дорогой друг», однако внесение законопроекта о наделении диссентеров гражданскими и политическими правами вызвало негодование короля. И он перестал не только называть, но и считать Веллингтона другом⁸. Эти нюансы позволяют глубже понять, насколько велико было нежелание Георга IV проводить реформы, насколько велико было его разочарование в своем министре.

Среди писем, относящихся к категории «аристократы», прежде всего, необходимо выделить «Письма к сыну» лорда Честерфилда, которые датируются серединой XVIII в., а также переписку Джорджа Сельвина, политика и дипломата. Тщательное изучение личной переписки аристократов позволяет выявить реальные ценности и жизненные приоритеты того социального слоя,

---

⁷ The correspondence of George Prince of Wales. K., 1964, v. IV, P.209.

⁸ The Letters of King George IV. V.,3, P. 399.

который удерживал в своих руках центральную и местную власть на протяжении всего рассматриваемого периода. Публикации передают настроения людей, волновавшие их проблемы. Переписка людей этого круга является любопытным показателем отсутствия детального обсуждения политических новостей. Им обычно в посланиях уделялось всего несколько строк – это было общение людей, прекрасно знавших, о чем идет речь, и не нуждавшихся в подробностях того или иного события. Гораздо большее их внимание привлекали новости иного рода – дарование титулов, заключение брака, рождение наследников, смерть, наконец, последние сплетни⁹.

Особый интерес представляет переписка одного из наиболее просвещенных и образованных людей своего времени лорда Честерфилда с сыном. Опубликованы послания отца к сыну, в которых внимательный читатель найдет наставления горячо любящего отца, обращенные сначала к подростку, затем молодому человеку. Честерфилд мечтал о блестящей карьере сына и готовил его к успеху, как на служебном поприще, так и в светских салонах. Умудренный жизненным опытом, он писал о том, как должен молодой человек его круга следить за собой, одеваться, вести себя в обществе с мужчинами и женщинами, начальством и т.д. При этом, значительное внимание он уделял образованию сына¹⁰. Именно эти письма с предельной откровенностью раскрывают читателю внутренний мир вига, характер его взаимоотношений с окружающими, обычаи и традиции жизни аристократа XVIII в.

Переписка политиков представлена гораздо шире, в данном случае речь идет и о большем количестве авторов, и о широком спектре их политических пристрастий. Исследователь истории Британии XVIII – XIX вв. имеет возможность ознакомиться с корреспонденцией вигов, тори

---

⁹ Ярким свидетельством сказанному является корреспонденция Джорджа Сельвина: *Memoirs of George Selwin and his contemporaries*. Boston, 1902. Vol. 1.

¹⁰ Честерфилд Ф.Д. Письма к сыну. Максимы. Характеры. Л., 1971. С. 94-96, 178-179, 204-205 и т.д.

и радикалов. Источник этого рода предоставляет возможность исследовать повседневную жизнь человека, поглощенного политической борьбой с оппонентами либо государственными делами. Вместе с тем, тщательное изучение корреспонденции позволяет обнаружить детали политической «кухни», имеющие важное значение для понимания подоплеки тех или иных событий¹¹. Так, например, в самом конце 1779 г. на собрании жителей графства Йоркшир был создан комитет. Затем подобные комитеты появились в других графствах. Выдвинув поначалу экономические требования к правительству, вскоре комитеты выработали программу политических преобразований. Именно письма Эдмунда Берка проливают свет на ту роль, которую сыграли оппозиционные виги в организации таких собраний в надежде вынудить правительство уйти в отставку из-за экономических затруднений в стране. Для оппозиционеров переход комитетов к политическим требованиям оказался неожиданным. Тем не менее, для исследователя свидетельство Берка является чрезвычайно информативным. Оно указывает на использование парламентариями внепарламентских методов борьбы, к которым они прибегли для усиления, подкрепления собственной позиции в стенах парламента.

Не менее информативна переписка Э. Берка того времени, когда виги добивались проведения суда над генерал-губернатором Индии У.Гастингсом. Мотивация Берка, одного из наиболее активных сторонников судебного процесса, неоднозначно трактуется в исторической литературе. Нередко исследователи отмечали его пристрастную позицию в этом деле, которое было центральной в тот момент интригой оппозиции, намеревавшейся отправить в отставку правительство. Отмечалась и роль врагов Гастингса, сумевших привлечь

---

¹¹ См., например, различные аспекты деятельности кабинета министров: Grenville Papers: being the correspondence of Richard Grenville earl Temple, KG, and the Right Hon. George Granville, their friends and contemporaries. Ed. By W.J. Smith, Esq. L., 1852. v. 1. P. 94-95, 101, 106-110, etc.

Берка на свою сторону. Несомненно, все это имело место. Была также и личная заинтересованность в связи с опосредованным вовлечением в конфликт дальнего родственника Берка. Тем не менее, корреспонденция Берка того времени проливает свет на мотивы, которыми он руководствовался. А они выходили далеко за рамки тривиальной политической «игры». Берк был человеком глубоко преданным британской политической системе и свято верил в силу закона. На ситуацию в Индии он обратил внимание еще в начале 1770-х годов. С Индией он связывал надежду на усиление влияния англичан на Востоке. Оно, по его мнению, должно было компенсировать потерю империи на Западе (имеется в виду отпадение американских колоний. – М.А.). Тем самым – восстановить пошатнувшиеся величие и мощь Британии. Когда Берк вошел в Выборный комитет, расследовавший состояние дел в Индии, то из опросов свидетелей узнал о массе злоупотреблений. В нарушении законов он увидел угрозу потери владений в Индии. И тогда сформулировал свою цель: всемерное усиление позиций англичан в регионе и укрепление законности¹². Таким образом, переписка Э. Берка не только позволяет выявить механизм инициирования судебного слушания дела Гастингса; но и уточнить причины его участия в закулисной борьбе вигов.

Завершая этот раздел, нельзя не упомянуть переписку Роберта Пиля, одного из наиболее заметных политиков первой половины XIX в. Консерватор по убеждениям, он являлся членом кабинетов, либо главой правительства, которые проводили либеральные реформы. Его корреспонденция, как никакой иной источник, раскрывают его характер, преданность государственным делам. Не может не представлять интереса корреспонденция Пиля, относящаяся к 1820-м годам. Переписка Пиля, являвшегося в то время министром внутренних дел, показывает, насколько его внимание было поглощено событиями в Ирландии. И в то же время она объясняет и причину того, что консервативный кабинет герцога

---

¹² Burke E. The correspondence of E. Burke. Cambridge, 1963. v.4. p. 33, 93, 308,310, 320 etc.

Веллингтона пошел на решительную меру либерального толка: изменил протестантский характер британской конституции и предоставил католикам политические и гражданские права¹³.

При обращении к авторам писем категории «общественный деятель» уместным представляется анализ корреспонденции Ричарда Кобдена. Успешный фабрикант, он передал все дела брату и полностью отдал себя деятельности возглавлявшейся им Лиги борьбы против хлебных законов. При этом проявил немало блестящих деловых качеств в развертывании пропаганды идей свободной торговли. Лига добилась успеха в 1846 г., когда хлебные законы были упразднены. Но руководство брата делами привело некогда процветавшее предприятие на грань разорения. Таким образом, в данном случае исследователь имеет возможность ознакомиться с перепиской человека, который посвятил себя служению общественным делам. И письма стали наиболее полным, подробным источником для изучения деятельности Лиги. В данном случае необходимо обратить внимание на его письма к жене. Именно они формируют образ жены-соратницы, с которой автор делился своими мыслями и надеждами, подробнейшим образом описывал все, чем он занимался вдали от семьи. Кроме Кобдена, уместно упомянуть и опубликованные документы, в том числе и переписку Корреспондентского общества¹⁴. Она позволяет, помимо всего прочего, выявить выработку стратегии и тактики общества, механизм его деятельности, существенно расширить круг людей, разделявших убеждения его членов, и т.д. Эта категория переписки предоставляет возможность ближе познакомиться с повседневной жизнью социально активных британцев, кругом их общения.

Широко известен один из основоположников либеральной идеологии Британии XIX в. философ-позитивист Дж.-Ст. Милль и его сочинения. Для современного исследователя Дж.-Ст. Милль интересен не только научными трактатами, но и радикальными взглядами.

---

¹³ Sir Robert Peel from his private papers. L., 1899, v.2.

¹⁴ Selections from the Papers of the London Corresponding Society. 1792-1799. Cambridge, 1983.

В отличие от произведений философского характера, переписка Милля предоставляет широкую возможность выявить его отношение к событиям общественной и политической жизни, а также и участие в ней¹⁵. Отдельные высказывания Милля позволяют уточнить позицию радикалов по многим важнейшим вопросам.

В рассматриваемый период в Британии жили и трудились известные и сегодня писатели и поэты. Их корреспонденция отражает, главным образом, позицию среднего слоя, его отношение к наиболее важным событиям, происходившим в стране. Наконец, она является ярким источником для изучения общественной жизни Британии. Иллюстрацией сказанному с полным правом может служить осуществленная публикация писем Чарльза Диккенса, Шелли, Гарриет Мартино¹⁶ и др.

Личная жизнь и творчество Ч.Диккенса довольно хорошо исследована литературоведами, однако его общественная позиция и деятельность остается мало знакомой отечественному читателю. Между тем, он был активным сторонником запрещения публичной смертной казни, отстаивая необходимость гуманизации общественной жизни, что как раз хорошо видно из его переписки. Весьма важным представляется его высказывание о проектах сокращения рабочего дня. С требованием сократить рабочий день выступали филантропы и сами работники. В письмах Диккенса можно встретить весьма весомый аргумент против принятия этой меры. Он писал о нищете рабочего люда и сомневался в том, что сокращение рабочего времени что-то изменит в их жизни. Да и надо ли лишать работника возможности заработать лишний пенс для своей семьи, вопрошал Диккенс¹⁷.

---

¹⁵ Так, автору удалось выявить взгляды Милля на историю, используя его переписку. См.: Айзенштат М.П. Исторические взгляды британских утилитаристов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. №1. М., 1999.

¹⁶ Шелли П.Б. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972; Martineau H. Harriet Martineau's letters to Fanny Wedgwood. Stanford, 1983 etc.

¹⁷ Подробнее см.: Диккенс Ч. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1957. Т. 29. Письма.

В завершении статьи, хотелось бы обратить внимание читателя на основные положения, высказанные выше. Эпистолярное наследие британцев является полноценным и разноплановым источником личного характера по истории политической, социальной и культурной жизни Британии. В переписке исследователь найдет отражение повседневной жизни авторов и круга, близких им людей; обнаружит отдельные важные подробности тех или иных событий и факты, какие не всегда можно обнаружить в других источниках. Наконец, корреспонденция позволит выявить представление современников о сути событий, а также их взаимоотношений, что особенно важно для исследования политики высших эшелонов власти, истории либералов, консерваторов и радикалов, общественных движений. К сожалению, в полной мере и в полном объеме переписка зачастую не привлекается отечественными исследователями. Одна из причин этого видится в тех сложностях, которые возникают при чтении многотомных изданий: оно требует значительных затрат времени, достаточно глубоких знаний об авторах, их адресатах, взаимоотношениях, канве происходивших событий¹⁸. Только тогда, когда историк овладеет этими сведениями, он сможет извлечь максимальную информацию из переписки.

Литература

Arbuthnot Ch. The correspondence of Charles Arbuthnot. L., 1941.
Burke E. The correspondence of E. Burke. Cambridge, 1963.

---

¹⁸ Иллюстрацией может служить опубликованная переписка Ч. Арбатнота. В ней читатель обнаружит немало писем консерваторов, обращенных к его жене. В них содержатся подробности деятельности этой партии. Не зная обстоятельств жизни семьи, невозможно понять стремление консерваторов информировать миссис Арбатнот. Причина заключалась в ее тесной дружбе с герцогом Веллингтоном и его длительном проживании в доме Арбатнотов. Знание об этом обстоятельстве позволяет существенно расширить представление о характере взаимоотношений и деятельности консерваторов. См.: *Arbuthnot Ch.* The correspondence of Charles Arbuthnot. L., 1941.

Grenville Papers: being the correspondence of Richard Grenville earl Temple, KG, and the Right Hon. George Granville, their friends and contemporaries. Ed. By W.J. Smith, Esq. L., 1852.

Martineau H. Harriet Martineau's letters to Fanny Wedgwood. Stanford, 1983

Memoirs of George Selwin and his contemporaries. Boston, 1902.

Selections from the Papers of the London Corresponding Society. 1792-1799. Cambridge, 1983.

Sir Robert Peel from his private papers. L., 1899, v.2.

The correspondence of George Prince of Wales. K., 1964, v. IV,

The Letters of King George IV. V. 3

Айзенштам М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007

Айзенштам М.П. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009: История Великобритании. Под ред. Кеннета О. Моргана. Пер. с англ. М., 2008, и др.

Айзенштам М.П. Исторические взгляды британских утилитаристов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. №1. М., 1999.

Айзенштам М.П. Некоронованная королева Британии: «дело» о разводе Георга IV // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2007

Айзенштам М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная политика Великобритании в XIX веке. М., 1999.

Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993

Боллингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978;

Диккенс Ч. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1957. Т. 29. Письма.

Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Т.2. Спб., 1861.

Монтескье Ш. Персидские письма. М., 1965

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. РГАСПИ, ф. 458;

Честерфилд Ф.Д. Письма к сыну. Максимы. Характеры. Л., 1971.

Шелли П.Б. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972;